РОССІЯ.

Общій очеркъ.

Наша страна съ обширными владѣніями въ сѣверной и центральной Азіи охватываетъ громадное пространство, равное одной шестой части всей земной суши, и когда рѣчь заходитъ о размѣрахъ и силахъ Россіи, для сравненія неизбѣжно прибѣгаютъ къ другимъ колоссальнымъ державамъ міра, среди которыхъ лишь двѣ могутъ стать рядомъ съ нею, Великобританія и Китай. Территорія, которая даетъ вещественную опору жизни, и населеніе, представляющее живую силу страны, прилагаемую къ ея богатствамъ, опредѣляютъ въ своемъ взаимоотношеніи положеніе страны, мѣру ея матеріальныхъ силъ и культурную роль въ великой борьбѣ народовъ и государствъ за существованіе и господство. Съ этой точки зрѣнія громадность нашей страны пока не есть еще преимущество, а общая численность, составъ и культурное состояніе населенія отводятъ Россіи сравнительно скромное мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ. Но обширность территоріи, далеко не заполненной, далеко не использованной, и низкій уровень культуры открываютъ широко двери будущаго: культура, какъ матеріальная, такъ и духовная должна подняться, и тогда пространная, слабо заселенная территорія пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Населеніе Имперіи приближается къ 154 милліонамъ. Эта, сама по себѣ большая цифра много теряетъ въ своемъ значеніи при сопоставленіи ея съ пространствомъ (22.850.000 кв. к. съ морями), такъ какъ средняя плотность выражается для всей Россіи цифрой около 8 ч. на кв. к. Даже въ Британской имперіи съ ея обширными пустырями въ Канадѣ и Австраліи, при громадномъ перевѣсѣ малокультурнаго населенія, средняя плотность почти вдвое больше. Если для сравненія со странами Западной Европы обратиться лишь къ Европейской Россіи, то и здѣсь цифра въ 24 ч. на кв. к. крайне низка, такъ какъ въ Европѣ меньшая плотность наблюдается лишь на крайнемъ сѣверѣ, въ Скандинавіи. Цифры плотности, приближающіяся къ населенности средней Европы, встрѣчаются у насъ лишь на крайнемъ западѣ, въ Царствѣ Польскомъ (до 100 ч. на кв. к,); въ Петроковской губ. она поднимается до 158 ч., въ Варшавской—до 152 ч., но вѣдь область эта въ культурно-историческомъ отношеніи скорѣе Западная Европа, чѣмъ Россія.

Слабая населенность нашей страны проистекаетъ отъ медленнаго прироста населенія. Этотъ приростъ равняется всего 15,1 ч. на 1000 въ годъ (рождаемость 49,2, смертность 34,1). Особенно велика смертность, которая въ западно-европейскихъ странахъ не подни-

мается выше 20 ч. на 1000, опускаясь въ Даніи даже до 13,8. Высокая смертность, также, впрочемъ, какъ и высокая рождаемость, указываютъ на сравнительное низкій уровень культурнаго состоянія населенія. Цифры эти обозначаютъ ничто иное, какъ то, что количество и качество пищи и другихъ средствъ жизни, добываемыхъ въ странѣ, недостаточны, способы ея полученія неудовлетворительны, а распредѣленіе недостаточно справедливо. Такъ какъ въ прежнія времена положеніе въ этомъ отношеніи было не лучше, то слѣдуетъ заключить, что географическо-историческія условія, при которыхъ развивались судьбы нашего отечества всегда были неблагопріятны для его процвѣтанія. Не трудно замѣтить, что въ отношеніи территоріи намъ очень не повезло. Вся сѣверная половина страны слишкомъ холодна. Короткій растительный періодъ при низкихъ температурахъ требовалъ отъ населенія большого количества напряженнаго труда въ теплую часть года и вызывалъ вынужденное бездѣлье въ теченіе зимы. При такихъ условіяхъ населеніе не могло быстро и легко накоплять здѣсь средства, которыя обращались бы въ полезный національный капиталъ, матеріальный и духовный. Южная, теплая и плодородная полоса страны много столѣтій находилась внѣ оборота, такъ какъ южно-русскія степи долгое время представляли сквозную область, расположенную между Азіей и Западной Европой, и нѣсколько вѣковъ провѣтривалась отъ осѣдлаго населенія движеніемъ кочевыхъ ордъ, дѣлавшихъ черноземную степь небезопасной для земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ критическіе періоды жизни страны, когда подъ руками природы творился характеръ народа и слагался его общественно-государственный строй, мы были затиснуты къ сѣверу, далеко въ сторону отъ международнаго оборота и его могущественныхъ средствъ развитія, проводя драгоцѣнное время въ хуже, чѣмъ чисто китайскомъ уединеніи, которое протекало для подлинныхъ китайцевъ на берегу океана и подъ теплымъ небомъ.

По составу своего населенія Россія безусловно славянская страна. Славяне, очень замѣтная, крупная группа европейскихъ арійцевъ, обладаютъ не менѣе, чѣмъ германцы, рѣзко выраженными племенными особенностями, какъ физическими, такъ и духовными, которыя сильно измѣняются въ условіяхъ усложняющейся культуры, но не могутъ быть стерты и не стерты ею до сего дня безъ слѣда даже у тѣхъ членовъ этой племенной группы, какими являются напр. чехи и поляки, которые дольше и сильнѣе подвергались вліянію Западной Европы. Эти особенности, среди которыхъ важное мѣсто принадлежитъ языку, были прочно унаслѣдованы славянами отъ предковъ, которые должны были пріобрѣсти ихъ въ теченіи долгаго и болѣе или менѣе уединеннаго проживанія въ первоначальной родинѣ [1]). Гдѣ эта родина, мы не знаемъ. Исторія застаетъ славянъ въ тылу германцевъ, въ серединѣ Европы и, въ общемъ, далеко отъ моря, которое такъ и осталось чуждо массѣ славянъ. Въ VI и VII вѣкахъ славяне начинаютъ занимать свои главныя позиціи, на которыхъ остались въ общемъ до сего дня. Они разселяются длинной, дугообразно искривленной полосой, простирающейся отъ Эгейскаго моря по Балканскому полуострову на сѣверъ, по Венгерской низменности, Богемскому массиву и дугѣ Карпатъ, выдвигаясь на сѣверо-нѣмецкую низменность къ Балтійскому морю и на русскую равнину къ востоку. Такимъ образомъ, южное крыло внѣдряется въ византійско-греческій міръ, средина подвергается нѣмецкому вліянію, а восточное крыло, расползаясь многочисленными племенами вдоль рѣкъ по обширной русской равнинѣ, оказывается зажатымъ среди массы финскаго населенія на сѣверѣ и востокѣ и тюркскаго на югѣ и юго-востокѣ. Съ этимъ начинается обособленіе южныхъ, западныхъ и восточныхъ славянъ. Длинная полоса сплошного славянскаго населенія разрывается на цѣпь

---

[1]) Объ единствѣ происхожденія славянъ историки предпочитаютъ умалчивать, какъ о фактѣ, не поддающемся пока утвержденію. Опредѣленно можно лишь говорить о единствѣ и близкомъ родствѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій.

независимыхъ государствъ (Болгарское, Сербское, Хорватское, Моравское, Чешское, Польское, Московское), которыя падаютъ въ непосильной борьбѣ съ мощными конкуррентами, и независимое славянство уцѣлѣваетъ лишь въ лицѣ Польши и Московіи, двухъ братьевъ и двухъ враговъ.

Вначалѣ восточные славяне разселились на всемъ протяженіи отъ страны великихъ озеръ до западнаго Черноморья.

Здѣсь при помощи культурныхъ средствъ, заимствованныхъ изъ Византіи и изъ Скандинавіи—Византія въ лицѣ церкви положила начало духовной культурѣ, а Скандинавія въ лицѣ пришлыхъ варяговъ князей организовала власть и государство—восточные славяне начали слагаться въ націю, но процессъ этотъ не могъ завершиться здѣсь, такъ какъ борьба съ кочевыми тюрками степи оказалась Кіевской землѣ не по силамъ при условіи родового быта, не уничтоженнаго внутри славянства быстрымъ развитіемъ новыхъ хозяйственныхъ и государственныхъ формъ. Какъ извѣстно значительная масса славянъ выселилась съ бассейна Днѣпра на Оку и среднюю Волгу, гдѣ съ этого времени начинается медленное смѣшеніе съ финнами, процессъ, незавершившійся и до сего дня. По своему физическому типу и по культурѣ финны стояли ниже славянъ. Поселенія ихъ занимали обширныя пространства въ сѣверной лѣсной Россіи и за Ураломъ. Южная граница финскихъ племенъ тянулась, судя по финскимъ названіямъ рѣкъ и озеръ, отъ южнаго побережья Финскаго залива черезъ нынѣшнюю губернію Тверскую къ Окѣ и отсюда на востокъ къ Волгѣ и за Волгу, и до появленія славянъ сосѣдями финновъ была здѣсь, по мнѣнію ученыхъ, Литва, передвинувшаяся потомъ нѣсколько къ западу. Первыми пришли въ соприкосновеніе съ финнами ильменскіе славяне, а затѣмъ процессъ смѣшенія, поглощенія или „обрусѣнія“ финновъ распространился по всему фронту русскаго населенія, продвинувшагося въ глубь лѣса изъ полосы лѣсостепной. Одновременно съ этимъ на югѣ славяне поглощали и сливались съ тюрками, съ кочевниками степи, съ которыми они вступали въ разнообразныя сношенія. Какъ извѣстно, послѣдній грандіозный напоръ тюрковъ, называемый историками „нашествіемъ монголъ“, окончательно раскололъ Русь и чрезвычайно ускорилъ распаденіе восточнаго славянскаго міра на три главныя народности: великорусскую, малорусскую и бѣлорусскую, историческія судьбы которыхъ протекаютъ съ этого времени въ обособленныхъ условіяхъ, и только въ послѣднія столѣтія эти „славянскіе ручьи“ снова соединились, но еще не слились въ „русскомъ морѣ“. При разореніи Кіевской Руси татарами массы приднѣпровскаго населенія бѣжали на западъ, въ Червонную Русь, откуда постепенно возвращались уже малороссами. Русское населеніе верхняго Днѣпра вошло въ составъ Литовскаго государства, а русскіе колонисты въ междурѣчьи Оки и Волги составили ядро будущаго Московскаго царства.

Географическая обстановка этой мѣстности, расположенной въ серединѣ великой русской равнины, отсутствіе естественныхъ границъ и постепенность переходовъ во всѣ стороны, далѣе государственный строй съ его воинственными планами, навязанными миролюбивой земледѣльческой массѣ сосѣдями, наложили неизгладимую печать на характеръ великорусскаго народа и опредѣлили его послѣдующую судьбу. Великороссъ крестьянинъ, идеаломъ котораго является пахарь Микула Селяниновичъ и богатырь Илья Муромецъ, „крестьянскій сынъ“, надѣвающій доспѣхи и выѣзжающій въ поле лишь для обороны, а не для нападенія, провелъ чуть не всю свою послѣдующую жизнь въ томъ, что воевалъ на всѣ стороны. „Годъ воевали, а годъ отдыхали“ по выраженію историка. Весь строй великорусскаго Московскаго государства слагался подъ гнетущей потребностью въ усиленіи ратныхъ силъ, ростъ которыхъ ложился непосильнымъ бременемъ на плечи народа. Уединенное положеніе бокъ о бокъ съ малокультурными и бѣдными сосѣдями, удаленность отъ очаговъ, гдѣ человѣческая мысль развивалась теоретически въ соотвѣтствіи съ выроставшими сложными задачами, надолго осудили великороссовъ на самобытную умственную ра-

боту, которая не могла блистать ни глубиной, ни широтой, оставаясь до эпохи болѣе тѣснаго сближенія съ Западомъ, убогой, совершенно лишенной теоретическихъ началъ. Науки Москва не знала. Долгая умственная спячка отразилась на умственныхъ способностяхъ великоросса; насколько онъ умственно вертлявъ и оборотистъ въ сферѣ практическихъ вопросовъ, „сметливъ", настолько же онъ неповоротливъ и робокъ въ области систематической мысли, и „крѣпокъ заднимъ умомъ". Зато съ другой стороны сохранившаяся свѣжесть головы, мышленіе которой не привыкло двигаться по долго торимымъ путямъ, и общая незасоренность психики дѣлаютъ мысль великоросса оригинальной и очень смѣлой. У него нѣтъ страха и оглядки долго и осторожно мыслившаго ума передъ собственными крайними выводами.

Климатическія особенности страны и соціально-историческая обстановка наложили отпечатокъ на характеръ великоросса. Слишкомъ напряженный трудъ въ теплое время года и вынужденное бездѣлье зимой не воспитали великоросса въ атмосферѣ непрерывнаго планомѣрнаго трудолюбія. Въ характерѣ его развивалась импульсивность—быстрое воодушевленіе предметомъ дѣятельности и столь же внезапное охлажденіе интереса къ нему. Къ этой чертѣ присоединилась рѣзко выраженная пассивность отношенія и уклончивость дѣйствія. Великороссъ не былъ, подобно западно-европейцу, запертъ, какъ въ мышеловкѣ, на опредѣленной территоріи, откуда некуда бѣжать, и гдѣ, хочешь не хочешь, надо выдерживать всѣ удары исторической судьбы. Упорство, привычка или необходимость дѣйствовать согласно не воспитались въ немъ. Совсѣмъ наоборотъ. Тяжелыя условія существованія, слагавшіяся подъ московскимъ скипетромъ для массы великорусскаго народа, при наличности равнинной, ничѣмъ не ограниченной территоріи, пріучили великоросса уходить, и народъ расползался, текъ во всѣ стороны, просачиваясь и смѣшиваясь въ рѣдкія и разрозненныя инородческія массы, окружавшія его почти со всѣхъ сторонъ. Привычка физическаго уклоненія соединилась съ психической неустойчивостью. Пассивный человѣкъ, не пріученный къ открытому, прямому сопротивленію, не развившій правовыхъ началъ, оставшихся первобытно неопредѣленными, ускользалъ отъ нежелательнаго ему состоянія, если не бѣгствомъ, то уловкой, обманомъ. развитію какового качества только способствовали крайне несовершенныя свойства всего общественнаго механизма. Неудивительно, что всѣ иностранцы бытописатели Московскаго и Русскаго государства, начиная съ Герберштейна и кончая Юстомъ, единодушно отзывались о русскихъ, какъ о величайшихъ обманщикахъ и уклонщикахъ. Всѣ отрицательныя черты характера были затѣмъ замѣтно усилены долговременнымъ крѣпостнымъ рабствомъ народныхъ массъ.

Убѣганіе и связанное съ нимъ большею частью мирное сожительство съ инородцами развили и другую черту характера великоросса—широкую терпимость и добродушную уживчивость, такъ гармонирующія съ пассивностью его натуры. То обстоятельство, что великороссы не испытали длительной народной борьбы съ крупными націями, равными или превосходившими ихъ по культурѣ, въ напряженности которой національное самосознаніе и пристрастіе къ своей народности получаютъ преувеличенные размѣры, дополняетъ и расширяетъ описанныя выше свойства.

Численность великороссовъ, если и поддается учету (около 50—60 милліоновъ, иными словами около трети всего населенія имперіи), то не надо всетаки забывать о большой примѣси инородческой крови въ жилахъ великорусской народности; преобладаетъ примѣсь финновъ, затѣмъ тюрковъ. Примѣсь эта отражается замѣтно на типѣ великороссовъ, вслѣдствіе чего о единствѣ типа трудно говорить. Единство это проявляется гораздо больше въ чертахъ характера, въ складѣ ума, въ бытѣ и въ языкѣ.

Другая вѣтвь русскаго народа, малороссы, численность которыхъ въ предѣлахъ имперіи опредѣляютъ въ 20—25 милліона, отличаются отъ великороссовъ всѣмъ складомъ народной души, не говоря про бытовыя особенности и языкъ. Украинская народность слагалась въ прошломъ въ другой обстановкѣ и въ другихъ условіяхъ. Пейзажъ, климатъ и почва Украины

иныя, чѣмъ въ средней полосѣ сѣверной Россіи, главное же, украинцы, благодаря сосѣдству Польши, были менѣе изолированы отъ полезныхъ культурныхъ вліяній и числятъ за собою болѣе бурное прошлое, ввергавшее всю массу украинскаго народа въ тяжелую соціальную борьбу, которая, вылившись въ борьбу за духовное достояніе народа, сильно подняло его національное самосознаніе.

Что касается бѣлорусской народности, численностью до 6 милліоновъ, то природныя условія и исторія обрекли ее на сумеречное, отсталое существованіе, въ условіяхъ котораго особенности ея сохранились въ формахъ, близкихъ къ первобытному состоянію славянскихъ племенъ, участвовавшихъ въ ея созданіи.

Эти три группы, составляющія вмѣстѣ русскую народность, представляютъ около 65% населенія имперіи и смыкаются вдоль неопредѣленныхъ границъ въ плотную массу, занимающую не географическую, а политическую середину страны, т. е. за немногими исключеніями бассейны большихъ рѣкъ, берущихъ начало среди русской равнины. Здѣсь только въ массѣ великорусскаго населенія встрѣчаются въ Поволожьѣ острова еще не обрусѣвшихъ финновъ и тюрковъ, тогда какъ малорусская и бѣлорусская народности подобныхъ посторонніхъ тѣлъ не включаютъ, а если имѣютъ примѣси, то это сравнительно не особенно большое количество польскаго и еврейскаго населенія, болѣе или менѣе равномѣрно пропитывающаго окраинныя части территоріи и являющееся скорѣе наслоеніями, чѣмъ вставками или инкрустаціей. Отъ этого русскаго моря протягиваются въ стороны потоки, широкіе, узкіе рукава и струйки, заложенные колонизаціей. Наиболѣе длинная полоса протягивается по южней каймѣ Сибири до береговъ Тихаго океана. Эту населенную полосу составляютъ преимущественно великороссы, выселившіеся вначалѣ изъ сѣверной половины Московскаго государства. Въ послѣднее столѣтіе (XIX), особенно въ концѣ, къ нимъ присоединились большія массы новыхъ колонистовъ, высланныхъ преимущественно центральной Великороссіей. Другой широкій и сплошной потокъ русскихъ колонистовъ залилъ во вторую половину XIX вѣка южную степь. Въ составѣ здѣшняго населенія до самаго берега Чернаго моря участвуютъ едва ли не въ равной мѣрѣ какъ великорусская народность, спускавшаяся на югъ преимущественно изъ центра, и украинская, одновременно продвигавшаяся какъ на югъ, такъ и на востокъ вдоль черноморскаго берега до Кавказскаго хребта. Такимъ образомъ, послѣ сформированія національностей, разселеніе русской народности происходило, можно сказать, исключительно на востокъ и на югъ. Оно совершенно не замѣчается въ западномъ направленіи, гдѣ болѣе плотная населенность непрерывно возростаетъ, такъ же какъ ростетъ уровень культуры — препятствія, которыя не помѣшали росту государства въ этомъ направленіи, но удержали отъ распространенія болѣе слабую въ культурномъ отношеніи русскую націю. Здѣсь широкую полосу отъ Карпатъ и до Полярнаго моря, прерываемую далеко вдающимися къ востоку заливами Финскимъ и Рижскимъ, занимаютъ народности, успѣвшіе усвоить и развить болѣе высокую культуру: поляки съ культурно-подчиненными имъ литовцами, нѣмцы съ другой частью окультуренной ими Литвы (латыши) и шведы, съ полнымъ успѣхомъ пріобщившіе къ западной культурѣ массу туземнаго населенія Финляндіи. Народности эти вошли въ составъ имперіи недобровольно. Несмотря на упрочившуюся экономическую связь съ Россіей, населеніе этихъ областей не вступило еще въ болѣе тѣсное культурное взаимодѣйствіе съ массой русскаго народа, что составляетъ очень трудную текущую задачу близкаго будущаго. Въ этой западной полосѣ имперіи, стало быть, не только не наблюдается перемѣщенія русскаго элемента къ западу, но, наоборотъ, происходитъ мѣстами слабая колонизація въ обратномъ направленіи. Распространеніе поляковъ и ихъ вліяніе среди смежнаго русскаго населенія было правда остановлено внутренней политикой, связанной съ польскими возстаніями XIX в., но литовцы, именно латыши, выселяются изъ Прибалтійскаго края въ сосѣднія русскія губерніи довольно энергично, въ то время какъ западныя части русской Польши испытываютъ нашествіе нѣмцевъ, продолжающихъ еще свое историческое „движеніе

на востокъ". На всемъ остальномъ пространствѣ происходило и происходитъ непрерывное распространеніе русскихъ во всѣ стороны. Впрочемъ на югѣ русскій элементъ приблизился лишь къ Кавказскому хребту.

Въ Закавказьѣ, природа котораго и культурное состояніе тамошняго населенія не благопріятствуютъ осѣданію русскихъ хлѣбопашцевъ, русскія деревенскія колоніи встрѣчаются лишь въ видѣ насильственно выселенныхъ туда молоканъ и духоборовъ (послѣдніе, впрочемъ, выселились главною массой въ Канаду), и русскіе, если встрѣчаются въ сколько-нибудь значительномъ числѣ, то преимущественно въ промышленныхъ городахъ.

При разселеніи на сѣверъ и востокъ русскіе приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ различными инородцами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ культурное различіе обѣихъ сторонъ было не особенно значительно, слiяніе въ видѣ обрусѣнія происходило и происходитъ довольно легко, оставляя свое вліяніе какъ на физическомъ типѣ смѣшаннаго населенія, такъ и на его бытѣ и языкѣ. Въ какой мѣрѣ и какъ эти вошедшіе въ составъ русскаго племени инородцы финской и тюркской крови повліяли на него, остается почти еще совершенно невыясненнымъ, такъ какъ процессъ слiянія начался давно и происходилъ при постоянно мѣнявшихся условіяхъ. Несомнѣнно лишь одно, что вліяніе инородческой примѣси далеко не такъ незначительно, какъ полагали прежде. Но несомнѣнно также и то, что въ давно обрусѣлыхъ частяхъ страны вліяніе это притупляется все болѣе вслѣдствіе того, что инородцы уже растворились, а притокъ русскаго элемента непрерывно продолжается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда культурныя различія оказывались значительными, наблюдается иное. Инородцы, ведшіе бродячій образъ жизни, какъ напр., вогулы, остяки, тунгусы, оказались не въ состояніи приспособиться къ измѣненіямъ, внесеннымъ появленіемъ русскихъ и, повидимому, подобно индѣйцамъ С. Америки, въ массѣ осуждены на вымираніе. Тѣ же инородцы, которыхъ русскіе застали живущими въ условіяхъ другой, чуждой культуры, какъ, напр., киргизы (мусульмане), буряты (буддисты), мусульманское населеніе Туркестана, становятся по отношенію къ покорителямъ, русскимъ, до извѣстной степени, въ такое же положеніе, въ какомъ сами русскіе долгое время пребывали на западной окраинѣ своей территоріи, въ области бывшаго Польскаго королевства (бѣлоруссы и малороссы). Теперь при наплывѣ русскихъ переселенцевъ въ Сибирь, при усиленіи земельной тѣсноты, кочевые инородцы начинаютъ переходить къ земледѣлію, т. е. пытаются вступить въ борьбу съ соперниками въ новыхъ для нихъ экономическихъ условіяхъ. Въ настоящее время, когда всѣ явленія развитія нашей страны подвигаются впередъ необыкновенно быстро, прежніе медленные процессы слiянія и поглощенія не могутъ имѣть мѣста по отношенію къ сколько-нибудь крупныхъ народностей. Каждая изъ нихъ просыпается для національнаго самоопредѣленія, встаетъ на защиту собственнаго существованія, и рѣшить, въ какую мозаичную картину сложатся пестрые этнографическіе элементы русской имперіи даже въ ближайшемъ будущемъ, представляется совершенно невозможнымъ.

Н. Березинъ.

Великороссы.

I.

Происхожденіе великороссовъ и историческое прошлое Великороссіи.—Природа страны.—Населенность великорусскихъ губерній. — Преобладаніе сельскихъ поселеній. — Значеніе земледѣлія и земледѣльческаго класса.

Археологическія раскопки указываютъ, что періодъ каменнаго вѣка видѣлъ уже человѣка въ междурѣчьи Волги и Оки. Какъ развивалась жизнь обитателей первобытныхъ лѣсовъ и озеръ, прослѣдитъ пока трудно. Исторія знаетъ пока лишь одно свидѣтельство, относящееся до жизни нашего края въ V в. до Р. Хр. Геродотъ упоминаетъ о дикихъ народахъ теперешней Великороссіи, которыхъ онъ называетъ андрофагами и меланхленами. Какихъ-либо чертъ характера этихъ племенъ Геродотъ не указываетъ, кромѣ ихъ необузданной дикости. Русскіе памятники застаютъ здѣсь племена финскія. По словамъ лѣтописца: „на Бѣлѣ озерѣ сидятъ Весь, на Ростовскомъ озерѣ—Меря, а на Клещинѣ (Переяславское, Плещеево озеро) Меря-же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси языкъ свой, Мордва языкъ свой". Вотъ аборигены, предшественники нашихъ предковъ. Сосѣдними съ финскими племенами были: на сѣверо-западѣ—ильменскіе словяне, на западѣ—кривичи; на юго-западѣ—вятичи и сѣверяне. Первая струя колонизаціи края славянами шла съ сѣверо-запада изъ Новгородской земли — очевидно еще въ X и XI-мъ вв., возникаютъ города Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Владиміръ. Отъ Мурома въ Кіевъ не было прямоѣзжей дороги. Былина объ Ильѣ Муромцѣ достаточно изобразительно разсказываетъ объ этомъ. Объ этомъ упоминаетъ и Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи», когда ставитъ себѣ въ заслугу, что проѣхалъ въ Суздальскую землю «прямо сквозь Вятичей».

Бури усобицы и нестроенія въ южнорусскихъ земляхъ двинули славянское населеніе въ XII в на сѣверо-востокъ. Колонизація съ Днѣпровья „за рѣку Угру" началась медленно главнымъ образомъ въ средѣ земледѣльцевъ. Пробираясь по рѣчкамъ, земледѣльцы перемѣщались въ поискахъ тихихъ уединенныхъ мѣстъ. Кромѣ ранѣе возникшихъ городовъ, въ XII вѣкѣ вырастаютъ новые: въ 1147 году Москва, въ 1152 году—Юрьевъ Польскій и Переславль Залѣсскій (послѣдній лишь переносится на новое мѣсто), въ 1154 г. Дмитровъ, въ 1158 г. Боголюбовъ около Владиміра на Клязьмѣ; въ концѣ же XII-го в. возникаютъ: Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ и другіе. Уже по названіямъ городовъ видно, что въ образованіи ихъ живое участіе принимало южное населеніе. Покинувъ старыя мѣста, колонисты принесли съ собой имена поселеній и мѣстностей съ родныхъ насиженыхъ мѣстъ. Съ другой стороны здѣсь остались названія, явно указывающія на участіе въ культурной работѣ племенъ финскихъ. Послѣдніе были мирнымъ населеніемъ глухого края. Такими рисуетъ напр. финновъ

Византійскій писатель Іорнандъ. Славяне были, очевидно, культурнѣе финновъ; имъ пришлось уже на югѣ пройти первую стадію образованія государственной общины. Поэтому славяне безъ особаго труда и острой борьбы поглотили финскія племена, усвоивъ въ свою очередь ихъ бытовыя и племенныя черты. Только болѣе крупныя изъ финскихъ племенъ дольше сохранили національныя особенности, какъ напр., мордва. До сихъ поръ въ Арзамасскомъ у. Нижегородской губ. остатки мордвы, точно финскій островокъ, обитаютъ среди великорусскаго моря. Такъ же сохранились черемисы въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи и Макарьевскомъ у. Нижегородской. Финское вліяніе сказывается напр. въ болѣе низкомъ ростѣ великоросса, въ коренастости. Физіономія его также не совсѣмъ воспроизводитъ общеславянскія черты; скуластость, носъ съ широкимъ основаніемъ (луковицей), смуглый цвѣтъ лица часто необходимо отнести къ вліянію финскаго элемента.

Населеніе Суздальской Руси неизбѣжно оставалось преимущественно сельскимъ. Земледѣлецъ крестьянинъ—вотъ тотъ неустанный работникъ, чьимъ тяжелымъ трудомъ создана культура Великороссіи. Сухія мѣста и пригорки представляли тогда рѣдкіе островки среди моря лѣсовъ, болотъ, озеръ и цѣлой сѣти рѣкъ и рѣчекъ. Расчистить лѣса, выкорчевать пни, осушить болота, чтобы выростить на скудномъ суглинкѣ ниву, нуженъ былъ упорный, неблагодарный трудъ цѣлыхъ поколѣній. Деревни въ одинъ, два двора, „починки“, долгое время были типичнымъ и поселеніями сѣверо-восточной Великороссіи. Силою вещей здѣсь затѣмъ образовались мелкіе мѣстные мірки во главѣ съ княземъ-вотчинникомъ. Послѣдній объединялъ въ своемъ лицѣ и частнаго владѣльца земель своего удѣла и политическаго вождя. Частный интересъ множества мелкихъ властителей и цѣлый рядъ экономическихъ причинъ вызвали обезземеленіе крестьянства и чрезвычайный ростъ княжескаго, монастырскаго, церковнаго, архіерейскаго, боярскаго землевладѣнія. Появилось вотчинное землевладѣніе княжескихъ и боярскихъ родовъ или церковныхъ учрежденій, и землевладѣніе помѣстное - служилое. Крестьяне же въ большинствѣ случаевъ обратились въ съемщиковъ чужой земли. Въ общемъ народномъ доходѣ замѣтную роль началъ играть особый видъ дохода—земельная рента. Въ связи съ этимъ въ обществѣ начали обособляться землевладѣльцы и земледѣльцы. Изъ этихъ классовыхъ различій родились первыя сословныя группы. Бояре и слуги вольные составили одну группу; остальное земледѣльческое населеніе—другую группу, которой и суждено было на своихъ плечахъ вынести всю тяжесть государственнаго строительства. Къ XI вѣку вокругъ усилившейся Москвы создались настолько сносныя условія существованія, что народно-хозяйственная жизнь вошла въ спокойное русло. Наряду съ натуральнымъ хозяйствомъ появляются зачатки денежнаго. Ростъ населенія и его потребностей вызвалъ раздѣленіе труда и обмѣнъ продуктовъ. Появляется обширный рынокъ, такъ что хозяйство становится не исключительно городскимъ, а и народнымъ. Могучая идея-великорусской народности родилась именно въ это время. Появился и самый терминъ „Великая Россія“, провозглашенный впервые публично и оффиціально въ чинѣ вѣнчанія на царство Ѳеодора Іоанновича. Для широкой массы русскаго общества внѣшнимъ признакомъ національнаго могущества была прежде всего сильная царская власть сильнаго государства. А такъ какъ даже самыя обыденныя явленія жизни ставились въ непосредственную связь съ божественнымъ извѣсленіемъ, то для идеи національно-великорусскаго единства и могущества искали освященія въ религіозной области. Гордое сознаніемъ вынесенной тяжелой борьбы съ внѣшними врагами и внутренними неурядицами русское общество создало рядъ повѣстей и легендъ, въ которыхъ сквозитъ мысль, что Московское государство стало великимъ, оно избрано самимъ небомъ продолжателемъ великаго дѣла храненія и распространенія Христіанской вѣры, каковую миссію до 1492 года (паденіе Константинополя) несло царство Византійское.

Въ XV и XVI вв. выросло національное и государственное самосознаніе русскихъ людей Національность великорусская создалась.... Дальнѣйшая исторія Великорусской народности полна и свѣтлыхъ, и мрачныхъ событій. На рубежѣ XVII-го вѣка народу пришлось пережить грандіозный хозяйственный и политическій кризисъ, разразившійся Смутнымъ временемъ. Слѣдующій вѣкъ, вѣкъ преобразованій, пріобщилъ Россію къ культурѣ западно-европейской жизни. Но только прошлый XIX-ый вѣкъ далъ болѣе свободный выходъ богатствамъ народнаго духа. Великорусская народность въ созданіи этихъ народныхъ цѣнностей играла, конечно, главную роль.

Всѣхъ путешественниковъ посѣщавшихъ необъятныя пространства Россіи, поражаетъ однообразіе ландшафта. Leroy Beaulieu говоритъ: „когда послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ желѣзной дороги, начнетъ свѣтать, часто кажется, что вы не сдвинулись съ мѣста". Здѣсь незамѣтна дѣятельность мощныхъ тектоническихъ нарушеній земной коры. Все просто, однообразно гладко и спокойно. Въ серединѣ расположена Московская котловина. Это центръ Великороссіи, занятый главнымъ образомъ бассейномъ Оки. На сѣверѣ Московская котловина переходитъ и сливается съ приволжской низменностью въ лѣвомъ ея побережьи, на югѣ же на плоскомъ водораздѣлѣ съ бассейномъ Дона она переходитъ въ низменность лѣвыхъ береговъ Воронежа и Дона. Ровная возвышенность и пологая котловина постепенно переходятъ одна въ другую; никакихъ рѣзкихъ измѣненій не встрѣчается на всемъ пространствѣ Характерной для страны является „паутинная сѣть" озеръ, рѣкъ и рѣчекъ, сослужившихъ большую роль въ колонизаціи и культивированіи дикаго края. Рѣки страны громадны, но паденіе ихъ небольшое; текутъ онѣ по равнинѣ спокойно. Главная великорусская рѣка, Волга, соединяется подъ Нижнимъ съ Окою, которая своимъ бассейномъ обслуживаетъ центральную часть Великороссіи. Южная часть окскаго бассейна соприкасается съ бассейнами Дона и Днѣпра и лежитъ въ центрально-земледѣльческомъ районѣ, сѣверная же въ полосѣ центрально-промышленной. Послѣ соединенія съ Камой Волга поворачиваетъ круто на югъ къ Каспійскому морю, протекаетъ по низовымъ губерніямъ и непосредственнаго отношенія къ центральной Великороссіи уже не имѣетъ. Чрезъ свои притоки Тверцу, Мологу и Шексну Волга соединяется съ Балтійскимъ и Бѣлымъ морями посредствомъ искусственныхъ водныхъ системъ. Громадное значеніе Волги въ жизни великорусской народности неисчислимо. Недаромъ рядъ народныхъ великорусскихъ пѣсенъ сложенъ про Волгу-матушку. Водную систему центральной великорусской области дополняетъ цѣлая сѣть озеръ, расположенныхъ главнымъ образомъ въ сѣверо-западной части. Здѣсь лежатъ верхневолжскія озера и озера Ярославской, Владимірской, Московской, Костромской и Нижегородской губерній. Многія озера превратились уже въ болота, поросшія мхомъ, или высохли совершенно.

Когда-то по всей Европѣ, начинаясь у Рейна и покрывая большую часть Германіи, тянулся далеко на востокъ сплошной лѣсъ. О немъ писалъ Юлій Цезарь, называя его Герцинскимъ и добавляя, что протяженія его никто не знаетъ. Лѣсныя области въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ остались въ наше время лишь на сѣверѣ Россіи. Въ средней же центральной полосѣ лѣса большею частью уступили свое мѣсто полямъ и лугамъ. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ рѣзче переходъ къ степи и сплошнымъ полямъ, тѣмъ чаще вмѣсто настоящихъ лѣсовъ встрѣчаются небольшія рощицы. Лѣсная поросль обыкновенно протягивается здѣсь вдоль рѣкъ или окаймляетъ склоны балокъ, тогда какъ въ сѣверной Великороссіи сохранились еще лѣса чистой хвои, тянущіеся на десятки верстъ, какъ напр., остатки знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ, уходящихъ за Оку въ Нижегородскую и Тамбовскую губерніи къ Саровской пустыни. До сихъ поръ въ нихъ сохранилась пустынность и безмолвіе сѣвернаго бора. Отъ Калуги черезъ Мещевскъ, Козельскъ, Жиздру и

Брянскъ лѣса тянутся на западъ, доходя до Бѣловѣжской Пущи. Они встрѣчаются и на сѣверѣ Рязанской губерніи. Лѣсамъ центральной области, несмотря на принудительное охраненіе ихъ, грозитъ въ недалекомъ будущемъ полное истребленіе. Развитіе фабрикъ, заводовъ, желѣзно-дорожной сѣти и пароходства вызываютъ быстрое исчезновеніе лѣсовъ. Къ этому присоединяется еще и естественное бѣдствіе—лѣсные пожары, истребившіе и истребляющіе лѣсныя пространства Великороссіи.

Самыми русскими губерніями въ Россіи являются Владимірская и Воронежская. Въ нихъ русское населеніе составляетъ 99,7%, т. е. на каждую тысячу лишь три человѣка чужды русской національности. Владимірская губернія чисто великорусская. Воронежская же дѣлится приблизительно на двѣ равныя половины: сѣверную ея часть населяютъ великороссы (немного болѣе 50%), южную—малороссы. Затѣмъ въ губерніяхъ Костромской, Калужской, Тульской, Курской, Ярославской, Рязанской и Орловской русскіе составляютъ болѣе 99% населенія. Въ Смоленской и Московской губерніяхъ русскіе—почти 98%, причемъ въ Смоленской великоруссы граничатъ уже съ бѣлоруссами. Въ Тамбовской губерніи русское населеніе составляетъ 96%. Въ Нижегородской и Тверской процентъ русскаго населенія понижается до 93%, а въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ до 83%.

По густотѣ населенія центральная Великороссія стоитъ въ среднихъ рядахъ всѣхъ губерній Европейской Россіи. Одна Московская губернія (благодаря Москвѣ) стоитъ въ 1-ой группѣ трехъ русскихъ губерній, гдѣ густота населенія превышаетъ 90 человѣкъ на 1 кв. в. Губерніи Рязанская (56,4 ч. на 1 кв. в.), Орловская (57 ч.), Тамбовская (54 ч.), Тульская (59,8 ч.) и Курская (67,5 г.)—стоятъ въ ряду 14 губерній, въ которыхъ густота населенія превышаетъ 50 человѣкъ на 1 кв. в. Губерніи Смоленская (35.6 чел.—на 1 кв. в.), Тверская (35,9), Ярославская (37,4 ч.) Саратовская (37,9), Нижегородская (40 ч.), Владимірская (40 ч.), Калужская (47,2 г.) и Пензенская (49,2) стоятъ въ ряду 19 губерній, гдѣ приходится на 1 кв. в. отъ 30 до 50 человѣкъ. И только Костромская губернія (21,2 ч.) стоитъ въ группѣ семи губерній съ населеніемъ отъ 20 — 30 ч. на 1 кв. в. [1]). Плотность населенія нашихъ центральныхъ губерній, конечно, не можетъ итти въ сравненіе съ плотностью населенія западно-европейскихъ странъ.

Въ Россіи приростъ, какъ въ большинствѣ менѣе культурныхъ странъ, равняется 1,37% въ годъ. При сравненіи численности населенія по 1-ой общей переписи 1897 года съ данными 1905 года, картина роста въ частности великорусскаго племени получается очень яркая. Тамъ, гдѣ плотность населенія была 35 человѣкъ на 1 кв. в., стало 40, гдѣ было 40, теперь живетъ 46, гдѣ было 49—теперь стало 57, и т. д. Плотность населенія оказываетъ громадное вліяніе на культурное развитіе. Болѣе плотное населеніе поневолѣ переходитъ къ интенсивнымъ пріемамъ хозяйственной дѣятельности.

Культура выработала два основныхъ типа поселеній въ зависимости отъ занятій и интересовъ обывателей—городъ и деревню. Правда, въ наше время происходитъ постоянный обмѣнъ городского и сельскаго населенія; бѣгство изъ деревни въ городъ или, наоборотъ, изъ города въ деревню часто наблюдается въ наши дни, какъ явленія массовыя. Правда и то, что развитіе промышленности превратило многія сельскія поселенія въ смѣшанный промежуточный типъ поселеній. Тѣмъ не менѣе у насъ въ Россіи и въ частности въ Великороссіи неравномѣрность распредѣленія населенія между городами и селами бросается въ глаза слишкомъ рѣзко. Большинство нашихъ центральныхъ губерній насчитываютъ около 100—200.000 ч. городского населенія, что составляетъ 7—20% по отношенію ко всему населенію. Процентъ городского населенія выше въ губерніяхъ съ развитой промышленностью,

[1]) Данныя эти взяты изъ Ежегодника Мин. Внутр. Дѣлъ за 1903 г.

какъ напр., во Владимірской (12%), Ярославской (13%), Тульской (12%), онъ ниже въ земледѣльческихъ губерніяхъ — Калужской (8%), Курской (8%), Рязанской (8%), Тамбовской (8%). Губернію Московскую, гдѣ процентъ горсдского населенія поднимается до 45%, конечно, принимать въ разсчетъ нельзя. Сельское населеніе, иначе крестьянство, является преобладающимъ классомъ. Не безъинтересно напомнить, что во всей Европейской Россіи крестьянъ насчитывается 97 милліоновъ, и изъ нихъ лишь 6,7% живутъ въ городахъ; остальная-же масса—русская деревня.

Тотъ начальный характеръ Владиміро-Суздальской Руси, который придала ему колонизація XII-го вѣка, сохранился и доселѣ въ своихъ общихъ чертахъ. Деревня и доселѣ основной типъ поселенія Великороссіи. Россія—страна земледѣльческая. Это

Великорусская деревня Нижегородской губерніи.

положеніе, какъ безспорное, принято давно и въ жизни, и въ наукѣ. Около этого положенія ведутся безконечные споры объ успѣхахъ и неуспѣхахъ русской культуры, о самобытномъ пути русскаго развитія и общей со всѣми европейскими народами культурной дорогѣ. Знаменитый споръ западничества и славянофильства, начавшійся въ пору перваго особенно интенсивнаго напряженія русской общественной мысли, не конченъ еще и доселѣ. Русскій, въ частности великорусскій мужикъ большая загадка до сихъ поръ. Отъ него въ конечномъ счетѣ зависитъ, куда повернется колесо русской исторіи въ недалекомъ будущемъ. Народная жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ находится въ Россіи во власти земли, которую пашетъ крестьянинъ. Могущество этой перстн, „праха“, съ глубочайшею силой и простотой указано еще въ былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ.

*

Неравномѣрность распредѣленія земель явленіе, конечно, не исключительное для Россіи. Нельзя переносить современныя понятія о правѣ собственности на далекія прошлыя времена. Если-бы пять-шесть вѣковъ тому назадъ встрѣтили мы въ полѣ землепашца и спросили у него: чья земля, которую ты пашешь? Онъ отвѣтилъ бы; „Божья", „государева", „моя", а быть можетъ—„ничья". Земли было много, земля лежала впустѣ—приходи и паши. Единственный признакъ, который производилъ разверстку земли между отдѣльными лицами былъ трудъ. И часто въ спорахъ крестьянъ между собою о границахъ владѣнія землей, тотъ или другой, доказывая свое право, говорилъ: „туда топоръ мой, коса и соха ходили". Когда къ XV-му вѣку Русь стала сильнымъ Московскимъ царствомъ, государство стало считать себя владѣльцемъ всей земли, а распоряжаться ею стало московское правительство. Земля стала раздаваться нужнымъ служилымъ людямъ. Крестьяне принуждены были вступать въ соглашеніе съ помѣщиками, заключать съ нимъ „порядную запись", какъ съ хозяиномъ земли. Но они были свободные хлѣбопашцы и въ извѣстные сроки, которые были установлены царскими судебниками 1492 и 1550 гг., имѣли право перехода съ однѣхъ земель на другія. Изъ помѣстья въ помѣстья, съ государевыхъ черныхъ земель, съ монастырскихъ угодій шли эти люди весной и осенью около Юрьева дня со своимъ скарбомъ. Искали они болѣе выгодныхъ для себя условій труда и поселенія. Но условія эти были вездѣ нелегки. Цѣлая сѣть повинностей въ пользу помѣщика, какъ паутина, опутывала обыкновенно крестьянскій трудъ. Кромѣ того часто съ перваго же шага крестьянинъ попадалъ въ кабалу къ владѣльцу земли, взявъ у него подмогу деньгами или хлѣбомъ на первое обзаведеніе хозяйства на новомъ мѣстѣ.

Право перехода было затѣмъ фактически уничтожено. Начались массовые побѣги крестьянъ, такъ какъ это былъ единственный способъ борьбы съ закрѣпощеніемъ. Сначала издавали указы, которыми устанавливался опредѣленный срокъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а затѣмъ въ Соборномъ Уложеніи 1649 года появляется заповѣдь государева—„никому за себя крестьянъ не пріймати". Кого изъ крестьянъ засталъ этотъ указъ на чьей землѣ тотъ и остался въ вѣчной крѣпости за тѣмъ помѣщикомъ.

XVIII-ый вѣкъ просвѣщенныхъ государей, вмѣстѣ съ попытками упорядочить взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, принесъ новыя формы угнетенія крестьянской личности. Закономъ 4-го Декабря 1747 года разрѣшена была торговля людьми. Въ 1836 году крѣпостныхъ было 22.077.000. въ 1851-хъ году ихъ было 21.612.000. Прироста казалось, не было. Однако русская народно-хозяйственная жизнь не стояла на мѣстѣ. Хозяйство страны въ первой половинѣ XIX-го в. выросло въ нѣсколько разъ; вывозъ напр. съ 75 милліоновъ вначалѣ вѣка поднялся до 230 милліоновъ въ половинѣ вѣка; ввозъ съ 52 милліоновъ за тоже время поднялся до 200 милліоновъ. Родилась и выросла фабрика, потребовавшая свободнаго труда. Количества перерабатываемого хлопка за 50 лѣтъ выросло въ 16 разъ. Земледѣліе также не могло мириться съ подневольнымъ трудомъ и требовало труда болѣе высокой цѣнности. 19 февраля 1861 г. упразднило крѣпостному праву и положило начало премѣнамъ въ хозяйственной жизни.

II.

Область сѣвернаго суглинка и южнаго чернозема.—Крестьянское хозяйство и положеніе населенія въ черноземной области.—Крестьянскій бюджетъ.—Община и ея значеніе.

Пахотная земля составляла въ промышленныхъ губерніяхъ въ концѣ XIX в. около трети или четверти всей площади земли (во Владимірской 35,6%, Московской 31,5, Тверской 27,5, Ярославской 26,9 и т. д.); губерніи, расположенныя южнѣе, даютъ гораздо большій процентъ пашни, поднимающійся почти до $^3/_4$ всей пло-

щади земли (въ Калужской—43,8%; Рязанской—55,9%, Орловской—60,6%, Курской—72,8%, Тамбовской—63,9%, Тульской—74%). Сѣнокосныя угодья распредѣляются уже въ иномъ видѣ. Тамъ, гдѣ система рѣкъ густой сѣтью прорѣзываетъ площадь, луга и сѣнокосы гораздо замѣтнѣе. Тверская и Ярославская губерніи даютъ около 24% изъ общей площади земли сѣнокосовъ, Московская губернія—21%, Владимірская 17½%. За то въ южныхъ губерніяхъ сѣнокосы составляютъ отъ 8 до 10%. Точно также и процентъ лѣсной площади въ центрально-промышленныхъ губерніяхъ поднимается отъ 30 до 40%; въ центрально-земледѣльческихъ же губерніяхъ лѣса уступаютъ мѣсто полямъ и степи. Въ Орловской губерніи, впрочемъ, лѣса составляютъ еще довольно замѣтный процентъ—21,2%, въ Тамбовской 17,4% (главнымъ образомъ въ сѣверной части около Саровской Пустыни); въ Курской же губерніи, Пензенской, Саратовской, Тульской лѣса составляютъ уже менѣе 10% всей площади.

Процентъ неудобной земли отнимаетъ, конечно, въ губерніяхъ центрально—промышленныхъ большую площадь (6—10%), чѣмъ въ центрально-земледѣльческихъ (3—5%). Въ земледѣльческой Россіи слѣдуетъ отграничивать двѣ рѣзкія области. Правда, власть земли въ обѣихъ одинаково сильна; но значеніе этихъ областей въ общегосударственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, конечно, не одинаково. Граница этихъ областей проходитъ тамъ, гдѣ оканчивается суглинокъ и начинается настоящій русскій черноземъ-хлѣбородъ, густой и черный, какъ вороново крыло.

Великорусскій черноземъ охватываетъ большую площадь губерній: Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Воронежской, Курской и части Орловской. Это хлѣбородная Россія, центръ ея хлѣбнаго хозяйства. Когда въѣзжаешь въ безконечную полосу степныхъ полей, гдѣ маленькая купа деревьевъ уже приковываетъ къ себѣ вниманіе, первое впечатлѣніе отъ края отнюдь не говоритъ о его хлѣбномъ богатствѣ. И только когда всмотришься въ эти громадныя села безъ зелени, въ эти полки мельницъ, махающихъ крыльями; когда на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ увидишь тысячи мѣшковъ съ хлѣбомъ, тоскливо ожидающихъ очереди на открытой платформѣ, и цѣлый рядъ вагоновъ около элеватора,—начинаешь понимать, въ чемъ богатство края. Голая цифра, гласящая, что 80% всѣхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Тамбовской губерніи падаетъ на хлѣбные грузы, получаетъ совершенно опредѣленную картину. Черноземъ въ этой области тучный, пластъ его достигаетъ 2-хъ аршинъ глубины, какъ, напр., въ центральной и восточной части Воронежской губерніи.

Благодаря черноземъ въ данныхъ губерніяхъ еще очень силенъ помѣщичій элементъ. Наряду съ заброшенными дворянскими гнѣздами здѣсь можно нерѣдко встрѣтить крупныя помѣщичьи экономіи, прекрасно оборудованныя, съ развитымъ хуторскимъ хозяйствомъ. Въ большомъ также ходу аренда. Во всей Россіи площадь арендуемыхъ крестьянами земель достигаетъ, вѣроятно, 30% обрабатываемой ими земли. Крестьянское надѣльное землевладѣніе держится въ черноземной полосѣ тѣми-же устоями, что и въ Московскомъ районѣ. Община преобладаетъ, хотя встрѣчается и подворное землевладѣніе, главнымъ образомъ, среди такъ называемыхъ четвертныхъ крестьянъ, бывшихъ государственныхъ.

Въ силу историко-географическихъ условій типъ сельскихъ поселеній въ черноземной полосѣ нѣсколько иной, сравнительно съ сѣверными. Маленькія села и деревни преобладаютъ въ сѣверо-восточной Россіи. Поселеніе въ 50—60 дворовъ считается тамъ крупнымъ. Въ Тамбовской же губерніи болѣе половины селеній насчитываютъ свыше 100 дворовъ. Есть въ той же губерніи села съ населеніемъ болѣе 10.000 человѣкъ. Въ Курской губ. село Борисовка насчитываетъ 25.000 человѣкъ. Большія поселенія на сѣверѣ носятъ чисто промышленный характеръ, какъ, напр., села: Тейково, Лежнево, Дунилово Владимірской губ.

Какую бы сторону жизни не взяли мы здѣсь въ черноземномъ краѣ, каждая окажется

окрашенной интересами земледѣлія. Деревня и городъ, базаръ и ярмарка, будничная обстановка жизни и праздникъ, вездѣ центромъ всѣхъ интересовъ является хлѣбъ, который густой стѣной стоитъ на полосѣ или блестящимъ ворохомъ, провѣянный отъ мякины и сора, лежитъ на гумнѣ. Избытокъ хлѣба уходитъ изъ крестьянскихъ амбаровъ, а иногда и чаще прямо съ гумна на рынокъ. Скупка и ссыпка хлѣбовъ производится на городскихъ рынкахъ, при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по еженедѣльнымъ базарамъ и ярмаркамъ въ селахъ.

Промышленность замѣтной роли въ жизни края не играетъ. Главные виды ея стоятъ въ непосредственной связи съ тѣмъ же земледѣліемъ. Въ Саратовской губерніи, напр., первое мѣсто занимаютъ паровыя, водяныя и вѣтряныя мельницы. Въ другихъ губерніяхъ (Тамбовской, Курской, Пензенской и др.) развиты винокуренные и сахарные, рафинадные заводы. Десятки десятинъ подсолнуховъ вызываютъ возникновеніе маслобойныхъ заводовъ. Привилась также культура горчицы, аниса. Тканье мѣстныхъ суконъ, льняной пряжи и холста, принявшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ промысла для женщинъ, стоитъ, конечно, также въ непосредственной связи съ земледѣльческимъ характеромъ населенія.

Въ центральномъ великорусскомъ районѣ земледѣліе не окрашиваетъ собой всѣхъ сторонъ и интересовъ мѣстной жизни. И не рѣдкость здѣсь пустыя заброшенныя полосы въ поляхъ, не рѣдкость развалившаяся усадьба помѣщика, и еще чаще жидкіе хлѣба на крестьянскихъ поляхъ.

До 1907 года крестьяне платили такъ называемые выкупные платежи—долгъ казнѣ, которая заплатила помѣщикамъ за землю, надѣленную крестьянамъ. Помѣщичьи крестьяне заплатили казнѣ $897^1/_2$ милліоновъ и остались еще должны около 400 милліоновъ, которые сложены манифестомъ 9 ноября 1905 года. Государственные крестьяне, которымъ продана была въ сущности ихъ же собственная земля, съ 1887 года по 1905 годъ заплатили выкупа въ казну 834 милліона, да остались еще должны около 776 милліоновъ рублей, которые также сложены указаннымъ манифестомъ. Оцѣнка земли при выкупѣ производилась безъ участія крестьянъ, и долгъ на крестьянской землѣ получился непомѣрно большой. Средняя стоимость, напр., крестьянскаго надѣла въ Горбатовскомъ у. Нижегородской губерніи равняется 80—100 рублямъ, а выкупныхъ платежей со времени освобожденія заплачено за такой надѣлъ 275 рублей. Кромѣ прямого долга, разложеннаго на 49 лѣтъ, крестьяне должны были платить и проценты по этому долгу. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, надѣлы оказались настолько малыми, что совершенно не были въ состояніи удовлетворить нужду крестьянской семьи въ землѣ. Особенно нищенскими стали крестьянскіе надѣлы въ наше время, когда населеніе выросло болѣе, чѣмъ вдвое. Недостаточность надѣла очень быстро сказалась на всемъ обиходѣ крестьянскаго хозяйства.

Способъ веденія хозяйства въ великорусскихъ губеніяхъ до сихъ поръ самый примитивный. Какъ было трехполье сотни лѣтъ тому назадъ, такъ оно осталось и теперь. Очень робко при посредствѣ земствъ начинаютъ входить въ обиходъ крестьянскаго хозяйства кое-какія улучшенія аграномическаго свойства. Устарѣлыя орудія, какъ косуля, соха, деревянная борона не сходятъ еще съ крестьянскихъ полей. Даже прекрасный черноземъ терпитъ то же трехполье, что и сѣверный суглинокъ. Улучшать свое хозяйство, примѣнять разумные способы культуры на поляхъ—у крестьянина не хватаетъ ни умѣнья, ни силъ. Результатомъ такой темноты и бѣдности является истощеніе почвы и низкая урожайность хлѣбовъ на крестьянскихъ поляхъ, особенно по сравненію съ частновладѣльческими. На крестьянскихъ земляхъ урожай ржи въ Калужской губерніи лишь 3,2 въ среднемъ за 18 лѣтъ; въ промышленныхъ губерніяхъ урожай ржи на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ не поднимается выше самъ 4, и лишь въ Курской губерніи крестьянская надѣльная земля даетъ съ десятины самъ 5,4, Тамбовская—самъ 5,8 и т. д.

Великоросъ-крестьянинъ Нижегородской губерніи.

Низкая урожайность хлѣбовъ вліяетъ роковымъ образомъ на самый характеръ хозяйства, развиваетъ пассивность, привычку все объяснять—и удачи и неудачи въ хозяйствѣ—сверхестественными силами природы. А природа Великороссіи довольно капризна. Короткое лѣто часто еще укорочивается неожиданнымъ ненастьемъ. Необходимо тогда спѣшить съ работами, напрягать до высшей степени свой трудъ. Въ великорусской деревнѣ лѣтомъ эта напряженность труда доходитъ до изумительной границы. Все поспѣваетъ вмѣстѣ, все кипитъ и въ полѣ и въ лугахъ. Только артельная работа на виду у всѣхъ, да сознаніе громадной важности момента придаютъ бодрость и силы трудовому населенію. Зато потомъ мужикъ остается безъ прямого дѣла на всю осень и зиму.

При незначительномъ годовомъ доходѣ, кромѣ расходовъ по хозяйству, кромѣ большихъ переплатъ казнѣ въ видѣ косвенныхъ налоговъ, крестьянинъ несетъ очень большое тягло и въ отношеніи прямыхъ налоговъ, а теперь, главнымъ образомъ, мѣстныхъ. Земскіе сборы ложатся на крестьянскую общину не особенно тяжело, да они и не пропадаютъ даромъ, возвращаясь въ видѣ больницъ, школъ, дешеваго кредита и т. п. Въ концѣ 90-хъ годовъ на десятину крестьянской земли въ великорусскихъ губерніяхъ въ среднемъ падало земскихъ сборовъ по 23 копѣйки. Очень чувствительны для крестьянъ такъ называемые мірскіе сборы. Наше крестьянство до сихъ поръ еще не сравнено въ правахъ со всѣми остальными гражданами государства Для нихъ особое управленіе—волость и мірской сходъ; особый судъ—волостной судъ. Мѣстное управленіе и судъ стоятъ крестьянамъ очень дорого. Въ разныхъ губерніяхъ, даже въ разныхъ волостяхъ одного уѣзда мірскіе сборы бываютъ различны—отъ полтинника до рубля и выше съ десятины. На работника приходится въ годъ до 5 рублей. Почти половина этихъ денегъ идетъ на содержаніе старшинъ, судей, волостныхъ писарей, старостъ, сборщиковъ податей, сотскихъ, десятскихъ, на квартирные расходы администраціи. Слѣдующій крупный расходъ—по выполненію всякаго рода повинностей, и лишь незначительная часть идетъ на необязательные расходы по содержанію училищъ, больницъ и другихъ общественныхъ зданій, а также на расходы сельско-хозяйственные. Правительство считало, что волостныя и сельскія учрежденія ни для кого, кромѣ крестьянъ, не будутъ нужны. Однако послѣ освобожденія крестьянъ пришлось вступать въ тѣсное общеніе съ ними всѣмъ обитателямъ. Чтобы рѣшать споры и недоразумѣнія, возникавшія въ сосѣдскомъ хозяйствѣ, приходилось всѣмъ идти въ волостной судъ; сюда же шелъ помѣщикъ съ своимъ батракомъ, если у нихъ выходили какіе либо споры. Въ волости также собраны были дѣла общегосударственнаго значенія (статистика, страхованіе, воинская и конская повинности, надзоръ за торговлей и промыслами, паспортное дѣло, почта и т. д.). Такимъ образомъ мѣстныя волостныя учрежденія обслуживаютъ нужды не однихъ крестьянъ, а всѣхъ сельскихъ жителей съ одной стороны и отправляютъ функціи государственнаго управленія—съ другой. Въ крестьянскомъ обиходѣ есть еще одинъ сборъ, который занимаетъ очень видное мѣсто въ расходахъ деревни. Закономъ 12-го іюня 1900 года изъ рукъ земства взято продовольственное дѣло и передано въ казну. Уничтожены прежніе хлѣбозапасные магазины, а взамѣнъ ихъ образованы продовольственные капиталы, изъ которыхъ въ голодное время правительство должно оказывать помощь населенію. Продовольственные сборы взимаются съ каждой наличной семьи въ количествѣ отъ 25 коп. до 1 рубля и выше съ десятины надѣльной земли въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Стѣснительность продовольственнаго закона состоитъ въ томъ, что осенью сборъ необходимо внести въ казну деньгами, а не хлѣбомъ. Приходится продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ кулаку, чтобы весной, быть можетъ, тотъ-же самый хлѣбъ покупать по дорогой цѣнѣ. Далѣе—до сихъ поръ еще существуетъ цѣлый рядъ государственныхъ повинностей, которыя отправляетъ крестьянинъ своимъ личнымъ трудомъ. Мосты, гати, дороги, поставка подводъ для перевозки бродягъ, арестантовъ, а также по требованію чиновниковъ, урядниковъ, стражниковъ, являются натуральными по-

винностями крестьянъ. Самый вѣрный показатель тяжести крестьянскихъ налоговъ—это громадное количество недоимокъ на сельскомъ населеніи великорусскихъ губерній. Въ 1903 году по безнадежности сложено было 142 милліона недоимокъ съ крестьянъ; но онѣ наростаютъ вновь.

Строй жизни въ нашей великорусской деревнѣ общинный. Въ этомъ главное отличіе русской народно-хозяйственной жизни отъ западной. Вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, ея происхожденіи и существѣ очень спорный. Родилась-ли она изъ глубины народнаго духа и естественнымъ путемъ объединила въ одно цѣлое обитателей отдѣльныхъ сельскихъ мірковъ, или община—явленіе искусственное, созданное политикой правительства главнымъ образомъ въ интересахъ фискальныхъ. Какъ бы то ни было, и въ современной поземельной общинѣ интересъ фискальный играетъ громадную роль. Правда круговая порука въ исправной уплатѣ податей отдѣльными членами общины отмѣнена въ 1904 году, но самая раскладка крестьянскихъ поземельныхъ налоговъ производится такимъ образомъ, что она стѣсняетъ свободу каждаго отдѣльнаго члена крестьянской семьи. Крестьянскій дворъ связываетъ всѣхъ своихъ членовъ взаимной отвѣтственностью за недоимки. Младшіе члены могутъ быть отданы принудительно въ заработки за общія недоимки крестьянскаго двора. Крестьянинъ находится въ податномъ состояніи, и этимъ опредѣляется каждый его шагъ: полученіе паспорта, увольненіе изъ общества, и т. д. По положенію 19 го февраля 1861-го года мірская земля составляетъ собственность крестьянскаго общества. Безъ согласія общества ни одинъ крестьянинъ за чертою своего усадебнаго участка не можетъ ставить никакихъ строеній на мірской землѣ. Усадьбы состоятъ въ потомственномъ пользованіи проживающихъ въ нихъ семействъ. Мірская полевая земля (пашни, покосы и др. угодья) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена. Передѣлы общинной земли между крестьянами допускаются съ согласія $^2/_3$ домохозяевъ. По приговору $^2/_3$ домохозяевъ общинное пользованіе можетъ быть замѣнено наслѣдственнымъ.

Строй крестьянской жизни потерпитъ очень крупную ломку своихъ устоевъ благодаря закону 9 ноября 1906 г. о свободномъ выходѣ изъ общины. Жизнь покажетъ, какой порядокъ побѣдитъ, старинная ли община со своимъ укладомъ, или новый подворный отрубной участокъ, превратится ли наша великорусская деревня въ цѣлый рядъ мелкихъ хуторовъ, или останется въ прежнемъ своемъ видѣ.

III.

Кустарные промыслы.—Фабрично-заводскій районъ.—Сравнительное положеніе крестьянъ и рабочихъ.—Сѣверная и сѣверо-восточная Великороссія.

Скудный заработокъ отъ хлѣбопашества на непривѣтливомъ суглинкѣ съ давнихъ поръ бросалъ великорусскаго крестьянина на подсобный заработокъ. Лѣса, рѣки, болота доставляли ему много угодій. Этимъ объясняется развитіе кустарныхъ промысловъ. Лыкодерство, мочальный промыселъ, бортничество, солевареніе, рыболовство въ старину были обычными сторонними и подсобными занятіями сельскаго населенія Великороссіи. И въ настоящее время кустарный промыселъ часто не отвлекаетъ крестьянина отъ его земледѣльческихъ занятій. Въ бюджетѣ кустаря, по изслѣдованіямъ земской статистики, доходъ отъ земледѣлія играетъ еще очень видную роль. Кустари Владимірской губерніи, напр. валяльщики, бочары, игрушечники почти наполовину живутъ отъ земледѣлія, наполовину отъ кустарныхъ промысловъ; шелкоткацкій кустарь той же губерніи живетъ на $^1/_3$ своего бюджета отъ земледѣлія. Недостатокъ земли являлся главной причиной, почему населеніе

извѣстныхъ раіоновъ обращалось къ кустарнымъ промысламъ. Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи даютъ общую цифру кустарей около 7½ милліоновъ. Преимущественный районъ развитія кустарныхъ промысловъ сѣверныя и центральныя нечерноземныя губерніи. По легкости и доступности матеріала самымъ распространеннымъ видомъ кустарнаго промысла является обработка дерева.

Кустарная обработка металлическихъ издѣлій встрѣчается въ губерніяхъ: Тульской, Московской, Тверской, Ярославской. Но главнымъ центромъ кустарнаго сталеслесарнаго производства является районъ села Павлова Горбатовскаго у. Нижегородской губерніи. Павловскій районъ захватываетъ и нѣсколько волостей Муромскаго у. Владимірской губ. Большинство здѣшнихъ кустарей совсѣмъ забросили земледѣліе.

Обработка глины—горшечные и кирпичные промыслы распространены въ губерніяхъ Московской (Гжель), Калужской, Курской, Костромской.

Обработка волокнистыхъ веществъ кустарнымъ способомъ распространена въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Ярославской, Костромской и Владимірской, выдѣлывающей, главнымъ образомъ, полотняныя и шелковыя ткани. Что касается домашняго обихода, домашней одежды крестьянской семьи, то лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Великороссіи эта нужда удовлетворяется еще наличными силами женскаго труда въ семьѣ. Въ большинствѣ же случаевъ фабричный дешевый ситецъ вытѣснилъ изъ обихода домашнюю ткань.

Во Владимірской губерніи распространено кустарное иконописаніе. Суздальскіе богомазы издавна славятся писаніемъ дешевыхъ иконъ. Образовался особый стиль живописи—суздальскій. Въ настоящее время и въ кустарномъ иконописномъ промыслѣ сильно практикуется раздѣленіе труда. Одни мастера приготовляютъ только доски—„грунтовщики“, другіе спеціально занимаются писаніемъ ликовъ святыхъ—„личники“, третьи пишутъ одежду, четвертые „убираютъ“ икону украшеніями.

Офени или коробейники также очень интересное явленіе великорусской жизни. Главный контингентъ офеней даетъ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губ. Съ нагруженными возами офенскаго товара отправляются они по всѣмъ концамъ Россіи и странствуютъ такъ съ августа или сентября до масляницы или Пасхи. Бѣдный офеня ходитъ пѣшкомъ и возитъ свой коробъ на телѣжкѣ или санкахъ. Не такъ давно появились конкуренты владимірскимъ офенямъ—тульскіе офени (изъ Алексинскаго уѣзда). Вообще-же промыселъ офеней приходитъ въ упадокъ. Офеня перестаетъ уже удовлетворять запросамъ деревни.

Недостаточное обезпеченіе крестьянскаго населенія землею и орудіями производства толкаетъ также массы великорусскаго населенія въ отхожіе промыслы. Опредѣлить процентъ отхода очень трудно. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подмосковнаго района отхожіе рабочіе составляютъ болѣе 40% мужского рабочаго населенія. Когда проѣзжаешь лѣтомъ напр. по Покровскому и Владимірскому уѣздамъ, въ поляхъ за работой видишь однѣхъ женщинъ, стариковъ и подростковъ. Все взрослое трудоспособное населеніе ушло на плотничныя или каменныя работы въ столицы и другіе крупные города. Цѣлые уѣзды Рязанской губерніи уходятъ на торфяныя работы; цѣлые районы даютъ извозчиковъ въ столицы; цѣлыя волости отпускаютъ взрослое мужское населеніе и подростковъ въ пастухи. Ярославская губернія даетъ громадный процентъ трактирной прислуги и мелкихъ торговцевъ въ столицахъ. Изъ средней черноземной полосы отправляютъ и на сельскохозяйственные отхожіе промыслы главнымъ образомъ въ Новороссію, с. Кавказъ и въ юго-восточныя степи Заволжья, но главную массу деревенскаго населенія поглощаютъ фабрики и заводы.

Съ Петра Великаго начала развиваться робкими шагами фабрично-заводская промышленность. Крупныхъ размѣровъ она достигла лишь съ освобожденіемъ крестьянъ,

Крестьянка Вологодской губерніи.

*

когда на рынокъ былъ выброшенъ свободный трудъ. Московскій промышленный районъ является центромъ для всѣхъ великорусскихъ губерній и Россіи вообще. Типичной для московскаго промышленнаго района является фабрика по обработкѣ хлопчатобумажныхъ произведеній. Здѣсь и во Владимірской губ. въ этой отрасли занято болѣе 200.000 рабочихъ. Не говоря уже о самой Москвѣ, которая является крупнѣйшимъ центромъ фабричной промышленности Россіи,—весь желѣзнодорожный узелъ, охватившій, какъ паукъ съ десятью лапами, московскій районъ, даетъ краснорѣчивую картину фабричной жизни Великороссіи. Рабочій здѣсь въ большинствѣ случаевъ являетъ собой чистый типъ пролетарія. Онъ пришелъ сюда не изъ окрестныхъ деревень и селъ. Рязанская, Московская, Костромская, своя Владимірская и много болѣе далекихъ губерній поставляютъ сюда свое лишнее населеніе. Многія фабричныя семьи работаютъ здѣсь уже въ третьемъ поколѣніи; внуки продолжаютъ пролетарскую работу своихъ отцевъ и дѣдовъ. Никакой связи съ землей въ такихъ семьяхъ уже не сохранилось. Даже большіе праздники, какъ напр. Пасха,—единственно свободная въ году недѣля на здѣшнихъ фабрикахъ—не привлекаютъ въ родные края старыя фабричныя семьи. Пока выходъ изъ общины былъ затрудненъ, рабочіе крестьяне сохраняли связь съ землей лишь въ томъ отношеніи, что должны были уплачивать повинности и такъ или иначе эксплоатировать числящіеся за ними надѣлы. Теперь, съ проведеніемъ въ жизнь закона 9-го ноября, и эта связь, вѣроятно, прекратится. Старинный рабочій, ставъ собственникомъ, продаетъ свой клочекъ земли. Когда проходишь по фабричнымъ улицамъ, и съ обѣихъ сторонъ давитъ громада камня, оглушаетъ шумъ колесъ и паровыхъ машинъ, атмосфера напряженнаго, создающаго цѣнности, труда, охватываетъ васъ. Когда попадаешь въ смѣну, и цѣлый потокъ рабочей толпы спѣшитъ на отдыхъ къ полуголоднымъ дѣтямъ; когда видишь кругомъ блѣдныя лица, усталые взгляды, немного тупые и равнодушные, когда въ праздники наблюдаешь бойкую толпу съ ея разгуломъ, вызывающимъ по характеру и отчаяннымъ по содержанію,—ясно чувствуешь, что прибавочная цѣнность создается рабочими не для себя.

Покровскій уѣздъ занимаетъ въ Россіи (не считая Польши) второе мѣсто по развитію промышленности. 25% населенія работаетъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ Шуѣ, Тейковѣ, Кохмѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Вичугѣ, Кинешмѣ тѣ-же громады фабричныхъ зданій, но вы не встрѣтите здѣсь общихъ казармъ, гдѣ были бы скучены тысячи человѣкъ въ одномъ зданіи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что рабочій контингентъ вербуется здѣсь главнымъ образомъ изъ окрестныхъ деревень. Большинство рабочихъ возвращается ночевать къ себѣ въ деревню верстъ за пять-шесть. Иваново-Вознесенскъ—„русскій Манчестеръ“. Фабрикъ и заводовъ тамъ болѣе 70. Ткацкая промышленность Иваново-Вознесенска очень стариннаго происхожденія. Еще въ концѣ XVII-го ст. ивановцы торговали въ далекихъ городахъ холстами. Окраска холстовъ и набивка ихъ красками началась здѣсь въ первой половинѣ XVIII ст. Предпріимчивые мѣстные мастера научились дѣлать „манеры“, или „узоры“, и ивановскія набойки стали ходкимъ товаромъ. Ситценабивное дѣло очень быстро стало развиваться и перешло въ фабричную стадію почти сразу. Ткачество же долго оставалось кустарнымъ промысломъ. Въ концѣ концовъ механическое производство конечно вытѣснило кустарное. 60-ые и 70-ые годы даютъ уже иную картину; въ деревняхъ уже немного ткачей.

Большинство Ивановскихъ фабрикантовъ вышли изъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, гл. обр. графа Шереметьева. Продолжая до 61-го года оставаться крѣпостными, они сами имѣли крѣпостныхъ крестьянъ и были фактическими владѣльцами земли и людей, платя лишь повышенный оброкъ помѣщику.

Въ самомъ Ивановѣ-Вознесенскѣ наблюдается очень сильная скученность фабричнаго населенія. Живетъ оно преимущественно въ пригородныхъ слободахъ посада,

слившихся совершенно съ городомъ, въ квартирахъ, сдаваемыхъ отдѣльными грязными каморками и часто даже углами. Высокая дѣтская смертность, значительная заболѣваемость взрослаго населенія, пьянство и постоянныя семейныя драмы,—вотъ спутники невеселой жизни великорусскаго фабричнаго.

Бытъ фабричнаго рабочаго-великоросса мало чѣмъ разнится по своимъ условіямъ отъ быти фабрично-заводскаго рабочаго вообще. По существу своему характеръ жизни рабочаго таковъ, что въ немъ гораздо болѣе, чѣмъ въ крестьянскомъ быту, моментовъ, сглаживающихъ всякія индивидуальныя особенности и привычки. Недаромъ фабричные рабочіе болѣе способны и стремятся ко всякаго рода общеніямъ. Борьба за лучшія условія. существованія объединяетъ ихъ. Простые виды кооперативовъ, напр. потребительныя общества, прививаются гораздо легче въ средѣ рабочей, чѣмъ крестьянской, главнымъ образомъ уже потому, что рабочіе живутъ гораздо скученнѣе, чѣмъ крестьяне.

Что касается заработной платы рабочаго и вообще бюджета фабричной семьи, то здѣсь необходимо учитывать два обстоятельства. Во 1-хъ безработицу, какъ хроническое явленіе, особенно въ московскомъ промышленномъ районѣ, и создаваемую безработицей конкурренцію въ фабрично-заводской средѣ. Во 2 хъ, если на фабрикѣ живетъ вся семья рабочаго, то въ большинствѣ случаевъ весь взрослый элементъ семьи такъ или иначе пристраивается къ фабрикѣ или къ заработкамъ, косвенно связаннымъ съ фабричной жизнью. Въ общемъ бюджетъ семьи фабричнаго рабочаго, пожалуй, больше бюджета крестьянской семьи, доходя иногда до 50 и больше рублей въ мѣсяцъ, если на фабрикѣ работаетъ мужъ, жена и кто-либо изъ дѣтей.

По различнымъ группамъ производствъ статистика даетъ для великорусскихъ губерній нормы годовой заработной платы:

по обработкѣ хлопка.	171	руб.
„ „ шерсти	171	„
„ „ льна, пеньки	139	„
„ „ шелка.	176	„
смѣшанн. производ. по обработкѣ волокнистыхъ веществъ	217	„
по обработкѣ бумаги.	222	„
„ „ дерева.	217	„
„ „ минеральн. веществъ.	202	„
„ „ металловъ	341	„

Трудъ фабричнаго рабочаго цѣнится, конечно, выше земледѣльческаго. Фабричный рабочій занятъ круглый годъ, сельскохозяйственный рабочій нуженъ лишь въ самое горячее лѣтнее время Тѣмъ не менѣе трудъ послѣдняго удивительно дешевъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

За періодъ сѣва пѣшій рабочій на своихъ харчахъ получаетъ въ центрально-промышленной и земледѣльческой Великороссіи отъ 33 до 61 коп. въ день; работница же отъ 19 до 37 коп. въ день. Періодъ сѣнокоса и періодъ уборки хлѣба, какъ наиболѣе горячіе моменты въ деревенской жизни, нѣсколько поднимаютъ цѣны на рабочія руки. Въ сѣнокосъ рабочій на своихъ харчахъ получаетъ въ день отъ 45 до 70 коп, работница отъ 26 до 47 коп.; за періодъ уборки хлѣбовъ рабочему платятъ отъ 50 до 70 к., работницѣ отъ 33 до 48 коп. Для большей выпуклости даннаго явленія необходимо отмѣтить рѣзко выраженную границу въ этомъ отношеніи между земледѣльческими и промышленными губерніями. Въ чисто земледѣльческомъ районѣ сельскіе рабочіе оплачиваютоя гораздо ниже, чѣмъ въ промышленныхъ. Благодаря фабрикамъ въ московскомъ районѣ предложеніе сельскохозяйственнаго труда гораздо меньше; да и вообще фабричныя цѣны

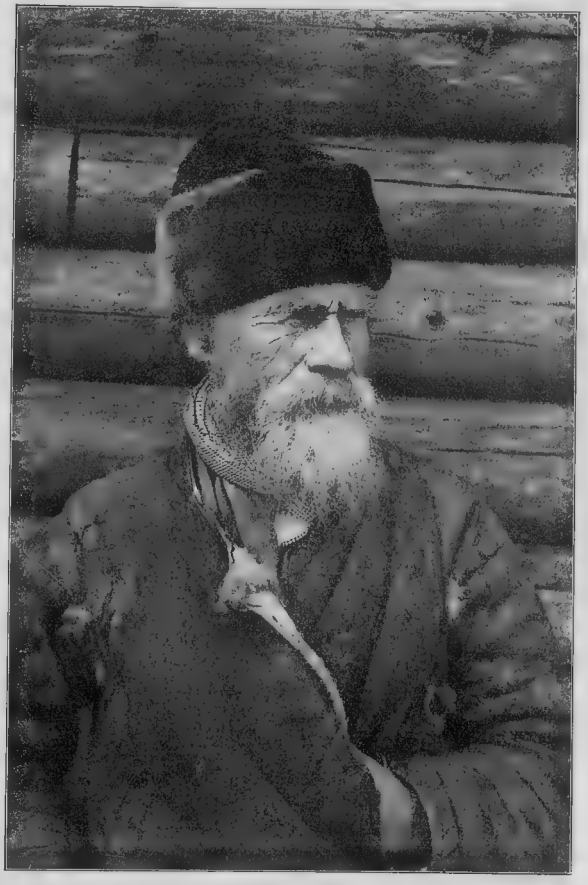
устанавливаютъ тѣ или иныя нормы и на общемъ рынкѣ труда въ районѣ, поддерживая въ этомъ отношеніи трудъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Другой интересный въ бытовомъ отношеніи фактъ, обрисовывающій сравнительную зажиточность населенія въ фабричныхъ районахъ и въ чисто земледѣльческихъ, и, отчасти, степень культурности, это отношеніе къ сбереженіямъ. Изъ отчета государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1907 г. съ очевидностью бросается въ глаза гораздо большій успѣхъ сберегательныхъ операцій въ великорусскихъ мѣстностяхъ съ развитой промышленностью, чѣмъ въ земледѣльческихъ. Такъ во Владимірской губерніи на 1 жителя приходится владовъ—16 руб. 82 коп., въ Орловской—8 р. 19 к., въ Курской—7 р. 55 к., въ Тамбовской—7 р. 48 к. Такимъ образомъ во всемъ строѣ жизни фабрично-промышленныхъ мѣстностей сказывается нѣсколько повышенный тонъ, сравнительно съ мѣстностями земледѣльческими. Фабрика вноситъ шумъ въ мѣстную жизнь, будитъ пытливость простого ума, наталкиваетъ на массу новыхъ вопросовъ.

Существуетъ мнѣніе, что самый чистый русско-славянскій типъ, сохранился у сѣверныхъ великороссовъ, жителей Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Новгородской губерній. Условія жизни сѣвернаго великоросса во многомъ отличны отъ жизни его въ центральныхъ губерніяхъ. Громадныя пространства и слабая плотность населенія характеризуютъ сѣверно-русскую жизнь. Вологодская губернія немного менѣе Германіи, или Франціи, Архангельская въ $1^{3}/_{4}$ раза болѣе каждаго изъ названныхъ государствъ. Но за то въ отношеніи плотности населенія губерніи эти стоятъ низко. Въ Архангельской въ 1905 г. на кв. версту падало 0,5 человѣка; въ Вологодской—4,2; въ Олонецкой—3,6; въ Новгородской—14,7 человѣкъ. Такое явленіе обусловливается прежде всего природой мѣстности. Не говоря объ Архангельской губерніи, сѣверъ которой на сотни верстъ занятъ тундрами, а обитатели—лопари и самоѣды являются номадами, и въ губерніи напр. Вологодской въ цѣлыхъ уѣздахъ (Сольвычегодскомъ, Яренскомъ, Устьсысольскомъ) на пашню и луга приходится всего лишь 2% всей земли, занятой по преимуществу лѣсами и болотами; въ другихъ уѣздахъ той-же губерніи (Вельскомъ, Тотемскомъ, Никольскомъ, Устюгскомъ) на пашню, луга и выгоны подаетъ 9% земли, и т. д. Населеніе сѣверныхъ губерній преимущественно великорусское. Остатки финскихъ племенъ—чудь бѣлоглазая, карелы—больше всего сохранились въ губерніи Олонецкой, но и здѣсь они составляютъ лишь $^{1}/_{5}$ всего населенія губерніи, остальная часть чисто русская. Славянская колонизація проникала сюда изъ Новгородской области почти одновременно съ колонизаціей Владиміро-Суздальской Руси. Но разница въ томъ, что сѣверная страна—все „заволочье“, Обонежье, Вятка, Югорская Русь долго потомъ оставались провинціями Новгородской республики. Это были колоніи, созданныя предпріимчивыми новгородцами при озерахъ, по сѣверной Двинѣ и другимъ рѣкамъ края. Съ покореніемъ Новгорода Москвой въ концѣ XV-го вѣка, провинціи его вошли въ составъ Московскаго царства. Одно обстоятельство выгодно отражалось на хозяйственной странѣ въ жизни сѣвернаго края. Къ концу своей вольности Новгородъ превратился въ слишкомъ аристократическую республику въ отношеніи землевладѣльческомъ. Небольшая кучка бояръ и именитыхъ купцовъ новгородскихъ владѣла громадными помѣстьями-волостями. И отъ „оброковъ“, „кормовъ“ и „податей“ крестьянство бѣжало на свободныя отъ помѣщичьяго гнета сѣверныя земли. Здѣсь сѣверное крестьянство создало оригинальныя формы хозяйственнаго быта, которыя успѣшно помогали въ борьбѣ съ дикой, непривѣтливой природой. Особенность эта заключалась въ развитіи такъ называемаго складническаго или товарищески-союзнаго хозяйства. Складникъ, сяберъ, товарищъ Холмогорскихъ и Устюжскихъ провинцій создалъ долевую организацію деревенскаго землевладѣнія, которая превратилась затѣмъ въ типичную для всей Великороссіи общину. Сѣверный край процвѣталъ особенно, когда открытъ былъ водный путь въ Россію англичанами черезъ Бѣлое море. Громадные обозы хлѣба потя-

нулись къ Архангельску съ низовыхъ земель по Вологодскому тракту. Край сталъ настолько оживленнымъ въ торговомъ отношеніи, что крупнѣйшими землевладѣльцами того времени, монастырями, по многимъ пунктамъ, главнымъ образомъ на берегахъ Сѣверной Двины, открыты были торговые амбары и складочныя помѣщенія для скупки хлѣба и иныхъ продуктовъ и товаровъ, обращавшихся въ краѣ.

За послѣдніе два вѣка русской исторіи сѣверный край былъ какъ бы заброшенъ. Вся жизнь и государственная забота ушли въ коренную Россію или въ созданіе новыхъ областей съ неисчерпаемыми богатствами на югѣ. Угрюмый сѣверъ предоставленъ былъ самому себѣ, и трудно было ему безъ государственной помощи поднять свою культуру. А между тѣмъ это край совсѣмъ не бѣденъ естественными богатствами.



Великороссъ Новгородской губ. Крестецкаго у.

Вся жизнь Архангельской губерніи сосредоточена на берегахъ Сѣверной Двины, этой спокойной красавицы Сѣвера. Великорусское населеніе занимается хлѣбопашествомъ и лѣсными промыслами. Формы земледѣльческаго хозяйства сѣверныхъ губерній носятъ первобытный характеръ. Трехполье является невозможнымъ для сѣвера. Почва болотиста или песчана, а въ распоряженіи земледѣльца имѣется небольшой промежутокъ въ три—четыре мѣсяца, когда можно заниматься обработкой земли. На сѣверѣ лѣса очищаются подсѣчнымъ способомъ, чтобы въ теченіе двухъ-трехъ-четырехъ лѣтъ обработывать получившееся поле. Часто уже на второй годъ послѣ льна, ячменя или пшеницы (яровой) земля истощается, и ее засѣваютъ тимофеевкой на сѣмена, а дальше она снова заростаетъ лѣсомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поле замѣняютъ заливные луга. Таковъ напр., Холмогорскій уѣздъ.

Кромѣ хлѣбопашества сама природа указала сѣверянину быть рыболовомъ, звѣроловомъ-охотникомъ, полѣсовщикомъ, смолокуромъ. Всѣми названными промыслами сѣверный великороссъ занимается довольно усердно, хотя и не всегда умѣло. Рыболовы напр до сихъ поръ не практикуютъ соленія рыбы, а ограничиваются лишь вяленіемъ и сушкой. Разработка лѣсныхъ матеріаловъ сосредоточена вся въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ; мѣстное крестьянское населеніе является лишь рабочей массой. Всѣ лѣсныя площади сѣвера принадлежатъ казнѣ или удѣламъ, такъ что въ пользованіи лѣсомъ мѣстное населеніе стѣснено.

Несмотря на суровыя условія зажиточность крестьянскаго населенія здѣсь нисколько не ниже, если не выше, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Крестьянское жилище на сѣверѣ болѣе просторное и чистое. Благодаря тому, что среди сѣверянъ масса раскольниковъ, въ общемъ у нихъ меньше пьянства, крѣпче семейные устои и авторитетъ старшихъ. Бѣднѣе населеніе Олонецкой губерніи, гдѣ въ крестьянской избѣ чаще можно встрѣтить такъ называемый „корявый“ хлѣбъ, т. е. испеченный наполовину изъ муки и наполовину изъ соломы и отрубей.

Очень типичной въ смыслѣ переходномъ отъ сѣвернаго характера великорусской жизни къ центральному является губернія Новгородская въ сѣверныхъ ея уѣздахъ—Кириловскомъ, Устюженскомъ, Тихвинскомъ, Бѣлозерскомъ. Плотность населенія здѣсь ниже 10 человѣкъ на кв. в. Условія занятія сельскимъ хозяйствомъ очень плохи, такъ что пашня напр. въ Бѣлозерскомъ и Кириловскомъ уѣздахъ составляетъ лишь 4,7% всей удобной площади земли, а въ Тихвинскомъ уѣздѣ 4%.

И тѣмъ не менѣе сельское хозяйство составляетъ основное занятіе крестьянъ. Но здѣсь, въ отличіе отъ сѣвера, помѣстные землевладѣніе было слишкомъ развито. И послѣ 1861-го года крестьянское надѣльное землевладѣніе по размѣрамъ почти вдвое меньше помѣщичьяго. Въ лѣсистыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ губерніи хозяйство носитъ характеръ лядиннаго или подсѣчнаго; въ южныхъ же уѣздахъ господствуетъ трехполье. По отхо-отхожимъ промысламъ Новгородская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ Ярославской и Тверской губерній. Особенно много новгородцевъ крестьянъ и мѣщанъ живетъ въ Петербургѣ.

Великороссы Псковской и Петербургской губерній въ характерѣ своего хозяйственнаго быта ничѣмъ не отличаются отъ новгородцевъ. Псковъ былъ въ старину пригородомъ, младшимъ братомъ Великаго Новгорода и усвоилъ весь обиходъ его жизни. Позже онъ сталъ самостоятельнымъ, и въ немъ было сильно вліяніе нѣмецкаго Ливонскаго Ордена. Въ Петербургской губерніи великорусскія поселенія составляютъ большинство въ уѣздахъ, входившихъ въ старыя Новгородскія пятины (Гдовскій, Ямбургскій съ селомъ Наровскимъ, теперь гор. Нарва, Лужскій, Новоладожскій); въ остальныхъ уѣздахъ великорусскія поселенія перемѣшаны съ финскими и латышскими. Самой богатой колоніей Новгородской въ старину была Вятка. Послѣ паденія Новгорода весь край вмѣстѣ съ „Заволочьемъ“ (Вологодская губ.) долго еще оставался самостоятельнымъ, какъ отдѣльная колонія. Край былъ въ рукахъ именитыхъ людей Строгановыхъ. Культура духовная привита была въ краѣ въ XIV вѣкѣ св. Стефаномъ Пермскимъ, который обратилъ въ христіанство зырянъ. Губерніи Вятская и Пермская великорусскія губерніи (въ первой русскихъ 77%, во второй 90%); но по своему географическому положенію край этотъ представляетъ оригинальныя черты. Вятская губернія расположена ужъ на отрогахъ Урала, Пермская же переходитъ черезъ него, врѣзаясь своей восточной частью въ Азію. Поэтому главный интересъ мѣстной жизни горнозаводская промышленность. Уже одно то обстоятельство, что желѣзнымъ заводамъ въ Вятской губерніи принадлежало въ концѣ XIX в. около 700.000 десятинъ земли говоритъ о характерѣ мѣстной жизни. Что касается великорусскаго крестьянства, то оно, какъ и вездѣ, занимается здѣсь обычнымъ

хлѣбопашествомъ, особенно по берегамъ рѣкъ. Вятская губернія славится своими кустарными промыслами. Болѣе всего распространено кожевенное производство.

На сѣверѣ, по мнѣнію многихъ, сохранился наиболѣ чистокровный славяно-великорусскій типъ. Изслѣдователи старины, дѣйствительно, чаще всего ищутъ типичную старину на сѣверѣ. Въ то время какъ въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Саратовской былинъ кіевскаго цикла собрано не болѣе десяти въ каждой, въ Архангельской губерніи ихъ собрано 34, въ Олонецкой—до 300. Новгородскія былины также въ большинствѣ собраны на сѣверѣ. Былинный эпосъ съ своимъ спокойствіемъ, богатствомъ и отчетливостью въ изображеніи бытовыхъ чертъ, съ наивной живостію передачи отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни богатырей могъ, конечно, гораздо легче сохраниться только въ глухихъ лѣсахъ сѣвернаго края. Занесенный разъ туда колонизаторомъ славяниномъ, онъ оставался наиболѣе чистымъ, какъ и самъ хранитель этихъ пѣсенъ старины.

IV.

Русскій языкъ и его говоры.—Духовный бытъ великороссовъ: пѣсни и пословицы, характеризующіе семью: обряды, обычаи и праздники.—Отношеніе къ религіи.—Расколъ.—Русскія города.—Общая характеристика великороссовъ.

Языкъ служитъ яркимъ выразителемъ народнаго духа и характера. Въ русскомъ языкѣ есть индивидуальная красота и цѣльность; Въ немъ нѣтъ тяжеловѣсныхъ словъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ, и тѣмъ не менѣе сложныя слова онъ составляетъ съ такой же легкостью, какъ и послѣдній. Гортанные звуки способны сочетаться въ нашемъ языкѣ съ интонаціями очень мягкими и нѣжными. Литературнымъ языкомъ русской народности является языкъ великорусскаго племени, который распадается на нѣсколько нарѣчій. „Первымъ нарѣчіемъ великорусскимъ будетъ у насъ *московское*, самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространенію своему на всю Русь“, говоритъ В. И. Даль. „Московскимъ нарѣчіемъ говоритъ самая небольшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и правительственный, и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ русскихъ, московскаго дворянства и купечества“... „Въ Москвѣ говорятъ *свысока*, *высокою рѣчью*, то-есть любятъ гласный звукъ *а* и замѣняютъ имъ звукъ *о*, коли на немъ нѣтъ ударенія. Говорятъ: *харашо*, *гаварить*, *талкавать*, но это а́канье бываетъ умѣренное, иногда *а* слышится только почти полугласное; оно составляетъ средину между двумя говорами, которые рѣзко и до приторности придерживаются двумъ крайностямъ: рѣчи на *а* и на *о*“... „Въ Московской губерніи говорятъ различно: въ *Клинѣ* — по-новгородски; въ *Можайскѣ* — почти по-смоленски (хвилинъ, целовѣкъ, уфостье); въ *Коломнѣ* — порязански; въ *Богородскѣ* — по-суздальски. Во многихъ мѣстахъ Московскаго уѣзда можно слышать: *ндравъ*, *лицомъ*, *огневъ*; также *ручникъ* и *вечерница*, вмѣсто *утиральника* и *посидѣлокъ*“... „Отъ Москвы на востокъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, замѣтна уже наклонность производить звукъ *о* всюду, гдѣ онъ есть на письмѣ: около Владиміра о́канье достигаетъ уже высшей степени; тамъ для полногласія вставляютъ *о* во многія слова: Володиміръ, волóга (влага), бóлого (благо) и прочее; сверхъ того, даже самое *а*, безъ ударенья, нерѣдко обращается въ *о*: стоканъ, холатъ, озямъ, тороканъ, Огрофена, Просковья, Ондрей. Этотъ говоръ идетъ далѣе на востокъ черезъ всю Россію, не исключая и Сибири, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ подверженъ частнымъ измѣненіямъ, но вообще нигдѣ, кромѣ развѣ Костромы и Вятки, не достигаетъ такой крайности, какъ во Владимірѣ. Во Владимірской и Ярославской о́канье это уже впрочемъ много смягчилось тѣмъ, что бóльшая

часть мужского населенія промышляетъ внѣ родины своей; въ Костромской, мѣстами, весьма замѣтна примѣсь или вліяніе новгородскаго говора; но на Вяткѣ онъ невыносимо грубъ. Отъ Москвы на западъ высокій говоръ или аканье постепенно усиливается и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ нарѣчіе бѣлорусское, которое вовсе не терпитъ звука *о*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *а*; съ удареніемъ же—звукомъ *у* или *уы*"... „Отъ Москвы на сѣверъ языкъ принимаетъ говоръ новгородскій, который очень близокъ ко владимірскому, и, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ выказываетъ свои особенности, не менѣе того едва-ли представляетъ общій всему краю отличительный признакъ"... „На югъ отъ Москвы разливается нарѣчіе рязанское, которое отличаясь отъ западнаго или смоленскаго гораздо положительнѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго, раздробляется почти по губерніямъ на говоры. Въ рязанскомъ нарѣчіи акаютъ, замѣняя даже *е*, *ъ* буквами *а*, *я*, напримѣръ: *табѣ*, *ямцу*, сверхъ того, произносятъ окончанія *аго*, *яго* какъ оно пишется, не вставляя *в* вмѣсто *г*".

Народное творчество великоросса прежде всего вылилось въ народной пѣснѣ и пословицѣ. Въ великорусскомъ селѣ пѣсню можно слышать очень часто. Въ настоящее время въ народномъ быту происходитъ коренная ломка старинныхъ устоевъ. Заканчивается періодъ патріархальной формы деревенскаго быта, исчезаетъ старинная семья. Вмѣстѣ съ этими часто тяжелыми сторонами быта народнаго, къ сожалѣнію, исчезаетъ и самобытное народное творчество, какъ оно выразилось въ пѣснѣ. Распѣваемыя въ наше время пѣсни въ великорусской дэревнѣ общеизвѣстны: „Ванька ключникъ", „Во двѣнадцатомъ году", „Собирался нашъ Лександра свою армію смотрѣть" (смерть Александра I-го), „Я вечоръ въ лужкахъ гуляла", „А мы просо сѣяли, сѣяли", „Какъ во городѣ было во Казани", „Послѣдній нонѣшній денечекъ гуляю съ вами я друзья", и т. д. Наиболѣе же распространенный типъ современной деревенской пѣсни — небольшіе куплеты съ припѣвомъ „Сударыня, Сударыня, Сударыня моя". Вторженіе въ деревню этой пѣсни, зародившейся въ фабрично-трактирной средѣ городскихъ поселеній, свершилось не такъ давно. Сюжетъ ея почти исключительно воспѣваніе сердечныхъ дѣлъ, тонъ, нерѣдко, пошлый. Но вмѣстѣ съ тѣмъ по образцу ея стали составляться свои пѣсни, воспѣвающія разныя мелочи и часто съ большимъ остроуміемъ изображающія мѣстныя событія. Интересная черта этой пѣсни — соблюденіе размѣра и риѳмы, ради чего нерѣдко жертвуется содержаніемъ и смысломъ. Возвращающіеся изъ города съ фабрикъ, съ отхожихъ промысловъ приносятъ въ деревню совсѣмъ городскую пѣсню. Теперь вы услышите въ деревнѣ и „Солнце всходитъ и заходитъ", и „Ревѣла буря, громъ гремѣлъ, во мракѣ молнія сверкала, сидѣлъ Ермакъ, объятый думой на мрачномъ брегѣ Иртыша", и др.

Два момента жизни крестьянской во многихъ мѣстахъ Великороссіи до сихъ поръ сохраняютъ поэтическій обиходъ старинной пѣсни. Моменты эти—свадьба и похороны. Очень часто до сихъ поръ традиціонно исполняются въ деревняхъ сложные свадебные обряды. Смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ въ наше время конечно уже утрачены, но они имѣютъ громадную цѣнность для изученія быта народнаго вообще. Обряды сватанія съ засыломъ сватовъ или свахи къ родителямъ невѣсты, смотрины въ ея домѣ, запои или пропои вездѣ сохранились въ народномъ великорусскомъ быту.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ сквозитъ тотъ же старинный мотивъ о неволѣ, въ которую идетъ невѣста изъ своего родного дома. Много сохранилось обрядовъ, которые очень разнообразятся по отдѣльнымъ мѣстностямъ и даже селамъ и деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, сажаютъ напр. невѣсту и жениха на овечью шкуру, чтобы велись у нихъ овцы; во многихъ мѣстахъ женихъ притворно продѣлываетъ рѣзкія, грубыя дѣйствія по отношенію къ невѣстѣ, напр. вырываетъ платокъ изъ ея рукъ, или ударяетъ плеткой, въ знакъ того, что онъ становится главнымъ лицемъ надъ ней, ея хозяиномъ; на другой день послѣ свадьбы заставляютъ молодую приниматься за работу: велятъ носить дрова

или мести полъ. Ея работу начинаютъ притворно хулить, достается при этомъ и свахѣ или сватамъ.

Пословица—другая форма, въ которой непосредственно отражается народный бытъ и его духовный обликъ. Больше всего великорусскія пословицы удѣляютъ вниманія крестьянской семьѣ. Въ нихъ ярко выражены оба начала крестьянской семьи—кровное начало и общность хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ ея членовъ. Въ каждой крестьянской семьѣ хозяинъ-большакъ является управителемъ всего хозяйства и представителемъ во всѣхъ случаяхъ, касающихся семьи, какъ цѣлаго. „Безъ хозяина дворъ плачетъ"; „хозяинъ лежитъ и все лежитъ, хозяинъ съ постели—все на дѣлѣ"; „хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору". Старшій не долженъ потаковать младшимъ членамъ семьи, иначе будутъ „всѣ Иваны, да и всѣ большіе". Поэтому пословица совѣтуетъ:—„брани своихъ, чтобы чужіе боялись". „Домъ вести не бородой трясти".

Особенно ярко вылился въ пословицахъ взглядъ народный на женщину. Историче-

Изба Орловской губерніи.

ская несправедливость по отношенію къ женщинѣ рѣзко выразилась въ крестьянской великорусской семьѣ. Несмотря на то, что женщина здѣсь такая-же участница въ добываніи средствъ къ жизни, какъ и мужчина, что женщина наряду съ нимъ гнетъ свою спину на самыхъ тяжелыхъ полевыхъ работахъ,—все же она раба и источникъ всякаго грѣха—сосудъ діавола. „Курица не птица, баба не человѣкъ"; „бабій умъ что коромысло, криво, зубристо и на оба конца; „гдѣ чертъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ"; „семеро топоровъ лежатъ вмѣстѣ, а двѣ прялки врозь",—все пословицы, выставляющія женщину въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Пословица краснорѣчиво рекомендуетъ мужу учить свою жену, какъ существо отъ природы глупое, упрямое. „Люби жену какъ душу, тряси ее, какъ грушу"; „бей жену во младости, покой будетъ въ старости"; „бей жену молотомъ, будетъ золотомъ". До какого извращенія понятій и чувствъ доходило такое отношеніе къ женщинѣ, видно изъ того, что въ этихъ побояхъ, по народнымъ понятіямъ, какъ бы выражается любовь мужа къ женѣ. „Кто жены не бьетъ, милъ не живетъ"; „милый ударитъ тѣла прибавитъ", „милаго побои не долго болятъ", и т. д. Грубость нравовъ, грубость семейныхъ отношеній, гдѣ жена не остается въ долгу у мужа, также отмѣчена послови-

*

цами: „мужъ кошелькомъ, жена язычкомъ; мужъ клиномъ, жена блиномъ, а дойметъ“; „ѣхалъ бы прямо, да жена упряма“. Однако и иной взглядъ на женщину къ счастью не чуждъ народному сознанію. „Своя жена—своя краса“; „князю княгиня, крестьянину Марина, а всякому своя Катерина“; „у плохой бабы мужъ на печи лежитъ, хорошая сгонитъ“; „холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ“; „не дай богъ горѣть, да овдовѣть“. Иныя стороны семейной жизни: положеніе дѣвушки въ семьѣ, положеніе невѣстки, только что вошедшей въ домъ мужа, положеніе вдовы и солдатки, положеніе зятя, принятаго въ домъ, положеніе внѣбрачныхъ дѣтей—все нашло себѣ яркое выраженіе въ народной пословицѣ.

Въ Россію христіанство пришло въ готовомъ видѣ. Но въ дѣлѣ вѣры русскій народъ, особенно въ сѣверовосточной части, недалеко ушелъ отъ древности. Иностранцы, которые около 400 лѣтъ тому назадъ посѣщали Московское царство, указывали, что религія русскихъ сводилась къ однимъ внѣшнимъ обрядамъ. Колокольный звонъ не смолкалъ по городамъ и селамъ. Службы длинныя, посты строгіе, стоянья, земныя поклоны—вотъ что было главнымъ содержаніемъ вѣры въ Московской Руси. И тѣ же иностранцы удивлялись, что на Руси Святой совсѣмъ не слышно было проповѣди. Евангеліе мало было извѣстно русскому народу, и духовенство не старалось выяснять евангельскія истины. Въ наше время религіозность великорусскаго крестьянина выражается во внѣшнемъ исполненіи обрядовъ и таинствъ. Тѣ-же службы, посты и поклоны и удивительное отсутствіе связи между религіозными переживаніями и мотивами нравственнаго поведенія. Тѣмъ удивительнѣе, что въ Россіи, этой странѣ послушанія, гдѣ, по выраженію Н. И. Костомарова; „господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ“,—появился расколъ и за нимъ различныя религіозныя секты. Еще удивительнѣе, что многіе изъ этихъ сектъ происхожденія великорусскаго. Родиной напр. хлыстовства и первоначальной ареной дѣятельности перваго организатора секты была Владимірская губернія, именно Муромскій уѣздъ. Здѣсь, согласно легендѣ, на горѣ Городинѣ основатель хлыстовства, Данила Филиповъ, объявилъ себя „Саваоѳомъ“, „превышнимъ богомъ“, „богатымъ гостемъ“.

Скопческая секта также родилась въ Великороссіи. Основателемъ ея былъ кр. Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда Кондратій Селивановъ. Распространеніе свое первоначально получила она въ губерніяхъ Тамбовской, Орловской, Рязанской. Что касается раскола старообрядческаго, то, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, съ самого появленія своего онъ имѣлъ характеръ не просто религіозно-обрядовый, а религіозно-демократическій, а въ народной средѣ—народно-демократическій. Въ силу историческихъ условій расколъ подѣлился на слѣдующія крупныя группы: поповцы, безпоповцы и бѣглопоповцы; безпоповцы дѣлятся на цѣлую массу толковъ и согласій. По отчету оберъ-прокурора Св. Синода за 1894 г. всѣхъ раскольниковъ было въ Россіи до 13 милліоновъ. Самой сильной группой по своей организаціи, по матеріальнымъ средствамъ являются поповцы, пріемлющіе австрійское или Бѣлокриницкое священство. Рогожское кладбище въ Москвѣ является центромъ этой группы раскольниковъ.

Очень много богатыхъ великорусскихъ купеческихъ семей, въ частности московскихъ стоятъ въ рядахъ старообрядчества (Морозовы, Зимины, Башкировы и т. д.). Неблагопріятныя условія, въ которыхъ приходилось жить раскольникамъ, особенно изъ простого класса, наложили своеобразный отпечатокъ на домашній и общественный бытъ старообрядцевъ, заставили ихъ замкнуться въ тѣсныя общины и отгородить себя высокой стѣной отъ православнаго населенія.

Земледѣльческій по преимуществу характеръ быта великорусса отражается ярко на его религіозныхъ вѣрованіяхъ и настроеніяхъ. „Святые и чудотворцы, говорилъ Глѣбъ Успенскій, переведены на крестьянское положеніе: Св. Апостолъ Анисимъ переименованъ

въ Анисима овчарника, Іовъ многострадальный — въ Іова-горошника; Св. Аѳанасій Великій переименованъ просто въ Аѳанасія-ломоноса, потому что около дня его имени 18 января бываютъ сильные морозы, отъ которыхъ кожа слѣзаетъ съ носа. Св. преподобно-мученица Евдокія именуется „Евдокея-плющиха, подмочи порогъ", такъ какъ 1-го марта таетъ, плющитъ снѣгъ. Герасимъ-грачовникъ Ирина Разсадница, „на Кузьму—сѣй свеклу", Лукерья-комарница, Акулина-гречишница и т. д. и т. д."

Самые праздники народные, зимніе и лѣтніе—Святки, Масляница, Пасха, Троицынъ день, Иванъ-Купало, приноровлены къ двумъ моментамъ—повороту солнца на лѣто и повороту на зиму. Обычай празднованія святокъ беретъ свое начало еще въ языческой древности. Въ старину обрядъ колядованія совершался по всей Руси. Въ настоящее время въ чистомъ видѣ обрядъ этотъ сохранился лишь въ Малороссіи и отчасти Бѣлоруссіи. Въ великорусскихъ же губерніяхъ, если гдѣ и сохранился, то участіе въ немъ принимаетъ главнымъ образомъ дѣтвора, которую привлекаютъ подарки и подаянія, славятъ не коляду, а Овсея. Сохранился также во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи обычай рядиться. Обыкновенно парни и дѣвушки надѣваютъ на себя какіе-либо драные костюмы или выворачиваютъ шубы овчиной вверхъ, а на лица надѣваютъ маски—страшныя звѣриныя рожи или изображенія домового, лѣшаго, водяного. Такъ какъ ряженье считается грѣхомъ, то во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай для очищенія купаться въ Крещеніе въ той проруби, гдѣ святятъ воду—въ Іордани.

Въ большей чистотѣ сохранился другой праздникъ—масляница. Въ Великороссіи онъ справляется разгульно и весело. Пьютъ, ѣдятъ блины, катаются съ горъ; въ большихъ селахъ катаются на лучшихъ саняхъ, въ лучшей упряжи, въ лучшей зимней одеждѣ. Не даромъ, если хотятъ выразить мысль о веселой, привольной жизни, говорятъ; „не житье, а масляница". Въ этомъ праздникѣ переплелись самыя различныя настроенія. Здѣсь и языческая тризна по жестокой уходящей зимѣ—не даромъ при проводахъ масляницы жгутъ чучело изъ соломы; здѣсь и обычай поминовенія родителей,—„первая оттепель, вздохнули родители", здѣсь и простодушное приготовленіе къ великому посту обильными яствами и питіями. Цѣлой вереницей проходятъ весенніе праздники, начиная святой недѣлей Пасхи, которая является, какъ бы „одинъ Великъ день". Слѣдующая недѣля Ѳомина, такъ наз. Красная горка—недѣля поминальная съ одной стороны и недѣля свадебная съ другой. Затѣмъ слѣдуетъ Троицынъ день—зеленыя святки, Иванъ-Купало. Въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ справляется преимущественно дѣвичій праздникъ „Семикъ". Праздникъ этотъ, въ старину посвященный богинѣ весны, свѣтлокудрой Ладѣ, справляется и теперь въ Великороссіи, хотя съ другимъ конечно значеніемъ. Дѣвушки цѣлыми деревнями отправляются въ рощу, на берегъ рѣчки—завивать березки, „играть пѣсни", пировать. Березку обвиваютъ часто лентами, украшаютъ вѣнками и водятъ около нея хороводы. Семицкая березка въ захолустныхъ углахъ Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской и др. губерній для непритязательной деревенской молодежи является желаннымъ праздникомъ

Иванъ-Купало—день всякихъ оборотней, вѣдьмъ, колдуновъ и всякій нечисти—также начинаетъ вымирать. Наивная поэзія вообще уходитъ изъ жизни. Рѣдко, гдѣ зажигаются купальскіе огни, а если и зажигаются, то обстановка и настроеніе молодежи иное, и пѣсня другая. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ ритуалъ справляется и доселѣ, какъ напр. въ Костромской губерніи. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ наканунѣ Иванова дня въ день Аграфены-купальницы деревенскія дѣвушки собираются на бесѣду, устраиваютъ пирушку, затѣмъ всѣ бѣгутъ въ рѣку купаться, чтобы, умывшись, идти на купальскіе огни.

За Ивановымъ днемъ начинается лѣтняя деревенская рабочая страда.

Города и городская жизнь центральной Россіи конечно сохранили мало индивидуальныхъ особенностей великорусской народности. Одни лишь памятники старины являются

свидѣтелями самобытныхъ началъ народной жизни. Исторія городовъ въ центральной, сѣверовосточной Руси нѣсколько отлична отъ исторіи городовъ Южной Руси. Тамъ каждый городъ развился самостоятельно, независимо отъ другихъ. Кіевъ былъ лишь первый между равными и не пытался поработить сосѣдей. Не то въ Московской Руси. Москва свела на нѣтъ большинство великорусскихъ городовъ. Чтобы придать себѣ больше силы и славы Москва перевезла изъ другихъ городовъ великорусскія святыни.

Городское населеніе Великороссіи сравнительно съ сельскимъ ничтожно. Жителей свыше 100.000 въ центральной Россіи имѣютъ только два города—Москва и Тула. Отъ 50 до 100.000 имѣютъ Нижній-Новгородъ, Курскъ, Ярославль, Орелъ, Иваново-Вознесенскъ, Тверь, Пенза, Воронежъ. Остальные, даже губернскіе города являются средними городскими поселеніями. Что же касается городовъ уѣздныхъ, они чаще являются совсѣмъ небольшими поселеніями въ городскомъ смыслѣ, сплошь и рядомъ имѣя не болѣе 2—3.000 жителей. Часто уѣздные города имѣютъ значеніе только какъ административные центры. Торгово-промышленное же значеніе отходитъ къ крупнымъ поселеніямъ—сельскимъ. Цѣлый рядъ старинныхъ городовъ, бывшихъ когда то стольными городами удѣльныхъ княжествъ, превратился теперь въ маленькіе уѣздные города съ мелкими промыслами. Таковы напр. Ростовъ, Суздаль, Переславль Залѣсскій, и др. Только обиліе церквей говоритъ о ихъ быломъ значеніи. Въ Суздалѣ напр., или Переславлѣ жителей около 7—8 тысячъ въ каждомъ; церквей же въ Суздалѣ 38 и четыре монастыря, изъ которыхъ одинъ Спасо-Ефимьевскій—бывшая знаменитая Суздальская крѣпость; въ Переславлѣ 25 церквей и 4 монастыря. Всѣ такіе старинные города представляютъ громадный интересъ для археологическихъ изслѣдованій. Въ большинствѣ изъ нихъ сохранились земляные валы, окружавшіе въ старину центральную часть города; въ нѣкоторыхъ остались и кремли, окруженные каменными стѣнами. Особенный интересъ представляютъ старинныя церкви и палаты.

Въ Великороссіи не было условій, которыя способствовали бы возникновенію городовъ въ новое время, какъ то было въ недавно завоеванныхъ и заселенныхъ областяхъ, гдѣ города растутъ на нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ роста торговли и промышленности. Въ Великороссіи старые центры кипучей торговли въ наши дни являются незначительными центрами. Развѣ похожъ Новгородъ или Псковъ нашихъ дней на тотъ Великій Новгородъ, который воспѣваютъ былины и пѣсни? Развитіе кустарныхъ промысловъ въ центральной Россіи, привычка населенія къ ярмаркамъ и коробейникамъ не мало способствовали тому обстоятельству, что рядовые уѣздные города плохо росли и развивались. Великороссія гордится, однако, однимъ своимъ городомъ—первопрестольной столицей Москвой. Мѣстоположеніе Москвы очень живописно. До сихъ поръ городъ поражаетъ иностранцевъ своею самобытностію. Національному сознанію Москва дорога своими памятниками и своей культурой. Еще иностранные писатели сравнивали Москву по ея красотѣ и значенію для русскихъ съ Іерусалимомъ. Дѣйствительно Москва полна святынями, полна памятниками великорусской старины. Кремль съ древними соборами приводитъ на память былое русской жизни—великое и малое, славное, тяжелое и горькое.

Изъ остальныхъ городовъ необходимо выдѣлить Тулу, развившуюся благодаря сосредоточенію здѣсь оружейныхъ и патронныхъ заводовъ, Нижній-Новгородъ, знаменитый своей ярмаркой, Ярославль, Рыбинскъ, Тамбовъ, Козловъ, Елецъ, Пенза, Воронежъ—послѣдніе города дворянски-помѣщичьяго склада, богатые хлѣбной торговлей; таковы же отчасти Рязань, Орелъ и Курскъ. Новгородъ, Псковъ, Владиміръ, Муромъ,—о всѣхъ этихъ городахъ въ наше время нельзя ничего сказать кромѣ того, что они извѣстны святынями и древностями.

Большинство центральныхъ городовъ не блещетъ внѣшнимъ видомъ. Каменныхъ построекъ мало, улицы широкія, часто не мощеныя, а потому грязныя и пыльныя, дома

чаще одноэтажные, раскрашенные въ яркіе цвѣта, въ центрѣ гостиный дворъ или базаръ; здѣсь же часто деревянная каланча съ неизмѣннымъ пожарнымъ. Города наши, такъ же какъ и села, періодически выгораютъ, послѣ чего обыкновенно появляется гораздо больше каменныхъ построекъ. Большинство городовъ имѣетъ общественные сады, гдѣ лѣтомъ устраиваются гулянья. Въ городахъ приволжскихъ бульвары эти обыкновенно имѣютъ прекрасный видъ на могучую Волгу. Городскія управленія мало заботятся объ удовлетвореніи и развитіи потребностей и вкусовъ населенія.

„Описать свойства народа", говоритъ Кавелинъ, значитъ написать его исторію, а не начинать книгу выбранными на удачу характеристиками, часто случайными и односторонними"... Русскихъ славянъ напр. часто описываютъ добродушными, гостепріимными, кроткими, воинственными, храбрыми, набожными, любящими пѣсни, пляски и музыку. „Но какъ составить себѣ, продолжаетъ Кавелинъ, по этимъ признакамъ понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени; сколько народовъ имѣютъ описанныя свойства"! Тѣмъ не менѣе мы приведемъ мнѣніе о великороссахъ одного французскаго писателя Мишле. „Человѣкъ въ Россіи, говоритъ онъ, не похожъ на сѣвернаго жителя; у него нѣтъ ни дикой энергіи, ни угрюмой важности, характеризующихъ послѣдняго. Русскіе скорѣе похожи на южанъ, это видно съ перваго взгляда по ихъ поступи, по ихъ проворству и подвижности. Очень кроткіе и мягкіе нравомъ, любящіе своихъ близкихъ, откровенные и поспѣшные въ сердечныхъ изліяніяхъ, великороссы однако склонны поклоняться силѣ". Дѣйствительно въ народной средѣ мы постоянно имѣемъ возможность наблюдать какую то удивительную смѣсь самого дикаго насилія и свѣтлой, чистой доброты.

Великороссы (Сѣвскій уѣздъ Орловской губерніи).

Другіе писатели, напр. Leroi-Beaulieu, отмѣчаютъ въ характерѣ великоросса извѣстную вдумчивость, сосредоточенность мысли, его стремленіе постичь самую суть и корень вещей. Послѣдняя черта часто переходитъ въ расплывчатость мысли и своего рода мечтательность. Отсюда типичная для великоросса меланхолія, которая по выраженію названнаго писателя, какъ бы льется съ неба и изъ воздуха.

Третьи писатели отмѣчаютъ практическій складъ ума великоросовъ по сравненію съ ихъ братьями малороссами. И объясненіе здѣсь напрашивается само собой. Великороссу пришлось вынести упорную борьбу за существованіе среди скудной природы. Недаромъ въ одной Ярославской губерніи можно насчитать болѣе ста видовъ подсобныхъ промысловъ, которыми занимается сельское населеніе.

Много и хорошаго и дурного сплетается обыкновенно въ характерѣ каждой народности.

За народность великорусскую, за ея поступательное движеніе по широкой дорогѣ развитія и культуры, намъ кажется, можно быть спокойнымъ. Великорусская литература и поэзія за послѣднее столѣтіе заняли мѣсто въ пантеонѣ искусствъ наряду съ литературно-художественнымъ наслѣдіемъ народностей, прошедшихъ длинную и блестящую исторію. Этотъ вполнѣ заслуженный успѣхъ русской литературы, передъ которой съ удивленными глазами и часто восторгомъ останавливалось западно-европейское общество, служитъ лучшимъ залогомъ дальнѣйшаго развитія великорусской народности. Откуда могло взяться это глубокое и острое пониманіе массовой и индивидуальной психологіи у русскихъ писателей, которое такъ сильно поражаетъ западную критику? Своеобразныя условія, въ какихъ протекаетъ духовная и матеріальная жизнь народная, глубокія, бурныя, часто тихія незамѣтныя переживанія родной страны научили ихъ этому искусству. Вѣдь сила глубина и красота русской художественной литературы въ томъ и состоитъ, что поэзія эта плоть отъ плоти и кость отъ кости народной.

В. Загорскій.

V.

Численность, происхожденіе и составъ русскаго населенія Сибири.—Вліяніе природы, жизненныхъ условій и сосѣдства инородцевъ на физическій типъ и характеръ русскихъ.—Крайніе типы.—Домашній бытъ: жилище, одежда, пища. Признаки оскуденія.

Около 80% населенія Сибирь (по переписи 1897 г., а теперь еще больше вслѣдствіе прилива не менѣе 2 мил. переселенцевъ за послѣднее десятилѣтіе),—коренные русскіе, главнымъ образомъ, великороссы. Еще въ 1897 г. въ двухъ губерніяхъ Западной Сибири, Тобольской и Томской, жило до 60% всего русскаго населенія Сибири, и больше всего въ Тобольской губ. (91,5%), гдѣ, такимъ образомъ, русскихъ было больше, чѣмъ въ Пермской, Вологодской и Оренбургской губерніяхъ. Но зато въ нѣкоторыхъ областяхъ Сибири преобладаютъ инородцы: въ Якутской, гдѣ русскіе составляютъ лишь 11,4% населенія, Акмолинской (37,7%), Семипалатинской (36%) и Приморской, гдѣ число русскихъ и инородцевъ въ 1897 г. было одинаково. Наиболѣе густое скопленіе русскихъ въ Сибири приходится на земли Кабинета Его Величества (т. н. Алтайскій округъ), гдѣ въ 1897 г. обитало 27% всего русскаго населенія Сибири.

Несмотря на огромный приливъ новоселовъ, коренные сибиряки преобладаютъ надъ новоселами. Хотя по происхожденію, религіи и языку сибиряки—тѣ же русскіе, но то обстоятельство, что предшествовавшія поколѣнія выросли въ новыхъ условіяхъ быта, въ непосредственной близости къ инородцамъ, не могло не сообщить ихъ физической и

духовной природѣ новыхъ чертъ. И въ этомъ смыслѣ можно говорить о сибирякѣ, какъ о нѣкоторой разновидности общерусскаго если не племени, то типа.

Въ настоящее время коренные сибиряки представляютъ собою потомковъ, во 1-хъ, тѣхъ старинныхъ землеискателей, которые появились въ Сибири съ Ермакомъ и къ концу XVII вѣка уже добрались до отдаленнѣйшихъ частей Сибири, какъ Чукотскій полуостровъ и Аляска; во 2-хъ, потомковъ „гулящихъ людей", звѣропромышленниковъ и торговцевъ, которые проникали въ разные уголки Сибири не только одновременно и вмѣстѣ съ казаками-землеискателями, но иногда предшествовали имъ, привлеченные слухами о мѣховыхъ сокровищахъ Сибири. Этими „гулящими людьми", торговцами и звѣропромышленниками были преимущественно выходцы изъ сѣверной Россіи, нынѣшнихъ Архангельской, Вологодской и Вятской губерній; въ 3-хъ, потомковъ переселенцевъ, вольныхъ и невольныхъ, такъ какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Сибирь бѣжали помѣщичьи крестьяне и старообрядцы; съ другой стороны, правительство, особенно въ XVII в., переселяло въ Сибирь иногда цѣлыя деревни для занятія тамъ земледѣліемъ, чтобы служилые воинскіе люди могли питаться мѣстнымъ хлѣбомъ. Ссылались въ Сибирь и уголовные преступники, которые въ XVII ст. усаживались на землю, получали „подмогу" деньгами и скотомъ и обязывались доставлять въ казну извѣстный процентъ своего сбора хлѣба; посылались стрѣльцы (при Петрѣ В.) послѣ извѣстныхъ стрѣлецкихъ бунтовъ; помѣщики также широко пользовались своимъ правомъ ссылать въ Сибирь своихъ нѣкоторыхъ крестьянъ,

Крестьянка Тульской губерніи.

отъ которыхъ они желали отдѣлаться. Одновременно съ этимъ въ Сибирь бѣжали и тѣ, кому почему либо дурно жилось по эту сторону Урала, преимущественно конечно, помѣщичьи крестьяне. Первые русскіе насельники Сибири не имѣли своихъ женщинъ и постоянно жаловались на это обстоятельство, такъ что московское правительство въ XVII в. не разъ посылало въ Сибирь цѣлыя партіи „гулящихъ женокъ и дѣвокъ“ (т. е. молодыхъ вдовъ и свободныхъ дѣвушекъ) для выдачи ихъ замужъ за крестьянъ и служилыхъ людей въ Сибири. Но, конечно, русскихъ женщинъ было недостаточно, и сибирскіе переселенцы XVII в. сходились съ инородческими женщинами, на что очень жаловались мѣстныя духовныя власти. Это смѣшеніе русскихъ съ инородцами чаще всего происходило въ мѣстностяхъ Восточной Сибири, особенно въ Забайкальи и Якутской области. Въ настоящее время смѣшеніе становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, такъ что въ предѣлахъ Западной Сибири процессъ метизаціи русскихъ уже завершился, а въ Восточной Сибири становится все менѣе и менѣе замѣтнымъ.

По своему внѣшнему виду коренные сибиряки нѣсколько отличаются отъ великоруссовъ: у нихъ преобладаютъ темные или черные волосы, чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ блондины встрѣчаются рѣже и рѣже, а брюнеты чаще и чаще, растительность на лицѣ не отличается особеннымъ развитіемъ, бросаются въ глаза лица съ болѣе широкими скулами. Въ общемъ сибирякъ коренастъ, крѣпокъ, имѣетъ довольно высокій ростъ, чѣмъ особенно отличаются забайкальцы. Женщины-сибирячки, особенно въ Восточной Сибири, не отличаются своей внѣшней привлекательностью. По своему духовному складу сибиряки, можно сказать, представляютъ еще больше отличій. Подобно тому, какъ у американскихъ скваттеровъ выработались извѣстныя свойства въ зависимости отъ борьбы съ окружающей природой и сосѣдями—индѣйцами, такъ и первымъ насельникамъ Сибири и ихъ потомкамъ пришлось жить и дѣйствовать въ странѣ пустынной, съ суровымъ климатомъ, покрытой густыми, непроходимыми тайгами, трудно доступными горами, изборожденной широкими и опасными рѣками, имѣть постоянное общеніе съ міромъ звѣрей, иногда очень кровожадныхъ и хищныхъ, изучать ихъ характеръ и обычаи, сталкиваться съ инородцами разныхъ племенъ. Естественно, что постоянныя впечатлѣнія извѣстнаго рода отъ живой и мертвой природы Сибири выработали въ немъ предпріимчивость, наблюдательность, практичность; незнакомство съ крѣпостнымъ правомъ укрѣпило въ немъ самостоятельность и стремленіе къ равенству; сосѣдство и знакомство съ инородцами передало ему многіе пріемы борьбы съ природой и привило ему спокойное и терпимое отношеніе къ чужой вѣрѣ и чужому племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ способность подмѣчать смѣшныя стороны въ людяхъ и вообще насмѣшливый складъ ума. Съ другой стороны, продолжительное общеніе съ инородцами привило сибиряку нѣкоторую дѣловитость, а уединенная жизнь въ тайгахъ, въ отчужденіи отъ міра, внѣдрила въ характеръ сибиряка загрубѣлость, холодный, разсчетливый взлядъ на все, своекорыстіе, преобладаніе личныхъ интересовъ надъ общественными. Привычка постоянно хитритъ съ инородцами и необходимость всякими мѣрами считаться съ произволомъ старинныхъ властей въ Сибири развили въ сибирякѣ скрытность, недовѣрчивость и осторожность, „себѣ на умѣ“. Но та же самая суровая природа заставила сибиряка стремиться къ знанію, уважать его и свѣдущихъ людей. Тѣ же причины помѣшали развитію у сибиряка вкуса къ изящному, къ музыкѣ и пѣнію, такъ что недаромъ Сибирь называютъ „безголосой“. Стремленіе къ украшенію жизни проявляется у сибиряка въ томъ, что онъ любитъ разводить комнатныя растенія и, по возможности, хорошо обставлять свое жилище. Едва только разбогатѣетъ сибирскій крестьянинъ или помѣщикъ, онъ уже не жалѣетъ денегъ на украшеніе своего жилища.

Благодаря многолѣтней жизни въ общеніи съ инородцами, сибиряки усвоили себѣ многое изъ инородческихъ обычаевъ, переняли много пріемовъ борьбы съ окружающей природой, въ особенности мѣры для защиты отъ холода, способы передвиженія, даже пищу

и способы ея приготовленія: мерзлую рыбу и сырую оленину, растопленное масло, какъ напитокъ (въ Якутской обл., во время страшныхъ холодовъ), кумысъ (особенно въ Степномъ краѣ), тарасунъ и сатуринъ (въ Забайкальѣ). Смѣшеніе съ инородцами путемъ браковъ въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири проявляется болѣе или менѣе замѣтно. Въ Забайкальѣ и Иркутской губ. отъ смѣшенія русскихъ съ бурятами получается смуглое, черноволосое и черноглазое потомство, иногда съ очень пріятными лицами; эти метисы называются карѣмами и карѣмками. Въ Западной Сибири подобныя лица характеризуются „калмыковатыми". Въ Якутской области много русскихъ, принявшихъ якутское обличье. Нужно замѣтить, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ Сибири смѣшеніе русскихъ съ инородцами оказалось крайне неблагопріятно для первыхъ: они стали малорослыми, слабосильными и неплодовитыми; ихъ умственныя способности и самый языкъ ухудшились. Русскіе Обдорскаго края вмѣсто *ш* произносятъ *с*, вмѣсто *ж*—*з*, а иногда наоборотъ („узе наси присли"), плохо выговариваютъ *ч*, *р* и *л* („тли лубля"). Отъ мѣстныхъ остяковъ эти русскіе переняли какое-то дѣтское сюсюканье. Русскіе Верхоленскаго уѣзда обурятились, вѣрятъ въ шамановъ, усвоили много бурятскихъ словъ. Русскіе крестьяне на Ленѣ сильно объякутились по внѣшнему виду, хорошо говорятъ по-якутски и плохо по-русски. Но гдѣ особенно сильно и печально сказалось вліяніе мѣстныхъ инородцевъ на русскихъ—такъ это въ Колымскомъ краѣ: тамъ русскіе люди малаго или средняго роста, съ головой, похожей на якутскую, косыми прорѣзами глазъ, широкими скулами, большой нижней челюстью, почти съ полнымъ отсутствіемъ растительности на лицѣ. Ихъ умственныя способности настолько слабы, что имъ трудно повторить три слова подъ-рядъ. Грамотѣ научаются они съ великимъ трудомъ. Они очень плохо знакомы съ православіемъ, обращаются къ шаманамъ и вообще преисполнены всякихъ суевѣрій. Порусски они говорятъ очень плохо, съ огромной примѣсью инородческихъ словъ, а русскія слова почти всѣ испорчены. Напр., они постоянно говорятъ: той онъ (господинъ), харенъ (жаль), иччска (холодно). „Оттуль церире шухаря достя" (откуда получилъ 4 сухаря)—вотъ образчикъ русскаго языка. У нихъ сохранились старинныя русскія пѣсни, но они уже не понимаютъ значенія большинства словъ. Прироста населенія у нихъ ужъ не замѣчается, и наоборотъ—прямая убыль. Вырожденіе русскихъ въ Колымскомъ краѣ произошло, вѣроятно, не столько отъ смѣшенія съ инородцами, сколько отъ крайне тяжелой обстановки ихъ жизни, почему они должны были переустроить почти всю свою жизнь на инородческій ладъ со всѣми его отрицательными сторонами.

Но наряду съ вырожденіемъ и упадкомъ русскаго типа въ той же Сибири встрѣчаются цѣлыя значительныя группы населенія, гдѣ этотъ типъ сохранился въ такой чистотѣ, въ какой онъ не встрѣчается и въ Европейской Россіи—это на Алтаѣ и въ Забайкальѣ. На Алтаѣ, въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, живутъ „поляки"—старообрядцы, переселенные туда при Екатеринѣ II (въ 1764 г.) изъ польскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи (послѣ разгрома Вѣтки, куда старообрядцы сошлись изъ центральныхъ губерній). „Поляки" отличаются высокимъ ростомъ и стройностью, часто волнистыми или вьющимися русыми волосами, большими глазами, прямымъ носомъ и правильнымъ овалomъ лица. По костюмамъ, ссобенно женскимъ, общему виду селеній, любви къ пѣснямъ и общественной жизни „поляки" сильно отличаются отъ сосѣднихъ сибирскихъ деревень. Чистоту типа и старинные обычаи и костюмы „поляки" сохранили потому, что, какъ старообрядцы, они не смѣшиваются не только съ инородцами, но даже съ сибирскими крестьянами. Ихъ теперь въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ до 30.000. „Каменьщики" — тѣ же „поляки", но только бѣжавшіе за „камень" (горы) на р. Бухтарму, въ поискахъ за волей, когда „поляки" были приписаны къ горнымъ заводамъ. Въ концѣ XVIII в. они просили Екатерину II о прощеніи и вновь были приняты въ русское подданство. Въ Забайкальѣ живетъ не менѣе 40.000 „семейскихъ"—тоже старообрядцевъ, переселенныхъ въ Сибирь, въ одно время съ

*

„поляками“ изъ Подоліи, куда они стекались отъ религіозныхъ преслѣдованій изъ соловецкихъ скитовъ. Какъ и „поляки“ на Алтаѣ, „семейскіе“ не смѣшиваются не только съ бурятами, но и съ русскими, отличаются приверженностью къ старинѣ и до того противятся всякимъ новшествамъ, что неохотно учатся грамотѣ въ министерскихъ школахъ, предпочитая своихъ начетчиковъ и церковную печать.

Сибирскіе старожилы, сибиряки въ тѣсномъ смыслѣ, дѣлятся на мѣщанъ, крестьянъ и казаковъ, причемъ самой многочисленной группой являются, конечно, крестьяне, т. к. сибирское городское населеніе составляетъ лишь 11% всего населенія Сибири. Казаковъ въ Сибири не болѣе 400.000 и они дѣлятся на западно-сибирскихъ (въ Акмолинской и Семипалатинской обл.), забайкальскихъ и амурскихъ. Казаки, какъ сословіе, уцѣлѣли еще въ Якутской области и въ Красноярскомъ, Иркутскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ. Казаки южно-уссурійскіе лишь недавно переселились изъ Донской области.

Бытовая обстановка сибиряковъ-старожиловъ крестьянъ представляетъ собою много своеобразнаго. Дома сибиряковъ крыты тесомъ, со множествомъ оконъ, состоятъ (у бѣдныхъ) изъ горницы и кухни („пяти стѣнныя‘ избы), а у богатыхъ изъ 3 комнатъ и кухни („крестовые“ дома). „Четырехъстѣнныхъ“ избъ (одно помѣщеніе съ печью и палатями) вообще мало. Иногда крашеныя ставни, рѣзныя деревянныя украшенія вокругъ оконъ и даже иногда и на крышѣ, прочныя хозяйственныя постройки по сторонамъ двора, теплый „пригонъ“ для скота, на задахъ огороды, овины и телятники—такова типичная внѣшность крестьянской усадьбы въ Сибири. Стѣны и потолки въ комнатахъ выбѣлены, полы покрыты бѣлыми холстинковыми или разноцвѣтными половиками, вдоль стѣнъ размѣщены крашеные деревянные столы, стулья и диваны, на окнахъ цвѣты (бальзамины, герани, столѣтники, фуксіи). Въ одной изъ комнатъ находится широкая кровать съ пуховикомъ и горой подушекъ въ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, со стеганымъ на шерсти одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Кровать обыкновенно помѣщается за ситцевой занавѣской. Въ переднемъ углу комнаты иконы часто на полочкѣ—божницѣ. Окна иногда украшены занавѣсками, кисейными или вязаными. Пища старожила пока еще сытна и обильна; съ чаемъ обыкновенно онъ употребляетъ пшеничный хлѣбъ; картофель, сало, яйца, молоко и молочные продукты стоятъ на первомъ планѣ въ обѣдѣ сибиряка въ мясоѣдъ; рыба и мясо ежедневно употребляются каждой зажиточной крестьянской семьей. Обычная пища сибирскаго крестьянина однообразна, но сытна: холодный студень, разныя каши на молокѣ и на водѣ, жареный картофель съ масломъ и сметаной, жареное въ салѣ мясо, разныя похлебки изъ капусты, крупы или картофеля съ мясомъ, жареная баранина или свинина. Въ посты употребляются щи съ капустой и крупой, каши, пироги съ рыбой, пареныя въ чугунахъ рѣпа и брюква, „горошница“ (сваренный въ водѣ и политый постнымъ масломъ горохъ). Нужно сказать, что питаніе сибиряка все болѣе и болѣе ухудшается: всюду развившееся въ Западной Сибири маслодѣліе отнимаетъ много молочныхъ продуктовъ отъ крестьянской пищи, а вывозъ мяса въ Европейскую Россію сократилъ и употребленіе мяса.

Что касается одежды, то сибирякъ-старожилъ не можетъ пожаловаться на ея недостатокъ или также качество. Обувь сибиряка лѣтомъ состоитъ изъ высокихъ сапогъ, а зимой изъ „пимовъ“ (черныхъ или бѣлыхъ валенокъ съ красными крапинами, расположенными узорами) и изъ бродней (длинная обувь изъ кожи, съ мягкой внутренней подошвой, завязывающаяся ремешкомъ подъ колѣномъ). Лаптей сибирякъ не носилъ никогда. Отъ зимняго холода сибирякъ защищается недубленными овчинными шубами, дохами, теплыми шапками и кожаными рукавицами поверхъ вязанныхъ изъ шерсти варежекъ. Лѣтомъ носятся азямы, армяки и шабуры (короткій зипунъ безъ пуговицъ). Рубахи и шаровары дѣлаются теперь изъ привозныхъ матерій—ситца, бумазея, миткаля, плиса. Прежнія домодѣльныя пестряди и холстъ смѣнились привозными мануфактурными издѣліями. Наря-

жаться по новому особенно любятъ женщины, и старинные сарафаны всюду, за исключеніемъ „семейскихъ“ и „поляковъ“ смѣнились кофтами и юбками.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что благосостояніе сибиряка-старожила теперь всюду пошатнулось, питаться онъ сталъ хуже, постройки возводитъ менѣе обширныя, не имѣетъ такихъ запасовъ хлѣба и сѣна, какъ раньше, но все-таки онъ далекъ отъ того разоренія, которое угнетаетъ новосела, почему послѣдній съ завистью смотритъ на благосостояніе старожиловъ-сибиряковъ, которыхъ онъ называетъ „челдонами“. Казаки по по своему благосостоянію стоятъ ниже крестьянъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и торговлей съ киргизами. Зажиточность Забайкальскихъ казаковъ выше, чѣмъ мѣстныхъ крестьянъ, потому что они владѣютъ большимъ количествомъ удобной земли. Амурскіе казаки не отличаются домовитностью и зажиточностью: дома ихъ небольшіе, часто крыты древесной корой, усадьбы построены плохо, хозяйство ведется неудовлетворительно: лошади слабосильны, скотъ малоудойный, земля вспахана кое-какъ

П. М. Головачевъ.

Казаки.

Историческій очеркъ.—Природа Донской области.—Экономическія условія существованія, бытъ и служба донского казачества.—Уральское, Оренбургское и Астраханское войско.—Кубанскіе и Терскіе казаки.—Казаки Азіатской Россіи.

Казаками въ Московскомъ государствѣ называли всѣхъ, кто бросалъ насиженное мѣсто и уходилъ въ степь на волю. Эта вольница, занимаясь охотой и рыболовствомъ, соединялась въ военно-промышленныя артели, въ свободныя товарищества. Польское, а затѣмъ Московское государство принуждены были обратить вниманіе на степную голытьбу, которая представляла опасность для мирныхъ жителей и источникъ вѣчнаго безпокойства для правительственной власти. XVII-ый и XVIII вѣка характеризуются для казачества постепеннымъ переходомъ отъ вольной жизни къ подневольной подъ эгидой державы покровительницы, причемъ казачество принимаетъ участіе въ общенародной жизни. Въ теченіе этихъ же вѣковъ укрѣпляется въ казачьемъ сознаніи договоръ съ государственной властью, сущность котораго сводится къ тому, что правительство предоставляетъ казачеству пользованіе льготами, какъ и пользованіе занятыми землями, и самоуправленіе, казачество же обязуется охранять границы. Съ этихъ поръ казачество постепенно превращается въ военную силу. Долго сопротивлялось казачество, но въ концѣ концовъ покорилось: земли и кое-какія вольности были ему оставлены. Раньше изъ казачьей массы жизнь выковывала нѣчто самостоятельное и оригинальное, теперь та же жизнь стремительно разрушаетъ прежнія формы, пріобщая казаковъ къ общей массѣ русскаго населенія.

Въ настоящее время насчитывается 11 самостоятельныхъ казачьихъ войскъ, съ общей численностью войскового населенія приблизительно въ 6 милліоновъ. Большая часть войскъ была образована правительствомъ въ теченіе XIX-го вѣка; таковы Семирѣченское, Забайкальское, Амурское, Уссурійское и Сибирское казачества. Но эти вновь образовавшіяся войска немногочисленны. Ихъ бытъ, нравы и обычаи мало чѣмъ отличаются отъ житейскаго уклада окружающаго ихъ населенія.

Къ старымъ войскамъ, возникшимъ самобытно, принадлежитъ Донское войско. Донскіе казаки занимаютъ степное пространство своей области. Ихъ станицы раскинуты на большомъ пространствѣ. Въ тѣни левадъ (такъ называютъ въ степи рощи) спрятались онѣ, но лучи солнца освѣщаютъ въ темной зелени ослѣпительно бѣлыя стѣны. Хаты станичниковъ стоятъ чаще открыто, сверкая, какъ кусочки мѣла, разбросанные на солнцѣ.

Необходимая принадлежность каждой станицы—широкая, словно площадь, улица вдоль всего селенія, которая сливается на концахъ съ безграничной степью. Здѣсь расположены неизбѣжные казенная винная лавка съ гербомъ и номеромъ, станичное правленіе съ дремлющимъ на часахъ казакомъ, домъ станичнаго атамана, школа, домъ учителя, и надъ всѣми этими строеніями возвышается куполъ невысокой церкви. Маленькія станицы имѣютъ часто всего одну улицу. Обыкновенно станицы по величинѣ не уступаютъ городамъ. Въ другихъ случаяхъ казаки селятся хуторами. Хуторовъ разсыпано по степи многое множество. Они окаймляютъ станицы, вытягиваются вдоль степныхъ рѣкъ, встрѣчаются и въ открытой степи гдѣ-нибудь у колодца.

Самыя большія станицы расположены по теченію самого Дона. Донъ настоящая степная рѣка, спокойно извивающаяся между поемныхъ луговъ. Лѣвый берегъ богаче поемными лугами, такъ какъ здѣсь къ Дону прилегаютъ задонскія степи, „калмыцкая сторона", какъ говорятъ на Дону. Въ іюнѣ и въ іюлѣ задонскія степи оживляются, обращаясь въ человѣческій муравейникъ. Сюда отовсюду собираются косцы. Въ серединѣ лѣта верхній Донъ сильно пересыхаетъ и мелѣетъ, такъ что пароходы часто испытываютъ затрудненія, рискуя засѣсть въ пескѣ. Пристани встрѣчаются рѣдко, у прирѣчныхъ станицъ. На нихъ не наблюдается сутолки большихъ волжскихъ пристаней, такъ какъ сѣверная и особенно сѣверо-восточная часть Донской области еще вяло участвуетъ въ оживленномъ торговомъ обмѣнѣ, который такъ сильно даетъ себя чувствовать въ донскомъ торгово-промышленномъ Пріазовьи. Внѣшній видъ станицъ, расположенныхъ по среднему теченію Дона, мало чѣмъ отличается отъ внѣшности другихъ казачьихъ станицъ. Развѣ только чаще встрѣчаются вмѣсто мазанокъ хаты, выкрашенныя въ желтую краску, да близость рѣки придаетъ имъ нѣкоторое оживленіе. Начиная приблизительно отъ станицы Цымлянской, Донъ принимаетъ иной характеръ. Теченіе рѣки шире, русло глубже, и по рѣкѣ скользятъ не только буксирно-пассажирскіе катера, но и большіе, американскаго типа пароходы; чаще встрѣчаются буксиры, тяжело нагруженныя баржи и плоты. Пристани оживленнѣе, сильнѣе бросается въ глаза промышленный характеръ населенныхъ пунктовъ. Клубы чернаго дыма подымаются изъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ. Устья тихаго Дона представляютъ оживленную сутолку южно-русскихъ портовъ—Ростова, Нахичевани, Таганрога.

Юго-западная часть Донской области, наряду съ Екатеринославской губерніей, изобилуетъ минеральными богатствами, особенно каменнымъ углемъ. Здѣсь лежатъ копи и происходитъ добыча желѣза, марганца, ртути и т. п. Другое условіе, ставящее пріазовскій край въ сравнительно благопріятныя условія—это климатъ, дающій возможность произрастать даже винограду. Склоны холмовъ, сбѣгающіе къ рѣкамъ, покрыты пирамидальными кустами винограда. Благодаря теплому климату земледѣліе здѣсь менѣе страдаетъ отъ засухъ, чѣмъ хозяйство сѣверныхъ станицъ. Впрочемъ, земледѣліе въ южной части области находится въ лучшемъ положеніи не только благодаря климату, но и вслѣдствіе меньшей нужды въ землѣ, ставящей многихъ казаковъ, живущихъ въ сѣверной части области, въ безвыходное положеніе. 15 милліоновъ десятинъ, составляющихъ обширную площадь Донской области, распредѣлены между ея обитателями неравномѣрно. Земледѣліе ведется старыми способами, влекущими за собой быстрое истощеніе почвы и, кромѣ того, молодыя казачьи силы, также какъ и необходимыя для хозяйства деньги поглощаются военной службой, приводящей многія хозяйства къ совершенному разоренію.

Главная масса земли, около 9 милліоновъ десятинъ, находится въ рукахъ казаковъ земледѣльцевъ, владѣющихъ ею на общинныхъ началахъ. Эти земли, такъ называемые казачьи юрты, распадаются на паи, которые находятся въ непосредственномъ пользованіи отдѣльныхъ хозяевъ. Юрты подвергаются періодическимъ передѣламъ, какъ въ великорусской общинѣ. Казачій пай не одинаковой величины въ различныхъ частяхъ области.

Въ 1835 г. величина пая была установлена въ 30 десятинъ на дворъ, причемъ въ счетъ принимались и неудобныя земли, такъ что на дѣлѣ пай былъ меньше. Въ 60-хъ годахъ величина пая въ среднемъ колебалась около 20 десятинъ, теперь же средній надѣльный пай едва равняется 12, въ отдѣльныхъ же случаяхъ въ сѣверныхъ частяхъ области падаетъ до 4 и даже до одной десятины, тогда какъ на югѣ еще и теперь встрѣчаются станицы съ 30-десятиннымъ надѣломъ. Сѣверъ разоряется уже и теперь, а надъ югомъ уже нависъ призракъ разоренія, грозящій, но еще не воплотившійся въ дѣйствительности. Размѣры казачьяго надѣла уменьшаются еще тѣмъ, что часть казачьей надѣльной земли

Дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ (Новосильскій уѣздъ, Тульской губ.).

станичныя управленія сдаютъ въ аренду для покрытія станичныхъ расходовъ и для снаряженія на службу казаковъ, не могущихъ справиться своими средствами. Кромѣ того часть станичнаго юрта, нѣсколько сотенъ, а иногда и болѣе десятинъ луга каждая станица должна отдать подъ конноплодовые табуны, которые обходятся войску очень дорого и вмѣсто пользы и выгоды, какую могли бы приносить казачеству, являются хронической его язвой. Доходы отъ нихъ достаются кучкѣ казаковъ, выступающихъ въ роли частныхъ предпринимателей.

По недостатку земли многіе казаки покидаютъ земледѣліе и ищутъ другихъ заработковъ. Казакамъ нельзя разсчитывать на увеличеніе площади предоставленной

станицамъ земли въ будущемъ. Въ рукахъ войска находится еще около полутора милліона десятинъ свободныхъ запасныхъ земель, но три съ половиной милліона десятинъ находится въ общинномъ владѣніи крестьянъ, разселившихся отдѣльными островами среди казачьихъ станицъ, а около милліона десятинъ находится въ частномъ помѣщичьемъ владѣніи. Даже при раздачѣ запаснаго войскового земельнаго фонда и при принудительномъ отчужденіи помѣщичьей земли казаки получатъ ничтожныя прирѣзки, которыя не въ состояніи улучшить ихъ положеніе. Уже теперь замѣтно стремленіе къ переселенію, особенно изъ бѣдныхъ округовъ, на свободныя земли Азіатской Россіи. Оно зародилось давно, ясно указывая, какъ плохо живется земледѣльческой казачьей массѣ. Чтобы вести хозяйство на тяжелой черноземной почвѣ, при палящемъ зноѣ донского солнца необходимо по крайней мѣрѣ 3 пары воловъ или 4 лошади, средній же казакъ имѣетъ всего одну пару воловъ и одну лошадь, да и ту, по большей части, строевую, которую нужно беречь. Недостатокъ рабочаго инвентаря отражается пагубнымъ образомъ на веденіи хозяйства, иногда не давая возможности обработать даже незначительный надѣлъ или заставляя пахать поверхностно, царапать землю; а много скота не позволяетъ держать недостатокъ луговъ и отсутствіе денегъ для его покупки, такъ какъ деньги уходятъ на снаряженіе казака на военную службу. Въ такихъ случаяхъ продаютъ даже необходимую скотину, и хозяйство переходитъ въ разрядъ недостаточныхъ, а иногда, лишившись всей рабочей силы, превращается въ безлошадное и безволовое. Главный хлѣбъ Донской области, конечно, пшеница; другіе хлѣба, какъ напримѣръ рожь, жито, далеко не имѣютъ такого значенія. На югѣ области ведется также садовое и огородное хозяйство, которое мѣстами вытѣсняетъ пашню. Виноградники, разсаженныя шпалерами яблони, грушевыя и абрикосовыя деревья, арбузныя и дынныя бахчи широко раскинулись всюду, гдѣ есть вода, главнымъ образомъ по теченію рѣкъ. Изъ садовыхъ культуръ больше всего процвѣтаетъ виноградарство, захватившее большой районъ въ низовьяхъ Дона. Виноградъ воздѣлывается преимущественно въ цѣляхъ винодѣлія—въ сыромъ видѣ донской виноградъ употребляется мало: многіе сорта его даже не вполнѣ вызрѣваютъ.

Казачья хата имѣетъ внутри маленькія сѣни, которыя ведутъ въ большую горницу съ крошечными, тусклыми окнами. Незатѣйливая деревянная мебель ютится у стѣнъ, передній уголъ уставленъ образами, на стѣнахъ развѣшаны дешевыя олеографіи, иногда старое оружіе, пистолетъ, дѣдовская шашка или ружье; большое мѣсто занимаетъ печь съ полатями и, вдоль стѣнъ, лавки для спанья. Какъ видно, казачье жилище мало чѣмъ отличается отъ великорусской избы. Пусто бываетъ въ избѣ, да и во всей станицѣ въ будній день. Все населеніе въ полѣ. День за днемъ идутъ обычныя работы на поляхъ, и только праздники вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ жизнь. Съ вечера наканунѣ станичники запасаютъ водку и готовятъ угощенія; на улицахъ начинаютъ появляться казаки навеселѣ. Шапки набекрень, новыя рубахи на выпускъ, въ рукахъ балалайка или гармоника; доносятся издали смѣхъ, пѣсни, и крики, показываются на улицахъ казачки въ цвѣтныхъ платочкахъ, и голоса ихъ смѣшиваются съ грубымъ мужскимъ говоромъ, смѣхомъ и пѣніемъ. Это еще не гулянье, а только предвкушеніе завтрашняго. На другой день съ утра, когда раздается благовѣстъ, возлѣ церкви толпятся телѣги, съ выпряженными лошадьми. Телѣги нагружены товаромъ. Почти ни одинъ праздникъ не обходится безъ базара. Задолго до наступленія сумерекъ веселье разносится по всей станицѣ. Всѣ четвертныя и сороковки откупорены, и пьяныя пѣсни колеблютъ теплый южный воздухъ. Разодѣтая толпа заполняетъ улицы

Женщины одѣты въ пестрые ситцы фабричнаго производства, мужчины болѣе или менѣе въ форменной одеждѣ и въ форменныхъ фуражкахъ. Старую, немного заунывную пѣсню, начинаютъ теперь смѣнять крикливые мотивы новыхъ пѣсенъ, заносимыхъ изъ города служилыми казаками. Въ снующей во всѣ стороны толпѣ къ вечеру появляется особое движеніе, замѣтно, что ждутъ чего то, къ чему то готовятся. Хороводы кончаются,

и ихъ участники направляются къ окраинѣ, гдѣ собрались казаки въ старыхъ засаленныхъ рубахахъ и шароварахъ. Замѣтное прежде возбужденіе все больше возрастаетъ. Уже подростки начинаютъ кое-гдѣ тузить другъ друга, а казаки съ шапками набекрень подзадориваютъ ихъ въ предвкушеніи кулачнаго боя—одной изъ любимѣйшихъ казачьихъ забавъ. Постепенно отдѣльныя столкновенія ребятишекъ выростаютъ въ правильно организованную стройную борьбу двухъ партій—сначала подростковъ, а потомъ старшихъ, испытанныхъ въ кулачныхъ бояхъ. Если станица расположена по рѣкѣ, казаки обыкновенно разбиваются на партіи „низовыхъ“ и „верховыхъ“. Бой длится, пока одна партія не обратится въ бѣгство, или пока темнота не разниметъ сражающихся. Когда солнце на закатѣ, бой въ самомъ разгарѣ. Толпа раздается во всѣ стороны, очищая мѣсто борцамъ. Двѣ линіи рослыхъ, здоровыхъ мужиковъ-казаковъ выстраиваются одна противъ другой; казаки загорѣлые и внушительные, съ густыми волосами, аккуратно обстриженными въ скобку, подзадориваютъ и подбадриваютъ другъ друга къ предстоящему сраженію. Вотъ на середину между враждебными рядами выходитъ здоровый парень съ засученными рукавами и выкрикиваетъ „за-а-чинать!“ Этотъ крикъ подхватывается борцами и толпой зрителей, а противъ вышедшаго впередъ парня выскакиваетъ какой-нибудь особенно ретивый казакъ изъ противной партіи, налетаетъ на него и сшибаетъ съ ногъ; но это не проходитъ ему даромъ. Съ разныхъ сторонъ появляются мстители, и гулкіе удары кулаковъ разносятся по всей площади. Наконецъ вся линія еще не вступившихъ въ дѣло казаковъ бросается выручать своего, и заваривается каша: бьютъ, рвутъ рубашки, сбиваютъ съ ногъ, съ бѣшенствомъ наскакиваютъ другъ на друга. Пыль поднимается столбомъ. Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Вдругъ зрители подаются назадъ, и какая-нибудь партія—„низовые“ или „верховые“ лавиной вырываются изъ облака пыли, обращенные въ безпорядочное бѣгство. Видъ у нихъ самый растерзанный—одежда порвана, многіе растеряли фуражки, кое у кого на лицахъ кровь. Но и побѣдители не могутъ похвалиться особенно блестящимъ состояніемъ, и вѣроятно, потому, пробѣжавъ за противниками нѣсколько десятковъ шаговъ, прекращаютъ преслѣдованіе. Этимъ пользуются обращенные въ бѣгство, чтобы оправиться. Подбодряемые криками зрителей, они обращаются противъ торжествующаго врага. Бой продолжается обыкновенно съ перемѣннымъ счастьемъ довольно долго, и рѣдко бываетъ, чтобы какая-нибудь партія была разбита на голову, до неспособности продолжать сраженіе. Когда солнце скроется подъ горизонтомъ, бой прекращается. Нестройный говоръ замѣняетъ крики борьбы, топотъ сотенъ ногъ, и только разговоры о полученныхъ ушибахъ, о храбрости одного и трусости другого, о потерянныхъ фуражкахъ и разорванныхъ рубахахъ продолжаются еще нѣкоторое время, пока съ мѣста побоища не уйдутъ послѣдніе казаки. Только молодежь остается на улицахъ догуливать праздникъ.

Иногда праздникъ сопряженъ съ другимъ событіемъ—уходомъ на службу молодыхъ казаковъ. Раньше этотъ уходъ представлялъ праздникъ, такъ какъ знаменовалъ собой переходъ изъ подчиненнаго отроческаго возраста въ положеніе взрослаго самостоятельнаго хозяина. Поэтому, обычай провожать казака торжественно, празднично, съ поголовнымъ пьянствомъ, остался. Но теперь торжественность обстановки носитъ печальный характеръ. Теперь казакъ, идя на службу, не ощущаетъ сознанія пользы для себя отъ ухода, не поэтизируетъ войну и воинскія доблести, хотя пьяный распѣваетъ военныя казачьи пѣсни. Уходитъ рабочая сила, полезная въ хозяйствѣ, иногда главная опора его. Уходъ связанъ съ затратами, иногда съ непосильными расходами на снаряженіе коня и себя. Несмотря на то, при проводахъ казака вино льется рѣкой. Провожающіе пытаются поддѣлаться подъ веселый тонъ, поютъ залихватскія пѣсни, отсыпаютъ уходящему множество всевозможныхъ пожеланій и совѣтовъ. Старшій въ домѣ разноситъ на подносѣ, соблюдая очередь, батарею стакановъ и рюмокъ, непрерывно наполняемыхъ виномъ. Когда приближается часъ отъѣзда, пьяное веселье переходитъ въ пьяное горе, достигающее высшаго напряженія при прощаніи

казака съ матерью. Передъ тѣмъ, какъ выйти на дворъ, казакъ проситъ, согласно старому обычаю, благословить его, сѣдлать коня. На дворѣ среди толпы провожающихъ казакъ прощается съ наиболѣе почтенными станичниками, кланяясь каждому въ ноги, и только послѣ этого вскакиваетъ въ сѣдло и выѣзжаетъ за ворота къ сборному мѣсту, куда съѣзжаются остальные призываемые.

Долгое отсутствіе съ родины молодыхъ и пожилыхъ казаковъ кладетъ на казачью жизнь своеобразный отпечатокъ. Отсутствіе мужчинъ заставляетъ женщинъ исполнять часть мужской домашней и земледѣльческой работы, и это обстоятельство, главнымъ образомъ, придаетъ положенію женщины характеръ относительной независимости и самостоятельности. Въ казачьихъ областяхъ нерѣдкость встрѣтить въ полѣ женщину, идущую за плугомъ или съ косой на сѣнокосѣ. Женщина пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. Оно ярче всего сказывается въ отношеніяхъ сыновей къ матерямъ—во многихъ случаяхъ голосъ матери имѣетъ перевѣсъ надъ голосомъ отца. Но положеніе дѣвушки довольно печальное. Бракъ во многихъ случахъ купля-продажа. Нерѣдки случаи бѣгства невѣстъ чуть не изъ подъ вѣнца, жестокое избіеніе провинившейся отцомъ или мужемъ; дѣвушка, вышедшая изъ подъ родительской воли, встрѣчаетъ мало сочувствія въ окружающихъ—ей трудно долго скрываться и тѣмъ болѣе жаловаться на жестокость. Нерѣдки и случаи самоубійства подневольныхъ невѣстъ и женъ.

Тринадцать процентовъ всего казачьяго населенія Донской области служитъ въ войскахъ, тогда какъ въ остальныхъ, неказачьихъ губерніяхъ Россіи служитъ всего $1^0/_0$—$2^0/_0$ населенія. Дѣйствительная служба казака продолжается 12 лѣтъ, не считая пребыванія въ приготовительномъ и запасномъ разрядахъ. Въ казачьихъ войскахъ отъ службы освобождены только неспособные къ ней по физическимъ недостаткамъ и одиночки. Казачья служба продолжается отъ 18 лѣтъ до самой смерти. Въ приготовительномъ разрядѣ казакъ находится съ 18 до 21 года и за это время обучается инструкторами, обыкновенно запасными или старыми бывалыми казаками, обращенію съ конемъ, военнымъ пріемамъ и строю. Для этого молодые казаки приготовительнаго разряда созываются періодически на совмѣстныя ученія и, кромѣ того, въ каждой станицѣ имѣются особые наблюдатели, слѣдящіе за обученіемъ казаковъ на мѣстѣ. Изъ приготовительнаго казакъ переходитъ въ дѣйствительный разрядъ и находится въ немъ 12 лѣтъ; затѣмъ казака на 5 лѣтъ перечисляютъ въ запасъ, и, наконецъ, 38 лѣтъ онъ переходитъ въ ополченіе. Съ 18 до 38 лѣтъ казакъ долженъ содержать въ полной исправности строевую лошадь, оружіе и аммуницію. Все это требуетъ непосильныхъ для большинства казаковъ расходовъ. Земли на семью приходится все меньше, а расходы на службу все возрастаютъ. Въ результатѣ въ малосостоятельномъ казачьемъ хозяйствѣ, а такихъ хозяйствъ большинство, сначала продаютъ скотину, потомъ отдаютъ въ аренду землю, наконецъ, заключительный актъ—обезземеленный казакъ поступаетъ въ разрядъ „кабальныхъ“ или идетъ въ батраки къ помѣщикамъ, въ рабочіе въ городъ, на южные горные заводы или переселяется на востокъ. Кабальные казаки—явленіе весьма распространенное. По существующему положенію отвѣтственность за недоставленіе на службу положеннаго числа казаковъ возлагается на станичныя общества. Общество, снаряжая несостоятельнаго казака на службу, даетъ ему ссуду и, для того, чтобы возмѣстить ее себѣ, сдаетъ въ аренду травяной пай изъ надѣльной земли вынужденнаго воспользоваться пособіемъ казака. Не имѣя луговъ, казакъ не можетъ держать скота, а не имѣя скота не можетъ вести хозяйства. Въ концѣ концовъ, послѣ отчаянныхъ усилій выпутаться, закабаленный казакъ бросаетъ землю, заколачиваетъ избу и уходитъ. Насколько непопулярна среди казачества военная служба видно изъ многочисленныхъ фактовъ уклоненія отъ нея.

Еще одно обстоятельство, кромѣ матеріальнаго и духовнаго кризиса, предрѣшаетъ надвигающееся исчезновеніе казачьихъ общинъ. Казачьи войска неприспособлены къ совре-

Лошкари Нижегородской губерніи.

*

менной войнѣ, которая не требуетъ искусной верховой ѣзды, блестящихъ атакъ лавой съ пиками на перевѣсъ. На войнѣ казаки могутъ служить только для развѣдокъ. Но и развѣдочная служба все меньше и меньше нуждается въ кавалеріи—хорошія карты, воздушные шары, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лазутчики, вполнѣ замѣняютъ дѣятельность развѣдочной конницы. Но на казакахъ лежитъ несеніе внутренней службы, и потому правительство принимаетъ всѣ мѣры къ сохраненію казачества и казачьяго духа. Съ этой цѣлью особой грамотой за казаками были укрѣплены и безъ того принадлежащія имъ земли. Вторая мѣра—пожалованіе медалей казакамъ, имѣющимъ трехъ сыновей, одновременно состоящихъ на службѣ. Затѣмъ—денежное пособіе въ 5.200.000 р. семьямъ казаковъ, несущихъ внутреннюю службу. Наростаютъ и другія явленія, разлагающія старозавѣтныя устои жизни на Дону, какъ напр. существованіе подъ бокомъ у станицъ обширной горной промышленности Донецкаго бассейна. Донецкій бассейнъ—обширная площадь, изрытая шахтами, обставленная заводами, городами и селеніями съ десятками и сотнями тысячъ населенія, съ многочисленнымъ рабочимъ классомъ, вся изрѣзанная желѣзными и шоссейными дорогами. Въ этой промышленной странѣ бьется лихорадочный пульсъ, и удары его не могутъ не разрушать существующей бокъ о бокъ старины.

Въ степяхъ и пескахъ, окаймляющихъ берега Урала, расположилась другая казачья община, защищавшая еще недавно границы государства отъ безпокойной кочевой Азіи. Уральскія степи представляютъ большой контрастъ съ донскими. Здѣсь рядомъ съ черноземомъ встрѣчаются обширныя пространства безплоднаго песка. Все напоминаетъ здѣсь близость азіатской пустыни, наступающей на жилища, на скудную степную растительность, заставляющей рѣки мѣнять свои русла. Климатъ Уральской области сухой и континентальный, съ еще большими годовыми и суточными разностями температуръ грозитъ земледѣльцу частыми и продолжительными засухами наряду съ неменѣе опасными для хлѣба заморозками. Нѣкоторыя части области, помимо губительныхъ засухъ, испытываютъ постоянную нужду въ водѣ для орошенія полей. Главное богатство Уральскихъ казаковъ составляетъ обиліе рыбы въ рѣкѣ Уралѣ. Сравнительно немногочисленное войсковое населеніе (менѣе 200.000 ч.) оказывается благодаря этому болѣе обезпеченнымъ. Относительному благосостоянію уральскихъ казаковъ способствовало и то обстоятельство, что правительство больше нуждалось въ уральскомъ войскѣ. Поэтому уральцевъ не стѣсняли въ экономическомъ отношеніи. Образованіе уральскаго, раньше яицкаго войска относится къ XVII-му вѣку, когда казачья община уже сформировалась, но не являлась еще полной хозяйкой пріяицкихъ степей и рыбныхъ богатствъ; казакамъ пришлось вести упорную, долгую борьбу съ купцами, монополизировавшими всю рыбопромышленность съ помощью особаго рода плотины, называемой на Уралѣ учугомъ, преграждавшей теченіе рѣки у Гурьева въ нижнемъ теченіи Яика. Сосѣдями казаковъ были кочевые народы, башкиры и киргизы. Борьба казаковъ за вновь занятыя земли и рыбныя угодья тянулась долго. Вдоль рѣки еще долго высились крѣпостцы, изрѣдко окутывавшіяся пороховымъ дымомъ, а на прибрежныхъ возвышенностяхъ стояли посты сторожевыхъ казаковъ. Къ концу XVIII-го вѣка башкиры обратились къ мирнымъ занятіямъ, и только по Яику казаки несли до самой середины XIX-го вѣка тяжелую сторожевую службу не напрасно. Правительство въ общемъ благоволило къ яицкому войску, но иногда, по разнымъ поводамъ вспыхивали казачьи бунты, какъ это было, напримѣръ, при Пугачевѣ.

Уральское войско патріархальная и зажиточная казачья община. Отсутствіе малоземелья, богатыя рыбныя ловли, обширные поемные луга дали необходимую устойчивость создавшемуся строю жизни. Въ то время какъ донцы, вслѣдствіе ухудшившагося экономическаго положенія, переживаютъ кризисъ, уральское войско до недавняго времени наслаждалось относительно безмятежнымъ существованіемъ. Только послѣднія два-три десятилѣтія характеризируются и для уральцевъ разрушеніемъ старыхъ идеаловъ

и столѣтіями установившихся формъ быта. Это явленіе находится въ непосредственной связи съ замиреніемъ киргизъ, съ ростомъ населенія, съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ въ уральской степи и, наконецъ, съ общимъ развитіемъ Россіи. Въ экономическомъ отношеніи Уральская область представляла еще недавно одно обширное хозяйственное цѣлое, нѣчто вродѣ громадной производительной артели. Вся земля Уральской области до сихъ поръ считается собственностью казаковъ, а степи называются недѣленными въ противоположность окружающимъ землямъ, подѣленнымъ между частыми собственниками и отдѣльными крестьянскими общинами. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ уральскія степи были дѣйствительно недѣленными, и каждый казакъ бралъ себѣ земли столько, сколько желалъ и могъ обработать; но земля не укрѣплялась за нимъ, и какъ только онъ ее бросалъ, всякій казакъ могъ взять, въ свою очередь, брошенную землю себѣ во временное пользованіе. Номинально такой порядокъ сохраняется еще теперь, и казаки продолжаютъ съ гордостью называть свои степи недѣленными. Но ростъ населенія, возникающія благодаря тому столкновенія между семьями, облюбовавшими одинъ и тотъ же участокъ, между станицами, вступающими въ настоящія сраженія за спорные луга и пашни, а, главное, постепенное изчезновеніе общиннаго духа сдѣлали то, что современныя казачьи отношенія уже не укладываются въ изжитыя патріархальныя рамки. Степь начинаютъ дѣлить между станицами, а въ предѣлахъ станицы между отдѣльными станичниками.

Сѣверъ Уральской области живетъ преимущественно земледѣліемъ, и бытъ его населенія мало чѣмъ отличается отъ быта донского казачества. Тѣ же мазанки, та же внутренняя обстановка, то же расположеніе станицъ. Развѣ только рѣже встрѣчается въ постройкахъ дерево—даже высокихъ заборовъ не видно, такъ какъ станичники, за отсутствіемъ дерева, огораживаютъ свои дворы плетнями. На югѣ области преобладаетъ скотоводство, вслѣдствіе того, что почва въ прикаспійскихъ земляхъ гораздо хуже и часто не годится подъ пашню. Но сѣверъ и югъ области имѣютъ одинъ общій источникъ дохода—это рыбныя ловли на Уралѣ, въ которыхъ принимаетъ участіе все войско. Къ этому надо присоединить зауральскіе поемные луга, такъ называемую бухарскую сторону, косить на которыхъ въ опредѣленные дни имѣютъ право всѣ казаки.

Казачье рыбное хозяйство—дѣло очень сложное, поглощающее довольно много войсковыхъ силъ. Начиная отъ Уральска внизъ до самаго устья Урала расположены по обѣимъ сторонамъ рѣки пикеты, слѣдящіе за движеніемъ рыбы и охраняющіе покой рѣчныхъ водъ въ тѣ мѣсяцы, когда идетъ рыба, и происходитъ ея ловля. Въ самомъ Уральскѣ находится учугъ, перегораживающій поперекъ всю рѣку. Этотъ учугъ Короленко описываетъ такъ: „передъ нами, съ одного берега до другого лежалъ неширокій дощатый помостъ на сваяхъ. Вдоль этой настилки, напоминающей простой пѣшеходный мостикъ, съ лѣвой стороны виднѣлась частая щетина тонкихъ желѣзныхъ шестовъ. Эти шесты, проходя черезъ два горизонтальныхъ бревна (называемыхъ „бѣлоногами“) образуютъ вмѣстѣ съ ними частую рѣшетку, доходящую до дна. Это—такъ называемый „кошакъ“, черезъ который можетъ проходить лишь мелкая рыба“.

Рыбная ловля на Уралѣ происходитъ нѣсколько разъ въ году—главныя ловли бываютъ осенью, затѣмъ слѣдуетъ періодъ зимняго бàгренья и весенній ловъ. Весною ставятъ учугъ и не снимаютъ его до поздней осени; особые караульщики ждутъ движенія рыбы изъ моря вверхъ по рѣкѣ и доносятъ по начальству о появленіи различныхъ рыбныхъ породъ. Главная рыба уральскихъ водъ осетръ, и поэтому ожиданіе его сопровождается особеннымъ нетерпѣніемъ. Когда, наконецъ, рыба, уткнувшись въ учугъ, поворачиваетъ и располагается въ ниже лежащихъ заводяхъ, на „ятови“, какъ говорятъ на Уралѣ, для метанія икры, тогда все въ области приходитъ въ движеніе, готовятъ лодки, осматриваютъ снасти, изъ дальнихъ станицъ съѣзжаются казаки, чтобы участвовать въ

ловлѣ. Затѣмъ назначается такъ называемый атаманъ рыболовства, и въ опредѣленный день вся собравшаяся масса казаковъ приступаетъ къ ловлѣ. Лодки связываютъ по двѣ, и вся масса ихъ спѣшитъ къ наиболѣе рыбнымъ мѣстамъ. Въ каждой парѣ находится ловецъ-казакъ и гребцы. Всѣ подробности ловли, также какъ и вопросы дѣлежа добычи строго опредѣлены давнымъ-давно сложившимся обычаемъ. Напримѣръ, весь уловъ перваго дня составляетъ такъ называемый „презентъ“ и не попадаетъ къ ловцамъ-казакамъ, а цѣликомъ уходитъ въ подарокъ высшимъ начальствующимъ лицамъ, петербургскимъ и войсковымъ. Гораздо меньшее значеніе по величинѣ улова имѣетъ зимнее багренье рыбы, когда толпа казаковъ въ заранѣе опредѣленное время собирается на ледъ и сразу, „ударомъ“, по мѣстному выраженію, приступаетъ къ дѣланію прорубей и багренью рыбы. Такимъ же „ударомъ“ т. е. всѣмъ войскомъ одновременно, совершается казаками косьба луговъ бухарской стороны.

Большинство уральцевъ, какъ и другихъ казаковъ, старовѣры-раскольники. Въ Уральской области имѣются представители всѣхъ раскольничьихъ толковъ, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Религіозныя настроенія очень крѣпки въ казачествѣ, и приверженность къ старымъ церковнымъ обрядамъ доходитъ иногда до фанатизма. До сихъ поръ еще во всѣхъ уральскихъ станицахъ съ жаромъ ведутся религіозные споры, показывающіе, какой глубокій интересъ представляютъ для казаковъ религіозные вопросы, чаще всего вопросы священства и внѣшняго благочинія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ казаки организовали экспедицію въ Индію, Индо-Китай и Японію для отысканія благословенной „Бѣловодіи“—царства истиннаго благочестія. Въ существованіи этой страны убѣждали казаковъ легенды, свято передаваемыя отъ отца къ сыну. Экспедиція, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, снаряженная на деньги, собранныя заинтересованными казаками, совершила долгое морское путешествіе и вернулась по желѣзной дорогѣ изъ Владивостока. Въ какомъ родѣ были документы, на которыхъ основывали свои розыски казаки, видно хотя бы изъ той грамоты, которую показывалъ самозванный епископъ „Аркадій бѣловодскій“ наивнымъ казакамъ. Грамота будто бы получена Аркадіемъ отъ „Смиреннаго Мелетія, патріарха Славяно-бѣловодскаго, Камбайскаго, Японскаго, Индостанскаго, Индіянскаго, Англо-индейскаго, Ост индіи, и Юст-индіи, и Фест-индіи, и Африки, и Америки, и земли Хили, и Магеланскія земли, и Бразиліи, и Абисиніи“.

Близкими сосѣдями уральцевъ являются Оренбургскіе и Астраханскіе казаки. Оренбуржцы живутъ къ сѣверу отъ Уральскаго войска и представляютъ гораздо меньше оригинальныхъ чертъ общежитія, чѣмъ ихъ южные сосѣди, подходя по своему образу жизни и понятіямъ къ окружающему населенію—на югѣ къ казакамъ-уральцамъ, иногда отличаясь отъ нихъ только цвѣтомъ околыша на фуражкѣ, на сѣверѣ—къ крестьянамъ земледѣльцамъ. Земледѣліе—главное занятіе этого обширнаго войска, вдвое большаго, чѣмъ уральское и обладающаго, также какъ уральское и донское, черноземными степями.

По правому берегу Волги, въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской и отчасти на лѣвомъ берегу—въ Самарской, раскинулось отдѣльными островными станицами небольшое, сорока-тысячное Астраханское войско, также какъ и Оренбургское, примыкающее по своему образу жизни къ окружающему населенію.

Кубанское казачество образовалось сравнительно недавно—только въ 1792 году. Но историческія и боевыя традиціи Кубанскаго войска могутъ поспорить съ традиціями донскими и уральскими, такъ какъ современные кубанцы прямые потомки запорожцевъ, переселенные Екатериной II на новыя опасныя границы. Съ завоеваніемъ Крыма и постепеннымъ заселеніемъ Новороссіи исчезла надобность въ днѣпровскомъ-запорожскомъ войскѣ, на кавказскихъ же границахъ, на берегахъ Кубани и Терека сосредоточивалась борьба съ воинственными горцами. На Терекѣ уже съ XVII-го вѣка сидѣли казаки, Кубань же оставалась открытой для предпріимчиваго врага. И вотъ запорожцамъ было

предложено прикрыть собой эту открытую границу протяженіемъ около 250 верстъ. Около 12.000 казаковъ тронулись на новыя мѣста, построили станицы, пикеты, посты и батареи, по примѣру терцевъ завели скотъ, начали земледѣльческое хозяйство, разбили виноградники и бахчи.

Какъ уральцы, кубанцы и терцы имѣли очень долго передъ собой смѣлаго и опаснаго непріятеля; въ постоянной борьбѣ съ нимъ они закаляли свой боевой духъ и складывали свои идеалы. Но, какъ донцы, кубанцы и терцы рано сравнительно испытали земельное стѣсненіе и должны были еще въ серединѣ XIX-го вѣка перейти отъ „недѣленной“ земли къ правильному общинному надѣльному хозяйству. Бурное боевое прошлое отошло въ область преданій, и теперешнимъ кубанцамъ, если и приходится воевать, то уже не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воевали ихъ дѣды и прадѣды. Исчезаетъ постепенно искусство пластуновъ, лучшихъ лазутчиковъ въ мірѣ, постепенно забывается за ненадобностью цѣлая наука караульной и наблюдательной службы. Теперешніе кубанцы живутъ въ своихъ станицахъ въ бѣлыхъ, какъ на Дону, мазанкахъ, пашутъ землю, собираютъ виноградъ, разводятъ скотъ.

Живя долго по сосѣдству съ горцами, кубанцы переняли горскіе обычаи въ способахъ веденія войны, въ домашнемъ и хозяйственномъ быту; вліяніе горцевъ сказалось особенно на отношеніи казаковъ къ женщинамъ. Вліяніе горцевъ на терцевъ было еще сильнѣе, чѣмъ на кубанцевъ, и это понятно если вспомнить, что кубанцы живутъ у предгорій Кавказа всего около ста лѣтъ, тогда какъ терцы скóро могутъ праздновать 400-тъ лѣтній юбилей своего пребыванія на Терекѣ и Сунжѣ. Несмотря на то, что кубанцамъ приходилось защищать сравнительно короткую боевую линію, ихъ насчитывается въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ терцевъ: населеніе Кубанской области составляетъ болѣе 700.000 ч. тогда какъ терцевъ всего около 200.000. Терцы до поселенія на теперешнихъ мѣстахъ, были уже казаками и пришли къ Тереку съ Дона изъ Червленнаго Яра. Къ этимъ переселенцамъ присоединялись новые—донцы, уральцы, запорожцы, и терское казачество все росло, ведя постоянно войны съ горцами, татарами и персами. Не всегда терское войско было слито воедино: раньше оно распадалось на нѣсколько общинъ, изъ которыхъ больше всего было извѣстно гребенское войско. Главное занятіе терцевъ—земледѣліе, но наряду съ хлѣбопашествомъ съ давнихъ поръ развивалось виноградарство, дававшее казакамъ хорошій и вѣрный доходъ. Осенью, когда поспѣваетъ виноградъ, у терцевъ пробуждается особая жизнь, кипитъ работа по сбору винограда, по приготовленію вина и отправкѣ винограда и вина на сѣверъ для продажи. Дворы мазанокъ заставлены корытами для выдавливанія ногами ягодъ, особые сараи завалены виноградомъ, въ виноградникахъ съ утра до ночи перекликаются молодые и старые, дѣти и дѣвушки, взрослые казаки и казачки и нанятые работники. Когда сборъ винограда оконченъ, и молодое вино, слитое въ бочки, поставлено для броженія, все успокаивается. Наряду съ этимъ нѣкоторую, хотя и небольшую роль имѣетъ рыболовство по Тереку и Сунжѣ.

Бытъ терцевъ сложился подъ сильнымъ вліяніемъ горскихъ племенъ. Это замѣтно въ одеждѣ и оружіи, затѣмъ во внутреннемъ убранствѣ мазанокъ, снаружи построенныхъ по русскому образцу, а внутри напоминающихъ сакли горцевъ: одна стѣна увѣшана оружіемъ, у противоположной стѣны стелется постель; домашняя посуда выставлена на видъ на особой полкѣ; у образовъ имѣется особая занавѣска, скрывающая ихъ, когда въ избѣ находится мусульманинъ—татаринъ или горецъ. Вліяніе кабардинцевъ сказывается и на обработкѣ земли казаками, перенявшими у сосѣдей плугъ и манеру пахать. Положеніе женщины у казаковъ, какъ и у горцевъ, очень тяжелое—она принуждена работать больше мужа и оказывать мужу преувеличенное уваженіе. Битье женъ распространено и на Кубани и у терцевъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ на Дону и въ другихъ казачьихъ

войскахъ. Раньше положеніе женщины было еще хуже—казакъ только воевалъ и даже за конемъ смотрѣть предоставлялъ своей женѣ, нанимая ей иногда въ помощь работника, обыкновенно татарина.

Казаки Азіатской Россіи сгруппированы въ пять небольшихъ войскъ, за исключеніемъ Забайкальскаго, насчитывающаго около 200.000 ч. Ближе всего къ Уралу расположено Сибирское войско, занимающее земли въ областяхъ Акмолинской, Семирѣченской и въ Бійскомъ округѣ, и Семирѣченское войско, образованное въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, насчитывающее нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Жизнь и Сибирскихъ и Семирѣченскихъ казаковъ почти ничѣмъ не отличается отъ жизни окружающаго населенія, за исключеніемъ опять таки несенія ими болѣе усиленной военной службы. Дальше къ востоку расположено Забайкальское войско, образованное въ началѣ XIX го вѣка, причемъ въ составъ войска были включены Тунгузскій и Бурятскій полки. Главное занятіе забайкальцевъ—земледѣліе и скотоводство; менѣе важны горная промышленность и охота. Забайкальское войско, наряду съ Амурскимъ и Уссурійскимъ, переживаетъ теперь тяжелое время, сильно пострадавъ въ послѣдней войнѣ съ Японіей. Еще восточнѣе, по теченію Амура и Уссури, расположены два малочисленныхъ войска—Амурское и Уссурійское. Возникновеніе Амурскаго войска относится къ серединѣ XIX-го вѣка, когда оно было образовано изъ забайкальцевъ, выбранныхъ по жребію, и солдатъ, находившихся до этого времени въ гарнизонахъ укрѣпленій.

С. Слободзинскій.

Украинцы.

Природа Украины: предстепье и степь.—Историческое прошлое украинской народности.—Разселеніе украинцевъ по южной Россіи.—Украинскій языкъ и его поднарѣчія.—Физическій типъ, темпераментъ и характеръ народа.—Одежда, жилища и характеръ поселеній.

Малороссы или украинцы, вторая по численности вѣтвь русскихъ славянъ, въ предѣлахъ Россіи составляютъ коренное населеніе въ шести губерніяхъ, примыкающихъ къ среднему и верхнему Днѣстру, къ среднему теченію Днѣпра и его притоковъ. Губерніи эти: Волынская, Каменецъ-Подольская и Кіевская, а по ту сторону Днѣпра—Черниговская, Полтавская и Харьковская. Представители украинскаго народа встрѣчаются и въ сосѣднихъ губерніяхъ: въ Гродненской, въ Курской и Воронежской, въ Области Войска Донского не говоря про всѣ Новороссійскія губерніи, гдѣ присутствіе ихъ наложило ясный отпечатокъ на типъ и рѣчь мѣстныхъ жителей. На побережьи Чернаго моря украинцы стали селиться послѣ того, какъ въ великой распрѣ между Польшей и Московскимъ государствомъ судьба Украины была окончательно рѣшена, Сѣчь запорожская раззорена и изгнана изъ послѣдняго своего убѣжища, а степь, долгое время являвшаяся небезопасной отъ татаръ, стала достояніемъ Россіи. По Новороссіи украинцы разселялись совмѣстно съ другими выходцами изъ Россіи. Такъ какъ пространство свободныхъ земель простиралось болѣе къ востоку, чѣмъ къ западу, и тамъ же колонистовъ ожидало меньше стѣсненій, то колонизація изъ Украины протянулась широкимъ рукавомъ вдоль черноморскаго побережья по направленію къ Кавказу. Здѣсь на Кубани горы, населенныя воинственными черкесами, остановили дальнѣйшую колонизацію. Украинцы выселялись и въ другую сторону, къ Дунаю и за Дунай. Сюда уходили отдѣльныя кучки казаковъ.

Такимъ образомъ украинцы разселились на пространствѣ громаднаго клина, западной стороной котораго служатъ восточные Карпаты, южной—является черноморское побережье, а сѣверная сторона протягивается черезъ южную Россію съ сѣверо-запада къ юго-востоку.

Опредѣлить численность украинскаго народа очень трудно. Вѣроятно, общая численность всѣхъ украинцевъ колеблется около 35 милліоновъ человѣкъ, численность же людей, говорящихъ на украинскомъ языкѣ или считающихъ его своимъ роднымъ, приближается, въ предѣлахъ имперіи, къ 25 милліонамъ. Во всякомъ случаѣ украинцы по численности вторая, послѣ великороссовъ, народность среди національностей и племенъ Россіи.

Въ противоположность великороссамъ, разсѣявшимся почти по всѣмъ областямъ имперіи, украинцы въ массѣ своей не выходятъ за предѣлы своей области. Область эта черноземная степь или предстепье. На западѣ (въ предѣлахъ Каменецъ-Подольской, Волынской и отчасти Кіевской губерній) рельефъ мѣстности представляетъ больше разнообразія, и страна еще не лишилась тѣнистыхъ лиственныхъ лѣсовъ. Остальное пространство до Чернаго моря и далеко на востокъ занимала когда-то слабоволнистая, а къ югу гладкая,

какъ полъ, степь, поросшая безъ конца и края буйными степными травами. Тамъ, гдѣ протекаютъ рѣки и рѣчки, степь прорѣзана широкими долинами съ поймами шириной иногда въ нѣсколько верстъ. Съ тѣхъ поръ, какъ степь стала заселяться, характеръ ея рѣзко измѣнился, и теперь дикой степи въ поминѣ нѣтъ. Кромѣ рѣчныхъ долинъ и балокъ по ней змѣятся, вѣтвясь во всѣ стороны, овраги, громадныя рытвины, съ обнаженными открытыми боками. Балки и долины рѣкъ—мѣста, гдѣ укрываются поселенія людей, такъ какъ здѣсь имѣется вода. Въ сѣверной Малороссіи селенія и хутора расположены чаще на болѣе сухихъ повышеніяхъ въ сторонѣ отъ мокрыхъ луговъ или болотъ, а то и мелкихъ озеръ, сплошь поросшихъ камышами.

На сѣверѣ, въ Черниговской губерніи, черноземъ довольно тощій, и среди него встрѣчаются участки песчаныхъ безплодныхъ почвъ. Далѣе къ югу черноземъ становится тучнѣе, особенно на водораздѣлахъ. Черноземъ въ малорусскихъ губерніяхъ не отличается мощностью, какъ въ восточной Россіи; если качество его ниже, зато черноземныя пространства Малороссіи пользуются болѣе влажнымъ климатомъ, и здѣсь не бываетъ тѣхъ

Пейзажъ Черниговской губ. (предстепье).

страшныхъ засухъ, какія періодически наступаютъ въ восточной черноземной Россіи. По направленію къ югу черноземъ становится снова бѣднѣе, и новороссійскія степи оказываются покрытыми уже не имъ, а родственными черноземy каштановыми и бурыми степными почвами.

Степь, по которой рыскали кочевники, и Черное море, за которымъ лежали страны съ падающей культурой, долгое время закрывали пути для переселеній на югъ и востокъ. На сѣверѣ въ сосѣдствѣ Украйны сложились двѣ большія державы, Польша и Московское государство. Благодаря многочисленности и прочной хозяйственной связи съ землей украинцы сохранили народность, но не въ состояніи были создать государства. Происхожденіе и составъ украинскаго народа подернуты не меньшею неопредѣленностью, чѣмъ для народа великорусскаго. Въ древности на пространствѣ Украины обитали различныя славянскія племена: поляне, волыняне, дулѣбы, сѣверяне; кругомъ нихъ жили—дреговичи, древляне, бужане, тиверцы, уличи. Большая часть этихъ племенъ теряетъ вскорѣ племенную независимость и объединяется подъ властью кіевскихъ князей въ одинъ „русскій“ народъ. Но уже въ концѣ удѣльнаго періода массы этого русскаго народа начинаютъ отливать на сѣверо-востокъ, колонизуя земли по Окѣ и въ пространствѣ между Окой и Волгой. Наше-

ствіе монголъ разразилось надъ Приднѣпровьемъ, словно стихійное бѣдствіе: страна обезлюдѣла, населеніе, не погибшее отъ оружія враговъ, отъ голода и раззоренія, бѣжало на западъ и усилило своими массами населеніе Червонной или Галицкой Руси. Опустошенныя татарами земли по среднему Днѣпру стали заселяться вновь выходцами изъ Червонной Руси, которые и явились ядромъ, положившимъ начало современному украинскому народу. Споръ, какая вѣтвь русскаго народа является болѣе древней, болѣе чистой—великорусская или малорусская,—остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ, такъ же, какъ споръ о языкѣ, который служитъ главнымъ орудіемъ тяжбы. Впослѣдствіи украинцы, какъ всякій народъ, принимали въ себя немало посторонникъ примѣсей, преимущественно изъ Польши и со стороны степи, съ юга, откуда приливали тюркскіе и волошскіе элементы, а на сѣверо-восточной окраинѣ и великорусскіе. Но та примѣсь, которая такъ характерна для великороссовъ, именно примѣсь финской крови, отсутствуетъ въ жилахъ украинскаго народа.

Послѣдующая судьба украинскаго народа ставитъ его подъ сильное вліяніе Польши Сперва украинскія земли вмѣстѣ съ бѣлорусскими входятъ въ составъ Литовскаго госу-

Сельская улица (Черниговская губернія).

дарства, а затѣмъ вмѣстѣ съ послѣднимъ присоединяются къ Польшѣ. Болѣе высокая культура польскаго народа имѣла послѣдствіемъ, что за время своего существованія подъ скипетромъ Рѣчи Посполитой украинскій народъ лишался своихъ верховъ, которыя ополячивались (русское дворянство и зажиточное населеніе большихъ городовъ). Въ то же время постепенное выселеніе въ плодородную степь, вольное заселеніе новыхъ земель, образованіе казачества со знаменитой Сѣчью во главѣ, мѣшало быстрому и легкому закрѣпощенію массы украинскаго народа, участь, которая постигла польскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ украинскій народъ долгое время существовалъ какъ народъ „хлопскій“, аристократію котораго въ лучшемъ случаѣ составляли духовенство и казачество. Это обстоятельство неизбѣжно должно было отразиться печально на его духовной культурѣ: языкъ оставался простонароднымъ, литература не развивалась. Образованные украинцы переходили на латынь и польскій языкъ.

Борьба за землю и волю наполняетъ собою весь польскій періодъ исторіи украинскаго народа. Народные бунты, казацкія возстанія слѣдуютъ одно за другимъ, и борьба хлопскаго народа съ Польшей, съ панами, находитъ себѣ опору въ различіи вѣры: хлопы оставались

*

вопреки всему вѣрными православной вѣрѣ. Раздавить украинскій народъ подъ двойнымъ гнетомъ закрѣпощенія и окатоличенія Польшѣ такъ и не удалось. Силъ ея хватило лишь на подчиненіе правобережной Украины; лѣвобережная, которая стала съ того времени называться „Гетманщиной", также „Слободской", отошла къ Москвѣ. Полунезависимое существованіе этой части Украины окончилось въ петровскую эпоху. Съ этого времени дѣятельно заселяются нынѣшнія губерніи Полтавская, Харьковская, Воронежская. Нѣкоторыя слободы основаны и заселены полками казаковъ, пришедшими сюда еще раньше въ полномъ составѣ. Эти переселенцы значительно усилили южную границу имперіи, которая лишь въ Екатерининскую эпоху продвинулась до Чернаго моря. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши почти вся Украина очутилась подъ россійской державой. XVII и XVIII вѣка отмѣчены въ исторіи украинскаго народа повтореніемъ прежняго процесса: населеніе ея разслаивается на простонародье, сидѣвшее на чужой землѣ или на своихъ небольшихъ клочкахъ, на казаковъ, владѣвшихъ бо́льшими земе́льными угодьями, нѣчто вродѣ мелкихъ помѣщиковъ, и крупныхъ владѣльцевъ большими имѣніями, не составлявшими однако по своимъ правамъ особаго сословія, дворянства. Въ Екатерининскую эпоху населеніе Украины было закрѣпощено, причемъ владѣльцы большихъ помѣстій, украинская аристократія, получили права русскаго дворянства, а казаки остались лично свободными. Событіе это подготовлялось постепенно упраздненіемъ самоуправленія въ Гетманщинѣ и появленіемъ имперской администраціи. Оно оставило слѣдъ въ памяти народа, въ его пѣсняхъ. Задача, оказавшаяся не по силамъ Польшѣ, была выполнена съ большимъ успѣхомъ Великороссіей.

Но петербургское правительство отдавало себѣ ясный отчетъ въ опасности, которую представлялъ многолюдный, закрѣпощенный народъ, обнаруживавшій цѣлый рядъ національныхъ и мѣстныхъ различій отъ остального населенія имперіи. Этимъ объясняется рядъ стѣснительныхъ мѣръ въ цѣляхъ обрусенія Украины. Не эти мѣры, какъ стѣснительны ни были они, а то, что привилегированные и образованные украинцы русѣли такъ же какъ тѣ же слои ополячивались въ предыдущія эпохи, было причиной того, что, въ теченіе первой половины XIX вѣка украинскій народъ какъ бы исчезаетъ со сцены. Всѣ особенности его, какъ характеръ, бытъ, языкъ, преданія и пѣсни старины сохраняются живыми подъ спудомъ, въ народныхъ низахъ. Даже выдающіеся писатели-украинцы, напр., Гоголь, предпочитаютъ пользоваться великорусскимъ нарѣчіемъ.

Богатые остатки народной литературы, собираніе которыхъ началось въ первой трети XIX в., положило начало литературному украинскому языку и вызвало къ жизни „украинофильство", общественное теченіе, подобное великорусскому славянофильству, но болѣе узкое, хотя столь же неопредѣленное. Украинофильство выражалось вначалѣ стремленіемъ оживить бытъ со всѣми особенностями украинской областной жизни, воскресить путемъ изученія украинской исторіи прошлое, а главное поднять языкъ и литературу до самостоятельнаго и равноцѣннаго великорусскому состоянія.

Въ наше время, когда населеніе, благодаря развитію хозяйственной дѣятельности, умноженію путей сообщенія и учащеннымъ передвиженіямъ съ мѣста на мѣсто, сильно перетасовывается, когда, въ связи съ этимъ явленіямъ довольно быстро умираетъ бытъ, и безвозвратно исчезаютъ во внѣшнемъ строѣ мѣстныя особенности, единственнымъ признакомъ, по которому болѣе или менѣе опредѣленно можно отнести группы населенія и отдѣльныхъ лицъ къ той или иной народности, является языкъ.

Языкъ украинскій признаютъ за особый языкъ лишь украинофилы. Большинство изслѣдователей склонно разсматривать его, какъ особое нарѣчіе, въ отношеніи древности равноцѣнное великорусскому и бѣлорусскому, такъ какъ древнѣйшіе памятники украинскаго нарѣчія относятся къ эпохѣ, когда, послѣ татарскаго погрома, юго-западная Русь начала заселяться выходцами изъ прикарпатскихъ странъ. Это обстоятельство сильно умаляетъ претензіи украинофиловъ, считающихъ, что украинскій языкъ непосредственно развился изъ

Хата (Черниговская губернія).

того, на какомъ говорили въ Кіевской Руси, а потому де онъ древнѣе, старше и чище нарѣчія великорусскаго. Но и литературнымъ языкомъ украинцевъ было первоначально не нарѣчіе, какимъ пользовался народъ, а довольно неуклюжая смѣсь словъ и формъ церковнославянскихъ, бѣлорусскихъ, украинскихъ и польскихъ, сложившаяся въ Бѣлорусскомъ краѣ. Народный украинскій языкъ вторгся въ литературныя сферы и вытѣснилъ своего соперника сравнительно недавно. Первый заговорилъ на немъ въ литературѣ украинскій писатель П. И. Котляревскій. Обстоятельства, о которыхъ рѣчь была выше, сильно мѣшали развитію литературной украинской рѣчи, хотя произведенія народной поэзіи, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ историческія пѣсни, знаменитыя „думы“, очень многочисленны и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнны.

Малороссъ Черниговск. губ., Глуховск. у., м. Воронежъ.

Въ настоящее время въ украинскомъ нарѣчіи различаютъ три поднарѣчія: 1) собственно украинское, на которомъ говорятъ въ сердцѣ Украины, въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской и кругомъ; 2) сѣверное украинское или полѣсское, и 3) галицкое или червонноруское (подольское, галицкое и карпаторусскео).

Какъ постепенно сливаются и переходятъ одно въ другое нарѣчія, точно также наблюдается и постепенное измѣненіе типовъ.

Вотъ почему для украинской народности трудно установить одинъ общій типъ. Единственно общимъ для украинцевъ является сравнительно высокій средній ростъ (1670 мм.), превосходящій средній ростъ большой части населенія бѣлорусскихъ губерній (1664 мм.), не говоря про средній ростъ великоруссовъ (1657 мм.). Другимъ признакомъ является сравнительная короткоголовость, но чему приписать ее, примѣси ли тюркской крови степныхъ кочевниковъ или другой причинѣ, трудно сказать. Что касается окраски, то хотя въ украинскихъ пѣсняхъ неустанно воспѣваются черныя брови и карія очи, однако въ общемъ среди украинскаго народа всетаки преобладаютъ блондины, особенно на сѣверѣ. Темные типы съ круглыми головами, скуластыми лицами и карими глазами встрѣчаются на югѣ, особенно за „порогами“, гдѣ смѣшенія со степными кочевниками засвидѣтельствованы лѣтописью еще для эпохи Владимира Святого.

Темпераментъ, характеръ и складъ ума украинцевъ замѣтно отличаютъ ихъ отъ великороссовъ. Русская сангвиничность отсутствуетъ въ украинцѣ, въ зрѣлые годы имъ рѣшительно овладѣваетъ флегма, проявляющаяся въ медлительности движеній и лаконизмѣ рѣчи; но такъ же, какъ у великоросса, это состояніе легко нарушается припадкомъ веселья, разгула, заканчивающагося, большею частью, чувствительно-лирическими изліяніями. Добро-

Малороссы Каменецъ-Подольской губерніи.

душіе и открытый характеръ великоросса замѣняется въ украинцѣ изрядной замкнутостью, не лишенной скрытности, что проявляется въ неопредѣленности и двойственности выраженія намѣреній. Внѣшнія формы отношеній въ украинскомъ народѣ мягче и культурнѣе, чѣмъ у великоруссовъ: даже у простонародья принято обращеніе на „вы", а брань и неприличныя выраженія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ, кажется, все больше уснащаютъ рѣчь великоросса, превращаясь въ непобѣдимую привычку, на Украинѣ звучатъ замѣтно рѣже. При взаимномъ неудовольствіи здѣсь чаще прибѣгаютъ къ издѣвкамъ, къ насмѣшливымъ или юмористическимъ выраженіямъ, заключающимъ часто немало остроумія.

Бурное прошлое, долгая и отчаянная борьба украинскаго народа съ Польшей, представлявшая подъ покровомъ политическихъ и религіозныхъ войнъ борьбу соціальную, именно, сопротивленіе народныхъ массъ панскому закрѣпощенію, лишенію земли и воли, отразились глубоко въ настроеніи народа. На Украинѣ среди народа таится больше озлобленія противъ пановъ, недовольства своимъ положеніемъ, замѣчается также больше пониманія положенія, большая опредѣленность въ надеждахъ и ожиданіяхъ. Люди на Украинѣ привыкли скрывать истинныя чувства и часто выражаютъ ихъ либо обиняками, либо въ оборотахъ „ласковости", отвѣчающей другой чертѣ характера украинца, его чувствительности или сантиментальности. Чувствительность эта стоитъ въ связи съ тѣмъ, что жизнь чувства у украинца, если не глубже, чѣмъ у великоросса, то менѣе однообразна. Природа окружила украинскій народъ болѣе яркими красками, впечатлѣнія ея сильнѣе и разнообразнѣе. Цвѣта и формы придметовъ: солнца, неба, растеній, сочетанія ихъ въ различныя часы дня и времени года многочисленнѣе и ярче. Естественно, что чувственная жизнь человѣка шире, сфера впечатлѣній обширнѣе. При условіяхъ преобладанія земледѣльческой жизни, дающей мѣсто досугу, когда среди работы и въ разное время—утромъ, въ солнечный зной, вечеромъ и звѣздной ночью, впечатлѣнія отъ картинъ природы ложатся на душу человѣка, естественно, что онъ становится воспріимчивѣе къ нимъ, онъ болѣе эстетъ и лирикъ, чѣмъ тотъ, кто родился отъ предковъ, вѣками обитавшихъ въ тѣни однообразныхъ лѣсовъ, подъ менѣе яркимъ пологомъ неба, среди долгой и темной зимы. Въ связи съ болѣе развитымъ индивидуализмомъ въ народной поэзіи на Украинѣ преобладаютъ лирическія пѣсни и лирическія думы, между тѣмъ какъ эпическія произведенія, именно былины, изгладились изъ памяти народа.

Любовь къ красивому выражается въ украинцахъ въ звучныхъ пѣсняхъ, въ цвѣтистой народной одеждѣ, которая, впрочемъ, вмѣстѣ съ прежними пѣснями все болѣе и болѣе исчезаетъ подъ наплывомъ городской культуры, ухудшенія экономическаго состоянія народныхъ массъ и нивеллировки, которая проявляется при оживленіи обмѣна и передвиженія. Украинская хата не только снаружи, но еще болѣе внутри также обличаетъ стремленіе человѣка украсить свое жилье.

Наконецъ еще одна черта характера отличаетъ украинца отъ великоросса, это болѣе развитой индивидуализмъ, болѣе сильно выраженное личное начало, что обнаруживается въ семейномъ и общественномъ быту. Эта черта проистекаетъ какъ отъ большей культурности украинскаго народа, такъ и оттого, что въ общемъ этотъ народъ испыталъ меньшій гнетъ. Украинцы меньше великороссовъ имѣли дѣло съ «азіатами», съ тюркскими и финскими инородцами восточной и сѣверной Россіи, они подвергались большему вліянію съ запада черезъ Польшу.

Общинное начало въ области землевладѣнія начало раньше исчезать на Украинѣ, чѣмъ въ Великороссіи, а укрѣпленіе его ради фискальныхъ цѣлей не могло подновить общины въ такой же мѣрѣ, какъ въ остальной Россіи. Индивидуализмъ отразился и въ иномъ развитіи семейныхъ формъ: на Украинѣ не знаютъ той полноты власти, какою въ великорусской семьѣ пользовался отецъ надъ дѣтьми и мужъ надъ женой, какъ не знаютъ и тѣхъ грубыхъ нравовъ, какими отличается народная жизнь въ Великороссіи. На Украинѣ

семья не держится вмѣстѣ: по мѣрѣ того, какъ дѣти становятся взрослыми, они отдѣля-

Крестьянка съ ребенкомъ (Черниговская губернія).

ются. При заключеніи брака имѣетъ больше значенія, чѣмъ у великороссовъ, чувства склон-

ности; событіе это также менѣе напоминаетъ сдѣлку—пріобрѣтеніе работницы. Положеніе женщины въ семьѣ менѣе зависимое.

Украинскій нарядъ, какъ мужской, такъ и женскій, очень живописенъ. Онъ во многомъ рѣзко отличается отъ великорусскаго, хотя связанъ съ нимъ рядомъ переходовъ въ промежуточныхъ губерніяхъ. Мужской состоитъ изъ рубашки съ прямымъ, а не косымъ воротомъ; рукава ея перехвачены у кистей рукавчиками, какъ у блузы. Рубаху носятъ заправленной въ штаны. Она украшена вышивками на воротѣ, на груди и рукавчикахъ. Узоръ преобладаетъ цвѣточный, сочетаніе цвѣтовъ—красный съ чернымъ, рѣже съ синимъ. Шаровары, шириной съ «Черное море», заправлены въ сапоги, вмѣсто которыхъ часто носятъ кожанные лапти, если не ходятъ босикомъ. Поверхъ этого надѣваютъ верхнюю одежду разнообразнаго покроя. Запорожцы носили красные суконные жупаны. Зимой носятъ кожухи, т. е. шубы. Знаменитыя смушковыя шапки, черныя или «сизыя съ морозомъ» замѣняются лѣтомъ широкополыми соломенными шляпами, «брилями».

Женская одежда сложнѣе и разнообразнѣе. Женщины консервативнѣе мужчинъ въ вопросахъ домашняго и семейнаго быта. Поэтому женскій нарядъ удается наблюдать чаще, хотя ситцевыя кофты безобразнаго покроя, юбки и платочки на головахъ все болѣе вытѣсняютъ старину. Основу одежды составляетъ длинная рубашка, вышитая гораздо богаче мужской, такъ какъ цвѣтной узоръ часто украшаетъ не только грудь и воротъ, но подолъ и рукава. Роль юбки играетъ болѣе короткая, чѣмъ рубаха, плахта, представляющая полосу грубой и тяжелой домашней ткани съ яркимъ и красивымъ клѣтчатымъ узоромъ. Поверхъ надѣваютъ запаску, короткій кафтанъ синяго цвѣта, отороченный по краямъ узкой красной полоской. Нарядныя шелковыя запаски отливаютъ всѣми цвѣтами сложнаго цвѣточнаго узора. На головѣ носятъ шапочки или нѣчто вродѣ кокошника (замужнія), каковое сооруженіе обматывается наглухо кругомъ темнымъ платкомъ. Полный нарядъ дополняютъ передникъ, сапоги (красные съ подковками), ленты, бусы и цвѣты. Нарядъ этотъ сохранился лучше всего въ Полтавской, Кіевской и Черниговской губерніяхъ.

Несмотря на сильное развитіе подворнаго владѣнія землей, хуторского хозяйства, большая часть сельскаго населенія владѣетъ землей на общинномъ началѣ и обитаетъ въ большихъ, многолюдныхъ селеніяхъ, внѣшній видъ которыхъ сильно отличается отъ деревень средней и сѣверной Россіи. При отсутствіи лѣса и дороговизнѣ лѣсныхъ матеріаловъ на Украинѣ, какъ вездѣ на югѣ, хаты возводятъ изъ глины въ смѣси съ рубленой соломой, навозомъ и другимъ матеріаломъ, которымъ облѣпляютъ снаружи и внутри остовъ, сдѣланный изъ дерева или плетня. Окна небольшія, квадратныя и немногочисленны, такъ какъ обитатели хаты, въ противуположность сѣверянамъ, чаще принуждены прятаться отъ знойныхъ солнечныхъ лучей, чѣмъ искать свѣта. Для этой цѣли служатъ ярко выкрашенныя ставни, узоръ которыхъ, также какъ свѣтлоголубая или бѣлая окраска наружныхъ стѣнъ замѣняютъ во внѣшнемъ украшеніи хаты богатую деревянную рѣзьбу сѣверныхъ бревенчатыхъ построекъ. Хаты крыты соломой, аккуратно подстриженной. Трубы часто деревянныя, или верхушкой служитъ опрокинутый горшокъ безъ дна.

Внутреннее расположеніе комнатъ, сѣней, печи, стола и лавокъ разнообразно, но въ общемъ не отличается отъ того, что мы встрѣчаемъ въ Великороссіи. Замѣтной чертой является стремленіе къ красивому убранству. Вышитыя полотенца, иконы съ писанками, картины и цвѣты встрѣчаются вездѣ, замѣтно больше чистоты, хотя сами украинцы, въ противоположность великороссамъ, не особенные любители мытья и совсѣмъ не знаютъ бань. Бороду украинцы бреютъ, обычай, заимствованный изъ Польши и рѣзко отличающій украинца отъ „кацапа"-великоросса [1]). Прежде было въ обычаѣ брить голову, оставляя „оселедецъ",

[1]) Цапъ значитъ козелъ, отсюда кацапъ для обозначенія бородатаго москаля.

Женщина изъ Черниговской губерніи.

*

чубъ или пукъ волосъ на маковкѣ, за который обитатели Украины и получили насмѣшливое прозваніе „хохлы". Спятъ въ хатахъ на кроватяхъ, снабженныхъ простынями, одѣялами и подушками,—роскошь, о которой не мечтаетъ большинство обитателей великорусской деревни.

Остальныя домашнія постройки чаще всего возводятъ изъ плетня. Высокій плетень окружаетъ плодовый садъ или садикъ съ цвѣтами. Цѣлый лѣсъ подсолнечниковъ окружаетъ огородъ живописнымъ карэ, и съ желто-зеленымъ тономъ ихъ соперничаютъ красные и розово-фіолетовые маки. Часто встрѣчаются пасѣки. Пасѣки и баштаны чаще разбиваются въ степи, на солнопекѣ. Большія селенія поражаютъ сѣверянина разбросанностью хатъ, живописно тонущихъ среди купъ зелени. Отъ главной извилистой улицы вѣтвятся во всѣ стороны кривые, окаймленные плетнями переулки, которыя послѣ многочисленныхъ извивовъ приводятъ за село въ степь, на выпускъ съ его вѣтряками или къ греблѣ, гдѣ шумитъ у плотины колесо млина. Въ серединѣ на бугрѣ поднимается церковь, архитектура которой отличается отъ нашихъ сельскихъ церквей, обнаруживая въ разныхъ мелочахъ приближеніе къ костелу.

Н. Березинъ.

Бѣлоруссы.

Природа Бѣлоруссіи. — Бѣлоруссы и ихъ бытъ: суевѣрія, положеніе женщины, свадебные и похоронные обряды. —Поселенія и занятія населенія.—Сервитуты.—Духовная культура и состояніе народнаго просвѣщенія.

Пространство всей Бѣлорусской области исчисляется въ 210.000 кв. в. (по Стрѣльбицкому) въ губерніяхъ: Могилевской, Витебской и Минской. Бѣлоруссы встрѣчаются также въ трехъ уѣздахъ Виленской губ.—Вилейскомъ, Свенцянскомъ и Дисненскомъ, и даже въ Смоленской и въ Тверской губерніяхъ. Типичное же Бѣлорусское Полѣсье занимаетъ всего 85.000 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 2 милліона. За отсутствіемъ болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ опредѣлить численность населенія весьма трудно, не легко опредѣлить и приростъ населенія. По даннымъ 1897 г. на квадратную версту приходилось 19 чел.

Самое многочисленное племя, жившее въ древности по верхнему Днѣпру и Западной Двинѣ, были кривичи, между Западною Двиною и Припетью обитали дреговичи. По берегамъ Припети жили древляне. Наконецъ между Мозыремъ и Пинскомъ обитало литовское племя ятвяги, но племя это слилось съ сосѣдями.

Племена управлялись по вѣчевому порядку, но порядокъ этотъ держался въ Бѣлорусскомъ краѣ недолго, уступивъ мѣсто княжескому владычеству. Слѣдующіе столѣтія безпрерывныхъ междоусобицъ слили исторію Бѣлорусскаго Полѣсья съ исторіей Литвы и Руси, а съ 1569 г. и съ исторіей Польши.

Польскія войны Грознаго явились началомъ длиннаго періода войнъ, которыя вели московскіе цари. Возстаніе Богдана Хмельницкаго отозвалось также на Бѣлоруссіи. Война съ Карломъ XII не миновала несчастной Бѣлоруссіи, отечественная война 1812 г. опять освѣтила край заревомъ пожаровъ: армія Наполеона отступала бѣлорусскими предѣлами, страшныя опустошенія напомнили Бѣлоруссіи прежнія времена. Наиболѣе пострадали какъ разъ мѣстности, которыя много претерпѣли во время войны Польши съ Москвой.

Подъ грохотъ войнъ, при свѣтѣ пожарищъ и подъ звуки народнаго вопля и стона складывалась экономическая, гражданская и бытовая жизнь Бѣлоруссіи.

Бѣлорусское Полѣссье занимаютъ бассейны трехъ большихъ рѣкъ: Нѣманъ съ притоками, Днѣпръ и Западная Двина. Область Двины богата озерами.

Область Припети представляетъ собою исключительный міръ, отличающійся отъ другихъ уголковъ Бѣлорусскаго Полѣсья. По изобилію болотъ въ Россіи едва ли найдется другая такая область. Мѣстность здѣсь испещрена безчисленными рѣчками, озерами, протоками, и кое-гдѣ лишь встрѣчаются такъ называемые „грудки“, т. е. песчаные холмы, на которыхъ собственно и расположены печальныя деревушки полѣщуковъ.

Болота Бѣлорусскаго Полѣсья большею частью торфяныя, но съ травянымъ покровомъ, годнымъ для сѣнокошенія, хотя трава не всегда удобна для корма. Встрѣчаются моховыя

болота съ зыбкимъ пластомъ, подъ которымъ аршина на полтора слой воды и твердое дно изъ плотнаго песку.

Долина р. Припети, т. е., собственно, то, что принято называть «Полѣсьемъ» или, Пинскими болотами, заключаетъ въ себѣ пространство свыше 8.000.000 дес. земли. Въ періодъ весеннихъ разливовъ вода особенно долго застаивается въ низинѣ р. Припети съ наступленіемъ жаровъ она испаряется, на рѣкахъ образуются песчаные заносы, являясь естественными плотинами для удержанія высокаго уровня воды въ прибрежныхъ долинахъ. Искусственныя сооруженія—мельничныя плотины и «заколы», сооруженія, приспособленныя для рыбной ловли — также содѣйствуютъ заболачиванію. Въ 1872 г. въ Полѣсье былъ командированъ полковникъ Жилинскій съ партіей инженеровъ, которымъ удалось из-

Дворъ крестьянина средняго зажитка с. Капланцы, Минской губ., Игуменскаго у.

слѣдовать мѣстность и составить генеральный планъ осушенія всей долины р. Припети. Работы начались въ 1874 г., и съ тѣхъ поръ количество осушенной земли измѣряется мильонами десятинъ.

Въ весеннее время озера, ручьи и рѣчки сливаются съ болотами и образуютъ сплошное водное пространство съ островками, на которыхъ ютятся селенія. Гати, проложенныя между селеніями, покрываются водою, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца сообщеніе между селеніями возможно только на лодкѣ. Въ періодъ весенняго разлива многія мѣстности Бѣлорусскаго Полѣсья, а въ особенности долина р. Припети, становятся похожими на море.

Въ лѣтнюю пору вода значительно спадаетъ, получается возможность сообщенія между селеніями въ экипажахъ. Въ особенно знойное лѣто, каковое наблюдается въ Полѣсье не болѣе разу въ теченіе 10—12 лѣтъ, становятся доступными озера и многія болота. Въ лѣтнюю пору почти всю ночь надъ болотами растилается легкая, но сплошная кисея сизо-

ватаго тумана. Въ осеннюю пору туманъ какъ бы плотнѣетъ, становится тяжелѣе. Особенно жутки въ Полѣсьѣ безпросвѣтныя осеннія ночи, часто ненастныя, а еще чаще—бурныя.

Бѣловолосый, голубоглазный полѣшукъ, угрюмый съ виду и часто молчаливый, относится къ окружающей природѣ, какъ къ мистической силѣ, не разъяснимой, вѣщей и пугающей его темную душу. Онъ суевѣренъ и до сихъ поръ во власти древнихъ языческихъ повѣрій.

Бѣлоруссъ въ будничной одеждѣ (Минск. губ.).

Особенно ярко былое отражается въ празднествахъ бѣлорусса, а изъ всѣхъ празднествъ «Колядки», или рождественскіе праздники, занимаютъ первое мѣсто. Въ періодъ «колядовыхъ» мистерій парубки рядятся козой, медвѣдемъ, волкомъ и свиньей. Коза—высшее существо оплодотворенія, медвѣдь—повелитель морозовъ или «Зюзя», волкъ—олицетвореніе зимнихъ метелей, а свинья—жертва богу солнцу. Рождественскіе праздники знаменуются гаданіями, «приворотами», заклинаніями и т. под. Четыре времени года также имѣютъ своихъ покровителей царей или царицъ: весна—Лелю, лѣто—Ціоцю, осень—Жиценя и зима—Зюзю.

Ціоця—жена Перуна, изображается красивой женщиной съ головой, убранной колосьями и съ плодами въ рукахъ. Въ честь ея обычаемъ установленъ праздникъ Молніи или «Громница». Масляница празднуется въ Полѣсьѣ пышно и весело. Праздникъ Пасхи—любимые весенніе дни полѣщука. Пасха совпадаетъ съ древне-языческой «Радуницей», т. е. днемъ обновленія природы. День 23 апрѣля на св. Георгія—праздникъ въ честь Лёли, весны. Затѣмъ слѣдуетъ день Ярилы, который изображается красивымъ юношей на конѣ. Изъ остальныхъ празднествъ особенно примѣчательны: день св. Троицы, Иванъ-Купало, день св. Иліи или день Перуна.

Жицень царь осени въ представленіи полѣщука существо съ длинными и взъерошенными волосами и съ тремя глазами. Жицень—существо суровое, въ его власти будущее человѣка, потому что Жицень учитываетъ результаты селѣско-хозяйственныхъ работъ и распредѣляетъ благо: недостойнымъ грозитъ голодомъ, достойныхъ удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ. Въ половинѣ ноября во власть вступаетъ царь зимы Зюзя. Пріѣзжаетъ онъ на нѣгихъ кобылахъ, куетъ морозы, замораживаетъ рѣки и болота и выпускаетъ злыхъ духовъ въ лицѣ волковъ или метелей. Кромѣ этихъ главныхъ покровителей полѣщуки вѣрятъ въ покровительство Жижаля или бога-огня

и Чура-защитника собственности и покровителя даннаго дома или семьи. Вѣрятъ полѣщуки въ колдуновъ, оборотней, Бабу ягу, лѣшихъ и т. п. Живы въ представленіяхъ полѣщука и еще два существа: „Бѣлобогъ„ и „Чернобогъ“, Чернобога мѣшаютъ съ Зюзей, «Бѣлобога»—съ Перуномъ. Всѣ эти повѣрья, разумѣется, блѣднѣютъ или совсѣмъ стираются и уже утратили то значеніе, какое они имѣли для предшествующихъ поколѣній.

У коренныхъ бѣлоруссовъ все бѣлое: лицо, брови, волосы на головѣ; глаза или свѣтло-сѣрые, или свѣтло-голубые и какіе-то какъ будто выцвѣтшіе. Одежда бѣлорусса также отличается отъ одежды обитателей великорусскихъ губерній: рубаха и штаны изъ бѣлаго самотканнаго холста, бѣлыя, а иногда и сѣрыя свиты, кожухи изъ бѣлой овчины, и шапка бѣлая или сѣрая. За послѣдніе года въ костюмѣ замѣтны нѣкоторыя измѣненія: фабричное издѣліе—ситцы, миткали и сукна замѣнили въ одеждѣ бѣлорусса многое, часто видишь на молодомъ поколѣніи «спинжакъ», картузъ и ситцевое платье или рыночный платочекъ.

Полѣсье не знаетъ большихъ великорусскихъ селъ и деревень. Полѣсскія деревни большею частью въ 10, 15 или 20 домовъ, деревни въ 60—70 дворовъ встрѣчаются рѣдко за исключеніемъ «мѣстечекъ», которыя напоминаютъ наши уѣздные города. Въ мѣстечкахъ имѣются костелы, еврейскіе молитвенные дома, изрѣдка православныя церкви; здѣсь же школы, волостныя правленія и резиденція мѣстной уѣздной власти. Торговля также сосредоточена, главнымъ образомъ, въ мѣстечкахъ и вся въ рукаха еврейства. Близъ мѣстечекъ чаще всего расположены усадьбы «пановъ» — помѣщичьи дома въ тѣни старинныхъ парковъ или фруктовыхъ садовъ.

Съ внѣшняго вида полѣсскія деревушки угрюмы: потемнѣвшіе хатки съ низкими подслѣповатыми оконцами, какъ то особенно сдвинута надъ окнами темная кровля; службы также какія-то потемнѣвшія, точно никогда не знающія ремонта. При въѣздѣ въ деревню на «шляхахъ» (большія дороги) или на раздорожицѣ обязательно громадные, иногда до 3—4 саженъ, кресты, темные, обросшіе мохомъ. Кресты въ большинствѣ случаехъ водружаются въ разгаръ какихъ-либо народныхъ бѣдствій. Встрѣчаются у дорогъ православные часовни съ мрачными иконами и католическія «каплицы», т. е. часовни, въ которыхъ чаще всего находится аляповато сооруженное изваяніе Христа на крестѣ.

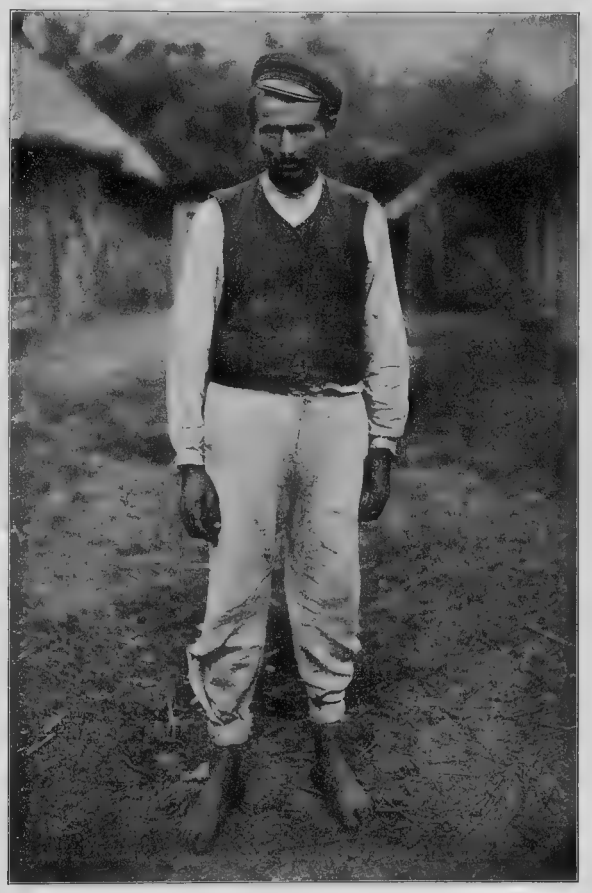
Полѣщуки не любятъ однодворческаго разселенія, и во всемъ Полѣсье вы не встрѣтите одинокаго жилья. Въ отдѣльно стоящихъ хатахъ близъ деревень обитаютъ въ большинствѣ случаевъ евреи. Иногда жилье еврея превращается въ громадныя неуклюжія постройки со службами. Это—корчма. Корчмарь еврей ведетъ и торговлю, является комиссіонеромъ, а иногда и скупщикомъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства или скарба. Еврей-корчмарь во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ нашего великорусскаго кулака и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго человѣка деревни. Иногда въ глуши лѣса, гдѣ нибудь на краю сплошного болота встрѣчаются двѣ-три хатки съ ветхими черными отъ времени кровлями. Въ этихъ уединенныхъ хатахъ живутъ *будники*, добывающую буду-поташъ, или *рудники*, добывающіе руду.

Въ бытовомъ отношеніи обитатели Бѣлорусскаго Полѣсья во многомъ несходны съ великороссами и даже съ малороссами, хотя, въ общихъ чертахъ, бѣлорусская семья мало чѣмъ отличается отъ семьи великоросса.

Женщина въ семьѣ бѣлорусса главная рабочая сила у очага, и только мірскія дѣла ея не касаются, рѣдко прислушиваются къ ея голосу и въ дѣлахъ болѣе важныхъ: при распредѣленіи земельныхъ угодій, покупкѣ или продажѣ скота, и т. п.

Приходится удивляться выносливости бѣлорусской женщины. До дня появленія на свѣтъ ребенка она не измѣняетъ своимъ обычнымъ работамъ. Спустя 3—4 дня послѣ рожденія ребенка, вы уже опять встрѣчаете ее за работой. Во время родовъ зажигается свѣча «Громница», знахарка стучитъ метлою въ котелокъ, нашептываетъ и причитаетъ. Роженицу

поятъ ужаснымъ зельемъ «троянкой», т. е. смѣсью красной глины, меда, перца и поросьяго масла, растворенныхъ въ красномъ винѣ. Крещеніе совершается въ церкви на другой или на третій день послѣ рожденія. Крещеннаго младенца отецъ кладетъ на порогъ избы, это «освѣщеніе дитя черезъ порогъ». Въ теченіе перваго года ребенокъ завертывается въ тряпки или лежитъ голымъ, рубашки на него не одѣваютъ, говоря: «довольно еще времени свой викъ износить». Положеніе дѣтей въ бѣлорусской семьѣ плачевное, и смертность превышаетъ 50—60%.



Бѣлоруссъ работникъ (Минской губ.). Слуцкаго уѣзда.

Свадебные обряды совершаются съ большой пышностью: «гуляютъ» нѣсколько дней. Свадьба начинается съ «запоекъ». Въ домъ родителей невѣсты являются сватъ и сваха съ хлѣбомъ и виномъ. Вино выпивается всѣми вмѣстѣ, и если отецъ согласенъ выдать дочь, то въ опорожненную посудину сыплетъ рожь, если нѣтъ—то въ посудину наливаютъ вино, и сватья уходятъ, не говоря ни слова. Въ случаѣ согласія родителей и невѣсты начинается пированье. Невѣста собираетъ вокругъ себя подругъ, а женихъ товарищей. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на каждой свадьбѣ является «маршалъ», т.е. церемоніймейстеръ. Онъ долженъ устанавливать и блюсти порядокъ, на немъ же и обязанность веселить пирующихъ. Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты пекутся караваи. Эти свадебные хлѣбы изготовляются изъ особеннаго тѣста съ прибаутками, причитаніями и заклинаніями. Хлѣбъ пекутъ семь женщинъ и при этомъ поютъ соотвѣтствующія пѣсни. По пути въ церковь

невѣста кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Въ церкви, передъ самымъ обрядомъ вѣнчанія, женихъ долженъ выкупить у дѣвушекъ невѣсту подарками. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохранились старинные обычаи: жениху и невѣстѣ подкалываютъ волосы, совершая этимъ какъ бы «подстриженіе» на новую жизнь, на голову невѣсты кладутъ прялку, а потомъ подбираютъ на головѣ косы и повязываютъ платкомъ. Въ крѣпостное время черезъ день послѣ свадьбы молодые ходили въ польскую усадьбу съ свадебнымъ караваемъ, этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ.

Будничный костюмъ дѣвушки (Минской губ.).

Похоронные обряды мало отличаются отъ великорусскихъ. Особенное значеніе въ Бѣлоруссіи придается обряду голошенія. Съ момента смерти надъ покойникомъ голосятъ родные, ихъ смѣняютъ сосѣди, на смѣну послѣднихъ являются родственники изъ сосѣднихъ деревень, и т. д. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохранился обычай потреѣленія вина на свѣжей могилѣ. На заупокойной тризнѣ ставится приборъ для души покойнаго. Въ переднемъ углу на скамьѣ, на которой такъ недавно еще лежало бездыханное тѣло покойника, разстилается бѣлый холстъ, ставятъ посудину съ чистой водой и кладутъ утиральникъ для омовенія души покойнаго. На могилахъ мужчинъ водружаются большіе кресты и кладутся камни, могилы женщинъ отмѣчаются только насыпаннымъ холмомъ.

Пѣсни свадебныя, а также и пѣсни разныхъ игрищъ и «веселій» въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ медленно уступаютъ мѣсто новымъ пѣснямъ и «частушкамъ». Изъ народныхъ плясокъ особенно въ ходу «Мяцелица».

Бѣлорусское Полѣсье не знало мелкопомѣстныхъ хозяйствъ. Громадныя лѣсныя площади принадлежали немногимъ титулованнымъ владѣльцамъ. Каждый изъ такихъ владѣльцевъ являлся для цѣлой округи своеобразнымъ владыкой и царькомъ. Окруженные челядью магнаты-аграріи усвоили совсѣмъ особенное отношеніе къ „хлопамъ“. „Хлопы“ были не только необходимой рабочей силой въ сельскохозяйственныхъ усадьбахъ или въ лѣсахъ „пана“; безъ „хлопа“ не могла обойтись ни одна княжеская охота или облава на звѣрей.

Въ былое время, когда Бѣлорусское Полѣсье представляло изъ себя глухой уголокъ, лѣсъ рубили лишь на потребности „польскихъ“ экономій, о подсобномъ заработкѣ въ лѣсу полѣсскій крестьянинъ не могъ и мечтать и жилъ исключительно трудомъ рукъ своихъ на плохо удобряемыхъ новяхъ. Никакихъ обработокъ лѣсныхъ матеріаловъ не дѣлалось, отхожіе промыслы также не процвѣтали, да владѣтельный магнатъ, одержимый „гоноромъ“, не могъ бы перенести, чтобы „хлопы его мойонтка“ шли на сторону. Крѣпостное право было уже отмѣнено, а прежнія взаимоотношенія хлопа и пана еще не успѣли изгладиться, такъ какъ хлопъ продолжалъ, въ силу естественнаго хода экономическихъ отношеній, быть въ зависимости отъ польской экономіи и челяди, окружавшей землевладѣльца. До половины минувшаго столѣтія лѣсныя угодья для помѣщика Бѣлорусскаго Полѣсья представлялись богатствомъ въ будущемъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, частой сѣтью опутавшихъ губерніи съ бѣлорусскимъ населеніемъ, для владѣльцевъ лѣсовъ установилась постоянная и прочная связь съ рынками. Лѣсныя дачи устроились по слову науки при содѣйствіи лѣсничихъ, и на всей лѣсной площади началась сплошная заготовка лѣсныхъ матеріаловъ. Связи съ рынкомъ содѣйствуетъ и шлюзный Огинскій каналъ, по которому движутся къ границѣ Германіи небольшія суденышки и плоты нагруженныя, главнымъ образомъ, лѣсными матеріалами, добытыми въ центрѣ Бѣлоруссіи, въ губерніи Минской, въ глуши Пинскихъ болотъ.

Лѣтній праздничный костюмъ дѣвушки Минской губ.

Развитіе лѣсного хозяйства въ лѣсахъ Бѣлорусскаго Полѣсья благопріятно отозвалось на экономической жизни крестьянъ въ томъ смыслѣ, что на мѣстѣ создалась необходимость

въ рабочихъ рукахъ. Но, съ другой стороны, то же крестьянство почувствовало стѣсненіе, въ землепользованіи. Лѣса помѣщики начали охранять, и, какъ бы въ видѣ погашенія накладныхъ расходовъ на содержаніе лѣсной стражи, лишили крестьянъ возможности пользоваться лѣсомъ. Въ былое время крестьяне пользовались правомъ „входа въ лѣсъ съ топоромъ", не говоря уже о томъ, что безъ всякихъ препятствій могли собирать грибы, ягоды, охотится на дичь и мелкаго звѣря, драть лыко для выдѣлки постоловъ (обувь изъ лыка, родъ лаптей). Такое право было установлено обычаемъ. Теперь же объ этомъ правѣ крестьяне вспоминаютъ какъ о быломъ благѣ. Въ настоящее время, чтобы пойти въ лѣсъ для сбора грибовъ или ягодъ, крестьянинъ долженъ побывать въ господской экономіи или у лѣсного объѣзчика, купить тамъ за опредѣленную сумму „квитокъ" или письменное распоряженіе на право входа въ лѣсъ.

Стѣснены крестьяне Бѣлорусскаго Полѣсья и въ отношеніи пастьбы скота. Надо замѣтить, что въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ есть еще одинъ вредный пережитокъ крѣпостныхъ земельныхъ отношеній. Это—сервитутъ или право пользованія лѣсными выгонами по сервитутному праву.

Согласно этому праву пастьбу скота бѣлорусскіе крестьяне могли производить почти по всему лѣсу, за исключеніемъ особенно цѣнныхъ участковъ. Лѣтъ 30—40 тому назадъ новый рыночный взглядъ помѣщика на лѣсныя угодья измѣнилъ эти границы, съузивъ районы пастьбищныхъ участковъ. По сервитутному праву площадь, оставшаяся послѣ вырубки лѣса, отходитъ подъ пастьбищныя угодья крестьянъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что большинство помѣщичьихъ дачъ въ настоящее время устроено лѣсоустроительными партіями для нормальной эксплоатаціи, пастьбищныя угодья съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаются въ размѣрахъ площади. И теперь нерѣдко встрѣчаешь въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ деревню, обитатели которой хотя и живутъ въ лѣсу, но безъ лѣса. Попадаетъ крестьянская скотина въ запретный участокъ, штрафы и угонъ скота до выкупа грозятъ крестьянской семьѣ, если не раззореніемъ, то во всякомъ случаѣ нарушеніемъ и безъ того крошечнаго бюджета.

Еще въ 70-хъ годахъ дѣлались указанія на необходимость разверстанія крестьянскихъ земель юго-западнаго края, отмѣны сервитутовъ и замѣны ихъ новыми взаимоотношеніями между помѣщиками и крестьянами. Въ той же литературѣ дѣлалось и еще указаніе: „разверстаніе крестьянскихъ угодій для населенія юго-западнаго края невыгодно, потому что разверстаніе это лишитъ крестьянъ права на сервитута". Съ другой стороны, и для помѣщика разверстаніе невыгодно, такъ какъ по сервитутному праву помѣщикъ, пожелавшій разверстаться, долженъ уступить изъ своего владѣнія въ пользу крестьянъ 10% той площади, какая исчислена въ участкахъ сервитутнаго пользованія.

Положеніе это является какимъ-то роковымъ, удерживающимъ земельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ въ старыхъ отжившихъ рамкахъ.

Положеніе крестьянъ Бѣлорусскаго Полѣсья заслуживаетъ самаго серьезнаго къ себѣ отношенія, потому что едва-ли въ Россіи можно встрѣтить еще уголокъ, гдѣ бы старый экономическій укладъ сохранился въ томъ пагубномъ видѣ, какъ это наблюдается въ четырехъ юго-западныхъ губерніяхъ, заселенныхъ бѣлоруссами. Крупный и большею частью титулованный землевладѣлецъ до сихъ поръ еще чувствуетъ себя маленькимъ царькомъ среди покорнаго и забитаго судьбою народа.

Землевладѣльцы играютъ довольно видную роль и въ городскомъ хозяйствѣ, особенно въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ и въ мѣстечкахъ, разбросанныхъ на пространствѣ четырехъ губерній. Можно смѣло сказать, что почти всѣ еврейскія мѣстечки Виленской, Минской, Витебской и другихъ губерній построены на помѣщичьихъ земляхъ. Еврейское мѣщанство и отчасти бѣлоруссы, почему-либо поселившіеся въ мѣстечкѣ или на окраинѣ уѣзднаго города, построили свои дома на этихъ помѣщичьихъ земляхъ на правахъ долгосрочной

аренды. И еврейское мѣщанство и выходцы изъ бѣлорусскихъ деревень живутъ въ постоянной кабалѣ у владѣльцевъ, не вѣдая, что будетъ съ ихъ постройками нѣсколько лѣтъ спустя, когда арендные сроки истекутъ. И теперь уже наблюдались случаи самой ужасной эксплуатаціи тамъ, гдѣ обитателямъ мѣстечекъ и городовъ приходилось составлять новыя арендныя условія взамѣнъ старыхъ.

Убогая природа и треволненія военнаго времени препятствовали развитію духовной культуры. Начало распространенія письменности на бѣлорусскомъ языкѣ относится къ XV столѣтію. Въ теченіи вѣковъ сельскіе жители оставались безграмотными, городскіе классы населенія умѣли только писать и читать на родномъ языкѣ, высшія же сословія принялись за изученіе польскаго и латинскаго языковъ. Первый іезуитскій коллегіумъ въ

Крестьянскіе хутора (Минская губ.).

Бѣлоруссіи былъ основанъ Баторіемъ въ г. Полоцкѣ въ 1580 г.; за этимъ послѣдовало учрежденіе ихъ въ другихъ городахъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, кромѣ коллегіумовъ, основаны были іезуитами еще особыя школы, такъ что въ періодъ двухъ упомянутыхъ столѣтій высшее и среднее образованіе было исключительно въ рукахъ іезуитовъ Рядомъ съ этимъ почти всѣ католическіе монастыри имѣли школы, въ которыхъ дѣлались попытки просвѣщенія народа, но просвѣщеніе это имѣло цѣлью, главнымъ образомъ, религіозныя основы. Пытались заводить школы и православные монастыри, но вскорѣ эти монастыри были обращены въ базиліанскіе, а вмѣстѣ съ этимъ и школы перешли въ вѣдѣніе базиліанскихъ монаховъ. О вліяніи іезуитовъ на просвѣщеніе Бѣлоруссіи А. К. Киркоръ пишетъ: „Іезуиты дѣйствовали и просвѣщали дворянское сословіе въ Бѣлоруссіи двѣсти сорокъ лѣтъ (съ 1580 по 1820). Такое продолжительное, постоянное, ничѣмъ и никогда не измѣняемое, настойчивое исполненіе предвзятыхъ идей и системы образованія,

понятно, не могло не отразиться на жителяхъ, на ихъ характерѣ и умственномъ направленіи".

Въ царствованіе Николая I надъ іезуитскими коллегіумами и школами пронеслась гроза, разразившаяся катострофой. Всѣ іезуитскіе коллегіумы и школы были закрыты. Въ Бѣлоруссіи не было никакихъ школъ въ теченіе двухъ лѣтъ, и только послѣ этого перерыва начали открываться училища.

Что касается народной школы, то еще въ 1640 году православные жители г. Пинска основали свое училище въ цѣляхъ конкурренціи съ іезуитскими школами. Православныя народныя школы возникали и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, но быстро закрывались сами собою, потому что поддерживать ихъ было некому. Возникновеніе собственно народныхъ школъ относится лишь къ 1861—1862 гг.

Бѣлорусское Полѣсье, колыбель исконной тьмы, суевѣрій, невѣжества и отсталости, является, однако, родиной выдающихся польскихъ поэтовъ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Владиславъ Сырокомля (Лудовикъ Кондратовичъ), Ѳома Занъ, Иванъ Чечетъ и Викентій Коротанскій. Всѣ они урожденцы Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Хотя просвѣщенные уроженцы края принимали близко къ сердцу интересы бѣлорусскаго населенія, но непосредственнаго участія въ просвѣщеніи народныхъ массъ не принимали, выполняя свои особенныя національныя задачи. Цѣлый край съ милліоннымъ населеніемъ былъ представленъ самому себѣ, и люди жили по истинѣ въ дремучемъ лѣсу.

Въ эпоху знаменитаго Льва Сапѣги сѣверо-западный край явился ареною столкновенія двухъ вѣръ—православія и католицизма. Защитниками православія, по свидѣтельству историковъ, являлись „плохо обученные православные священники", католицизмъ насаждали, напротивъ, просвѣщенные іезуиты. Вначалѣ іезуиты старались обратить въ католицизмъ представителей дворянскаго сословія и совсѣмъ почти не обращали вниманія на крестьянъ и мѣщанъ, ни мало не сомнѣваясь въ томъ, что новообращенные „магнаты" повліяютъ на своихъ крѣпостныхъ и силою угрозы, приказаній и наказаній обратятъ и ихъ. Разсчеты іезуитовъ оправдались, и унія дѣлала въ краѣ быстрые успѣхи. Вліяніе уніи не распространилось только на тѣ селенія Бѣлорусскаго Полѣсья, которыя расположены были въ глуши лѣсовъ среди непроходимыхъ болотъ, хотя впослѣдствіи многія и изъ этихъ деревень примкнули къ уніатамъ. Въ настоящее время въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ не рѣдко встрѣчаются семьи, вѣрованія которыхъ весьма трудно опредѣлить. Имѣютъ такія семьи общеніе и съ православнымъ священникомъ, не чуждаются и посѣщенія костеловъ.

В Брусянинъ.

Поляки.

Природа страны — Составъ и происхожденіе современной Польши. — Этнографическое дѣленіе. — Польскіе крестьяне. — Помѣщики. — Промышленность и города.—Евреи и нѣмцы.—Народное образованіе, управленіе, политическая и общественная жизнь въ Царствѣ Польскомъ.

Царство Польское, иначе Привислинскій край, есть обломокъ распавшагося государства, область особой національной культуры. Въ десяти губерніяхъ его вся масса населенія состоитъ изъ поляковъ. Историческое прошлое Польши, какъ и ея современное состояніе, превращаютъ ее въ соединительное звено между двухъ культуръ, связывающее, наряду съ Чехіей, восточные и южные славянскіе народы съ западно-европейскими націями. Польскій народъ прошелъ многія ступени, оставленныя позади западно-европейскими народами; въ то же время онъ представляетъ много чертъ, связывающихъ его съ восточными сосѣдями и накладывающихъ на польскую жизнь отпечатокъ, несвойственный Западу.

Природа русской Польши не представляетъ чего-нибудь оригинальнаго. На югѣ однообразный рельефъ ея нѣсколько оживляется небольшими возвышенностями, которыя носятъ названія Малопольской и Люблинской, и, полого спускаясь къ сѣверу, переходятъ въ польскую низменность, пересѣченную теченіемъ Вислы и ея притоковъ. На сѣверѣ лежатъ озера, долины между холмовъ съ округленными вершинами, между ними расположены болота, часто затянутыя мхомъ; валуны разбросаны всюду или залегли въ землѣ въ толщахъ песка и глины: лѣса еще и теперь покрываютъ сѣверо-восточную часть Царства Польскаго; нѣкогда они занимали весь бассейнъ Вислы. Въ литовскихъ земляхъ, въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, отчасти Гродненскойи Сувалкской лучше сохранились эти лѣса.

Успѣхамъ экономической и духовной культуры Польши несомнѣнно содѣйствовалъ благопріятный климатъ края, съ мягкой зимой и незнойнымъ лѣтомъ. Умѣренная температура и достаточное количество осадковъ благопріятствуютъ земледѣлію и плодоводству. Всевозможныя хлѣбныя растенія произрастаютъ въ Польшѣ и даютъ часто великолѣпные урожаи. Также успѣшно можетъ развиваться и плодоводство. Кое-гдѣ встрѣчаются округа сплошь вспаханные и воздѣланные, съ полями, прекращающимися только тамъ, гдѣ начинаются сады.

Поляки одновременно съ русскими пережили переходъ отъ существованія разрозненными родами и племенами къ государству, правда непрочному. Въ слѣдующія столѣтія поляки нѣсколько опережаютъ восточныхъ славянъ. Въ Средніе вѣка жизнь складывается въ Польшѣ по образцу западно-европейской, съ порабощеніемъ крестьянства феодалами-помѣщиками въ союзѣ съ многочисленнымъ землевладѣльческимъ духовенствомъ. Въ слѣдующіе періоды жизнь польскаго народа становится болѣе своеобразной. Въ Полъшѣ не выдвинулись общественныя силы, способныя остановить ростъ феодализма. Непомѣрно выросшее значеніе крупной шляхты, и, какъ слѣдствіе этого, порабощеніе крестьянства, являются въ жизни польскаго народа основнымъ явленіемъ, вліяніе котораго можно прослѣдить какъ въ крупныхъ событіяхъ польской исторіи, такъ и въ повседневной польской

народной жизни. Это преобладаніе крупнаго дворянства привело Польшу къ національному несчастью — къ раздѣламъ, безплоднымъ возстаніямъ; та же причина исказила духовный обликъ народа. Неограниченный произволъ помѣщичьяго класса придалъ крестьянамъ безличный, приниженный характеръ. Далѣе, для правильнаго пониманія характера поляковъ необходимо оцѣнить вліяніе въ странѣ католическаго духовенства. Церковь въ Польшѣ всегда находилась въ тѣсномъ союзѣ съ господствующимъ классомъ.

Литва раздѣляла судьбу Польши. Этнографическій островокъ среди обширнаго славянскаго моря, литовцы только на сѣверо-западѣ соприкасались съ неславянскимъ народомъ—нѣмцами Тевтонскаго ордена. И со славянами и съ нѣмцами литовцы долгое время не сливались. Живя въ дремучихъ лѣсахъ, окруженные непроходимыми болотами, литовцы до конца XIV-го вѣка сохраняли свою самобытность. Въ концѣ XIV-го вѣка съ установленіемъ уніи, соединившей оба государства воедино, рухнула послѣдняя твердыня язычества. Иноземцы, главнымъ образомъ поляки и русскіе, начали проникать въ Литву, принося съ собой культуру, захватывая высшія должности и лучшія земли. И теперь еще помѣщики здѣсь поляки, отчасти русскіе, сами литовцы преимущественно крестьяне.

Польскіе крестьяне изъ подъ Варшавы.

Территорія русской Польши въ современномъ видѣ сложилась окончательно въ 1815-мъ году, когда на вѣнскомъ конгрессѣ были опредѣлены ея границы и было образовано особое автономное, зависящее отъ Россіи государство—Царство Польское. Затѣмъ, послѣ возстанія 1830—31-го года автономія царства была уничтожена, и оно обратилось въ провинцію, которой послѣ возстанія 1863-го года было присвоено названіе Привислинскаго края. XIX-ый вѣкъ характеризуется для Царства Польскаго раскрѣпощеніемъ крестьянства, улучшеніемъ его экономическаго положенія. То, чего не хотѣли и не могли сдѣлать сами поляки, и что могло спасти Польшу отъ внутренняго и внѣшняго разложенія—раскрѣпощеніе и улучшеніе положенія трудящагося крестьянства, выполнили Наполеонъ и русское правительство. Наполеонъ далъ польскому крестьянству личную свободу, русское правительство, стремясь ослабить дворянство, надѣлило въ 1864-мъ году безземельныхъ крестьянъ помѣщичьими землями.

Царство Польское составилось изъ частей Великой и Малой Польши, изъ древнихъ великопольскихъ воеводствъ Плоцкаго, Мазовецкаго и Равскаго, и Малопольскихъ—Краковскаго (за исключеніемъ самого Кракова съ его окрестностями), Сандомирскаго, Люблинскаго, Подляскаго и части Троцкаго. Теперь край подѣленъ на десять губерній. Около 80% населенія царства поляки; затѣмъ слѣдуютъ евреи, которыхъ насчитывается около милліона, гораздо меньше нѣмцевъ и русскихъ, ихъ живетъ въ краѣ нѣсколько сотъ тысячъ. Большая часть русскихъ—чиновничество и войска. Изъ остальныхъ народностей, встрѣчающихся въ русской Польшѣ, отмѣтимъ еще литовцевъ, составляющихъ большинство населенія Сувалкской губерніи, которая въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ гораздо ближе къ литовскимъ землямъ, чѣмъ къ польскимъ.

Польское населеніе распадается на нѣсколько племенъ, мало разнящихся между собой. Въ губерніяхъ Плоцкой, Ломжинской, Варшавской и Сѣдлецкой (прежняя Мазовія) обитаютъ куявяки, называемые лѣсными, въ отличіе отъ прусскихъ куявъ—луговыхъ. Почти

всю Ломжинскую губернію населяютъ курпы, въ восточной половинѣ Варшавской губерніи живутъ ксенжаки, селенія которыхъ расположены вокругъ города Ловича. Остальное населеніе Мазовіи составляютъ мазуры. Общественныя и національныя связи сплотили всѣ эти племена въ одно цѣлое, въ которомъ исчезаютъ куявяки, ксенжаки, курпы и т. п. Въ этомъ процессѣ сыграла немалую роль быстро растущая промышленность. На лодзинскихъ, варшавскихъ, сосновицко-домбровскихъ фабрикахъ и заводахъ стираются всякія мѣстныя и племенныя различія и вырабатывается общій для всей Польши, а отчасти и для всего европейскаго промышленнаго міра, типъ рабочаго, со всѣми присущими ему чертами характера; а такъ какъ между фабрикой и деревней существуетъ постоянная связь, то вліяніе этого даетъ себя чувствовать по всей странѣ. При ознакомленіи съ современной польской народной жизнью съ бытомъ, хозяйствомъ и вѣрованіями польскаго крестьянства, бросаются въ глаза не племенныя различія отдѣльныхъ группъ населенія, а большее или меньшее участіе даннаго округа въ промышленной жизни страны, большая или меньшая связь его съ европейской культурой. Въ этомъ отношеніи русская Польша подѣлена теченіемъ Вислы на двѣ части—къ востоку отъ Вислы населеніе бѣднѣе и невѣжественнѣе, почва обрабатывается хуже, лѣса встрѣчаются чаще, болота осушаются рѣже; и положеніе крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже. Къ западу отъ Вислы крестьяне зажиточнѣе культурнѣе и, соотвѣтственно съ этимъ, способы веденія хозяйства, жилища, одежда—все указываетъ на сравнительный достатокъ.

Крестьянская дѣвушка (Калишской губ.).

Несмотря на важное значеніе промышленнсти крестьянство остается наиболѣе многочисленнымъ классомъ, только въ болѣе промышленныхъ районахъ мѣстность носитъ характеръ какъ бы сплошного города, напоминая фабричные округа Германіи, Франціи и Англіи. Такихъ крупныхъ районовъ три—варшавскій, лодзинскій и сосновицко-домбровскій.

Выше уже упоминалось о присущихъ польскому крестьянину чертахъ, привитыхъ ему долгимъ рабствомъ: приниженность, подобострастность и лицемѣріе по отношенію къ имѣющимъ силу и власть. Жизнь до сихъ поръ не вытравила изъ него этихъ свойствъ. Польскій крестьянинъ переноситъ оскорбленія отъ помѣщика или чиновника такъ же униженно, какъ раньше; цѣлованіе руки и даже ноги у пана также еще случается наблюдать въ Польшѣ. Однако природная даровитость и стремленіе къ свободѣ, столь характерныя для польской шляхты, не чужды и крестьянству. Отмѣтимъ еще присущее полякамъ широкое госте-

пріимство и добродушіе, часто переходящее въ искреннюю сердечность. У поляковъ преобладаютъ свѣтлые глаза, иногда съ красивымъ продолговатымъ разрѣзомъ; выраженіе физіономіи, оживленное веселостью и добротой, часто безъ замѣтнаго перехода становится грустнымъ и страдающимъ. Несмотря на сравнительно умѣренный климатъ, цвѣтъ кожи часто смуглый, волосы темные.

Плотность населенія въ Привислинскомъ краѣ очень велика, она превосходитъ 80 ч. на кв. к. Въ западныхъ губерніяхъ плотность значительно больше, достигая 100 ч. и болѣе на кв. к. Несмотря на плотность, польская деревня, благодаря высокой техникѣ земледѣлія можетъ, обходиться своимъ хлѣбомъ, и только польскіе города нуждаются въ привозномъ. Наряду съ землепашествомъ главнымъ средствомъ существованія крестьянина, а особенно помѣщика, служатъ плодоводство и, еще болѣе, скотоводство. Скотоводство по качеству скота и по организаціи хозяйства уступаетъ въ Россіи только образцовому прибалтійскому.

По внѣшнему виду польская деревня западной полосы мало чѣмъ отличается отъ сѣверно русской—тѣ же деревянныя, крытыя соломой, избы, та же широкая улица по серединѣ, часто то же расположеніе деревенскихъ построекъ; но только размѣры ихъ больше. Избы обширнѣе и построены лучше. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются обѣднѣвшія деревни съ жалкими, даже курными избами, но бѣдность не является общимъ фономъ деревенской жизни. Къ дому примыкаетъ полисадникъ съ тѣнистыми яблонями, липами, съ цвѣточными кустами. Просторный дворъ обставленъ хозяйственными постройками, прочно и хорошо сколоченными; здѣсь и хлѣвъ, и амбаръ, и сарай и всѣ эти сооруженія не жалкія клѣтушки, какъ это часто бываетъ въ Россіи. Скотъ и лошади содержатся хорошо, въ хлѣву наблюдается чистота. Характерное отличіе западно-польской, въ частности куявской избы—выступающія впередъ крытыя сѣни на рѣзныхъ столбикахъ, но безъ стѣнъ. Внутреннее убранство избы также указываетъ на болѣе высокія требованія къ комфорту польскаго крестьянина по сравненію съ русскимъ, на большій достатокъ. На стѣнахъ олеографіи, домашняя утварь на полкахъ, деревянные столы и длинныя лавки для спанья вдоль стѣнъ. Среди иконъ главное мѣсто занимаетъ деревянное или костяное, рѣже серебряное распятія. Треть комнаты занимаетъ громадная, съ полатями, печь. Въ одеждѣ крестьянъ и крестьянокъ на западѣ, у куявяковъ, преобладаютъ красные и зеленые цвѣта—сукно, шелкъ, шерсть, все, обыкновенно, купленное, фабричное. Праздничные крестьянскіе жупаны обшиты по швамъ свѣтлымъ шнуркомъ, женщины носятъ шелковые, иногда шерстяные платки, шелковые корсажи со шнуровкой спереди. Головной уборъ у мужчинъ составляютъ лѣтомъ своеобразные цилиндры, немного расходящіеся кверху, а зимой бараньи шапки, иногда съ наушниками. Женщины носятъ платки, оригинально повязанные въ формѣ тюрбановъ, иногда чепцы со шнурками и лентами—все свѣтлое, яркое, преимущественно красное и зеленое. Ксенжаки з ажиточнѣе куявяковъ, одежда ихъ еще пестрѣе и красивѣе. Они славятся по всей Польшѣ разведеніемъ хорошихъ лошадей.

Въ восточныхъ польскихъ губерніяхъ картина рѣзко мѣняется. Въ Ломжинской и особенно въ Сувалкской и Сѣдлецкой губерніяхъ бѣдность, а иногда и разореніе сельскаго населенія становятся явленіями болѣе или менѣе распространенными. Въ южной Польшѣ обѣднѣніе населенія наблюдается еще по ту сторону Вислы, въ губерніи Радомской и восточной части Кѣлецкой. Люблинская губернія, особенно восточная ея часть, Холмщина мало характерна для Польши; западная же ея часть, населенная поляками, отличается лучшей почвой и особенно мягкимъ климатомъ. Примѣсь къ польскому населенію малорусскаго, дѣлаетъ эту область яблокомъ раздора между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ.

На востокъ деревни и обработанныя поля рѣже, дороги становятся все хуже, больше лѣсовъ и болотъ; почва здѣсь менѣе плодородна; удобряется сравнительно плохо; русская

неуклюжая соха замѣняетъ здѣсь часто широко распространенный въ Польшѣ плугъ. Избы также меньше и ниже, съ тяжелой, свѣсившейся по краямъ соломенной крышей, изъ-подъ которой выглядываютъ крошечныя, тусклыя оконца. Въ одеждѣ крестьянъ фабричныя ткани не вытѣснили еще самодѣльной сѣро-бѣлой холстины; высокіе сапоги замѣняются лаптями изъ лыка. Въ общемъ замѣтенъ переходъ къ еще болѣе бѣдному Полѣсью. Въ южной части Польши населеніе опять зажиточное. Еще чаще, чѣмъ у куявъ, встрѣчаются крестьяне, разодѣтые пестро. Населенные мѣстечки многочисленнѣе. Плотность населенія достигаетъ здѣсь наибольшей высоты: въ Петроковской губерніи около 135 ч. на кв. к. Ростъ городовъ объясняется здѣсь развитіемъ фабрично-заводской промышленности. Кѣлецкая губернія также отличается болѣе или менѣе промышленнымъ характеромъ—особенно развито здѣсь горное дѣло. Кромѣ того по всему югу Польши распространено разведеніе свекловицы. Крайній юго западъ Польши не чисто польскій. Здѣсь замѣтна большая примѣсь малороссовъ. Чаще встрѣчаются хаты, вымазанныя глиной и выбѣленныя подъ самую крышу. Наряду съ малорусской свиткой и польской сукманой встрѣчаются ременные пояса съ бронзовыми пряжками спереди и сзади, какъ у сербовъ и черногорцевъ.

Мелкіе землевладѣльцы (Кѣлецкая губ.).

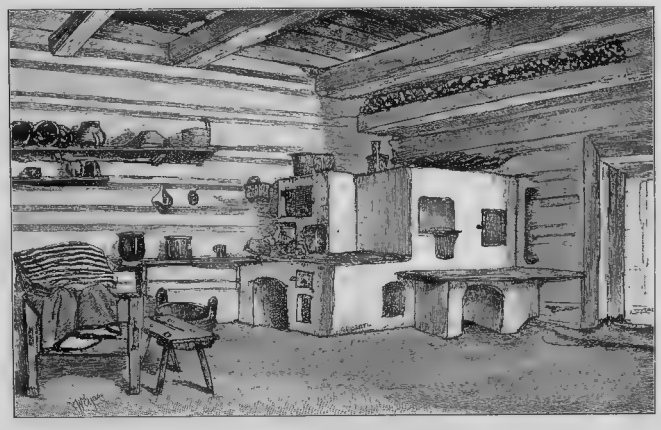
Католическая религія, которую исповѣдуютъ поляки, уживается съ вѣрой въ цѣлый рядъ сверхестественныхъ существъ, какъ водяные, русалки, домовые, лѣшіе, упыри. Умершія некрещенными дѣти обращаются въ упырей и сосутъ кровь у живыхъ или ходятъ ночью по пустыннымъ полямъ и просятъ крещенія; души самоубійцъ тоже не могутъ успокоиться и наводятъ ночью страхъ на одинокихъ прохожихъ. То же смѣшеніе христіанскаго и языческаго замѣтно въ празднествахъ и обычаяхъ. Полякъ любитъ танцы, и каждая польская область испоконъ вѣку имѣетъ свой излюбленный танецъ: мазуры—мазурку, поляки Малой Польши—краковякъ, куявы—куявякъ; кромѣ того хожденіе или полонезъ—танецъ, общій для всей Великой Польши. Больше всего танцуютъ на свадьбахъ. Свадьбѣ предшествуетъ объѣздъ всей округи дружбой съ приглашеніемъ посѣтить торжество. Въ костелъ и изъ костела ѣдутъ шумной процессіей, разукрашенные лентами и цвѣтами, въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ.

Польскій крестьянинъ владѣетъ землей на правѣ личной собственности. Дробленіе земли въ Польшѣ ограничено опредѣленнымъ минимумомъ, что приближаетъ ее и въ этомъ отношеніи къ западно-европейскимъ странамъ. Собственническіе инстинкты глубоко вкоренились въ душу польскаго крестьянина, всѣ его идеалы отливаются въ стремленіе пріобрѣсти лишній клочекъ земли, округлить свои владѣнія. Земли у крестьянства мало — въ среднемъ приходится на душу всего около двухъ десятинъ. При такомъ малоземельи ростъ сельскаго населенія неизбѣжно влечетъ за собой быстрое увеличеніе безземельныхъ. Эммиграція поляковъ съ каждымъ годомъ увеличивается, толпы польскихъ

*

крестьянъ и ремесленниковъ, потерявъ надежду на улучшеніе своего положенія на родинѣ, ищутъ хлѣба за океаномъ, въ Америкѣ.

Польскій помѣщикъ при достаткѣ не запирается въ усадьбѣ, а явно тяготѣетъ къ городу. Усадьба крупнаго польскаго магната—своеобразное маленькое королевство. Недаромъ одинъ польскій помѣщикъ поставилъ на границѣ своего имѣнія столбъ, на одной сторонѣ котораго красовалась надпись „Россія", а на другой—названіе имѣнія. Цѣлый штатъ служащихъ, съ управляющимъ во главѣ, населяетъ помѣщичьи людскія и дворовыя постройки. Въ домѣ имѣется своя часовня-капелла и свой ксендзъ-капелланъ, большей частью играющій роль воспитателя дѣтей; нѣсколько дворянъ-приживальщиковъ составляютъ свиту магната. Въ родовыхъ помѣстьяхъ за анфиладой роскошно убранныхъ комнатъ въ узкой и высокой галлереѣ всѣ стѣны увѣшаны портретами предковъ. Въ наше время крестьяне уже не бросаются ничкомъ въ придорожную пыль при видѣ богатой панской коляски, и раболѣпіе распространяется не дальше границъ панскаго помѣстья. Дворянскія хозяйства занимаютъ около половины всей земельной площади Царства Польскаго. Четвертая часть всей площади Привислинскаго края принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ — родовитымъ магнатамъ, Потоцкимъ, Понятовскимъ, Вишневецкимъ, Огинскимъ и т. д. Около десяти процентовъ земельной дворянской собственности находится въ рукахъ мелкой шляхты, владѣющей участками не свыше 50 десятинъ. Бытъ мелкихъ дворянъ-собственниковъ напоминаетъ бытъ зажиточнаго крестьянства: та же изба, только помѣстительнѣе; тотъ же тяжелый трудъ, только при содѣйствіи нѣсколькихъ крестьянъ-батраковъ; тотъ же узкій кругъ интересовъ и то же невѣжество. Лишь въ одеждѣ и, главное, въ обращеніи шляхтичъ старается сохранить шляхетскій гоноръ. Больше всего такихъ мелкихъ шляхетскихъ хозяйствъ разбросано въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ—въ Сувалкской, Сѣдлецкой и въ Литовской области. Помѣщичьи хозяйства ведутся, въ общемъ, еще интенсивнѣе крестьянскихъ, являясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образцовыми.



Внутренность крестьянской хаты.

Пятая часть населенія Царства Польскаго, около 2 милліоновъ, живетъ въ городахъ. Польскій городъ въ еще большей степени, чѣмъ деревня, напоминаетъ Западную Европу. Города въ Царствѣ Польскомъ располагались на возвышенномъ берегу рѣки или среди трудно-проходимыхъ болотъ или въ мѣстахъ, гдѣ когда-то росли дремучіе лѣса, въ мѣстахъ, представлявшихъ надежную защиту отъ враговъ. Фабричные города состоятъ изъ предмѣстій съ длинными улицами, уставленными фабричными корпусами и многоэтажными

домами для рабочихъ, чередующимися съ роскошными особняками владѣльцевъ и фабричныхъ конторъ. Облака дыма носятся въ воздухѣ, покрывая чернымъ налетомъ стѣны домовъ, панели, мостовую, рѣдкія жалкія деревья, прохожихъ. Миновавъ пригородныя фабрики и заводы, густо населенный рабочій кварталъ, мы вступаемъ въ „Старый городъ", обратившійся въ еврейскій кварталъ. Говоръ, крики и суета—типичная особенность этой части. По узкимъ, кривымъ улицамъ, въ тѣни высокихъ домовъ, съ нависшими верхними этажами, въ грязи и вони возятся черноволосые, смуглые ребятишки. Здѣсь же и базаръ, уставленный возами. Со старымъ городомъ граничитъ новый, чистый и изящный, съ бульварами и главной аллеей, ведущей въ городской паркъ, превосходно содержимый, сверкающій на солнцѣ ярко-зелеными газонами и пестрыми клумбами. Трамваи прорѣзываютъ городъ, электрическіе фонари, сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ—неизбѣжная принадлежность порядочнаго города. Есть немало городовъ, не имѣющихъ старыхъ кварталовъ—это промышленные центры, выросшіе въ теченіе XIX-го вѣка, какъ, напримѣръ, Лодзь, превратившаяся въ нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ ничтожнаго мѣстечка въ первоклассный европейскій городъ.

Значительный процентъ городского населенія Царства Польскаго составляютъ евреи и нѣмцы. Евреи появились въ Польшѣ въ средніе вѣка, когда, гонимые отовсюду, они толпами переселялись въ Польшу. Страна, не имѣвшая собственнаго торговаго сословія, въ то же время выгодно расположенная среди сосѣднихъ странъ, нуждалась въ крупныхъ и мелкихъ торговыхъ посредникахъ, въ ремесленникахъ и предпринимателяхъ. Очень долго евреи держали въ своихъ рукахъ почти всю торговлю и промышленность края. Но въ теченіе XIX-го вѣка выросъ и окрѣпъ польскій торгово-промышленный классъ. Нѣмцы составляютъ другую примѣсь къ польскому населенію, они легче ассимилировались и мѣстами стали настоящими поляками, оставаясь нѣмцами только по фамиліи; ополячившихся евреевъ гораздо меньше. Нѣмцы, переселившіеся въ Польшу недавно и переселяющіеся еще и теперь, оказались менѣе податливыми, чѣмъ раньше иммигрировавшіе; они упорно сохраняютъ свою культуру и языкъ, образуя обособленныя нѣмецкія колоніи. Въ деревняхъ евреи, а тѣмъ болѣе нѣмцы, встрѣчаются гораздо рѣже, но и здѣсь они играютъ ту же роль торговыхъ посредниковъ, скупщиковъ сельскихъ продуктовъ и лѣса, содержателей шинковъ, иногда арендаторовъ.

Промышленность находится въ Польшѣ въ состояніи расцвѣта. Причинъ этому много: вопервыхъ, ростъ населенія обезпечиваетъ предпринимателямъ дешевый трудъ въ лицѣ непрерывно обезземеливающагося крестьянства; вовторыхъ, центральное положеніе Царства Польскаго вовлекаетъ страну въ экономическія связи съ сосѣдями; втретьихъ, край богатъ каменнымъ углемъ, безъ котораго не можетъ существовать современная промышленность; наконецъ, очень важнымъ является то обстоятельство, что предпринимателямъ Царства Польскаго обезпеченъ обширнѣйшій рынокъ для безпошлиннаго сбыта фабричныхъ продуктовъ и полученія необходимаго сырья—необъятная, многомилліонная Россія.

Промышленность въ Царствѣ Польскомъ начала особенно развиваться съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, одновременно съ появленіемъ и ростомъ желѣзнодорожной сѣти. Постепенно выдѣлились три особенно промышленныхъ района, которые связаны между собой тѣснѣйшими узами товарообмѣна. Эти три района, захватывая все большую территорію, стремятся слиться въ одну сплошную полосу, прорѣзывающую все Царство Польское отъ сѣверной границы съ Германіей до южной границы съ Австріей. На крайнемъ югѣ Царства, въ двухъ смежныхъ южныхъ уѣздахъ Петроковской и Кѣлецкой губерній, Бендинскомъ и Олькушскомъ, расположенъ фабричный, а главное горнопромышленный Сосновицкодомбровскій округъ—естественный складъ минеральнаго топлива, поставляющій каменный уголь не только въ фабрично-заводскіе районы и на желѣзныя дороги Привислинья, но и въ юго-западную Россію. Угля здѣсь добывается до 350 милліоновъ пудовъ въ годъ, изъ

20-ти слишкомъ копей. Слѣдующимъ къ сѣверу округомъ является Лодзинскій. Въ этомъ и въ сосѣднемъ варшавскомъ округѣ преобладаетъ текстильная промышленность, въ особенности обработка шерсти; въ отношеніи этой отрасли производства Петроковская губернія съ Лодзью занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Общая производительность всѣхъ фабрикъ и заводовъ Царства Польскаго достигаетъ почти полумилліарда рублей въ годъ. Значительную долю сдѣшняго пролетаріата, какъ впрочемъ и вездѣ въ Привислиньи, составляютъ евреи. Евреи занимались въ городахъ ремеслами, пришедшими въ упадокъ вслѣдствіе фабричной конкурренціи. Бывшіе ремесленники принуждены были искать заработокъ на фабрикахъ. Но цехи съ средневѣковымъ регламентомъ, съ своеобразными обычаями и съ особой профессіональной этикой еще сохранились. Разъ въ годъ, въ праздникъ святого патрона, цехъ совершаетъ торжественное богослуженіе въ костелѣ. Но уже недалеко время,

Крестьяне въ праздникъ на пути изъ костела.

когда послѣдній самостоятельный ремесленникъ присоединится къ трехсотъ тысячной арміи польскаго и еврейскаго пролетаріата.

Въ отношеніи просвѣщенія населеніе Царства Польскаго стоитъ ниже всѣхъ другихъ областей Имперіи и, что хуже всего, послѣднія десятилѣтія характеризуются медленнымъ, но неуклоннымъ упадкомъ просвѣщенія. Число школъ растетъ медленнѣе прироста населенія, и школа все меньше и меньше удовлетворяетъ потребности населенія въ образованіи. Это язва, больное мѣсто польской жизни, накладывающее тяжелый отпечатокъ, какъ на весь народъ въ цѣломъ, такъ и на каждаго отдѣльнаго поляка. Въ этомъ заключается униженіе польской культуры, униженіе національнаго и человѣческаго достоинства. Яркій показатель состоянія народнаго просвѣщенія являютъ собою новобранцы изъ Царства Польскаго: около двухъ третей ихъ оказывается неграмотными. Правительство взяло польскую школу въ свои руки, ввело въ ней русскій языкъ какъ языкъ преподаванія, изгнало польскаго учителя, замѣнивъ его,

гдѣ возможно русскимъ и, такимъ образомъ, сдѣлало школу чуждой населенію. Въ результатѣ народная школа обращена на разрушеніе самобытной польской культуры, на денаціонализацію населенія. Въ средней и высшей школѣ проводится та же система: преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, учащимся запрещено во все учебное время разговаривать даже между собой по польски подъ страхомъ наказанія, иногда очень строгаго, вплоть до увольненія изъ училища. Только въ 1905-мъ году разрѣшено открытіе частныхъ польскихъ гимназій съ преподаваніемъ на полькомсъ языкѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ предметовъ—географіи, исторіи, русскаго языка и литературы. Несмотря на отсутствіе у этихъ гимназій всякихъ правъ, польское общество явно предпочло ихъ правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ, всеобщая нелюбовь къ которымъ принимаетъ иногда характеръ массового бойкота. Слѣдствіемъ этой политики является совершенно противоположный результатъ: поляки относятся ко всему русскому съ озлобленіемъ. Почти всѣ общественныя группы, отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ, ярко окрашены національнымомъ, всѣ идеализируютъ польское въ ущербъ русскому. Вслѣдствіе невѣжества населенія большимъ вліяніемъ пользуется католическое духовенство, страдающее, также какъ и паства, значительнымъ недостаткомъ образованія.

Постоянное возбужденіе національнаго чувства агрессивными обрусительными пріемами производится не только въ школѣ—вся система управленія краемъ проникнута тѣми же принципами. Польскія губерніи находились, находятся и теперь или на военномъ или на какомъ нибудь другомъ исключительномъ положеніи, расширяющимъ и безъ того обширныя полномочія мѣстныхъ властей. Во главѣ управленія краемъ стоитъ варшавскій генералъ-губернаторъ, отъ котораго зависятъ губернаторы отдѣльныхъ губерній. Полиція въ краѣ составляетъ замѣтный процентъ населенія, наряду съ русскими войсками, часто несущими здѣсь охранительныя полицейскія обязанности. Уѣздная полиція, носящая названіе земской стражи, находится въ вѣдѣніи уѣздныхъ начальниковъ, соотвѣтствующихъ исправникамъ русскихъ губерній. Кромѣ того существуетъ еще должность коммисара по крестьянскимъ дѣламъ; положеніе, занимаемое комиссаромъ въ системѣ управленія, соотвѣтствуетъ положенію земскаго начальника въ русскихъ губерніяхъ. Земскаго и городского самоуправленія не существуетъ; единственный намекъ на мѣстное самоуправленіе—гмина, соотвѣтствующая волости. Въ городахъ всѣ представители мѣстнаго городского управленія, называемаго магистратомъ, назначаются правительствомъ и числятся на государственной службѣ; въ губернскихъ городахъ магистратъ состоитъ изъ президента и ратмановъ, въ уѣздныхъ изъ бургомистра и лавниковъ. Ратманы и лавники образуютъ совѣты при президентахъ и бургомистрахъ.

Гмина—слово, происходящее отъ нѣмецкаго Gemeinde, что значитъ община. Вѣдѣнію гминныхъ управленій подлежатъ административно-хозяйственныя дѣла общины. Во главѣ управленія стоитъ избираемый сходомъ войтъ и избираемые сельскими сходами солтысы; кромѣ того, гминный сходъ можетъ избрать двухъ уполномоченныхъ, имѣющихъ право контролировать дѣятельность войта и гминнаго писаря. Гминный писарь—самое важное лицо въ гминномъ управленіи. Писарь обыкновенно всегда избирается въ угоду уѣздному начальнику, играя въ гминѣ роль его агента. Всѣ выбранные гминнымъ сходомъ кандидаты въ должностныя лица нуждаются въ утвержденіи уѣзднаго начальника или губернатора, и этимъ чрезвычайно усиливается вліяніе администраціи на составъ гминныхъ управленій, а слѣдовательно и на ихъ дѣятельность. Гминный сходъ составляютъ, кромѣ домохозяевъ-крестьянъ, также и мѣстные помѣщики, что придаетъ гминѣ двусословный характеръ; духовенство, рабочіе и предприниматели, однимъ словомъ, неземлевладѣльцы исключены отъ участія въ сходѣ, что лишаетъ польскую общину крупнаго источника доходовъ и, такимъ образомъ, до нельзя сокращаетъ хозяйственную, образовательную и благотворительную дѣятельность гмины.

Судъ также носитъ антипольскій отпечатокъ. Въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ всѣ значительныя должности замѣщаются коренными русскими; на судѣ господствуетъ русскій языкъ. Тоже самое можно сказать о мировыхъ судахъ въ городахъ. Только въ гминномъ судѣ антинаціональное направленіе проведено въ меньшей степени. Производство гминнаго суда и рѣшенія его излагаются на русскомъ языкѣ, пренія же сторонъ могутъ происходить и по польски.

Несмотря на всѣ эти мѣры основной фонъ польской общественной жизни остается національнымъ. Поляки націоналисты прежде всего потому, что для нихъ національный вопросъ настолько насущный, что онъ господствуетъ надъ вопросами общественно-экономическими, въ основѣ болѣе существенными. Въ 1905-омъ году поляки, включая и соціалистовъ, любили надѣвать на себя значекъ съ изображеніемъ польскаго орла, подчеркивая этимъ свои націоналистическія убѣжденія. Царство Польское, въ отношеніи политической жизни общества, тѣсно связано съ остальными двумя оторванными частями Польши—Познанью, Галиціей и даже Силезіей. Послѣ возстанія 63-го года почти всякая политическая жизнь въ странѣ заглохла вплоть до середины 80-хъ годовъ, когда снова начался подъемъ въ измученномъ духовно и разоренномъ матеріально обществѣ. Прежде всего заговорило попираемое національное чувство. На этотъ разъ польскіе помѣщики постарались не повторять прежнихъ ошибокъ и, организуя новую всепольскую національную партію, приложили много усилій къ тому, чтобы придать ей менѣе исключительный характеръ. Преодолѣвъ шляхетскіе предразсудки и давая обѣщанія крестьянству, помѣщики сумѣли создать широкую партійную организацію, силу которой дѣйствительно составляетъ крестьянство. Это показалъ успѣхъ въ крестьянской массѣ многихъ шаговъ „народовой“ демократіи. Заправилами партіи являются помѣщики, и идеалы ея въ сферѣ экономической далеко не соотвѣтствуютъ крестьянскимъ нуждамъ, отвѣчая интересамъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Крайняя правая польскаго общества, партія польской аристократіи партія „реальной политики“, какъ она теперь себя называетъ, объединяетъ въ своихъ рядахъ тѣхъ, кто при существующемъ строѣ ничего не желаетъ терять. Въ этомъ отношеніи «угодовцы“, какъ ихъ называли прежде, не пренебрегаютъ никакими средствами и прежде всего стараются использовать свое личное вліяніе при дворѣ и въ правящихъ русскихъ сферахъ.

С. Слободзинскій.

Литовцы и латыши.

Переходъ отъ сѣверо-восточныхъ польскихъ губерній къ Литовскимъ съ внѣшней стороны мало замѣтенъ—только лѣса на Литвѣ гуще, болота обширнѣе, да люди встрѣчаются рѣже. Мѣстность въ Литовскомъ краѣ довольно оживленная—пригорки и холмы смѣняются долинами, кое-гдѣ заполненными водой и образующими озера. Много рѣкъ и рѣчекъ пересѣкаетъ Литовскій край, рѣкъ, съ обрывистыми берегами, съ развалинами древнихъ замковъ на прирѣчныхъ высотахъ. Сердце Литвы—Ковенская губернія: здѣсь литовцы составляютъ сплошную массу населенія. Затѣмъ сплошь заселены литовцами части губерній Виленской, Гродненской и Сувалкской. Здѣсь, на обширной площади, сравнительно немногимъ меньшей, чѣмъ Привислинскій край, живетъ трехъмилліонный литовскій народъ. Вслѣдствіе большаго количества неудобныхъ земель въ краѣ, литовскія губерніи со средней плотностью около 40 ч. на кв. к. оказываются болѣе или менѣе заполненными. Изъ Литвы, какъ и изъ Царства Польскаго, съ каждымъ годомъ усиливается эмиграція за границу, главнымъ образомъ, въ Америку.

Самыми близкими во всѣхъ отношеніяхъ къ описаннымъ народностямъ славянской группы являются литовцы и латыши. Литовцы въ числѣ около 2 милліоновъ распадаются на Литву, обитающую въ восточной части Ковенской и въ западной части Виленской губерніи, а также въ Сувалкской и Гродненской губерніяхъ (древніе Ятвяги), и Жмудь — обитателей Россіенскаго и Тельшевскаго уѣздовъ Ковенской губерніи. Нѣкогда Литва обитала далеко на востокѣ, вѣроятно, въ бассейнѣ Оки (около Р. Хр.), но затѣмъ передвинулась на западъ въ болотисто-лѣсистый край бассейновъ Нѣмана и З. Двины. Здѣсь образовалось 10 большое Литовско-русское государство, которое при Ягайлѣ слилось съ Польшей. Польская и русская культура вслѣдствіе численнаго перевѣса населенія и большой своей развитости обезличила литовскую народность, но не вполнѣ, такъ какъ племя это сохранило языкъ и типъ. По типу литовцы приближаются къ полякамъ и русскимъ смежныхъ губерній. Что же касается языка, то литовскій языкъ до сихъ поръ представляетъ загадку для лингвистовъ. Онъ несомнѣнно ближе всѣхъ къ тому праязыку, на которомъ говорили предки арійцевъ, близокъ къ санскриту, и какъ онъ уцѣлѣлъ въ такомъ видѣ на далекомъ сѣверѣ, это такая же тайна, какъ и самое происхожденіе литовцевъ и ихъ родство съ близкими народностями, о которомъ, существуетъ много теорій, но ни одной безусловно достовѣрной.

Внѣшній видъ литовскихъ деревень мало чѣмъ отличаются отъ сосѣднихъ польскихъ: деревни небольшія, живописно расположенныя у воды — озера или рѣки. Избы окружены садиками, отдѣлены отъ улицы невысокимъ плетнемъ. Онѣ дѣлятся сѣнями на двѣ половины; въ одной половинѣ, съ большой печью, лавками, украшеніями ввидѣ олеографій иконъ и распятія, живутъ хозяева; другая половина играетъ роль кла-

довой, иногда помѣщенія для гостей. Дворъ обставленъ небольшими хозяйственными постройками—тутъ есть амбаръ, хлѣвъ и конюшня. Избы, какъ въ Польшѣ и Россіи, расположены обыкновенно по обѣ стороны деревенской улицы, иногда встрѣчаются деревни съ рядомъ построекъ по одну сторону дороги, къ другому же краю примыкаютъ поля. Одежда литовцевъ похожа на польскую-мазурскую, приготовляется она большей частью изъ самодѣльнаго холста и шерстяной матеріи. Основа хозяйственнаго быта литовцевъ—земледѣліе, но земледѣльческая культура литовцевъ, превосходя русскую, значительно уступаетъ польской. Правда, литовскія земли еще неудобнѣе польскихъ и требуютъ больше труда и знаній. Литовскіе крестьяне пользуются часто плугомъ, но встрѣчаются еще и сохи. Многіе ведутъ интенсивное плодопеременное хозяйство, но рядомъ съ этимъ встрѣчаются очень отсталыя хозяйства.

Крестьянинъ и крестьянка Виленской губ.

Крестьянское землевладѣніе въ Литовскомъ краѣ подворное, причемъ на душу приходятся относительно большіе участки. Но во многихъ мѣстахъ земли недостаточно, принимая въ разсчетъ плохую технику земледѣлія. По этой причинѣ крестьяне ищутъ посторонніхъ занятій въ городѣ, большей частью на фабрикахъ и заводахъ. Затѣмъ, практикуется уходъ въ батраки къ помѣщикамъ или зажиточнымъ крестьянамъ и уходъ женщинъ въ большіе города, напримѣръ въ Петербургъ, прислугою. И, наконецъ, часть населенія уходитъ за границу или въ сосѣднія бѣлорусскія губерніи, гдѣ земля дешевле. Продавъ свой участокъ въ Литвѣ, литовецъ можетъ пріобрѣсти гораздо большее помѣстье въ Бѣлоруссіи; примѣняя различныя усовершенствованія, литовскій крестьянинъ старается улучшить свое положеніе. Расчетъ этотъ, впрочемъ, рѣдко оправдывается.

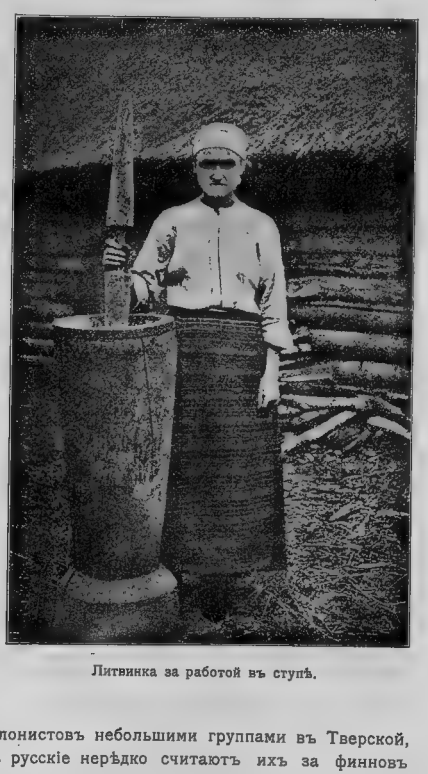
Рыболовный промыселъ, при обиліи озеръ, играетъ довольно большую роль въ Литовскомъ краѣ. Осложняется онъ только тѣмъ, что многія озера находятся въ собственности помѣщиковъ, взимающихъ высокую арендную плату. Большія озера снимаетъ арендаторъ-еврей, который отъ себя сдаетъ съ надбавкой отдѣльные участки берега окрестнымъ крестьянамъ.

Пчеловодство давно уже являлось въ лѣсистой Литвѣ порядочной статьей дохода. Почти у каждой крестьянской избы стоитъ нѣсколько колодъ ульевъ. Съ пчеловодствомъ связано у литовцевъ много старинныхъ повѣрій и обычаевъ.

Литовцы, судя по обычаямъ и суевѣріямъ, кое-гдѣ обрусѣли, кое-гдѣ уподобились полякамъ. Но языкъ господствуетъ всюду почти литовскій.

Крупное и мелкое дворянство составляютъ или поляки или ополячившіеся литовцы, въ рѣдкихъ случаяхъ русскіе. Литовцы, живущіе въ городахъ, также совершенно ополячились, вплоть до принятія польскаго языка. Поэтому въ городахъ Литвы замѣтить какую-нибудь особенную литовскую индивидуальность невозможно. Тѣ же поляки, тѣ же евреи — литовскаго ничего нѣтъ. Лишь во второй половинѣ XIX-го вѣка стало замѣтно среди кучки литовской интеллигенціи теченіе къ возрожденію литовской національности. Теченіе это встрѣтило со стороны русскаго правительства суровую оппозицію. Поэтому движеніе перемѣстилось за границу, въ среду живущихъ въ Пруссіи литовцевъ.

С. Слободзинскій.



Литвинка за работой въ ступѣ.

Латыши причисляются къ литовской группѣ и не столько по своему физическому типу, сколько по языку, представляющему нарѣчіе литовскаго. Въ числѣ около $1^1/_2$ милліоновъ латыши издавна заселяютъ пространства нынѣшней Курляндской и Лифляндской губерній, гдѣ, впрочемъ, на сѣверѣ ихъ смѣняютъ эсты, т. е. финны, остатки которыхъ въ глубинѣ латышской страны въ лицѣ куровъ и лизовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что до появленія литвы и латышей (голядь нашихъ лѣтописей, летъ-гола, земинъ-гола), прибалтійская равнина была занята рѣдкими финскими племенами. Кромѣ того латыши образуютъ болѣе или менѣе сплошное населеніе западной части Витебской губерніи и встрѣчаются въ качествѣ выселившихся колонистовъ небольшими группами въ Тверской, Псковской и Петербургской губерніяхъ, гдѣ русскіе нерѣдко считаютъ ихъ за финновъ („чухны"). Латыши, высокорослые блондины съ свѣтлыми глазами, по типу приближаются къ славянамъ, хотя болѣе или менѣе значительная примѣсь финской крови въ нихъ несомнѣнна. Надѣленные трудолюбіемъ, трезвымъ, практическимъ умомъ, они не блещутъ привлекательностью характера—результатъ тяжелаго историческаго прошлаго. Въ XIII в. съ появленіемъ въ краѣ организованной кучки нѣмецкихъ колонистовъ (Ливонскій орденъ) судьба латышскаго населенія была надолго предопредѣлена. Пришельцы настроили крѣпкіе замки и безъ помѣхи насадили въ краѣ феодально-крѣпостной строй, крайнему

*

и безпощадно-жестокому характеру котораго не препятствовали никакія историческія условія. Нигдѣ до послѣдняго времени, ни въ Польшѣ, ни въ Россіи, систематически организованный гнетъ и планомѣрная эксплуатація туземнаго сельскаго населенія не достигали такого размѣра, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, за исключеніемъ короткаго времени шведскаго владычества, когда бароны сильно пріуныли, такъ какъ шведы довольно энергично пытались измѣнить мѣстныя отношенія, такъ противорѣчившія всему государственному и общественному строю Швеціи.

Литовская хата (Гродненская губ.)

Этимъ объясняется тяготѣніе балтійскаго дворянства къ Россіи, выразившееся напр. въ „измѣнѣ“ дворянина Паткуля, осужденнаго и казненнаго Карломъ XII. До половины XIX-го столѣтія латыши составляли почти исключительно туземное сельское населеніе. Формально крѣпостное состояніе было упразднено въ краѣ въ концѣ царствованія Александра I-го, въ дѣйствительности крѣпостныя отношенія (замаскированная барщина) не исчезли здѣсь (особенно въ Эстляндіи) и по сей день. Освобожденіе безъ надѣленія землей явилось необходимостью для нѣмецкихъ бароновъ, такъ какъ при непрерывномъ ростѣ населенія и перемѣнахъ въ хозяйствѣ крѣпостной трудъ изнуреннаго, задавленнаго нуждой и рабствомъ крестьянина становился явно невыгоднымъ. Весь XIX-ый вѣкъ для Прибалтійскаго края лѣтопись медленныхъ и тяжкихъ переустройствъ, посредствомъ которыхъ сплоченная группа крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ (остзейскіе бароны) приспособляла мѣнявшіяся условія жизни къ своимъ узко-сословнымъ интересамъ. Медленно и постепенно росло здѣсь мелкое крестьянское землевладѣніе, хутора (около 40—50 десятинъ въ среднемъ), арендуемыя мызы и мелкіе участки, создававшіяся большею частью насчетъ плохихъ земель, тогда какъ лучшія культурныя площади непрерывно округлялись въ большія барон-

Латыши.

скія латифундіи (въ среднемъ 3.000—4.000 десятинъ, есть владѣнія и въ 20.000 десятинъ, напр. Дондагенъ).

Только во второй половинѣ XIX в., послѣ паденія крѣпостного права въ Россіи, начинается быстрый ростъ прибалтійскихъ городовъ: Рига, Либава, Ревель съ окрестностями становятся не только большими торговыми городами, но и промышленными центрами. Избытокъ бѣдствующаго сельскаго населенія начинаетъ скопляться въ городахъ, и вмѣстѣ съ этимъ совершается подъемъ латышской народности. Въ большихъ городахъ появляется многолюдная мелкая и крупная латышская буржуазія, которая, благодаря подъему образованія и культурности, заполняетъ пропасть, зіявшую прежде между презрѣннымъ латышомъ и благороднымъ барономъ или полноправнымъ нѣмецкимъ бюргеромъ. Въ настоящее время главная масса латышей составляетъ сельское населеніе, Здѣсь она распадается въ общемъ на три группы: крестьяне землевладѣльцы (выкупившіе свои участки у барономъ или казны) и арендаторы, занимающіеся самостоятельно хозяйствомъ при помощи наемныхъ рабочихъ (батраковъ) или бобылей, арендующихъ у нихъ мелкіе участки за деньги, а чаще за отработки; бобыли или мелкіе арендаторы, работающіе у крестьянъ или на господскихъ мызахъ, и батраки, никакъ не связанные съ землей, классъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, живущихъ лишь продажей своего труда. Положеніе всѣхъ этихъ группъ до сихъ поръ еще зависимое, благодаря перевѣсу крупныхъ помѣщиковъ и вліянію ихъ на правительство, которое очень слабо и нерѣшительно вмѣшивалось въ мѣстныя отношенія.

Лишь въ царствованіе Александра III съ усиленіемъ на окраинахъ политики русификаціи наступили нѣкоторыя перемѣны и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Латышское населеніе, наполнившее города (рабочій классъ, мелкая и крупная буржуазія), выдѣлило изъ себя образованный слой туземцевъ латышей, дѣятельность которыхъ приняла культурно-народническій характеръ, благодаря чему сильно поднялось національное сознаніе латышской массы. Появилась не только латышская пресса, литература, школа, но множество культурно-хозяйственныхъ обществъ (земледѣльческія общества, пѣвческія, гимнастическія, общества трезвости и т. п.), сильно повліявшихъ на подъемъ культуры. Задача эта облегчалась тѣмъ, что крупныя помѣщичьи хозяйства, сотвѣтственно требованіямъ общаго положенія, быстро перестраивались согласно требованіямъ сельскохозяйственной науки и принимали образцовый видъ благоустроенныхъ имѣній, приносившихъ солидный доходъ.

Въ прежнія времена антагонизмъ между господами края, нѣмцами, и массой сельскаго населенія, латышами, выражался возстаніями и мятежами, волненіями и безпорядками, усиливавшимися особенно въ неурожайные годы, а также массовыми переходами латышей въ православіе, въ надеждѣ снискать себѣ этимъ путемъ защиту и покровительство у правительства [1]). Въ послѣдующее время, когда культурный уровень нѣмцевъ и латышей (а также эстовъ) въ краѣ сравнялся, антагонизмъ этотъ, сохранившись въ деревнѣ, ослабѣлъ въ массахъ городского населенія, въ которомъ прежнія сословныя дѣленія уступили свое мѣсто иному разслоенію: развитіе торговли и промышленности разбило населеніе прибалтійскихъ городовъ не на сословныя и національныя группы, какъ было прежде, а на классы, такъ что крупная и мелкая латышская буржуазія все болѣе и болѣе сливается воедино съ нѣмецкой. Былая національная рознь слабѣетъ, какъ здѣсь, такъ и въ рабочемъ классѣ, главную массу которой составляютъ, впрочемъ, латыши.

---

[1]) Испытавъ въ этомъ отношеніи разочарованіе, тѣ же латыши такими же массами возвращались снова въ лоно лютеранской церкви, а чаще уклонялись въ баптизмъ, чтобъ не быть одной вѣры съ притѣснителями и не подвергаться вліянію и эксплоатаціи пасторовъ, группа которыхъ въ религіозной области неуклонно опекала интересы помѣстнаго сословія.

Такъ какъ города, несмотря на продолжающееся развитіе свое, не въ состояніи вмѣстить и дать работу избытку сельскаго населенія, то Прибалтійскій край высылаетъ въ сосѣднія отъ него русскія губерніи немалое количество латышей колонистовъ (также эстовъ).

Въ виду различія цѣнъ на землю въ Прибатлійскомъ краѣ и въ русскихъ губерніяхъ и въ силу менѣе стѣснительныхъ условій для свободы хозяйственной дѣятельности мелкіе землевладѣльцы латыши и эсты продаютъ свои мызы цѣликомъ или въ раздробь и на вырученныя суммы покупаютъ гораздо большія участки въ русскихъ губерніяхъ. Здѣсь, въ силу лучшаго знанія сельско-хозяйственной техники, эти колонисты устраиваются очень хорошо по сравненію съ мѣстнымъ населеніемъ. Число этихъ выселившихся латышей и эстовъ, своего рода мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, все увеличивается въ Петербургской, Псковской и Тверской губерніяхъ. Въ видѣ отдѣльныхъ смѣльчаковъ, ищущихъ счастья на чужбинѣ, латышей можно встрѣтить теперь и еще далѣе къ востоку, въ губерніи Ярославской, напримѣръ. Это перемѣщеніе Литвы снова на востокъ находитъ себѣ поддержку и въ томъ, что упадокъ крестьянскаго хозяйства въ русскихъ губерніяхъ гонитъ русское населеніе въ города,—процессъ, усиливающійся по мѣрѣ развитія путей сообщенія.

Н. Б.

Евреи.

Численность евреевъ.—Происхожденіе русскихъ евреевъ.—Физическія и духовныя особенности племени.—Экономическое и правовое положеніе евреевъ.—Ограниченія гражданскихъ правъ.—Обособленность.—Религіозныя и соціальныя теченія въ еврейской средѣ.

Евреи встрѣчаются въ Россіи вездѣ. Однако замѣтную и особую группу среди населенія они представляютъ лишь въ „чертѣ осѣдлости", въ 15 губерніяхъ юго-западнаго края, входившихъ въ составъ Польскаго королевства и присоединенныхъ къ имперіи послѣ заключительнаго раздѣла Польши. По приблизительнымъ даннымъ евреевъ насчитывалось на этомъ пространствѣ въ 1773 г. около 900.000 ч. По даннымъ переписи 1897 г. % лицъ іудейскаго исповѣданія опредѣлялся въ 4,05, что даетъ цифру нѣсколько болѣе 5 милліоновъ (5.136.000). Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десятилѣтія, и новыхъ статистическихъ данныхъ нѣтъ. Руководствуясь цифрой ежегоднаго прироста, можно было бы болѣе или менѣе увѣренно вычислить массу еврейскаго населенія имперіи, опредѣливъ ее въ предѣлахъ отъ $6^1/_2$ до 7 милліоновъ, еслибы по отношенію къ этому племени не существовало условій, сильно измѣняющихъ подобный выводъ. Мы говоримъ объ эмиграціи, которая въ послѣдніе годы достигала громадной цифры, почти до 200.000 чел. въ годъ. По приблизительнымъ подсчетамъ, опирающимся на данныя американскаго эмиграціоннаго бюро, въ одни Соединенные Штаты выселилось изъ Россіи въ послѣднія десятилѣтія около 2 милліоновъ евреевъ. Такимъ образомъ всего вѣроятнѣе, что численность евреевъ въ Россіи въ настоящее время колеблется около 5 милліоновъ, хотя часто приходится слышать о цифрѣ 6.

Долетровская Русь знала евреевъ лишь какъ исключеніе, но съ екатерининской эпохи еврейская народность входитъ въ кругъ воздѣйствія правительства, и вокругъ нея постепенно сгущается тотъ сложный и тяжелый вопросъ, который носитъ названіе „еврейскаго вопроса". Въ Польшу евреи начали переселяться, начиная съ XIII ст. Жестокія гоненія, которымъ они начали подвергаться въ странахъ Западной Европы, особенно въ Испаніи, вынуждали ихъ искать убѣжища въ странахъ съ болѣе молодой христіанской культурой или среди мусульманъ. Не имѣя своего обиходнаго языка, евреи того времени уже пользовались нарѣчіями тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Въ общемъ евреи дѣлились тогда на двѣ группы: сефардимъ, жаргонъ которыхъ возникъ изъ испанскаго языка, и ашкеназимъ, пользовавшихся жаргономъ нѣмецкаго языка. Значительная часть сефардимъ подъ давленіемъ гоненій принуждена была принять христіанство, остальные, оставивъ Испанію, разселились по странамъ Средиземнаго моря—Балканскій полуостровъ, М. Азія, С. Африка. Ашкеназимъ нашли убѣжище въ Польшѣ, и потомками ихъ являются наши русскіе евреи, пользующіеся до сихъ поръ жаргономъ нѣмецкаго языка, такъ какъ главная масса ихъ предковъ перебралась въ Польшу изъ Германіи.

Кромѣ черты осѣдлости евреи встрѣчаются обособленными группами въ Закавказьѣ („горскіе" и другіе), гдѣ появленіе ихъ относится къ очень древней эпохѣ, затѣмъ въ Туркестанѣ, куда евреи проникаютъ уже послѣ разрушенія Іерусалима. Къ евреямъ по религіи, но не по типу, примыкаютъ въ извѣстной мѣрѣ крымскіе караимы, представляющіе

въ сущности тюрковъ,—уцѣлѣвшіе остатки тѣхъ тюрковъ, которые исповѣдывали въ отдаленное время іудаизмъ, какими были въ IX—X в. хазары. Евреи на остальномъ пространствѣ Россіи—выходцы изъ юго-западнаго края.

По своему типу евреи черты осѣдлости рѣзко выдѣляются среди окрестнаго населенія, но еще въ большей мѣрѣ выдѣлены они изъ него въ религіозномъ, правовомъ, въ хозяйственномъ и бытовомъ отношеніи. Изъ всѣхъ народностей Россіи нѣтъ другой, которая при тѣснѣйшемъ сожительствѣ съ туземцами, силой обстоятельствъ, была бы до такой степени обособлена, какъ евреи.

По типу евреи отличаются отъ неевреевъ, главнымъ образомъ, чертами лица, настолько характерными, что сколько-нибудь опытный глазъ всегда отличитъ еврея въ разношерстной толпѣ. По среднему росту они нѣсколько ниже литовцевъ и бѣлоруссовъ (162 — 165 сант.), объемъ грудной клѣтки меньше, что одни считаютъ расовымъ признакомъ, другіе видятъ въ этомъ результатъ многовѣковыхъ условій жизни [1]). Указываютъ также, что въ общемъ у евреевъ туловище по отношенію къ нижнимъ конечностямъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у другихъ народностей. По окраскѣ кожи среди евреевъ рѣшительно преобладаютъ брюнеты съ обильной растительностью, большими, живыми, черными глазами, посаженными довольно близко другъ къ другу. Въ сѣверныхъ губерніяхъ % блондиновъ больше, а средній ростъ въ то же время ниже. Вопреки существующему мнѣнію о необыкновенной еврейской плодовитости, рождаемость у евреевъ оказывается всюду ниже, чѣмъ у окружающихъ народовъ. Такъ для русскихъ евреевъ процентъ рожденій 31 чел. [2]) на 1000, тогда какъ для остальной массы число это составляетъ 49,2 на 1000 (для 1892—1902 г.). Низкая рождаемость могла бы повести къ быстрому уменьшенію числа евреевъ, еслибы ей не соотвѣтствовала бы и низкая смертность, которая объясняется: 1) слабымъ распространеніемъ среди евреевъ алкоголизма, и 2) низкой дѣтской смертностью вслѣдствіе усиленныхъ заботъ еврейскихъ родителей о своемъ потомствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число нетрудоспособныхъ дѣтей, дѣтей уродовъ и калѣкъ, у евреевъ меньше, а число трудоспособныхъ взрослыхъ больше, чѣмъ у неевреевъ. Зато взрослое еврейское населеніе даетъ большій процентъ слѣпыхъ и глухихъ, а также особенно душевнобольныхъ. Представляетъ ли это указаніе на вырожденіе расы, не испытывающей вслѣдствіе своей обособленности притока посторонней крови, или это слѣдствіе тяжелыхъ условій жизни — вопросъ неразрѣшенный. По даннымъ переписи 1897 г. оказывается, будто бы % мальчиковъ среди евреевъ гораздо больше дѣвочекъ (на 100 дѣвочекъ рождается 133 мальчика). Между тѣмъ тамъ, гдѣ рожденія по поламъ регистрировались правильно (Познань въ Пруссіи), соотношеніе рождаемости по поламъ среди евреевъ оказалось неотступающимъ отъ обычной нормы (на 100 д.—106 м.) [3]). Помимо указанныхъ причинъ, задерживающихъ ростъ еврейскаго населенія въ Россіи, дѣйствуютъ еще и другія, именно усиленная эмиграція, преимущественно въ Соединенные Штаты, которая особенно увеличивалась, начиная съ послѣдняго десятилѣтія XIX в., а затѣмъ вліяетъ также выходъ изъ еврейства путемъ переходовъ въ иныя исповѣданія, хотя въ Россіи, въ противуположность другимъ странамъ, наблюдается наименьшій % крещеній (1 крещеніе въ годъ на 4.000 чел. въ Россіи, одно крещеніе на 1.230 ч. въ Германіи). Между тѣмъ обратнаго явленія, т. е. перехода въ іудаизмъ въ Россіи, разумѣется, не наблюдается, тогда какъ въ Венгріи 400 христіанъ въ годъ переходятъ въ іудаизмъ, что дѣлается для вступленія въ бракъ съ евреями. Въ то время, какъ въ Западной

---

[1]) По этой причинѣ % бракуемыхъ среди новобранцевъ евреевъ больше, чѣмъ среди неевреевъ.

[2]) Arthur Ruppin, Die Juden der Gegenwart.

[3]) Еврейская Жизнь, 1906, № 1, 143. Этотъ ошибочный выводъ русской статистики объясняется тѣмъ, что у русскихъ евреевъ мальчики заносятся въ метрическія книги болѣе тщательно, чѣмъ дѣвочки, въ виду того значенія, какое имѣютъ метрическія записи для отбыванія воинской повинности.

Европѣ, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, происходитъ усиленная ассимиляція евреевъ, постепенное раствореніе ихъ въ мѣстной національности, въ Россіи этого не происходитъ въ силу множества препятствій, поставленныхъ на пути такого процесса.

Что касается національнаго характера и умственныхъ способностей, то и въ этомъ отношеніи евреи рѣзко отличаются отъ народностей, среди которыхъ они живутъ. Евреи впечатлительны и подвижны въ высшей степени, въ силу этого они крайне общительны, причемъ это стремленіе къ сближенію производитъ часто впечатлѣніе навязчивости. При всей своей общительности евреи, однако, какъ всякая народность съ долгой и глубокой культурой, проникающей всѣ области душевной жизни, большіе индивидуалисты, поэтому они мало способны подчиняться дисциплинѣ и несклонны къ отраслямъ труда, гдѣ процессъ дѣятельности складывается въ слишкомъ тяжелыя, однообразныя и медленныя формы, какъ напр. въ земледѣліи и фабричной работѣ. Нелюбовь къ дисциплинѣ возмѣщается большой готовностью подчиняться общественному мнѣнію, что вытекаетъ изъ свойства общительности. Такимъ образомъ, при свободномъ развитіи индивидуальной дѣятельности, евреи легко сплачиваются для массовыхъ дѣйствій, совмѣщая выгоды индивидуальной свободы съ выгодами коллективныхъ выступленій, обстоятельство, дающее имъ перевѣсъ въ разнообразныхъ случаяхъ жизненной борьбы и въ то же время навлекающее на нихъ неудовольствіе національныхъ и соціальныхъ группъ, обладающихъ этими свойствами въ меньшей степени. Отсюда упорное убѣжденіе невѣжественной массы въ существованіи у евреевъ какого-то тайнаго соглашенія, тайной организаціи, „кагала“. Что касается „торговаго духа“, которымъ еврейская нація надѣлена въ особенной степени, и благодаря которому евреи въ огромномъ большинствѣ случаевъ занимаются торговлей, то подъ этимъ терминомъ нельзя подразумѣвать врожденной наклонности, а можно лишь говорить объ извѣстной умственной подвижности, способности быстро соображать, учитывать обстоятельства и о т. п. качествахъ, столь необходимыхъ въ коммерціи. Благодаря присутствію этихъ качествъ, евреи, въ среднемъ, болѣе способны къ торговлѣ, чѣмъ остальныя народности, но нельзя эти свойства и переоцѣнивать, такъ какъ въ странахъ, гдѣ напряженіе душевныхъ силъ въ области практической жизни въ обстановкѣ житейской борьбы достигаетъ высшей степени, какъ напр. въ Американскихъ штатахъ, евреи, ставшіе тамъ весьма многочисленными, или не выдѣляются изъ ряда или даже остаются за̀ флагомъ. Такимъ образомъ эта черта бросается рѣзко въ глаза въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, въ Литвѣ и особенно въ Бѣлоруссіи, потому, что окружающее евреевъ населеніе до крайности невѣжественно, апатично и инертно, въ то время какъ стѣсненныя условія существованія евреевъ съ непреодолимой силой изощряютъ ихъ способности къ дѣятельности въ тѣхъ рамкахъ, какія отведены имъ желѣзной политикой пра-

Раввинъ.

вительства, именно въ области торговли и промышленности, въ царствѣ денегъ и богатствъ, открывающихъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ всѣ двери.

Уголовная статистика обнаруживаетъ, что евреи меньше другихъ склонны къ чисто уголовнымъ преступленіямъ, т. е. къ преступленіямъ, характеризующимся насиліемъ, какъ убійство, разбой, грабежъ, между тѣмъ какъ въ преступленіяхъ противъ разныхъ уставовъ, промышленныхъ, воинскихъ, въ обманахъ, въ подлогахъ документовъ, банкротствахъ и т. п. евреи попадаются чаще, чѣмъ христіане. Объясняется это тѣмъ, что среди торгово-промышленнаго класса подобныя преступленія заурядное явленіе, евреи же заключаютъ въ себѣ большой процентъ представителей этого класса.

Черта осѣдлости обнимаетъ собою въ настоящее время 15 западныхъ губерній: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Кіевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская. Кромѣ того въ черту осѣдлости входитъ все Царство Польское. На этомъ пространствѣ живетъ подавляющая масса русскихъ евреевъ.

Чтобы получить хотя бы нѣкоторое представленіе объ экономическомъ состояніи и бытѣ этихъ милліоновъ евреевъ, необходимо предварительно бросить бѣглый взглядъ на ихъ правовое положеніе, на рядъ ограниченій въ элементарныхъ правахъ, какими пользуются остальные жители имперіи. Ограниченія въ правахъ стали удѣломъ еврейской массы очень скоро послѣ того, какъ евреи попали въ положеніе русско-подданныхъ (въ 1772 г.). Ограниченія эти, непрерывно возрастая въ числѣ и усложняясь, превратились въ настоящее время въ чрезвычайно запутанную сѣть, въ которой напрасно было бы искать какихъ либо началъ или принциповъ, положенныхъ въ основу этой системы ограниченій

Въ самыхъ общихъ чертахъ ограниченія эти распадаются на слѣдующія группы: 1) Ограниченія въ правѣ жительства и передвиженія, 2) ограниченія въ правѣ занятій, 3) въ правѣ пріобрѣтенія собственности, 4) въ правѣ государственно-общественной службы, 5) ограниченія въ образованіи и просвѣщеніи, 6) въ воинской повинности и въ воинской службѣ. Къ этимъ ограниченіямъ въ правахъ присоединяются еще обложеніе особыми налогами (коробочный сборъ) и разныя мѣропріятія, отражающіяся на религіозной свободѣ и на другихъ сторонахъ еврейской жизни. Каждая изъ этихъ рубрикъ состоитъ изъ множества пунктовъ, обстоятельное перечисленіе которыхъ можетъ составить цѣлую книгу [1]).

Чтобы составить себѣ представленіе, какъ отражаются эти ограниченія на жизни еврейскихъ массъ, коснемся слегка хотя бы перваго изъ ограниченій, ограниченій въ правѣ жительства и передвиженія. Черта осѣдлости, пространство перечисленныхъ выше губерній представляетъ не одинъ кругъ, отпущеннаго евреямъ для жительства мѣста. Въ этомъ кругѣ помѣщается много другихъ круговъ, часто еще одинъ въ другомъ, притомъ съ весьма неопредѣленными, допускающими самыя разнообразныя толкованія границами. Въ самой чертѣ осѣдлости евреямъ воспрещено вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ (Временныя правила 1882 г.). Въ теченіе всего XIX в. евреевъ періодически выселяли изъ сельскихъ мѣстъ въ мѣстечки и города. Ихъ предполагалось скучить въ городахъ цѣликомъ, но фактическая невозможность произвести подобное переселеніе отняла смыслъ у этого намѣренія и привела лишь къ тому, что численность евреевъ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ достигаетъ 80 — 90% общаго числа жителей, тогда какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ она опускается до 5%. Въ предѣлахъ черты есть города, почти недоступные для евреевъ

---

[1]) Ю. Гессенъ, О жизни евреевъ въ Россіи, записка въ Государственную Думу, Э. Левинъ, Сборникъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ 1902 г., М. Мышъ, Руководство къ русскимъ законамъ объ евреяхъ, 1904 г., и др.

(Ялта, Кіевъ). Наконецъ, въ самихъ городахъ проводилась нерѣдко еще черта (третья по счету), предѣловъ которой евреи должны были держаться (еврейскій кварталъ) или внутрь которой ихъ не пускали (чистыя части города, лучшія улицы и т. п.). Наблюденіе за соблюденіемъ ограниченій возложено на администрацію, и не трудно себѣ представить, что многочисленность и запутанность правилъ открываетъ очень широкій просторъ произволу и злоупотребленіямъ. Такъ какъ напр. границы мѣстечекъ не были точно опредѣлены или съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста поселенія, перемѣщались, то одно это обстоятельство вносило въ жизнь хаосъ и смущеніе. До сената доходили дѣла о выселеніи евреевъ изъ дома, находившагося одной своей частью за предѣлами городского поселенія. Бывали попытки признать за нарушеніе закона обычную перемѣну квартиры въ данной сельской мѣстности. Сенату пришлось, между прочимъ, разъяснить и то, что еврей, покинувшій сельскую мѣстность, чтобы отбыть военную службу, не теряетъ права вернуться потомъ на свое мѣсто.

Система ограниченій до такой степени запутана и сложна, что объ исполненіи всѣхъ предписаній закона не можетъ быть и рѣчи. На практикѣ острота положенія смягчается взяточничествомъ администраціи, результатомъ чего является развращеніе агентовъ власти съ одной стороны, развращеніе и крайнее матеріальное обремененіе евреевъ съ другой. Легче всего избѣгаютъ силы ограниченій богатые и зажиточные евреи (банкиры, биржевики и т. п.) [1]), тогда какъ всей тяжестью они ложатся на невѣжественную и бѣдную массу. Такъ какъ число и область примѣненій разныхъ ограниченій непрерывно увеличивались, а численность евреевъ въ то же время естественно возрастала, то экономическое состояніе и условія жизни еврейской массы, скученной въ городахъ, нерѣдко въ особыхъ кварталахъ, столь же неуклонно ухудшались и достигаютъ мѣстами прямо невѣроятнаго безобразія и невыразимаго трагизма, изъ котораго нѣтъ никакого выхода, кромѣ безумія и смерти. Такъ какъ къ этому тяжелому состоянію присоединяются еще періодическія волны еврейскихъ погромовъ (въ 1871 г., 1881 г., 1905 г.), то положеніе разрѣшается нѣсколько лишь тѣмъ, что усиленно ростетъ эмиграція.

Большая часть еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ состоитъ изъ настоящаго пролетаріата, снискивающаго себѣ пропитаніе самыми разнообразными способами. Носильщики, извозчики, грузчики, мелкіе ремесленники, рабочіе штучники, рабочіе на фабрикахъ, факторы, комиссіонеры, расхожіе торговцы-коробейники составляютъ низшій слой еврейскаго населенія, представителями котораго буквально набиты многіе города и мѣстечки. Въ городахъ Царства Польскаго эта жалкая, едва снискивающая дневное пропитаніе масса скучивается въ еврейскихъ кварталахъ, своего рода средневѣковое „гетто“, проживая здѣсь въ условіяхъ ужасающей нищеты, грязи и зловонія, такъ какъ кварталы, населенные евреями, оставляются городскими управленіями въ первобытномъ состояніи; въ составѣ городскихъ управленій или не бываетъ представителей отъ еврейскаго населенія, или представители эти существуютъ по назначенію администраціи и никакого значенія не имѣютъ, а потому на еврейскіе кварталы городскія власти стараются не тратить средствъ. Нѣсколько лучше положеніе средняго слоя, представители котораго, обладая деньгами, устраиваются въ промышленности и торговлѣ, содержатъ въ селахъ постоялые дворы, корчмы, арендуютъ имѣнія и въ то же время занимаются разными торговыми оборотами. Наконецъ вездѣ въ городахъ имѣется и еврейская аристократія въ лицѣ крупныхъ капиталистовъ и лицъ, достигшихъ, благодаря образованію, болѣе привиллегированнаго положенія (врачи, адвокаты, фармацевты, и т. п.).

[1]) Такъ напр., чтобы открыть двери средняго учебнаго заведенія своему сыну, богатый еврей, случается воспитываетъ на свой счетъ нѣсколько бѣдныхъ христіанскихъ учениковъ, число которыхъ поднимаетъ % допустимыхъ въ данное учебное заведеніе евреевъ.

*

Тѣснота въ чертѣ осѣдлости заключается не въ томъ, что здѣсь много евреевъ, а въ томъ, что вслѣдствіе скученности распредѣленіе занятій и профессій не соотвѣтствуетъ нормальному отношенію представителей разныхъ отраслей труда и занятій. Такъ, число ремесленниковъ и мелкихъ рабочихъ въ этихъ городахъ и мѣстечкахъ настолько велико, что превосходитъ потребность въ нихъ въ 2—3 раза. То же самое справедливо и для торговцевъ. Если сравнить въ этомъ отношеніи губерніи безъ еврейскаго населенія съ губерніями въ чертѣ осѣдлости, то явленіе это обрисовывается съ полной ясностью. Такъ, для Псковской губерніи (внѣ черты) на 1000 жителей приходится въ среднемъ ремесленниковъ, живущихъ изготовленіемъ одежды, 10 чел., въ Смоленской—11, тогда какъ въ Витебской и Могилевской губерніи (въ чертѣ осѣдлости) такихъ лицъ оказывается 24 чел. на 1000 жит. Еще разительнѣе это несоотвѣтствіе въ области торговли. Въ Псковской и Смоленской губерніи на 1000 душъ приходится въ среднемъ 19 торговцевъ, тогда какъ въ Витебской и Могилевской на 1000 жит. торговцевъ оказывается 52 ч. Такимъ образомъ, если внѣ черты осѣдлости торговлей оказываются въ состояніи просуществовать 100 ч., то въ чертѣ осѣдлости тѣмъ же занятіемъ пропитываются 270 душъ. Въ Витебской губерніи евреи составляютъ 61% всѣхъ извозчиковъ, въ Могилевской даже 72%. Статистическія данныя указываютъ, что вообще во всѣхъ промыслахъ, доступныхъ евреямъ, численность занятыхъ ими лицъ въ чертѣ осѣдлости превосходитъ такое же число для другихъ губерній въ $2^1/_2$ раза. Иными словами, для того, чтобы еврейское ремесленное и торгово-промышленное населеніе оказалось въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находится ремесленное и торгово-промышленное сословіе внѣ черты осѣдлости, необходимо, чтобы 60% этого населенія перешло къ новымъ занятіямъ или выселилось [1]). Необходимо разрѣдиться, но разрѣдиться эта масса не можетъ въ силу разныхъ указанныхъ ограниченій. Хотя ремесленники-евреи (цеховые и нецеховые) обладаютъ правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи, хотя потребность въ ремесленникахъ во множествѣ русскихъ провинціальныхъ городовъ громадна, тѣмъ не менѣе евреи-ремесленники туго выходятъ за черту осѣдлости вслѣдствіе неимѣнія средствъ къ переселенію, а главное вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, какія всегда можно ожидать на новомъ мѣстѣ. Главная масса этого еврейскаго пролетаріата бѣжитъ въ Америку: три четверти всѣхъ пріѣзжающихъ въ Соединенные Штаты портныхъ—евреи изъ нашей черты осѣдлости. Приведенныя цифры указываютъ на степень скученности еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ. Послѣдствіемъ чрезмѣрной скученности является крайнее переполненіе всѣхъ отраслей занятій, доступныхъ евреямъ, предложеніе труда, совершенно не соотвѣтствующее спросу, и, какъ результатъ того, низкія цѣны на трудъ. Ничтожный заработокъ, исчисляющійся нѣсколькими десятками копѣекъ на семью въ день, влечетъ за собой ужасное санитарное состояніе жилищъ, въ которыхъ ютится вся эта масса еврейской бѣдноты, очень плохое питаніе, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое матеріальное положеніе массы

Типъ еврея изъ образованнаго слоя.

[1]) Б. Бруцкусъ, „Еврейская Жизнь“, 1906, № 1, стр. 64—65.

еврейскаго населенія. Положеніе уже многіе годы не улучшается, такъ какъ всѣ принимаемыя по отношенію къ еврейству мѣры направлены не на подъемъ экономическаго состоянія и просвѣщенія среди евреевъ, а на дальнѣйшія стѣсненія и ограниченія тамъ, гдѣ почти уже нечего ограничивать. Единственный выходъ, черезъ который изливается непрерывно наростающій избытокъ еврейскаго населенія, представляетъ эмиграція, и мы видимъ, что за послѣднія десятилѣтія изъ Россіи выселилось около 2 милліоновъ евреевъ. Численность ежегодно выселяющихся евреевъ возросла необыкновенно послѣ недавнихъ погромовъ, внесшихъ ужасъ и смятеніе въ обездоленную массу. Выселеніе также обставлено препятствіями, поэтому бѣгутъ тайно, что тяжело отражается на остающихся, такъ напр. % причитающихся ежегодно рекрутовъ оказывается расчисленнымъ на большую массу населенія, чѣмъ какая имѣется на лицо. Ограниченія въ разнообразныхъ гражданскихъ правахъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ для массы русскихъ евреевъ не только матеріальное ухудшеніе жизненныхъ условій, но и ставятъ эту національность въ унизительное положеніе въ рядѣ другихъ народностей, среди которыхъ евреямъ приходится жить. Евреи находятся въ положеніи паріевъ, безправныхъ и презираемыхъ. Подобное положеніе само по себѣ вызываетъ обособленность, препятствующую сліянію. Въ западныхъ странахъ (въ Германіи, во Франціи), несмотря на антисемитизмъ, раствореніе евреевъ въ остальной массѣ путемъ смѣшанныхъ браковъ подвигается впередъ довольно быстро послѣ того, какъ евреи были уравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Въ Россіи это замѣчается въ слабой степени главнымъ образомъ потому, что русскіе евреи крѣпче держатся своей религіи. Какъ было указано выше, число крещеній въ Россіи наименьшее по сравненію съ Западной Европой. Приверженность къ своей религіи, которая среди образованныхъ евреевъ въ Западной Европѣ замѣщается полнымъ равнодушіемъ къ ней, объясняется тѣмъ, что для громадной, большей частью невѣжественной массы русскихъ евреевъ религія, несмотря на всѣ сложныя, устарѣлыя, неудобныя и часто нелѣпыя формы обрядности, является единственнымъ прибѣжищемъ, источникомъ, припадая къ которому, еврей черпаетъ силу выносить всѣ жизненныя невзгоды. Эта привязанность къ религіи отцовъ поддерживаетъ и усиливаетъ обособленность, проистекающую отъ неравноправія. Такъ какъ талмудъ съ безчисленными своими толкованіями даетъ отвѣты и регулируетъ всѣ вопросы жизни, такъ какъ толкованія его облечены высшей, религіозной санкціей, то упорство, съ какимъ евреи держатся своего закона, который во множествѣ вопросовъ расходится съ законами тѣхъ странъ, гдѣ евреи живутъ, вызываетъ къ нимъ враждебное отношеніе властей и создаетъ въ массахъ предубѣжденіе, что нравственныя начала, какимъ евреи слѣдуютъ согласно своей религіи, не соотвѣтствуютъ тѣмъ, какихъ держится остальное населеніе. Отсюда смутная вѣра въ кагалъ, въ своего рода тайное общество, объединяющее всѣхъ евреевъ съ враждебною для христіанъ цѣлью. Между тѣмъ само еврейство разбито условіями жизни на такія соціальныя группы, заключаетъ въ себѣ такія теченія, которыя нерѣдко вызываютъ между этими группами вражду, гораздо болѣе острую, чѣмъ та, какую можно допустить между евреями и христіанами. Кагалъ или еврейская община существовалъ подъ польскимъ скипетромъ. Евреи, пользуясь гражданскими (но не политическими) правами мелкой шляхты, были объединены польскимъ правительствомъ въ большія самоуправляющіяся единицы, кагалы (съ подкагалками). Выборныя кагальныя власти раскладывали и собирали налоги и облагали повинностями, творили судъ (расправа принадлежала правительству) и вообще завѣдывали всей внутренней жизнью общины. Кагальная организація была сохранена русскимъ правительствомъ и существовала до 40-хъ годовъ XIX в. Уже тогда раздѣленіе на бѣдноту и богатыхъ, причемъ послѣдніе держали въ своихъ рукахъ всѣ нити кагальной жизни, угнетая поборами и насиліями массу простого народа, вызвало протестъ среди простого придавленнаго еврейства. Въ виду того, что столпы кагальной организаціи имѣли на своей сторонѣ религіозный авторитетъ закона, протестъ противъ засилія богатыхъ евреевъ долженъ былъ принять религіозную форму.

Въ серединѣ XVIII в. среди украинскихъ евреевъ возникла секта хасидовъ [1]). Основатель ея, Израиль Бештъ, провозгласилъ, что человѣка спасаетъ не талмудическая ученость, а искреннее благочестіе, душевная чистота и горячая молитва. Эта проповѣдь, освобождавшая евреевъ отъ излишнихъ мелочныхъ обрядовъ и дававшая бѣдняку утѣшеніе, что при всемъ своемъ духовномъ убожествѣ онъ можетъ стать угоднымъ Богу, привлекла къ новому ученію громадную толпу послѣдователей. Бештъ не упразднилъ раввиновъ, бывшихъ до того верховными руководителями еврейства, а подчинилъ ихъ „цадикамъ". Цадикъ, „святой", является посредникомъ между Богомъ и простымъ человѣкомъ, онъ обладаетъ чудодѣйственной силой, и паства обязана была благоговѣть передъ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ цадики—шарлатаны, какими богата всякая религія. Исцѣляя якобы отъ недуговъ, давая житейскіе совѣты, предсказывая и ворожа, они пользовались въ своихъ цѣляхъ невѣжествомъ и суевѣріемъ массъ. Хасиды со своими цадиками существуютъ и сейчасъ. Но современемъ это религіозное теченіе, расколовшее русское еврейство на два враждебныхъ лагеря, враждебныхъ до того, что каждая сторона обращалась къ правительству съ доносами и клеветами на противную, уступило мѣсто другимъ въ зависимости во-первыхъ отъ того, на какіе слои распадалась еврейская масса подъ вліяніемъ усложнявшихся условій хозяйственной жизни, а во-вторыхъ—отъ все болѣе усиливавшихся притѣсненій и безправія, ввергавшихъ еврейское населеніе черты осѣдлости въ бѣдственное матеріальное положеніе. Разслоеніе имущественное, скопленіе еврейскаго пролетаріата въ промышленныхъ и фабричныхъ городахъ (Бѣлостокъ) вызвало къ жизни національную соціалистическую партію, извѣстную подъ названіемъ „Бунда" („союзъ"—на жаргонѣ). Глубокое отчаяніе, въ какое впала обездоленная масса еврейства подъ вліяніемъ ухудшенія матеріальной стороны жизни, привлекаетъ, начиная съ 1880 г., другую часть народа къ сіонизму. Возникши въ Россіи въ 1881—82 гг., въ разгаръ погромовъ и панической эмиграціи, сіонизмъ или палестинское движеніе стремилось разрѣшить соціально-экономическое положеніе евреевъ путемъ новаго исхода въ Палестину и основанія тамъ еврейскаго государства. Основные тезисы этого теченія, охватившаго обширныя массы еврейскаго населенія черты осѣдлости, а также австрійскихъ и румынскихъ евреевъ, гласили: „Еврейская масса [2]) старыми и новыми ограниченіями, даже помимо погромовъ, доведена до ужасающей нищеты. Мы вездѣ, какъ лишніе, чужіе, находимся въ самомъ унизительномъ положеніи и живемъ ненормальной, неестественной жизнью. Одна только колонизація Палестины можетъ спасти нашу голодающую массу отъ неминуемой гибели". Сіонизмъ и сейчасъ еще волнуетъ умы значительной части русскихъ евреевъ, несмотря на то, что въ намѣченномъ выше видѣ движеніе это потерпѣло неудачу, да и вообще не могло осуществиться.

Что касается образованной части русскаго еврейства, которое съ эпохи реформъ создаетъ свою прессу и выдвигаетъ дѣятелей на поприщѣ общественной жизни и литературы, то въ немъ, смотря по времени, борятся два теченія. Одни ничего не имѣютъ противъ ассимиляціи, растворенія въ массѣ другихъ народностей, которое должно наступить вмѣстѣ съ уравненіемъ въ правахъ. Другіе остаются націоналистами и ратуютъ за сохраненіе еврейства, какъ особой культурной народности, обладающей достаточной жизнеспособностью, чтобы существовать въ видѣ особаго племени, народа, обладающаго отъ прошлаго высокими культурно духовными цѣнностями.

Н. Березинъ.

---

[1]) Ю. Гессенъ. Евреи въ Россіи, очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ, 1906 г., стр. 145.

[2]) С. М. Дубновъ, Письма о старомъ и новомъ еврействѣ, 1907 г., стр. 158.

Финскія народности.

Финны, раздѣляющіеся на нѣсколько народностей, были прежде разбиты на множество племенъ. Они, несомнѣнно, болѣе древніе обитатели русской равнины, чѣмъ славяне, племена которыхъ составили впослѣдствіи русскую народность. Первоначальная родина ихъ и время появленія въ нынѣшнихъ мѣстахъ обитанія не установлены точно. Во всякомъ случаѣ ихъ причисляютъ къ монгольской расѣ, къ особой вѣтви, къ финской, оторвавшейся отъ остальной массы монголъ очень давно и сильно измѣнившейся въ теченіи долгаго времени своихъ переселеній и медленнаго распространенія по лѣсной сѣверной половинѣ Европы. По совокупности признаковъ Кастренъ разбилъ все финское семейство на 4 группы: 1) Угорскіе финны, къ которымъ принадлежатъ остяки, вогулы и венгры, 2) Волжскіе финны—черемисы и мордва, 3) Пермская вѣтвь охватываетъ пермяковъ, зырянъ и вотяковъ и, наконецъ, 4) Финскую вѣтвь составляютъ племена, разселившіяся въ странѣ великихъ озеръ, по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря и по Финскому массиву далеко на сѣверъ, до Полярнаго моря. Испоконъ вѣковъ финны населяли лѣса восточной и сѣверной Европы. Здѣсь они сидѣли давно. По крайней мѣрѣ готы, германское племя, продвинувшіеся съ сѣвера Европы къ берегамъ Чернаго моря, покоряли на пути своего движенія финскія племена въ IV в. нашей эры. Въ то время финскія племена жили, вѣроятно, въ состояніи, въ какомъ мы застаемъ въ настоящее время бродячихъ инородцевъ-охотниковъ Сибири, въ какомъ живутъ и сейчасъ вогулы на Уралѣ. Земледѣлія они не знали, за исключеніемъ развѣ южной лѣсной полосы, кочевое скотоводческое хозяйство было для нихъ невозможно, кромѣ какъ въ тундрѣ. При такихъ условіяхъ размноженіе финскихъ племенъ не могло совершаться съ такой же быстротой, какъ у сосѣдей ихъ—германцевъ и славянъ или у степныхъ народностей, а потому общественный строй не могъ развиться до государственности. И дѣйствительно, за исключеніемъ угровъ или венгровъ, вогульской народности, которая выдвинулась съ Урала въ южную степь и превратилась въ типичныхъ кочевниковъ, ни одно финское племя не объединилось въ большое національное цѣлое, не создало государства. Всѣ финскія племена стали добычей своихъ сосѣдей, культурному превосходству которыхъ они обязаны своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно обширно было вліяніе славянъ. Только невѣдомое прошлое нашей страны знаетъ, какая масса финновъ растворилась въ великорусской народности. Такъ какъ культурное превосходство славянъ было не особенно значительно, то мало-культурныя и низко-организованныя финскія племена дремучихъ лѣсовъ волжско-окскаго района легко могли заимствовать изъ быта и строя славянъ недостающія начала, что облегчало сліяніе. Изъ финскихъ племенъ сліянія могли избѣгнуть тѣ, которыя жили дальше въ глубинѣ лѣсовъ. Въ сосѣдствѣ Балтійскаго моря финны подпали вліянію болѣе высокой германской культуры.

Финны западные.

Западныя финскія племена. — Историческое прошлое Финляндіи.—Территорія и природа страны.—Физическій типъ и характеръ финновъ.—Основы народнаго хозяйства: земледѣліе и промышленность.—Культурное положеніе страны.

Наша лѣтопись перечисляетъ много племенъ, которыя сидѣли вокругъ Финскаго залива. Болѣе крупныя, какъ сумь, емь и карелы, сидѣли дальше въ глубинѣ Финскаго массива. Именно эти финны были покорены скандинавами, шведами, которые подъ предводительствомъ своихъ королей совершили для этой цѣли въ концѣ XI в. нѣсколько крестовыхъ походовъ на „язычниковъ" нынѣшней Финляндіи.

Финнъ крестьянинъ съ дѣтьми.

Какъ извѣстно, у сѣверныхъ германцевъ національно-племенные устои ихъ строя не подверглись такимъ сложнымъ измѣненіямъ, какъ на югѣ въ имперіи Каролинговъ, и получили болѣе самостоятельное развитіе. Скандинавъ, какъ членъ рода, какъ членъ племени и народа, не былъ въ такой степени подавленъ развитіемъ формъ хозяйства, развитіемъ высшихъ сословій, ростомъ церковныхъ и государственныхъ организацій, какъ его южный собратъ на Рейнѣ. Когда Финляндія была покорена и крещена, населеніе ея вошло какъ полноправный членъ въ составъ Шведскаго государства. Шведы заселили массой своей лишь ближайшее къ Швеціи побережье Финляндіи, т. е. нынѣшнюю Нюландскую и Абосскую губерніи, въ остальныхъ же частяхъ Финляндіи они встрѣчались лишь въ качествѣ администраторовъ, духовенства и высшаго дворянства, дѣятельностъ котораго была направлена на поднятіе культуры. Такъ какъ глухія мѣста внутренней и восточной Финляндіи, не говоря про сѣверную, не представляли ничего заманчиваго, то естественно, что обитатели ихъ, финны, сидѣвшіе рѣдкими поселками среди болотъ, лѣсовъ и угрюмыхъ скалъ испытали это культурное вліяніе въ меньшей степени.

Воздѣйствіе шведовъ на обитателей Финляндіи носило гораздо болѣе мирный характеръ, чѣмъ то, какое нѣмцы проявили среди финскихъ обитателей южнаго берега Финскаго залива. Распространеніе болѣе высокой культуры въ предѣлахъ Финляндіи совершалось не огнемъ

и мечемъ, а путемъ добровольнаго принятія болѣе совершенныхъ формъ жизни. Превосходство шведовъ было настолько значительно, что шведскій языкъ и нравы распространялись въ верхнемъ образованномъ слоѣ финской народности весьма успѣшно. Духовные, дворяне и горожане изъ финновъ вступали такимъ образомъ въ ряды шведскаго населенія Финляндіи и являлись естественными посредниками и проводниками высшей культуры въ массахъ населенія. Немало финновъ, переиначившихъ свои финскія фамиліи на шведскій ладъ, вступали въ ряды шведской аристократіи, занимали высшія должности въ шведскомъ государствѣ. Точно также шведы, поселявшіеся въ Финляндіи, привыкали считать ее своей родиной. Поэтому Финляндія жила и развивалась, какъ одно цѣлое со Швеціей. Она такъ крѣпко приросла къ послѣдней религіей, законами, даже языкомъ, нравами и обычаями, что никому въ голову не приходило какъ нибудь различать обѣ страны. Во всѣхъ отрасляхъ жизни финны и шведы жили общей жизнью, въ одно время и вмѣстѣ расширяли свои

Рыбаки (съ картины Эдельфельда).

права, испытывали общія тягости и несчастія. Рознь, которая могла бы возникнуть между побѣдителями и побѣжденными на почвѣ расовыхъ и культурныхъ различій, не разверзлась въ глубокую пропасть, такъ какъ при рѣдкости населенія и скудости хозяйственныхъ благъ внутренняя борьба не достигала здѣсь большого напряженія, и права сословій распространялись и измѣнялись въ Финляндіи одинаково со Швеціей. Великая борьба, завязавшаяся между Россіей и Швеціей за обладаніе Балтійскимъ моремъ и господство на сѣверѣ, сильно отразилась на судьбѣ Финляндіи. Послѣ ряда войнъ между этими государствами, отъ опустошительнаго раззоренія которыхъ больше всего страдала Финляндія, вся она въ началѣ XIX в. была окончательно присоединена къ Россіи. Умиротвореніе Финляндіи и присоединеніе ея къ Россіи произошли на условіяхъ, въ силу которыхъ населеніе ея сохраняло государственный и общественный строй, права и привиллегіи сословій, какими каждое пользовалось въ моментъ отторженія отъ Швеціи. Хотя этотъ государственный строй былъ вполнѣ сословный, такъ что давалъ перевѣсъ власти и вліянія высшимъ сословіямъ—дворянству и духовенству, однако различія его отъ государственнаго строя Россіи были очень

великій. Въ Финляндіи верховная власть принадлежала не цѣликомъ монарху, а раздѣлялась имъ съ сеймомъ, составлявшимся изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій—дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ. Для всякаго законодательнаго акта требовалось согласіе сейма.

Отторженіе отъ Швеціи и присоединеніе къ Россіи замѣтно отразились на судьбахъ финновъ. Хотя шведы и послѣ того продолжали составлять въ Финляндіи, несмотря на свою малочисленность, господствующую народность, хотя духовная связь со Швеціей не прекратилась, и культура образованнаго слоя населенія оставалась скандинавской, однако потеря національной опоры въ лицѣ государства отразилась на положеніи шведовъ. Въ XIX в. начинается пробужденіе самостоятельной финской народности. Пробужденіе это проявилось прежде всего въ духовной области—въ литературѣ. Финскій народный языкъ, являвшійся до того нарѣчіемъ, на которомъ объяснялись одни низшіе классы населенія, сталъ принимать литературную форму. Такъ какъ шведы отнеслись къ пробужденію финской національности враждебно, то борьба приняла вскорѣ оживленный характеръ, и, конечно, по мѣрѣ распространенія образованія и матеріальной и духовной культуры, перевѣсъ долженъ былъ вскорѣ склониться на сторону болѣе многочисленной въ краѣ народности финской. Борьба двухъ партій—свекомановъ и финномановъ заняла собой почти все XIX ст., но начиная съ 70-ыхъ годовъ, ростъ населенія, быстрое развитіе промышленности и успѣхи просвѣщенія въ финскомъ народѣ вызвали къ жизни раздѣленія на экономическія классы, на партіи. И это тѣмъ болѣе, что національное движеніе, поднявъ значеніе финской народности и доставивъ ей торжество во всѣхъ отрасляхъ жизни, исчерпало свои

Старая крестьянка (съ картины Эдельфельда).

задачи. Начало XX в. ознаменовалось для Финляндіи быстрымъ скачкомъ въ развитіи политическаго строя, совершившагося одновременно съ крупными событіями внутренней жизни Россіи. Но оффиціальный націонализмъ, дѣятельно возбуждаемый послѣ періода смуты, избралъ государственную обособленность Финляндіи цѣлью усиленной непріязни, и въ 1910 г. черезъ Думу проведены были коренныя измѣненія политическаго устройства Финляндіи, лишающія сеймъ самостоятельнаго значенія.

Въ настоящее время Финляндія занимаетъ 374.812 кв. к. По разсчету больше одной десятой этого пространства (11,16%) находится подъ озерами, которыя въ видѣ большихъ и малыхъ крайне неправильныхъ бассейновъ, ограниченныхъ необыкновенно извилистыми берегами, занимаютъ середину страны. Неудивительно, если Финляндію нерѣдко называютъ „страной тысячи озеръ". Однообразіе природы характерно для всей этой громадной страны. Всюду, кромѣ крайняго сѣвера, пейзажъ слагаютъ три составныя части: камень, запятнанный сѣровато-зеленоватыми лишаями, лѣсистые холмы съ залегающими межъ ними низинами и, наконецъ, болота да озера, часто соединенные протоками, на которыхъ гремятъ и пѣнятся каскады.

Карельскій національный костюмъ.

Почва, климатъ, вся природа соединились въ дружный союзъ, чтобы превратить здѣшнее населеніе въ „угрюмыхъ пасынковъ природы". Тысячелѣтняя борьба не привела бы здѣсь ни къ чему, если бы человѣкъ вступалъ въ нее не во всеоружіи лучшихъ средствъ культуры. Еще полтораста лѣтъ тому назадъ Финляндія не насчитывала и 500.000 ч. Въ настоящее время въ ней обитаетъ 3 мильона человѣкъ. По расчету на 1 кв. к. приходится около 8—9 ч., но если исключить негостепріимныя сѣверныя пустыни, то цифра плотности подымется до 15 ч. на 1 кв. к. По сравненію съ уѣздами Олонецкой и Архангельской губ., лежащими на той же широтѣ, различіе въ этомъ отношеніи поразительное, и если вспомнить, что финны, какъ раса, надѣлены отъ природы скуднѣе славянъ физическими и духовными дарами, то плотное населеніе Финляндіи возможно объяснить лишь тѣмъ, что обитатели ея, благодаря иному географическому положенію страны, могли использовать въ борьбѣ за существованіе всѣ средства культуры. Картина современной Финляндіи мало чѣмъ отличается отъ сосѣдней Швеціи. Въ современной Финляндіи населеніе жмется къ берегамъ Финскаго и Ботническаго залива, гдѣ расположены наиболѣе людные и богатые города.

*

Финны, потомки древней суми, еми, карелы и лопи, составляютъ большинство населенія. Древнее племенное дѣленіе исчезло, а если что отъ него сохранилось, то лишь легкія отличія въ типѣ и въ говорѣ обитателей разныхъ частей Финляндіи. Карелы занимаютъ восточную Финляндію, тавасты — центральныя части южной половины, западное побережье населено эстерботнійцами, а на сѣверѣ, гдѣ существованіе возможно лишь въ качествѣ рыболова и бродячаго оленевода, уцѣлѣли лапландцы, потомки лопи, занимавшей нѣкогда болѣе южныя области. Современные финны все еще довольно различны. Встрѣчаются высокіе блондины, и коренастые, болѣе низкаго роста брюнеты, типы съ болѣе темнымъ, съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, болѣе живые и менѣе живые по темпераменту и складу ума. Но все-таки общіе физическіе признаки, часто даже неуловимые, таковы, что финна современной Финляндіи довольно легко отличить: круглая голова, плосковатое и широкое лицо съ выступающими скулами, особый свѣтлый цвѣтъ глазъ, какой-то водянисто-белесый („чудь бѣлоглазая"), флегматичный темпераментъ отличаютъ ихъ отъ русскихъ

Усадьба крестьянина.

и шведовъ. А если къ этому присоединить національный характеръ, то получается очень опредѣленный типъ, заслужившій отъ сосѣднихъ русскихъ рядъ добродушно-насмѣшливыхъ кличекъ. Особености характера финновъ заключаются въ медлительности всѣхъ душевныхъ движеній. Финнъ медленно воспринимаетъ впечатлѣнія, медленно думаетъ и чувствуетъ, и, можно сказать, обычно медленно дѣйствуетъ. Это флегма, но флегма лишенная апатіи, а, наоборотъ, связанная съ большимъ упорствомъ, переходящимъ нерѣдко въ невѣроятное упрямство. Спокойствіе рѣдко измѣняетъ финну, если же онъ выходитъ изъ этого состоянія, то большею частью подъ вліяніемъ гнѣва, злобы или при опьяненіи. Въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ другую крайность, и темпераментъ его проявляется въ страшной силѣ стремленія, прикрытой медлительностью движеній. По этой причинѣ алкоголизмъ, который прежде былъ очень распространенъ въ Финляндіи, являлся для населенія еще большимъ зломъ, чѣмъ въ Россіи, и вызвалъ настолько сильное общественное движеніе противъ себя, что сильно сократился въ низшихъ слояхъ населенія. Меланхолія финна находитъ себѣ

широкое выраженіе въ религіозномъ чувствѣ, принимающемъ подчасъ крайнюю форму, сектантскаго экстаза.

Успѣхи, достигнутые финнами въ области усвоенія и примѣненія европейской культуры, быстрый расцвѣтъ финской національности, который сопровождался оживленіемъ финской литературы, науки и искусства, сильно подняли народное чувство, народное самосознаніе. Перемѣны, какія вызвали въ странѣ развитіе промышленности и торговли уничтожили прежнее дѣленіе на сословія, разбивъ финскій народъ на классы. Сюда относятся: сельское населеніе [1]), состоящее изъ ничтожнаго числа крупныхъ землевладѣльцевъ

Финская деревня (центральная Финляндія).

множества мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и громадной массы мелкихъ арендаторовъ и вовсе безземельныхъ. Всѣ группы землевладѣльцевъ извлекаютъ доходъ изъ земли въ извѣстной мѣрѣ при посредствѣ сдачи участковъ арендаторамъ (торпарямъ) и при помощи цѣлой арміи сельскихъ рабочихъ. Слѣдующій классъ составляютъ рабочіе (113.518 ч., или 3,9% всего населенія въ 1906 г.), занятые въ мелкихъ и крупныхъ предпріятіяхъ, раскиданныхъ не только по большимъ городамъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ. То обстоятельство, что въ Финляндіи

[1]) Въ 1906 г. сельское населеніе составляло 2.523.049 ч. или 86%, городское—410.807 ч. или 14%, въ 1800 г. сельское—786.055 ч. или 94,4%, городское—46.604 ч. или 5,6%, иными словами, населенность городовъ возросла въ 9 разъ, а сельская всего въ 3 раза.

заводы, фабрики и болѣе мелкія заведенія часто пользуются силой пороговъ и водопадовъ, способствовало возникновенію заводско-фабричныхъ заведеній внѣ городовъ. Армія промышленныхъ рабочихъ сравнительно немногочисленна, но она выросла особенно быстро за послѣднія десятилѣтія. Верхній слой современнаго финскаго общества составляетъ буржуазія, къ которой примыкаетъ малочисленное дворянство и довольно вліятельное духовенство. Это преимущественно обитатели городовъ. Среди буржуазіи замѣтно еще раздѣленіе на прежнихъ свекомановъ и финномановъ.

Скудная природа Финляндіи скупо вознаграждаетъ усилія населенія. Если посѣтить большіе города Финляндіи, раскиданные по балтійскому побережью, можно на первый взглядъ ошибиться и преувеличить національное богатство. Такъ, Гельсингфорсъ (до 130.000 ж.), большой, красивый и чистый городъ, снабженный всѣми усовершенствованіями для удобства жизни, ничѣмъ не отличается отъ лучшихъ городовъ Западной Европы. Такое же впечатлѣніе производитъ болѣе людно населенная береговая полоса южной и западной Финляндіи. Но кто углубится внутрь страны, особенно въ восточную Финляндію или въ глухіе уголки наименѣе культурной Выборгской губерніи, легко убѣдится, что борьба за существованіе достается финскому народу дорогой цѣной. Несмотря на желѣзныя дороги, телефоны, почтовыя конторы и прекрасныя шоссе, пронизывающія всю Финляндію по всѣмъ направленіямъ, несмотря на удобства и легкость всѣхъ сношеній, бѣдность и нужда народныхъ массъ даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Только финская бѣдность не имѣетъ вида грязной, оборванной нищеты, впавшей въ полное отчаяніе и безнадежность. Это бѣдность чистенькая, заплатанная, уповающая или на помощь Божію или на собственныя силы и потому далекая отъ отчаянія. Въ Финляндіи нѣтъ большихъ селеній. Прежде они существовали, но послѣ разверстки земель крестьяне разсѣлись по усадьбамъ, раскиданнымъ на большія пространства въ мѣстахъ, гдѣ земледѣльцы привели въ культурный видъ пахотныя земли и сѣнокосы. Селенія тянутся нерѣдко на версту и на двѣ, представляя группу рѣдкихъ построекъ, широко разсѣянныхъ вокругъ центра, какимъ является церковь съ кладбищемъ, усадьба пастора и лавки. Далеко кругомъ среди глуши лѣсовъ и по берегамъ озеръ разсыпаны отдѣльные большіе крестьянскіе дворы, домишки арендаторовъ (торпарей) и хибарки сельскихъ рабочихъ. Лѣсныя дебри и болота Финляндіи, хотя медленно, но непрерывно, путемъ тяжелой борьбы съ лѣсомъ и мхомъ превращаются въ пашни и луга. Въ этой борьбѣ земледѣльца съ безплодной почвой и суровымъ климатомъ все прошлое крестьянской Финляндіи. Но земледѣліе не въ состояніи прокормить жителей. Обычной пищи—хлѣба, въ видѣ сухихъ большихъ плоскихъ лепешекъ съ дырой посрединѣ, чтобы весь запасъ сразу испеченнаго хлѣба можно было хранить нанизаннымъ на палки подъ потолкомъ, кислаго молока и рыбы, которой вылавливается много въ морѣ и на озерахъ, не хватаетъ. Поэтому главную статью ввоза составляетъ хлѣбъ (22,0% всего ввоза). Большимъ подспорьемъ являлось прежде лѣсное богатство Финляндіи, разработка котораго положила начало многимъ капиталамъ. Сперва лѣсъ пилили на доски, затѣмъ къ этому присоединилась выдѣлка бумаги, целлюлезы, спичекъ.

До сихъ поръ еще, хотя лѣса сильно порѣдѣли, и бревна стали тоньше и короче, лѣсопильное и древесное производство являются главною отраслью финской промышленности [1]). Поэтому лѣсъ и деревянныя издѣлія составляютъ также главную статью вывоза

---

[1]) Въ 1907 г. цѣнность всѣхъ продуктовъ финской промышленности составляла 513.648.026 марокъ (марка—38 к.), а число рабочихъ было 135.415 ч.

Въ лѣсопильномъ и древесномъ производствѣ было занято 30.242 ч., а цѣнность продуктовъ составляла 115.338.400 м., металлическое производство занимало 19.268 ч., а цѣнность продуктовъ равнялась 61.448.426 м., бумажное – 14.550 ч., цѣнность товаровъ—55.935.500 м.

(въ 1908 г. на 143.758.000 марокъ, что составляетъ 51,32% всего вывоза). Оскудѣніе лѣсныхъ богатствъ еще не отразилось на лѣсной промышленности въ видѣ пониженія количества производимыхъ товаровъ, но такъ какъ облѣсѣніе происходитъ крайне медленно, то эта статья дохода можетъ понизиться. Уже и теперь населеніе и правительство употребляютъ немало усилій на развитіе той статьи хозяйства, которая представляетъ наибольшую прибыльность, именно молочное хозяйство, главнымъ продуктомъ котораго является масло. Прежде масло шло изъ Финляндіи въ Данію. Теперь же, съ улучшеніемъ его производства, финскіе маслодѣлы успѣшно стремятся доставлять свое масло непосредственно въ Англію.

Хотя $^{8}/_{10}$ населенія Финляндіи живетъ земледѣліемъ и лѣсоводствомъ, и лишь около $^{1}/_{10}$ кормится въ промышленности, однако финскіе экономисты полагаютъ, что для развитія крупнаго хозяйства въ Финляндіи нѣтъ необходимыхъ данныхъ вслѣдствіе разбросанности

Праздникъ.

и мелкихъ размѣровъ земельныхъ участковъ, между тѣмъ какъ для промышленности подобнаго рода условія не составляютъ непреоборимыхъ препятствій.

Быстрое развитіе промышленности въ послѣднія десятилѣтія представляетъ бросающееся въ глаза явленіе. Оно проявляетъ себя въ цѣломъ рядѣ явленій: въ развитіи городовъ, въ быстромъ ростѣ городского населенія, тогда какъ сельское, хотя абсолютно увеличивается, но относительно уменьшается; далѣе, въ быстромъ развитіи путей сообщенія и способовъ сношенія (почта, телеграфъ, телефонъ), въ напряженіи соціальной и политической борьбы, быстро приведшей населеніе Финляндіи къ сознанію необходимыхъ и неизбѣжныхъ улучшеній общественнаго строя. Нельзя забывать, напр., что Финляндія единственная страна въ Европѣ, въ которой женщины пользуются полнымъ, какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Къ сожалѣнію, на пути соціальнаго развитія Финляндіи стоятъ весьма серьезныя препятствія. Кромѣ внутреннихъ силъ, какъ, напр., недостаточное просвѣщеніе, инертность народныхъ массъ, бѣдность, сплоченность буржуазныхъ классовъ въ борьбѣ за свои интересы, сюда присоединяются еще внѣшнія

осложненія, устранить которыя сама Финляндія не въ силахъ. Поэтому развитіе страны подвигается впередъ путемъ тяжелой борьбы и лишеній, о чемъ свидѣтельствуютъ кризисъ въ промышленности, безработица, частые припадки эмиграціонной лихорадки и общая подавленность настроенія, ареной которыхъ является Финляндія въ настоящее время.

Къ западнымъ или балтійскимъ финнамъ принадлежатъ лопари, эсты, ливы и разныя мелкія группы, остатки племенъ, имена которыхъ почти стерлись изъ памяти (вепсы и другіе). Лопари или лапландцы обитаютъ не въ одной Россіи. Часть ихъ кочуетъ въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи, часть обитаетъ въ сѣверной Финляндіи, наконецъ, остальная часть влачитъ жалкое существованіе на нашемъ сѣверѣ,—въ тундрѣ и на побережьи Кольскаго полуострова. Въ предѣлахъ Финляндіи лопари приведены въ культурное состояніе, насколько, вообще пріобщеніе къ культурѣ возможно для племени, живущаго кочевой жизнью среди своихъ оленьихъ стадъ за предѣлами полярнаго круга, въ странѣ снѣговъ и незаходящаго лѣтняго солнца. Во всякомъ случаѣ лопари Финляндіи, пользуясь въ полной мѣрѣ защитой и заботами правительства, въ экономическомъ отношеніи живутъ куда лучше нашихъ. Лопари Архангельской губерніи—жалкое, вымирающее племя, брошенное на произволъ природы и во власть эсплуатаціи. Лѣтомъ они ютятся по берегамъ океана въ «вѣжахъ», землянкахъ, сырыхъ и грязныхъ. Зимой они перебираются въ тундру и въ лѣса, гдѣ жилищемъ служитъ срубъ съ дерновой крышей. Оленей у нихъ мало, и главнымъ средствомъ пропитанія служитъ рыба, чаще они нанимаются въ работы къ русскимъ рыбопромышленникамъ и при своемъ невѣжествѣ и тихости, а также при склонности къ спиртнымъ напиткамъ являются легкой жертвой эксплуатаціи.

Эсты, говорящіе нарѣчіемъ, очень близкимъ къ карельскому, населяютъ въ числѣ болѣе 900.000 ч. Эстляндію и сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи. По типу и языку они мало отличаются отъ финновъ княжества Финляндскаго, но культурное прошлое и современное экономическое и правовое положеніе ихъ иное. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ судьбу латышей, главныхъ обитателей Прибалтійскаго края. Небольшая группа ливовъ (около $2^1/_2$ тысячъ ч.)—послѣдній остатокъ древняго туземнаго населенія Курляндіи. По типу они еще ближе, чѣмъ эсты, примыкаютъ къ кареламъ, сохранили кое гдѣ національный нарядъ, нѣкоторыя черты прежняго быта, но въ общемъ, подъ вліяніемъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ латышей, постепенно исчезаютъ среди послѣднихъ, сливаясь съ ними.

Н. Березинъ.

Волжскіе финны: черемисы, мордва.

Черемисы, вѣтвь финскаго племени, насчитывающая 300—350.000 ч., живутъ по правому и лѣвому берегу средней Волги. Различаютъ черемисовъ луговыхъ и горныхъ, хотя данныхъ для подобной группировки въ антропологическомъ, бытовомъ и культурномъ отношеніи очень немного.

Право-бережье Волги, уѣзды Козьмодемьянскій и Васильсурскій занимаютъ горные черемисы. Лѣвую сторону Волги—„лѣса“, занимаютъ луговые черемисы, разбросанные здѣсь въ губерніяхъ Костромской, Казанской, Нижегородской и дальше на сѣверъ въ Вятской и Уфимской. Особенно много здѣсь еловыхъ лѣсовъ,—„кожлà“ по черемисски, отчего и народъ, живущій здѣсь, получилъ названіе „кожлà-моръ“ (т. е. „народъ живущій въ еловыхъ лѣсахъ“).

Горные черемисы называютъ себя „курукъ-марэ“. Одни черемисы приближаются къ тюркскому типу: у нихъ черные волосы, смуглыя, скуластыя лица и косо поставленные, иногда съ удлиненнымъ разрѣзомъ, глаза. Встрѣчается между ними и типъ переходный къ чистому финскому съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами. Въ общемъ горные черемисы отличаются отъ луговыхъ бо́лѣе высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеньемъ и выносливостью, а въ общежитіи—бо́льшей смѣтливостью, общительностью и зажиточностью. Нарядныя деревни горныхъ черемисовъ тонутъ въ зелени фруктовыхъ садовъ и огородовъ, между тѣмъ какъ деревня луговыхъ черемисъ поражаетъ удручающей наготой жалкихъ домишекъ, вблизи которыхъ глазъ напрасно ищетъ зелени.

Черемисъ парень съ національнымъ музыкальнымъ инструментомъ (пузырь).

Разсѣянные отдѣльными поселками среди татаръ, чувашъ и русскихъ черемисы не могли остаться чуждыми ихъ вліянію. Черемисы Бирскаго уѣзда Уфимской губе́рніи настолько утеряли свои національныя особенности, что ничѣмъ не отличаются по внѣшнему виду отъ башкиръ и татаръ.

Среди вотяковъ черемисы подвергаются вотскому вліянію, среди русскихъ—русскому. Русское вліяніе сказалось въ типѣ постройки черемиской деревни и во внутреннемъ убранствѣ черемиской избы, которая напоминаетъ избу великорусскаго крестьянина. Одна изъ надворныхъ построекъ, напоминающая доисторическія времена, заслуживаетъ особеннаго вниманія: это „куда“—лѣтній шалашъ, въ него пере-

селяется лѣтомъ черемисская семья. Куда построена изъ тонкихъ бревенъ и покрыта драницами. Печи въ кудѣ нѣтъ, а есть очагъ прямо на полу.

Черемиска.

Національный черемискій нарядъ состоитъ изъ длинной холщевой рубахи, вышитой по плечамъ, подолу, спинѣ, груди и рукавамъ, изъ тканнаго, расшитого шелками пояса и бѣлаго холщевого кафтана или шабура. Смотря по мѣстности, черемиски носятъ на головѣ „сороку“, „шарпанъ“ или „тюрикъ“.

Сорока и тюрикъ встрѣчаются и у другихъ восточно-финскихъ племенъ, шарпанъ же всецѣло заимствованъ черемисками у чувашъ. Точно также у послѣднихъ заимствованы хошпу—родъ головной повязки изъ серебряныхъ монетъ, нашитыхъ на ремень, и такія — небольшая шапочка, вродѣ татарской тюбетейки, сплошь покрытая монетами.

Черемисы давно обращены въ христіанство, но прежній культъ до сихъ поръ живъ среди нихъ, особенно среди луговыхъ черемисъ, вѣрующихъ въ кереметей и добрыхъ боговъ и приносящихъ имъ жертвы въ священныхъ рощахъ. Міръ злыхъ духовъ у черемисовъ крайне обширенъ. По первоначальнымъ вѣрованіямъ въ число ихъ входили „вадыши“ или „керемети“, существа злыя и мстительныя. Противоположными имъ являлись духи предковъ—существа добрыя. Позднѣе множество кереметей замѣнилось однимъ кереметъ—духъ зла, братъ Юмы и его вѣчный соперникъ.

Общественныя моленія добрымъ богамъ совершаются въ священныхъ рощахъ, „кюсъ-отовъ“, „юмонъ-отовъ“. Въ Вятской губ., въ уѣздахъ Яранскомъ и Уржумскомъ до сихъ поръ сохранилось много такихъ священныхъ рощъ. Горныхъ черемисъ обществен-

ныя моленія исчезли совершенно, но у луговыхъ, въ глухихъ мѣстахъ Вятской (уѣзды Яранскій, Уржумскій и Малмыжскій) и Казанской губерніи (Царевококшайскій уѣздъ) существуютъ до сихъ поръ.

Вымывшись наканунѣ моленія въ банѣ, чисто одѣвшись въ бѣлые шабуры, черемисы съ ранняго утра, пѣшіе и конные, толпами направляются въ священную рощу и располагаются около дерева. Финансовая и чисто внѣшняя организація моленія лежитъ на обязанности совѣта стариковъ, которые распредѣляютъ всѣ селенія, принимающіе участіе въ моленьѣ, на участки „кумыжи“: назначаютъ отъ каждаго участка ходока—„коштыша“ и опредѣляютъ количество жертвенной скотины, хлѣба и посуды, поставляемыхъ каждымъ участкомъ. Въ день моленія все идетъ торжественно и несуетливо: у каждаго дерева, посвященнаго опредѣленному божеству, помощники жрецовъ разводятъ два костра, большой и малый, вѣшаютъ надъ ними жертвенные котлы и неподалеку отъ священнаго дерева на рогожкѣ или столѣ раскладываютъ припасы для пиршества. Послѣ церемоніи „пробованья“—угодна-ли приносимая жертва божеству, животное рѣжутъ. Окропивъ кровью корни священнаго дерева, снимаютъ съ убитой жертвы шкуру, разсѣкаютъ на части тушу и варятъ мясо въ жертвенныхъ котлахъ. Главнымъ божествамъ приносятся въ жертву крупныя животныя—лошадь или корову, второстепеннымъ—барана; особенно угодной жертвой считается лошадь. Когда мясо сварится, часть его разрѣзываютъ на кусочки и ставятъ подъ священнымъ деревомъ—умилостивительная жертва божеству Затѣмъ начинается утомительное многочасовое моленіе, совершаемое отдѣльными жрецами у каждаго священнаго дерева. Длинныя молитвы смѣняются гаданьями, пробой жертвеннаго мяса, опять молитвами и т. д., пока религіозное усердіе не истощится. Наконецъ моленіе кончается, сумрачныя лица свѣтлѣютъ, и начинается жертвенный пиръ, который Кузнецовъ описываетъ слѣдующими словами: „На разостланной подлѣ костровъ рогожѣ въ корытѣ огромныхъ размѣровъ лежали огромные куски вареной конины, два-три коровая хлѣба, соль въ мѣшкѣ, большая „черемиская“ ложка для черпанья щей. Бросивъ шапки въ сторону и присѣвъ подлѣ рогожи на корточкахъ или лежа на животѣ, черемисы грязными руками брали изъ корыта куски и каждый своимъ ножомъ ловко отдѣлялъ для себя небольшія доли. Аппетитъ богомольцевъ просто изумилъ меня: огромные куски исчезали одинъ за

Черемиска.

Мордовка въ праздничномъ нарядѣ.

другимъ, сопровождаемые ломтями чернаго хлѣба во весь коровай. Жажду утоляли изъ ведра, подставленнаго подъ наполненный водой боченокъ—всякій по своему: кто „въ нападку“; кто черпалъ маленькой чашкой. Тутъ же распивалось что-то похожее на медовую сыту (торба), но будучи разведенъ въ грязномъ буракѣ, напитокъ этотъ мало отзывался медомъ“....

Мордва живетъ въ южныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Ардатовскомъ, Княгининскомъ, Лукояновскомъ и Сергачскомъ), въ прилегающихъ къ нимъ уѣздахъ Тамбовской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пензенской и Симбирской губерніи и, наконецъ, въ степяхъ Заволжья—губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской.

Мордва отличается отъ сосѣднихъ финновъ ростомъ, массивностью сложенія, здоровьемъ и выносливостью. Въ настоящее время среди мордвы различаютъ 4 группы; изъ которыхъ двѣ—„каратаи“, живущіе въ Казанской губ. и „терюхане“, въ Нижегородской—крайне немногочисленны и теряютъ значеніе, такъ какъ первые совсѣмъ отатарились, вторые—обрусѣли. Двѣ остальныя большія группы носятъ названіе эрзи и мокши: эрзя больше мокши сохранила финскія черты. Мокша значительно обрусѣла и по мѣстамъ совершенно слилась съ русскимъ населеніемъ.

Эрзяне бѣлокуры, сѣроглазы, съ свѣтлой кожей, круглыми, нѣсколько скуластыми лицами и немного вздернутыми носами. Среди мокшанъ можно встрѣтить самые разнообразные типы, отъ блондиновъ, приближающихся къ финскому типу, до лицъ смуглыхъ съ черными волосами и карими глазами, напоминающихъ татарскія и чувашскія физіономіи. Эта пестрота и разнообразіе типовъ придаетъ мокшанской толпѣ оригинальную живописность, особенно если наблюдать ее на какомъ-нибудь народномъ праздникѣ, одѣтую въ національные костюмы.

Одежда эрзянокъ и мокшанокъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи „понара“; вышитой по подолу, вороту и рукавамъ узоромъ. Вышивки мокшанокъ грубѣе и пестрѣе. Эрзянка распускаетъ свой понаръ до пятъ, мокшанка подтягиваетъ его поясомъ до колѣнъ. Лѣтомъ кромѣ понара послѣдняя ничего не носитъ, эрзянка же сверху накидываетъ „шушпанъ“—расшитой кафтанъ изъ бѣлаго холста. Особенно богато расшита у шушпана грудь—въ видѣ четырехугольника. Мужской костюмъ состоитъ изъ понара и бѣлыхъ холщевыхъ штановъ.

Эрзя преобладаетъ по численности и району распространенія надъ мокшей; послѣдняя только въ Саратовской губерніи смѣшана въ одинаковой пропорціи съ эрзей; въ остальныхъ мокша численно уступаетъ эрзѣ. Различіе между этими группами настолько сильно, что мокшане не понимаютъ языка эрзянъ, и наоборотъ. Недаромъ русская пословица говоритъ: „у мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а голова одна“.

Переселеніе мордвы со средняго теченія Волги и ея притоковъ, въ степи Заволжья относится ко второй половинѣ XVII в. и особенно къ началу XVIII в. Этотъ отливъ связанъ съ насильственнымъ обращеніемъ мордвы въ христіанство и усиленной колонизаціей русскимъ населеніемъ мордовскихъ земель, начиная съ XIV в. и особенно въ XV—XVI вв. Мордва подчинилась не сразу и не разъ производила возстанія, примыкая къ шайкамъ Разина и Пугачева, угрожая стѣнамъ ненавистнаго ей Нижняго-Новгорода. Но это не остановило русской колонизаціи. Процессъ сліянія мордвы съ русскою народностью, сопровождался щедрой раздачей мордовскихъ земель служилымъ людямъ и насильственнымъ обращеніемъ мордвы въ христіанство.

Въ заволжскихъ лѣсахъ мордва быстро подпала вліянію русскаго населенія, особенно раскольничьяго. Среди заволжской мордвы много раскольниковъ, и существуютъ раскольничьи скиты. Обрусѣніе мордвы подвигается быстро. Менѣе подверглась ему пензенская мокша, которая въ глухихъ мѣстахъ говоритъ еще на чистомъ мокшанскомъ нарѣчіи, носитъ національный костюмъ и придерживается прежнихъ религіозныхъ воззрѣній.

Группа мордвы.

Религіозныя вѣрованія мордвы сводились къ исповѣданію неяснаго дуализма, признанію двухъ началъ: добраго—предвѣчнаго Шкая (вере-пасъ) и злого—Шайтана (нишке-пасъ). Вере-пасъ—творецъ міра, живущій наверху, нишке-пасъ—духъ зла, обитающій внизу и ведущій непримиримую борьбу съ вере-пасомъ. Соперничествомъ этихъ двухъ началъ наполненъ, по воззрѣніямъ мордвы, весь міръ. Кромѣ двухъ главныхъ боговъ мордва почитаетъ обширный міръ пас'овъ (боговъ), ава (духовъ-отцовъ) и кирьди (хранителей).

Сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ похоронные обряды и обычаи указываютъ на то, что мордва представляла загробную жизнь такою же, какъ земную. Умершей дѣвушкѣ въ гробъ клали кольцо, мужчинѣ—водку, опохмелиться и угостить умершихъ раньше его родственниковъ, плотнику—топоръ, ребенку—игрушку. Христіанство долгое время оставалось чуждо мордвѣ. Мало-по-малу туземныя и христіанскія вѣрованія слились, и образовалась религія двоевѣрія, которая вообще характерна для финскихъ племенъ. Рядомъ съ духами покровителями почетное мѣсто заняла христіанская Богородица, Николай чудотворецъ, Илья-пророкъ и другіе святые. Но Богородица превратилась въ патяй—мать боговъ, Николай чудотворецъ—въ Николай-паса (бога), а Илья-пророкъ—въ пургине-паса, т. е. бога грома. Празднованіе Николина дня напоминаетъ жертвоприношеніе языческому богу. Мордвинъ собираетъ всю семью, зажигаетъ передъ образомъ свѣчу и, взявъ въ одну руку каравай хлѣба, въ другую горшокъ каши, произноситъ слѣдующія слова моленія: „Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, Никола-пасъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши,—сколько въ ней крупинокъ, столько дай добра, вотъ солоница соли, рыбья голова, брага и вино: все на твое имя варили и жарили, больно отъ усердія съ чистымъ сердцемъ кланяемся тебѣ".

Но въ общемъ туземные обычаи и обряды исчезаютъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ мордовскія деревни окружены русскими. Мордовское жилище превращается въ русскую избу съ лавками, столомъ и полатями для спанья; русская рѣчь начинаетъ звучать почти безъ акцента, и русская одежда пріобрѣтаетъ права гражданства. Обрусѣнію содѣйствуетъ и русская школа, а также малоземелье, которое заставляетъ мужское населеніе идти въ отхожіе промыслы.

Пермскіе финны: вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки.

Въ прежнія времена вотякъ былъ настоящій „водяной человѣкъ"—„удъ-муртъ". Въ дебряхъ вятскихъ лѣсовъ никто не трогалъ удъ-мурта, пока не надвинулись черемисы и русскіе, и вотяку волей-неволей пришлось приняться за земледѣліе. Чувствуя надъ собой грозную власть природы, тѣснимый русскими и черемисами, вотякъ замкнулся въ себѣ и сталъ тѣмъ молчаливымъ, робкимъ существомъ, котораго русскіе крестьяне окрестили презрительнымъ прозвищемъ „рябчика". Вотякъ сдержанъ, безконечно терпѣливъ и покоренъ своей судьбѣ; веселость его тихая, совмѣстная работа проникнута отсутствіемъ оживленія, энергіи и смѣха. На видъ вотяки неказисты: небольшого роста съ короткими, кривыми ногами („ноги лутошками"), слабо развитой грудью, они получили отъ русскихъ-сосѣдей прозванье „тонконогихъ" и „сухопарыхъ". Широкія плоскія лица съ выдающимися скулами и небольшими, глубоко посаженными, выглядывающими изъ орбитъ вяло и угрюмо глазами, носятъ на себѣ явные слѣды финскаго происхожденія. Ротъ вотяка постоянно полуоткрытъ, углы губъ опущены книзу; бѣлокурые, нерѣдко рыжіе волосы острижены въ кружокъ по-русски. Физическая слабость и вялость вотяка сказывается въ быстрой утомляе-

мости. По мнѣнію наблюдателей, рѣдкій вотякъ можетъ поднять пять пудовъ, а нести три пуда составляетъ для нихъ большой трудъ. „Въ движеніяхъ, занятьяхъ и ѣдѣ“, говоритъ Верещагинъ: „вотяки тихи, вялы, неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три-четыре часа и притомъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ и куреніемъ табаку, ходятъ тихо, наклонившись нѣсколько впередъ, смотрятъ въ землю, какъ будто ищутъ потерянное, и оглядываются, подобно зайцу, напуганному шорохомъ въ лѣсу“.

Вотяки.

Въ домашнемъ быту вотяки грязны и некультурны. Въ избахъ, по обстановкѣ напоминающихъ русскія, у нихъ невообразимая грязь; тяжелый воздухъ дѣлаетъ невозможнымъ долговременное пребываніе въ вотяцкомъ помѣщеніи. По зимамъ нерѣдко вмѣстѣ съ людьми въ избахъ живутъ телята и домашняя птица. Отъ нечистоты развиваются у вотяковъ различныя кожныя заболѣванія — чесотка, чирьи, лишаи и т. п. Отъ копоти и грязи — глазныя болѣзни. Глаза у вотяковъ подслѣповатые, вѣчно слезятся и гноятся. Специфической, чисто вотяцкой болѣзнью считается въ Вятской губерніи трахома, настолько распространенная среди вотяковъ, что вятское земство каждое лѣто организуетъ для борьбы съ нею летучіе глазные отряды. Вредно отражается на вотякахъ и русская водка: во хмелю вотякъ буенъ, заносчивъ, дикъ, иногда прямо страшенъ, и затѣвать съ нимъ ссору въ пьяномъ видѣ не всегда безопасно. Присматриваясь къ вотякамъ различныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, можно замѣтить среди нихъ различіе въ степени культурности и образѣ жизни: вотяки Глазовскаго уѣзда опрятнѣе, развитѣе и культурнѣе вотяковъ Сарапульскаго уѣзда; значительный $^0/_0$ ихъ грамотенъ, между тѣмъ какъ вотяки Сарапульскаго уѣзда грязны, невѣжественны, малограмотны и въ глухихъ мѣстахъ сохранили свои древніе обряды и вѣрованія.

Финскій типъ вотяка подъ вліяніемъ смѣшанныхъ браковъ съ русскими начинаетъ измѣняться. Національный нарядъ вотячки состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи, вышитой по подолу и рукавамъ серебромъ, шелкомъ или шерстью; поверхъ рубахи надѣвается „шотъ-деремъ“, бѣлый холщевый кафтанъ, богато расшитый въ старину шелкомъ или

серебромъ, а теперь обшитый на груди чѣмъ нибудь пестрымъ, обыкновенно краснымъ ситцемъ. На головѣ дѣвушки носятъ такію, шапочку, унизанную серебряными монетами, на шеѣ бусы. Вотяки носятъ зимой шерстяной супманъ или зипунъ, овчинную шапку и лапти поверхъ онучъ; лѣтомъ—шабуръ изъ бѣлаго или синяго холста и холщевые-же штаны и рубаху. Въ Елабужскомъ уѣздѣ на формахъ костюма замѣтно татарское вліяніе, въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи—башкирское.

Земледѣльцы вотяки плохіе, хотя земледѣліе является ихъ главнымъ занятіемъ. Зато пчеловоды, а особенно охотники они отличные. Вотякъ настойчивъ, терпѣливъ и ловокъ на охотѣ. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяковъ много остатковъ старины. Въ Вятской губерніи до сихъ поръ насчитывается около 10.000 вотяковъ, открыто придерживающихся своихъ древнихъ вѣрованій и обрядовъ. Вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяковъ пріобрѣлъ большой интересъ въ 1892 году, когда возникло такъ называемое „Мултанское дѣло“ по обвиненію нѣсколькихъ вотяковъ въ принесеніи ими человѣческой жертвы.

Вотячка.

Племя «коми» или «коми-войтырь», какъ до сихъ поръ называютъ себя пермяки и зыряне по мнѣнію Смирнова, занимало нѣкогда обширное пространство, границами котораго на сѣверѣ служили Печора и Уса, на югѣ Кама, Кострома, и Клязьма, на востокѣ Обь и на западѣ границы нынѣшнихъ Московской, Владимірской и Костромской губерній.

Въ настоящее время область, занимаемая пермяками, незначительна: живутъ они главнымъ образомъ, по правой сторонѣ рѣки Камы, въ западной половинѣ Чердынскаго и Соликамскаго уѣзда, въ сѣверо-западной части Оханскаго Пермской губ. и въ небольшомъ количествѣ въ Глазовскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Вятской губ. Численность ихъ не превышаетъ 70-80.000. Въ характеристикѣ пермяковъ изслѣдователи рѣдко расходятся: изслѣдователи быта пермяковъ Вятской губерніи рисуютъ ихъ, какъ народъ совершенно вырождающійся. Добротворскій, напримѣръ, описываетъ ихъ наружность слѣдующими непривлекательными красками: «Съ виду пермяки сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязновато-желтымъ цвѣтомъ кожи. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги—все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая; бѣлокурые жидкіе волосы острижены порусски въ кружокъ, падаютъ на лобъ, совершенно закрывая его... Между 20-22 годами появляется у пермяка маленькая, рѣдкая бородка... Глаза голубые, подслѣповатые, по большей части. Расположены глаза не на горизонтальной линіи, а нѣсколько наклонно, лежатъ глубоко; выраженія въ нихъ нѣтъ никакого, они вялы и безжизненны. Вздернутый носъ и ноздри, нѣсколько вывороченныя наружу, придаютъ пермяку свирѣпый и заносчивый видъ... Скулы у многихъ сильно выдаются.

Щеки осунувшіяся, безжизненныя, румянца на нихъ нѣтъ и слѣда; губы тонки и сжаты. Женщины почти совсѣмъ лишены бровей»...

«Племя это», говоритъ дальше Добротворскій: «идетъ быстрыми шагами къ вырожденію, и можно съ увѣренностью сказать, что ему недолго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты... По собственному сознанію пермяковъ, они стали «больно жидки». Другіе изслѣдователи не нашли признаковъ вырожденія у пермскихъ пермяковъ. Правда, пермяки мелки, роста средняго и даже очень нерѣдко ниже, сухощавы, неказисты на видъ, но крѣпки, широкоплечи и представляютъ не одинъ, а два типа: одинъ—со свѣтлыми волосами, широкимъ лицомъ, сѣрыми или голубыми глазами, вздернутымъ носомъ и круглымъ подбородкомъ. Другой—съ темными волосами, смуглымъ продолговатымъ лицомъ, карими глазами, прямымъ тонкимъ носомъ и острымъ подбородкомъ. Послѣдній типъ, въ которомъ почти не осталось финскихъ чертъ, указываетъ на вліяніе сосѣднихъ народностей—татаръ и болгаръ, съ которыми нѣкогда соприкасались пермяки. Наконецъ встрѣчается среди пермяковъ и переходный типъ—шатеновъ, но все же блондины преобладаютъ численно надъ остальными.

Нравственныя качества пермяковъ подвергаются такой-же рѣзкой оцѣнкѣ, какъ и физическія. Изслѣдователи упоминаютъ о тупости, дикости, скрытности, упрямствѣ, злости», объ отсутствіи любознательности, спящемъ младенческомъ умѣ, апатіи, лѣни и пр., прибавляя, однако, что пермяки не лишены здраваго смысла, тонкой наблюдательности и своеобразнаго художественнаго чутья. Болота и лѣса оставляли пермяку мало годной для обработки земли, а подсобные промыслы, вродѣ охоты, огородничества или лѣсныхъ промысловъ, сдѣлались для пермяковъ источникомъ жестокой эксплоатаціи со стороны зырянъ и русскихъ. Власть природы надъ пермякомъ особенно сказывается въ его домашнемъ обиходѣ. Обстановка пермяцкой избы крайне жалка: грубыя, неуклюжія лавки, обрубки дерева, замѣняющіе табуреты, столъ, сколоченный самымъ первобытнымъ образомъ, плохо сложенная, а нерѣдко глинобитная печь—вотъ и все, что можно тамъ встрѣтить. Деревянная посуда вродѣ котловъ, кадокъ, ложекъ, блюдъ вся покупная; недаромъ русская пословица говоритъ про пермяка: «хоть живетъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу»,—намекая на его неспособность обрабатывать деревъ. Пермяцкій умъ не додумался даже до саней на полозьяхъ: старыя пермяцкія сани или «чуманъ» представляли большую коробку, сшитую изъ бересты и поставленную прямо наземь. Полозья пермяки заимствовали у русскихъ. Еще лѣтъ 30 тому назадъ въ глухихъ пермяцкихъ деревняхъ не слыхивали о телѣгахъ и передвигались зимой и лѣтомъ на саняхъ. Равнодушный ко всякимъ культурнымъ удобствамъ, мало любознательный пермякъ охотно перенимаетъ все, что привлекаетъ его вниманіе внѣшнимъ образомъ.—яркостью или блескомъ. Такъ заимствовалъ онъ у русскихъ самоваръ, а пермячка—яркій ситецъ.

Домашній бытъ пермяка крайне бѣденъ и грубъ. Пища его настолько плоха и такъ скверно приготовлена, что вызываетъ отвращенье русскихъ крестьянъ: «пермякъ жретъ навозъ» съ презрѣніемъ отзываются они объ его кушаньяхъ. Обычной ѣдой пермяка служитъ хлѣбъ изъ крупносмолотой, непросѣянной муки, такъ называемый «ярушникъ», «шидъ»—горячая болтушка изъ овсянки, кислаго молока приготовляемая невообразимо грязно. Но и этой жалкой пищи пермяку не хватаетъ на цѣлый годъ. Мясную пищу даетъ только охота, но пермякъ спѣшитъ возможно скорѣе превратить добычу въ деньги. Какъ работникъ, пермякъ не пользуется славой, вслѣдствіе малопонятливости и медлительности. Берутъ его только за дешевизну, пермяку обыкновенно платятъ въ два раза дешевле, чѣмъ русскому.

Л. Г.

При первомъ знакомствѣ съ Сибирью русскіе прежде всего столкнулись съ воинственнымъ и сильнымъ племенемъ вогуловъ, принадлежащимъ къ древнему угорскому племени, когда-то обитавшему на Уралѣ. Вогулы поднимали возстанія еще въ началѣ

XVII в., и стрѣла съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ злыхъ духовъ не разъ облетала вогульскія стойбища, какъ сигналъ возстанія. Но современные вогулы, покорные и безотвѣтные, лѣнивые и обнищавшіе, ничѣмъ не напоминаютъ своихъ воинственныхъ предковъ. Въ настоящее время вогулы живутъ на сѣверо-западѣ Тобольской губ., въ Турьинскомъ, Тобольскомъ и Березовскомъ уѣздахъ, въ лѣсистой и болотистой мѣстности, въ количествѣ не болѣе 7.000. Вогулы средняго роста, хорошо сложеные съ русыми или темными волосами, съ круглыми плоскими лицами, выдающимися скулами, широкимъ, приплюснутымъ носомъ и съ слабой растительностью на лицѣ. Главныя занятія ихъ—рыболовство, звѣроловство, сборъ брусники и кедровыхъ орѣховъ. Земледѣліе является главнымъ занятіемъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ они ведутъ вполнѣ осѣдлый образъ жизни и вполнѣ обрусѣли, благодаря бракамъ съ русскими. Но большинство вогуловъ оправдываютъ свое племенное имя, данное имъ зырянами („дикій“). Живутъ они на высокихъ рѣчныхъ берегахъ, въ деревянныхъ юртахъ, крытыхъ корой. Ихъ селенія (паулы) состоятъ ихъ 3—4, рѣдко 10 подобныхъ юртъ. Сѣверные вогулы лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ юртахъ. Религіозныя представленія вогуловъ весьма первобытны. Они не молятся своимъ идоламъ, а торгуются съ ними: „Если убью трехъ соболей—одного тебѣ“, и, въ случаѣ неудачи, наказываютъ идоловъ, выбрасывая ихъ вонъ. Животныя имѣютъ души, которыя мстятъ за убійство, если ихъ не умилостивить какой-либо жертвой. Среди вогуловъ особенно распространено почитаніе медвѣдя, и въ честь каждаго убитаго медвѣдя устраивается ими умилостивительный пиръ.

Зыряне.

Раньше и матеріальный, и умственный уровень вогуловъ былъ гораздо выше, чѣмъ

теперь. Они слишкомъ рано и слишкомъ много стали страдать отъ пришельцевъ, а въ настоящее время подвергаются жестокой эксплоатаціи со стороны зырянъ, ведущихъ съ ними торговлю. Изъ сохранившихся остатковъ старины можно видѣть, что многія пѣсни вогуловъ отличались оригинальностью мелодіи, но ихъ современное пѣсенное творчество поражаетъ вторженіемъ въ него грубаго и низкаго содержанія. „Ѣду по тайгѣ,—импровизируетъ современный вогулъ,—дремучая тайга, соболь скачетъ съ вѣтки на вѣтку. Подстрѣлю его, продамъ купцу, напьюсь вина въ Пелымѣ". Лѣность и неряшливость являются теперь главными недостатками вогуловъ, но зато они сохранили похвальныя качества сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ—они честны, гостепріимны, кротки, миролюбивы и сострадательны.

Зырянинъ въ охотничьемъ снаряженіи.

Сосѣдями вогуловъ съ запада являются зыряне, небольшой народъ также финскаго происхожденія, но до такой степени смѣшавшійся съ русскими и обрусѣвшій, что для неопытнаго глаза ничѣмъ не отличается отъ послѣднихъ: съ сѣро-голубыми глазами, румяными лицами, окладистыми бородами. Въ языкѣ зырянъ очень много русскихъ словъ. Всѣ они православные, охотно посѣщаютъ церковь, исполняютъ посты и пр. Въ послѣднее время среди нихъ особенно усилилось стремленіе къ образованію, они далеко не чуждаются русскихъ школъ, такъ что половина ихъ дѣтей грамотна. Часть зырянъ живетъ осѣдло, а другая занимается оленеводствомъ и кочуетъ наравнѣ съ остяками и самоѣдами. Зыряне отличаются предпріимчивостью, энергіей и трудоспособностью, склонностью къ ремесламъ: столярному, кузнечному, плотничному, и особенно къ торговлѣ, причемъ ихъ пронырливость, хитрость и эксплоатація инородцевъ граничитъ съ прямымъ ихъ „облопошиваніемъ", и мошенниче

скія продѣлки составляютъ любимые мотивы разсказовъ о разныхъ приключеніяхъ, которые они очень любятъ слушать. Собственно эпосъ зырянъ небогатъ; ихъ пѣсни похожи на похоронныя причитанія.

Къ сѣверу и востоку отъ вогуловъ, въ Березовскомъ, Сургутскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ Тобольской губ., а также и въ Нарымскомъ краѣ (Томской губ.), въ бассейнѣ р. Васюгана, живутъ остяки, въ количествѣ около 18.000 человѣкъ. Новгородцамъ они были извѣстны подъ именемъ „югры", а позднѣйшее слово „остяки" получилось изъ „центяки", т. е. „варвары", „дикари", которыми ихъ называли побѣдители, татары. Дѣйствительно, забитость и одичалость отражаются на всей фигурѣ остяка: грязно-сѣраго цвѣта скуластое лицо съ черными, часто гноящимися глазами, обромленное жидкими, черными волосами, никогда нечесанными, падающими на плечи, низкаго роста, съ впалой грудью, съ длинными, безжизненно висящими руками,—такова наружность остяка. По характеру, это—народъ добрый, честный, довѣрчивый, услужливый и гостепріимный, отзывчивый на нужду. Языкъ остяковъ протяженъ, мягокъ, со множествомъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ. Пѣсни ихъ монотонны и заунывны и исполняются подъ звуки „лебедя" (въ родѣ гуслей съ 8 мѣдными струнами) и домбры (родъ пятиструнной скрипки), а пляски состоятъ въ подраженіи движеніямъ разныхъ звѣрей и грубой пантомимы, изображающей бытовыя сцены.

Жилища остяковъ напоминаютъ вогульскія—покрытые дерномъ бревенчатые срубы съ пристройкой для храненія разной домашней рухляди. Вдоль стѣнъ тянутся нары, покрытыя цыновками изъ травы, и у болѣе зажиточныхъ—оленьими шкурами. Въ углу возвышается очагъ съ прямой трубой, прикрытой кускомъ дерна. Поперекъ трубы прикрѣпляется деревянный крюкъ для подвѣшиванія гайтана и котловъ для приготовленія пищи. Зимой единственное окно загораживается тонкой льдиной. Въ такой юртѣ живетъ по нѣскольку семействъ съ собаками, отчего получается тѣснота, грязь и убійственно-скверный воздухъ. Лѣтнія юрты ихъ болѣе первобытнаго устройства—простой конусообразный шалашъ, съ отверстіемъ на верху, изъ жердей, прикрытыхъ берестой или (рѣже) оленьими шкурами. Огонь разводится прямо на землѣ.

Пища остяковъ состоитъ изъ „бурдюка" (похлебка изъ муки, мяса и жира) и „варки"—смѣси изъ рыбьихъ кишекъ и рыбьяго жира, и лепешекъ изъ ржаной муки, испеченныхъ на палочкахъ, втыкаемыхъ въ землю около очага. Мясо и рыба чаще всего употребляются въ сыромъ видѣ и безъ соли. Олень—наиболѣе лакомое блюдо остяковъ. Они рѣжутъ только что убитаго оленя и, обмакивая куски въ теплую кровь, съ жадностью ихъ поѣдаютъ. Кирпичный чай, водка и табакъ вошли во всеобщее употребленіе у остяковъ. Пищу остяки кладутъ въ маленькія деревянныя корытца, которыя потомъ даютъ вылизывать собакамъ и потому никогда ихъ не моютъ.

Главнѣйшія занятія остяковъ—рыболовство и охота, и чѣмъ болѣе къ югу, тѣмъ болѣе остяки превращаются въ осѣдлыхъ рыболововъ, живущихъ на берегахъ рѣкъ и лишь зимой занимающихся охотой. Остяки, живущіе выше по Оби и по Иртышу, гораздо болѣе обрусѣли, чѣмъ сургутскіе и березовскіе, даже начали забывать родной языкъ. Наиболѣе культурные остяки Тобольскаго уѣзда и самые южные изъ нихъ начали даже заниматься земледѣліемъ.

Хотя большинство остяковъ приняли православіе, однако языческія вѣрованія остаются у нихъ въ полной силѣ. Въ ихъ представленіи христіанскіе святые слились съ ихъ языческими божествами; ап. Петръ, напр.,—„Обскій мужикъ" и отождествляется съ древнимъ божествомъ рыбъ. Главное языческое божество, Торымъ, стоитъ внѣ міра и не обращаетъ вниманія на человѣческія дѣла; жертвъ требуютъ лишь второстепенныя божества, и посредниками между ними и людьми являются шаманы, къ помощи которыхъ остяки обращаются и для освобожденія отъ болѣзней и въ случаѣ пропажи вещей. До

сихъ поръ остяки хоронятъ своихъ покойниковъ съ предметами ихъ домашняго хозяйства—луками, сѣтями, топорами и т. п., но непремѣнно въ испорченномъ видѣ: душу имѣютъ и всѣ подобные предметы, почему и необходимо соотвѣтствіе между ними и умершимъ, т. е. также ихъ сломанный, мертвый видъ. Жена послѣ смерти мужа дѣлаетъ изъ дерева его изображеніе и въ теченіе цѣлаго года одѣваетъ его въ платье умершаго, потчуетъ любимыми кушаньями, цѣлуетъ и пр. Черезъ годъ кукла хоронится съ плачемъ и сожалѣніями. Въ мѣстахъ обитанія духовъ гдѣ-нибудь на холмѣ, близъ ручья или рѣки, остяки развѣшиваютъ разнаго рода приношенія или строятъ избушку, куда кладутъ дорогіе мѣха.

Бывшіе когда-то зажиточными и многочисленными, теперь остяки дошли до крайняго обнищанія и довольно быстро вымираютъ. Страсть къ водкѣ, крайняя безпечность, довѣрчивость, распространеніе болѣзней, безсовѣстная эксплоатація со стороны русскихъ и зырянскихъ торговцевъ—все это ведетъ остяковъ къ окончательной гибели.

П. Головачевъ.

Тюркскія народности Россіи.

Русское населеніе окаймляется на востокѣ, юго-востокѣ и югѣ широкимъ полукругомъ народовъ тюркской группы, языкъ которой, наряду съ языками монгольскими и тунгузскими, составляетъ алтайскую вѣтвь урало-алтайскихъ языковъ.

Тюрки жили нѣкогда въ Средней Азіи и за много вѣковъ до Р. Х. были извѣстны китайцамъ подъ именемъ гунновъ. Уже тогда тюрки смѣшивались съ племенами, жившими сѣвернѣе, происхожденіе которыхъ не выяснено—можетъ быть это были финны, а можетъ быть и арійцы. Въ первое тысячелѣтіе нашей эры часть тюрковъ двинулась на западъ, въ Европу, другая же часть образовала въ Монголіи нѣсколько непрочныхъ государствъ. Время Чингисъ-хана и послѣдующая эпоха характеризуется для тюрковъ усиленнымъ смѣшеніемъ съ монгольскими племенами, въ результатѣ чего и выработалось нѣсколько основныхъ тюркко-монгольскихъ племенныхъ типовъ, составляющихъ главную массу тюркскаго населенія земного шара. Къ тюркскимъ народамъ относятся: турки-османы, населяющіе Мало-азійскій и отчасти Балканскій полуостровъ, большая часть населенія Хивы и Бухары, киргизы, распадающіеся на цѣлый рядъ племенъ и ордъ, ногайцы, живущіе, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ Кавказа и въ Предкавказіи и, наконецъ, волжскіе и крымскіе татары, потомки племенъ, нѣкогда завоевавшихъ Россію. Слѣдуетъ еще упомянуть башкиръ и чувашей, повидимому представляющихъ изъ себя тюрковъ, смѣшавшихся съ племенами финно-угрскаго происхожденія.

Татары.

Татарскій типъ.—Особенности быта.—Экономическое и культурное состояніе.—Волжскіе татары.—Крымскіе татары.

Волжскихъ татаръ насчитывается около полутора милліоновъ, причемъ больше трети ихъ живетъ въ Казанской губерніи; затѣмъ, по численности татарскаго населенія, слѣдуютъ губерніи Симбирская, Самарская, Вятская, Уфимская—въ каждой изъ этихъ губерній имѣется не менѣе ста тысячъ татаръ. Гораздо менѣе татарскими губерніями являются Саратовская, Пензенская, Нижегородская, Пермская, Оренбургская, еще менѣе—Астраханская.

Типъ у татаръ вполнѣ опредѣленный; отклоненія отъ него встрѣчаются крайне рѣдко. Гдѣ бы ни жилъ татаринъ, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ, будь онъ даже въ европейскомъ сюртукѣ, всюду и всегда бросаются въ глаза рѣзко-очерченныя черты лица, особенно сильно развитый подбородокъ, слегка выдающіяся скулы, правильно и красиво вырѣзанные

Татары волжскіе.

глаза, прямой носъ, иногда съ горбинкой у переносья, въ нѣкоторыхъ случаяхъ непропорціонально вытянувшійся; глаза и волосы, иногда гладкіе и прилегающіе къ головѣ, гораздо же чаще просто сбритые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ темнаго, иногда жгучаго чернаго цвѣта; бороды носятъ только старики. Женщины-татарки въ массѣ не особенно красивы, хотя татарскій типъ и способенъ давать красавицъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Среди татаръ и татарокъ свѣтлые оттѣнки кожи встрѣчаются крайне рѣдко; преобладаютъ смуглые тона отъ почти шоколаднаго до нѣжно-золотистаго. Среди татарокъ очень распространенъ обычай наводить бѣлизну и румянецъ на щекахъ самыми примитивными бѣлилами и румянами, уродующими лицо. Вмѣсто природныхъ красивыхъ оттѣнковъ кожи, сплошь и рядомъ встрѣчаются вульгарныя, кричащія краски. Татарки красятъ также зубы и ногти въ черный и красный цвѣта. Одежда татаръ живописна и во многихъ мѣстностяхъ сохранилась во всей своей самобытности; они носятъ шаровары, въ которыя вправлена рубашка, причемъ верхъ шароваръ опоясывается кушакомъ, похожимъ на большое цвѣтное полотенце. Поверхъ рубашки одѣваютъ зилянъ—кафтанъ безъ рукавовъ; когда кафтанъ надѣтъ, его опоясываютъ кушакомъ; для такихъ случаевъ поясъ часто дѣлается ременнымъ съ массивными серебряными бляхами. Татары и особенно татарки любятъ употреблять въ качествѣ украшеній различныя драгоцѣнности—серебряныя и золотыя цѣпочки и бляхи, ожерелья и вышивки. Особенно часто украшены жемчугомъ круглыя, низкія бархатныя шапочки, а также туфли, богато вышитыя золотомъ, съ слегка загнутыми кверху носками. Мужчины носятъ тюбетейки—шапочки, плотно облегающія бритую голову; поверхъ тюбетейки, а иногда и самостоятельно надѣвается въ нѣкоторыхъ случаяхъ чалма—украшеніе, имѣющее религіозное значеніе. Зеленую чалму носятъ тѣ, кто побывалъ въ Меккѣ и поклонился мусульманскимъ святынямъ; остальные татары носятъ бѣлыя чалмы.

Одежда, обычаи, бытъ и религія татаръ указываютъ на тѣсную связь ихъ съ востокомъ. Магометанская религія, которую исповѣдываетъ большинство татаръ, еще болѣе подчеркиваетъ эту связь и укрѣпляетъ слѣпое отношеніе къ авторитетамъ, почти благоговѣйное почтеніе къ ученію, ученымъ и книгамъ. Исключительное уваженіе къ старшимъ, сильно развитое чувство гостепріимства, не утерянное еще родовое чувство, связывающее иногда нѣсколько многочисленныхъ семействъ—вотъ черты, характерныя для татарской народности.

Татары не особенно склонны къ хлѣбопашеству. Они предпочитаютъ болѣе подвижный трудъ, напримѣръ, торговлю. Татаринъ земледѣлецъ предпочитаетъ хлѣбопашеству огородничество и садовую культуру, что особенно характерно для крымскихъ татаръ. Часто также занимается татаринъ и скотоводствомъ, въ Крыму—овцеводствомъ. Экономическое положеніе татарскаго населенія далеко незавидное; въ особенности это относится къ поволжскимъ татарамъ—казанскимъ и астраханскимъ. Хлѣбопашество, садоводство и огородничество мало обезпечиваютъ татарскую массу приволжскихъ губерній. Такъ же какъ русскимъ, татарамъ приходится искать заработковъ на сторонѣ и отправляться въ ближніе и дальніе города. Старьевщики, бродящіе по улицамъ большихъ городовъ, лакеи и половые, снующіе съ салфеткой подъ мышкой въ ресторанахъ и трактирахъ, судовые рабочіе и грузчики на волжскихъ пристаняхъ, множество рабочихъ на уральскихъ заводахъ,—вотъ по преимуществу занятія, къ какимъ обращаются татары, покидающіе на время или навсегда свои деревни и, въ поискахъ за кускомъ хлѣба, разсѣявшіеся по Россіи. Нѣкоторымъ удается пристроиться въ городахъ болѣе или менѣе сносно; немало среди татаръ богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ, промышленниковъ, и т. п.

Завоевывая сначала матеріальное благосостояніе, а затѣмъ пріобщаясь къ общеевропейской культурѣ, татары-горожане выдѣлили просвѣщенную группу, которая непрерывно пополняется новыми членами. Центръ татарскаго Поволжья—Казань. Здѣсь въ особенно-

Татарская дѣвочка (Нижегородская губ. Сергачскій у.).

сти наблюдается культурная работа интеллигентовъ-татаръ, стремящихся сохранить самобытность своей народности и обезпечить ей религіозную свободу и свободу образованія въ мѣстныхъ школахъ.

Хозяйственный бытъ и степень зажиточности крымскихъ татаръ, которыхъ насчитывается около полутораста тысячъ, въ общемъ значительно отличаются отъ экономическихъ условій существованія ихъ родичей на Волгѣ. Различіе кроется отнюдь не въ какой-нибудь племенной особенности крымскихъ татаръ, — оно объясняется иными условіями существованія, свойственными югу Россіи и Крыму. Крымскіе татары распадаются на три группы— степныхъ, городскихъ и южнобережныхъ. Степные татары, разсѣянные въ сѣверной части Крымскаго полуострова, распространяются на югъ до непріютныхъ хребтовъ Яйлы. Они по преимуществу овцеводы; по пыльнымъ крымскимъ дорогамъ то и дѣло тянутся гурты овецъ, передвигающихся въ непроницаемыхъ облакахъ пыли, подъ управленіемъ старика-пастуха въ изодранномъ, но живописномъ татарскомъ костюмѣ, съ однимъ или двумя мальчиками-подручными и съ хорошими собаками-овчарками. Лѣтомъ овцы и и рогатый скотъ бродятъ по Яйлѣ, питаясь сочной горной травой альпійскихъ луговъ. Здѣсь встрѣчаются шалаши пастуховъ, гдѣ у костра они коротаютъ темныя ночи. Поздней осенью, когда становится холодно, стада сгоняются съ горъ, въ степь. Люди ютятся въ маленькихъ бѣлыхъ сакляхъ.

Уфимская татарка (головной уборъ).

Восточный колоритъ, свойственный татарскимъ деревнямъ, присущъ также многимъ крымскимъ городамъ, въ особенности Бахчисараю. Грязныя, узкія и кривыя улицы, сакли съ плоскими крышами, бѣлые минареты, медленно проходящіе по улицамъ вьючные ослы, изрѣдка верблюды, на каждомъ шагу кофейни—вотъ характерныя черты татарскаго посе-

ленія. На низкихъ диванахъ вдоль стѣнъ, съ засаленной обивкой, чаще на деревянныхъ скамьяхъ, сидятъ цѣлыми часами татары и турки, попивая кофе. Кофейни это мѣстные клубы. Въ нихъ сосредоточивается мѣстная общественная жизнь; здѣсь обсуждаютъ все, начиная съ вопросовъ государственныхъ и кончая семейными дѣлами.

На Южномъ берегу, обращенномъ въ сплошной садъ и виноградникъ, большинство работниковъ татары. Они работаютъ на своихъ участкахъ, а чаще, на участкахъ, арендованныхъ отъ русскихъ землевладѣльцевъ. Тысячи татаръ заняты также на плантаціяхъ помѣщиковъ въ качествѣ батраковъ. Татарское землевладѣніе изъ года въ годъ сокращается на Южномъ берегу: цѣнность земли быстро растетъ, татары предпочитаютъ разставаться съ ней за болѣе или менѣе крупное вознагражденіе и эммигрировать въ Турцію, которая привлекаетъ ихъ, какъ страна, гдѣ они чувствуютъ себя въ болѣе сродной обстановкѣ.

Религія играетъ большую роль въ жизни татаръ. Татары—ревностные мусульмане. Многія черты, свойственныя татарской народности, объясняются принадлежностью цѣлаго ряда поколѣній къ исламу.

Для дальнѣйшаго культурнаго развитія мусульмане должны прежде всего усвоить новый взглядъ на личность, какъ на свободную, самодовлѣющую единицу. Подобное движеніе дѣйствительно наблюдается: жизнь выводитъ уже татарскую женщину изъ положенія низшаго существа. Въ Крыму, напримѣръ, гдѣ постороннія вліянія, разрушающія прежній бытъ, сильнѣе, гораздо легче встрѣтить татарскую женщину безъ чадры, чѣмъ съ чадрой. Рѣдко случается теперь наблюдать, чтобы хозяйка обѣдала за особой занавѣской, когда въ домѣ гости мужчины. Значеніе женщины постепенно растетъ въ семьѣ, и во многихъ случаяхъ приходится убѣждаться, что положеніе татарской женщины лучше, чѣмъ положеніе русской крестьянки. Многоженство, разрѣшаемое кораномъ, мало практикуется у татаръ — только богатые имѣютъ по двѣ и по три жены, огромное же большинство имѣетъ всего одну. Бракъ носитъ характеръ юридической сдѣлки; за жену родителямъ ея вносится калымъ—болѣе или менѣе крупная сумма денегъ, обезпечивающая женщину въ случаѣ очень легкаго у мусульманъ развода. Несмотря, однако, на все это, религіозные обряды и обычаи старательно выполняются татарами. Мулла продолжаетъ играть въ жизни народа очень замѣтную роль; почти такое же вліяніе проявляетъ въ деревняхъ группа старѣйшихъ, авторитетъ которыхъ, какъ и авторитетъ муллы, покоится, главнымъ образомъ, на религіозномъ основаніи. Въ любой большой татарской деревнѣ имѣется мечеть съ минаретомъ, съ котораго пять разъ въ сутки несется призывъ муэдзина къ молитвѣ: монотонное, протяжное пѣніе разносится далеко по окрестностямъ. При звукѣ его правовѣрные становятся въ привычную позу, вознося къ Богу традиціонныя молитвы. Девятый мѣсяцъ каждаго года Геджры посвящается мусульманами посту, который заканчивается торжественнымъ праздникомъ-байрамомъ.

Вліяніе духовенства среди татаръ покоится не только на религіозномъ авторитетѣ: большинство муллъ является въ то же время учителями. Въ духовныхъ мусульманскихъ школахъ—мектебэ и медресэ—обучается множество татарскихъ дѣтей. Эти школы поддерживаютъ, главнымъ образомъ, самобытность татарской народности. Въ настоящее время, однако, многіе татары обращаются къ русской школѣ. Но это обстоятельство лишь сильнѣе побуждаетъ духовныхъ вождей татарской народности поддерживать свои духовныя школы и свою обособленность въ религіозномъ отношеніи. Депутаты мусульмане требуютъ въ Государственной Думѣ прежде всего и настоятельнѣе всего автономіи своихъ духовныхъ школъ—мектебэ, опираясь на единодушное мнѣніе всей мусульманской массы, заявляющей о своихъ желаніяхъ, потребностяхъ и претерпѣваемыхъ ограниченіяхъ многочисленными и частыми жалобами и петиціями. *С. С.*

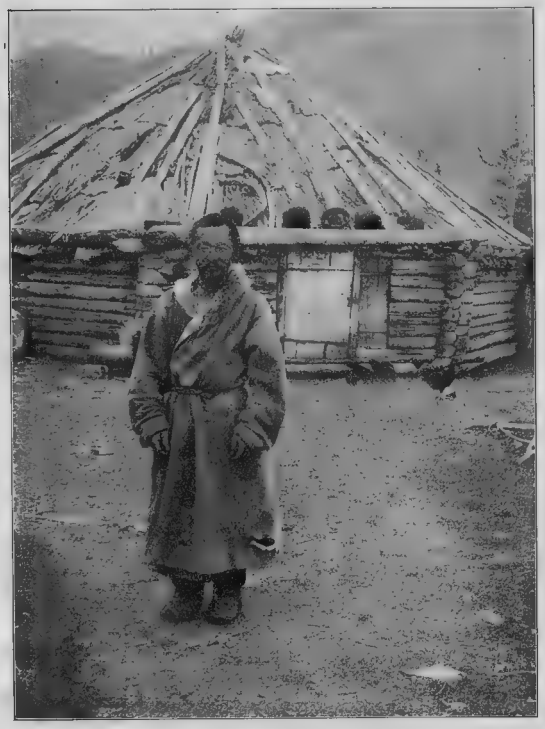
Къ татарамъ принадлежатъ также сибирскіе татары, потомки тѣхъ тюрковъ, которые въ XIII в. покорили сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ и по Иртышу

и Тоболу основали сибирское царство. Съ ихъ предками боролся Ермакъ и его сподвижники; къ нимъ принадлежали Кучумъ, Махметъ-Кулъ и др., упоминаемые въ старинныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Татары, живущіе въ настоящее время въ Тобольскомъ у., въ этнологическомъ отношеніи имѣютъ много общаго съ казанскими. Всѣ они живутъ осѣдло, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ, но вообще не отличаются энергіей и привычкой къ труду, особенно земледѣльческому. Всѣ они магометане-сунниты; благодаря вліянію русскихъ, положеніе женщины у нихъ лучше, чѣмъ у татаръ казанскихъ. Смѣшанно съ татарами, въ Тобольскомъ и Тюменскомъ уѣздахъ, живутъ бухарцы, потомки тѣхъ выходцевъ изъ Средней Азіи, которые привили сибирскимъ татарамъ магометанство и нѣкоторыя черты средне-азіатской культуры. Черезъ ихъ посредство старинная инородческая Сибирь снабжалась среднеазіатскими товарами. Хотя въ

Алтайскіе инородцы: теленгиты съ р. Чуй.

XIX в. они утратили свое значеніе, какъ посредники въ этой торговлѣ, и стали заниматься земледѣліемъ, извозомъ и т. п., но и теперь торговля — ихъ любимое занятіе. Тюменскіе татары почти ничѣмъ не отличаются отъ тобольскихъ, но болѣе опрятны и трудолюбивы и охотнѣе занимаются земледѣліемъ. Къ нимъ близко подходятъ барабинскіе татары, живущіе въ Каинскомъ у., Томской губ. Вслѣдствіе ихъ долговременнаго подчиненія калмыкамъ ихъ типъ получилъ болѣе замѣтный монгольскій отпечатокъ: большія уши, черные волосы, плоское лицо, небольшіе, узкіе глаза. Они скромны и честны, но вялы и непредпріимчивы. Занимаются земледѣліемъ въ небольшихъ размѣрахъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, охотой, ловлей піявокъ въ многочисленныхъ озерахъ Барабы и сплавомъ лѣса. Татары, живущіе въ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ уу., очень обрусѣли и почти всѣ оставили исламъ. Чулымскіе татары, живущіе по Чулыму (въ Маріинскомъ у., Том. губ.

Ачинскомъ—Енисейской), по типу очень разнятся отъ прочихъ сибирскихъ татаръ: вполнѣ отатарившіеся финны, они средняго роста, широкоплечи, сутуловаты, смуглы, съ густыми бровями дугой и прекрасными карими глазами. Зимою живутъ въ многоугольныхъ срубахъ аршина въ $3^1/_2$ высотой, съ конусообразной крышей изъ досокъ или бересты и съ дымовыми отверстіями посрединѣ. Зимой въ такихъ юртахъ сыро, холодно и дымно. Лѣтомъ чулымцы перебираются въ берестяные шалаши. Ихъ главныя занятія—звѣроловство, охота и рыболовство. Они быстро русѣютъ и мѣстами даже забыли родной языкъ. По Кондомѣ, Лебедѣ, Томи обитаютъ такъ наз. черные татары. Ихъ этнографическій составъ болѣе пестръ и сложенъ. Главныя массы этихъ инородцевъ—тюрки, перешедшіе изъ Тобольской губ. и смѣшавшіеся съ аборигенами, быть можетъ, самоѣдскаго происхожденія. Они смуглы, съ черными глазами и жесткими черными волосами, съ выдающимися скулами, бѣлыми зубами и толстыми губами. Черными они называются оттого, что горные лѣса, въ которыхъ они живутъ, издали представляются черными. Благодаря подавляющему вліянію тайги, черные татары ведутъ очень суровую и строгую жизнь, занимаясь звѣроловствомъ, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и рыболовствомъ въ таежныхъ рѣкахъ. Обиліе лѣса, сила и густота лѣсной растительности позволяютъ имъ заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ въ очень малыхъ размѣрахъ. Большую роль въ ихъ пищи играютъ корни дикаго растенія „кандыкъ“ (Erithronium dens canis), которые они разваріваютъ въ молокѣ. Вообще они питаются крайне скудно—чаще всего однимъ „толокномъ“, поджаренной ячменной мукой или болтушкой изъ него съ чаемъ. Ѣдятъ также „туптышъ“—кусочки прѣснаго тѣста, брошенные въ кипящую воду или молоко. Обыкновенно черный татаринъ живетъ въ четырехугольной бревенчатой юртѣ съ потолкомъ, засыпаннымъ землей. Но встрѣчаются бревенчатые шалаши и обыкновенныя русскія избы. Юрты безъ оконъ, съ отверстіемъ для дыма, на очагѣ всегда горитъ огонь. Вся мебель состоитъ изъ лавокъ вдоль стѣнъ и полки для посуды. Всюду въ стѣнахъ воткнуты ножи, подвѣсныя сумки и „туяски“ (берестяные бураки цилиндрической формы). Костюмъ



Алтай. Алтайская бревенчатая юрта.

этихъ инородцевъ не представляетъ ничего оригинальнаго и мало чѣмъ отличается отъ русскаго; только длинная холщевая рубаха спускается до самыхъ сапогъ. Всѣ носятъ картузы, а женщины платки; у всѣхъ безъ исключенія трубки и кисеты съ табакомъ. По характеру эти татары очень кротки, мягки, общительны, между собою живутъ дружно. Женщина пользуется уваженіемъ. Всѣ они крещены, но фактически—шаманисты. Въ общемъ ихъ экономическое положеніе очень плохо, благодаря безсовѣстной эксплоатаціи со стороны русскихъ торговцевъ, хотя на самомъ дѣлѣ могли бы жить безбѣдно сборомъ и продажей однихъ только кедровыхъ орѣховъ. По нижнему теченію Біи и по р. Иши живетъ небольшое племя кумандинцевъ, болѣе другихъ сохранившихъ финскія черты. Въ настоящее время они быстро русѣютъ.

Всю горную часть Алтая, за исключеніемъ сѣверо-восточной, гдѣ живутъ черные татары, занимаютъ алтайцы, въ разныхъ мѣстностяхъ извѣстные подъ различными именами — алтайцевъ собственно, телесовъ, теленгитовъ, телеутовъ и пр. Говоря болѣе опредѣленно, алтайцы занимаютъ верхнее теченіе Катуни, ея верховые притоки, южные берега Телецкаго озера, теченіе впадающей въ него рѣки Чулышмана. Они называются еще бѣлыми калмыками, такъ какъ въ XVШ в. весь южный Алтай былъ подчиненъ ойратамъ (калмыкамъ), Только у однихъ телесовъ, живущихъ на рр. Башкаусу и Чулышману, встрѣчаются оригинальныя черты, которыя ихъ нѣсколько выдѣляютъ изъ общей массы алтайцевъ. Они представляютъ собою какую-то смѣсь финскаго, тюркскаго и монгольскаго элементовъ. Живя на горныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, горныхъ лугахъ и склонахъ, и въ нешироких рѣчныхъ долинахъ, алтайцы усвоили вертикальный способъ кочеванія: весной и зимой они кочуютъ внизу, въ долинахъ, лѣтомъ поднимаются на альпійскія пастбища. Сообразно съ этимъ у алтайца два жилища — лѣтнее и зимнее. Прежняя войлочная юрта теперь начинаетъ замѣняться шестиугольнымъ бревенчатымъ срубомъ Въ юртахъ, гдѣ очень много принадлежностей охоты, обращаетъ на себя вниманіе обиліе фетишей разнаго рода: маленькихъ идоловъ, лоскутковъ въ память умершихъ предковъ, шкурки птицъ и звѣрковъ для обезпеченія успѣха на охотѣ. Пища алтайца состоитъ изъ мяса и молочныхъ продуктовъ, кореньевъ (кандыкъ, саранъ, Lilium Marthagon) и чая, варенаго съ мукой, саломъ, солью и молокомъ.

Причисляющіеся къ отатарившимся остякамъ и самоѣдамъ минусинскіе инородцы живутъ по лѣвому берегу Енисея, по Абакану и его притокамъ въ Минусинскомъ и Ачинскомъ уу., Енисейской губ. Общая численность ихъ доходитъ до 30.000. Минусинскіе инородцы дѣлятся на отдѣльныя племена: сагайцевъ, койбаловъ, качинцевъ, бельтировъ и др. Скотоводство—основное занятіе минусинскихъ инородцевъ, что зависитъ отъ физическихъ условій занимаемой ими мѣстности. Лѣтній зной и постоянные вѣтры выдуваютъ мелкоземъ и не позволяютъ влагѣ разрыхлять землю, вслѣдствіе чего слой почвы, питающій хлѣбные злаки, очень неглубокъ, такъ что пашни и луга расположены вблизи рѣкъ, гдѣ почва наносная. Но зато растенія, смѣняющія другъ друга съ мая до поздней осени, остаются въ засохшемъ видѣ и на зиму, что позволяетъ скоту круглый годъ пастись на подножномъ корму. Минусинскіе инородцы средняго роста, довольно полны, съ широкими лицами, плоскимъ носомъ, выдающимися скулами, черными, широко разставленными глазами, цвѣтъ ихъ кожи свѣтло-бурый, волосы прямые, жесткіе, черные или свѣтло-коричневые. Но среди сагайцевъ встрѣчаются субъекты съ густой растительностью на лицѣ и съ вьющимися волосами.

П. Головачевъ.

Башкиры.

Путешественники XIII вѣка, посѣтившіе Башкирію, называли страну кочевого племени „Великой Венгріей", а народъ, обитавшій въ степяхъ и лѣсахъ, называли поскотурами, утверждая, что языкъ у этого народа тотъ же, что у венгровъ. Другіе (Штраленбергъ, Гумбольдтъ) считали башкиръ отдѣлившимися отъ угро-финскаго племени и только впослѣдствіи принявшими монгольскій типъ. Хвольсонъ считаетъ башкиръ происходящими отъ вогульскаго племени и видитъ въ нихъ родоначальниковъ мадьяръ. Башкиры, по заключенію того же Хвольсона, говорили прежде на мадьярскомъ языкѣ и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ татаръ, отуретчились и стали говорить на языкѣ, близкомъ къ татарскому.

Прежде башкиры заселяли пространства нынѣшнихъ губерній Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и отчасти Вятской, одни разселились въ степяхъ, другіе въ горахъ и лѣсахъ. Знакомство башкиръ съ русскими относится къ началу XII вѣка. Возстанія и волненія башкиръ вспыхивали по разнымъ поводамъ, но главными причинами ихъ была борьба съ пришельцами изъ Россіи изъ-за земель. Бунтъ подъ предводительствомъ батыря Алеева былъ послѣднимъ башкирскимъ бунтомъ, хотя впослѣдствіи башкиры оказали большое содѣйствіе Пугачеву. Впослѣдствіи земельныя неурядицы были постоянной причиной волненій. Въ настоящее время тѣ же земельныя неурядицы являются причиной бѣдности и экономической отсталости башкиръ. Указомъ 1736 г. башкиры, въ наказаніе за бунты, были лишены многихъ земель въ пользу такъ называемыхъ припущенниковъ-мещеряковъ, которые зарекомендовали себя покорными. Земли нарѣзывались и русскимъ переселенцамъ, отрѣзывались онѣ и къ возникашимъ на Уралѣ заводамъ. Въ то же время заводчики сами пріобрѣтали земли, покупая ихъ за безцѣнокъ. Напримѣръ, въ концѣ XVIII стол. владѣльцы Бѣлорѣцкихъ заводовъ купили у башкиръ 300.000 дес. за 300 р. Въ 1818 г. такія „дешевыя" покупки были запрещены, а по закону 1832 г. за башкирами были укрѣплены тѣ земли, на которыхъ они жили въ моментъ изданія закона, припущенникамъ же были отведены земли по разверстанію. Періодъ съ1832 по 1881 г. особенно 70-е годы прошлаго столѣтія занесены въ исторію Башкиріи, какъ годы расхищенія башкирскихъ земель. По даннымъ Н. Ремизова съ 1869 по 1879 гг. было расхищено около двухъ милліоновъ десятинъ башкирскихъ земель въ двухъ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской. Въ среднемъ землю пріобрѣтали по 1 р. 80 к. за десятину, но считая такихъ случаевъ, когда десятина земли покупалась за ½ фунта чаю или за 1 фунтъ сахару. При покупкѣ земли покупщики допускали всевозможныя злоупотребленія и даже открытые обманы, пользуясь тѣмъ, что башкиры плохо знакомы съ законами. Назначенная въ 1881 г. сенаторская ревизія Уфимской и Оренбургской губерній положила предѣлъ незаконнымъ земельнымъ хищеніямъ.

Башкиръ считаютъ лѣнивыми, безпечными и даже „вырождающимися". Но каждый, кто наблюдалъ условія жизни башкиръ, ихъ бытъ и постепенную приспособляемость къ земледѣлію, легко убѣдится въ неосновательности такихъ опредѣленій.

Разумѣется, недавнему кочевнику трудно сдѣлаться земледѣльцемъ въ короткій срокъ, но въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ поселились пришельцы переселенцы изъ Россіи, башкиры быстро освоились съ хлѣбопашествомъ и работаютъ не хуже русскихъ. Хозяйственнаго навыка и расторопности въ работѣ, разумѣется, еще не наблюдается, и башкиры во многомъ уступаютъ переселенцамъ изъ земледѣльческихъ губерній, но что они способны къ земледѣлію, въ томъ нѣтъ сомнѣній. Въ волостяхъ, расположенныхъ въ глухихъ углахъ губерній, гдѣ и русское земледѣльческое населеніе негусто, земледѣліе прививается слабо. Кочевки

въ истинномъ смыслѣ слова почти уже нигдѣ не наблюдаются, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній, расположенныхъ въ горахъ и въ лѣсахъ.

Условія жизни большинства башкиръ весьма печальны. Въ многочисленныхъ селеніяхъ Башкиріи отдѣльно стоящія потемнѣвшія хаты съ подслѣповатыми оконцами не имѣютъ вокругъ себя ни плетней, ни изгороди, нѣтъ около нихъ ни амбаровъ, ни службъ. Въ центрѣ селенія встрѣчаются двухъоконныя и даже трехъоконныя избы со службами. Но это жилища немногихъ богатѣевъ. Въ избѣ зажиточнаго башкира домовито, чисто и по-своему уютно. Большія нары застланы коврами или кошмами, на стѣнахъ яркія полотенца. Тутъ же горы перинъ и подушекъ. Въ углу шкафъ съ посудой и тщательно содержимый мѣдный самоваръ и подносъ. Печь чисто выбѣлена, содержится опрятно, въ нѣкоторыхъ избахъ, особенно на чистой половинѣ, встрѣчается „голанка“, которая помѣщается въ задней части избы, въ пристройкѣ. У каждаго зажиточнаго башкира имѣются большіе стѣнные часы. Тутъ же на стѣнѣ ружья и старинные пистолеты, памятники старины—щиты, кольчуги, стрѣлы, лукъ и сѣкиры. Доспѣхи предковъ содержатся въ особомъ почтеніи.

Изба башкира-батрака маленькое двухъоконное, а чаще однооконное обиталище, съ низкимъ потолкомъ и ветхимъ перекосившимся поломъ. Вмѣсто обширной, чисто выбѣленной печи небольшой комелекъ. Въ избѣ бѣдняка также есть нары, гдѣ вповалку спитъ вся семья; нары эти кое-гдѣ застланы или жесткими половиками, а порой и совсѣмъ голыя. Ни о шкафѣ, ни о самоварѣ бѣднякъ мечтать не можетъ: двѣ-три чашки, да нѣсколько ложекъ—вотъ и вся утварь. Есть еще у бѣдняка сѣкира (топоръ), лопата или пила, серпъ, коса... Особенно бѣдно живутъ безлошадные: у нихъ нѣтъ ни овецъ, ни козъ. Зажиточные башкиры держатъ иногда гусей, утокъ или куръ.

Иногда на окраинѣ деревни встрѣчаются м а з а н к и—обиталища бѣдняковъ послѣдняго разряда, почти нищихъ. Земляной полъ и стѣны сдѣланы изъ плетня, сооруженнаго изъ ивовыхъ вѣтвей. Между двумя стѣнками изъ плетня засыпается земля, снаружи и внутри стѣнки обмазываются, потолокъ изъ толстыхъ бревенъ засыпанъ землей или утрамбованъ глиной. Узкая дверь и крошечное оконце, затянутое бычачьемъ пузыремъ вмѣсто стекла, дополняютъ представленіе о жилищѣ человѣка. Такія избы въ зимнее время отапливаются крошечнымъ комелькомъ, сооруженнымъ изъ глины. Обитатель такой хаты часто имѣетъ надѣлъ въ размѣрѣ отъ 15 до 40 десятинъ, но земля сдается, обыкновенно, въ аренду за безцѣнокъ.

Башкиры плохіе хозяева. Огородничество весьма плохо прививается у нихъ, если кто и обрабатываетъ около усадьбы полоску земли, то сѣетъ только картофель или коноплю.

Башкиръ горныхъ и лѣсныхъ надо отличать отъ башкиръ степной полосы. Лѣсной башкиръ отличается даже по наружному виду, домашній бытъ его также непохожъ на бытъ степняка. Черноволосые, смуглые и угрюмые лѣсные башкиры энергичны, смѣлы и дерзки въ сношеніяхъ съ русскими лѣсопромышленниками и переселенцами, обосновавшимися въ лѣсныхъ дачахъ. Съ русскимъ крестьянскимъ населеніемъ лѣсные башкиры живутъ въ мирѣ, подражая послѣднимъ въ хозяйствѣ. И теперь даже можно встрѣтить лѣсныя башкирскія деревни, населеніе которыхъ расчищаетъ лѣсъ подъ пашни и занимается земледѣліемъ.

Башкиръ степной полосы добродушенъ, веселъ. Чаще всего степные башкиры блондины или свѣтлые шатены и рѣдко встрѣчаются смуглые, похожіе на горно-лѣсного соплеменника. Лѣсные башкиры до сихъ поръ заняты охотой на птицу или на звѣря, есть даже спеціалисты охотники на волковъ и медвѣдей. Лѣсные башкиры больше занимаются также пчеловодствомъ и живутъ вообще зажиточнѣе степняковъ. Отдавая лѣса въ аренду на выдѣлку мочала, луба или дубовой плашки, они имѣютъ постоянную работу. Зимою только въ самые снѣжные мѣсяцы работы въ лѣсу прекращаются, большая же часть зимы—время рабочее. Изъ глубины лѣса свозятся къ сплавнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ

Семья зажиточнаго ашкира.

выработанные бревна, лубъ, мочало. На рѣкахъ лѣсные матеріалы грузятся на суда, и въ этой погрузкѣ опять-таки заняты тѣ-же обитатели лѣсовъ. Трудъ башкира оплачивается неважно, но все же въ смыслѣ заработка лѣсные башкиры счастливѣе своихъ степныхъ соплеменниковъ.

Положеніе женщины у башкиръ весьма печальное. Женщина раба, и по корану, которымъ башкиры руководствуются во всѣхъ случаяхъ жизни, и по обычно сложившимся условіямъ. Состоятельные башкиры имѣютъ по 2 и по 3 жены Дѣти отъ всѣхъ женъ воспитываются одинаково, но отношеніе къ женамъ различно, въ зависимости отъ симпатіи. Для каждой, новой «молодой» жены башкиръ строитъ и новую избу. Положеніе „старой“ жены въ такихъ случаяхъ ужасно: она выполняетъ всѣ черныя работы по хозяйству и содержится въ „черномъ тѣлѣ“. Случаи многоженства, впрочемъ, наблюдаются все рѣже и рѣже, какъ потому, что экономическое положеніе стѣсняетъ башкиръ въ этомъ отношеніи, такъ и потому, что въ средѣ башкиръ, особенно грамотныхъ, наблюдается движеніе противъ многоженства и вообще за улучшеніе участи женщинъ.

Въ каждомъ селеніи существуетъ небольшое „медресэ“ (школа), въ которой мальчики обучаются муллою. Муллы стараются развить грамотность въ цѣляхъ религіозныхъ, но нерѣдко башкиры отдаютъ дѣтей въ русскія школы, хотя съ каждымъ годомъ въ средѣ ихъ все болѣе и болѣе наблюдается стремленіе обзавестись своими школами.

В. Брусянинъ.

Киргизы.

Киргизы—наиболѣе многочисленное инородческое племя. [1]). Физическія свойства громаднаго пространства областей, занятыхъ киргизами, опредѣлили собою ихъ образъ жизни, бытовую обстановку и занятія, указали имъ на главнѣйшій источникъ ихъ существованія. Та часть Степного края, которая занята киргизскимъ населеніемъ упомянутыхъ областей представляетъ собою безконечную степную равнину, испещренную прѣсными и горько-солеными озерами, съ рѣдкими куполовидными горами въ юго-восточной части, покрытыми лѣсомъ. По мѣрѣ приближенія къ югу, травянистыя степи все болѣе и болѣе переходятъ въ чистую, такъ называемую типичную степь, которая на самомъ югѣ переходитъ въ область средне-азіатскихъ пустынь. Климатъ этой мѣстности отличается огромной разностью между лѣтомъ и зимой—до 36°; даже лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, колебанія температуры могутъ быть очень велики и очень рѣзки, и послѣ страшно-знойнаго дня наступаетъ холодная ночь. Дождя въ этихъ мѣстностяхъ бываетъ очень мало; особенно скудны лѣтніе дожди. Ковыль и другія степныя травы покрываютъ огромныя пространства сѣверной половины киргизско-степной окраины. Мѣстности съ чисто-солончаковой почвой покрыты лебедой, полынью, солеросами. Эта территорія самой природой предназначена не для земледѣльческихъ занятій, а для занятія скотоводствомъ. Такъ какъ все благосостояніе, даже вся жизнь киргиза зависитъ отъ скота, то, конечно, для каждой киргизской семьи нужно довольно значительное количество барановъ и

---

[1]) Киргизы живутъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, составляя въ первой 62,3%, во второй 88,8% все населенія, они живутъ въ сосѣдней Тургайской области, въ Оренбургской губ. и въ Семирѣчьи а въ Европейской Россіи – въ Астраханской губерніи.

лошадей, чтобы существовать доставляемыми ими продуктами питанія и тѣмъ, что получается въ обмѣнъ за шерсть, сало, кожи и живыхъ лошадей и барановъ. Но прокормить

Кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области.

зимой нужное для этого количество скота невозможно, нужны заготовки сѣна, но на это не хватаетъ ни силъ самой многочисленной семьи, ни мѣста для сѣнокошенія въ окрестно-

стяхъ жилья; а лѣтомъ нѣтъ возможности удерживать стадо въ одной мѣстности: не хватитъ травы. Вотъ почему сама природа указала киргизамъ единственный исходъ: передвиженія со стадами съ ранней весны до поздней осени. Тѣ мѣсяцы, когда киргизская степь покрыта снѣгомъ, киргизы проводятъ на „кстау" (зимники) въ мрачныхъ, неопрятныхъ деревянныхъ избахъ или земляникахъ, всегда расположенныхъ подлѣ озера или вообще какого-нибудь непромерзающаго до дна источника, въ мѣстности, по возможности прикрытой отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Весной, лишь только сойдетъ снѣгъ, киргизы оставляютъ свои зимники и отправляются на „джайляу" (на кочевку къ югу), предоставляя травѣ въ окрестностяхъ зимниковъ свободно расти, потому что зимой только этой травою и можетъ питаться скотъ. Благодаря скудости осадковъ, снѣгу въ степи вообще мало, и онъ еще сдувается вѣтромъ, т. ч. скотъ и зимой питается засохшей травой, получая доступъ къ ней при помощи копытъ. Скотъ является къ зимникамъ жирнымъ, отъѣвшимся, и это помогаетъ ему переносить недостатокъ корма зимой, хотя по веснѣ онъ окончательно тощаетъ. Но если вдругъ зимой наступаетъ оттепель, а затѣмъ морозъ, то степь покрывается ледяной корой, которую не могутъ разбить копыта животныхъ. Тогда наступаетъ страшное бѣдствіе для киргизъ—„джутъ", массовая гибель скота отъ безкормицы. Мелкій скотъ (овцы, бараны) иногда погибаютъ цѣлыми стадами отъ страшныхъ степныхъ бурановъ, когда они въ страхѣ разбѣгаются въ разныя стороны и гибнутъ въ глубокомъ снѣгу. Волки, водящіяся въ степи въ огромномъ количествѣ, также истребляютъ множество киргизскаго скота. Наконецъ, эпизоотіи, нерѣдко проникающія въ степь изъ Китая, уносятъ множество киргизскаго скота. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ непредвидимымъ случайностямъ, киргизы для своего существованія должны владѣть огромнымъ количествомъ скота. Но имѣть много скота возможно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы онъ не оставался на одномъ мѣстѣ, т. к. для этого не хватитъ корма, а передвигался бы именно съ сѣвера на югъ, потому что чѣмъ южнѣе мѣстность, тѣмъ раньше показывается въ полѣ трава. Водвореніе въ степи переселенцевъ, по сосѣдству съ киргизскими зимниками, наноситъ поголовный ударъ киргизскому скотоводству, и тѣмъ самымъ подрываетъ ихъ экономическіе устои, т. к. сокращается пространство, гдѣ бы могъ кормиться зимою ихъ скотъ, тѣмъ болѣе, что зимники всегда располагаются у водопоевъ, рѣдкихъ въ степи. Кочуя, киргизы двигаются дугообразно, такъ чтобы осенью возвратиться къ зимнику, причемъ каждый родъ и каждый аулъ имѣютъ свою тропу для кочевокъ, освященную обычаемъ. Обыкновенная „кочевая орбита" простирается отъ 30 до 300 в., въ зависимости отъ количества скота, но аулы, богатые скотомъ, иногда описываютъ во время своихъ кочевокъ тысячеверстную дугу. Начало кочеванія считается праздникомъ. Въ 9—10 часовъ утра аулъ двигается въ путь. Впереди идутъ старшины, за ними стада барановъ, лошадей, верблюдовъ, далѣе все мужское населеніе аула. За мужчинами ѣдутъ верхомъ женщины впереди длинной линіи вьючнаго скота и нагруженныхъ тарантасовъ, принадлежащихъ богачамъ. По сторонамъ и въ срединѣ багажа джигитуютъ дѣвушки. Караванъ замыкается работниками и растягивается иногда на нѣсколько верстъ. Вечеромъ аулъ останавливается гдѣ нибудь у воды и проводитъ тамъ 1—2 недѣли, пока вся трава не будетъ потравлена скотомъ, и послѣ того движется дальше. Ночь первой стоянки проходитъ очень весело: колютъ барановъ, всю ночь идетъ пиръ, раздаются звуки кобызовъ (выдолбленный открытый полушаръ съ придѣланной вверху ручкой и съ толстыми струнами изъ конскаго волоса), поются пѣсни, разсказываются сказки, если среди присутствующихъ находится пѣвецъ или сказочникъ. Аулъ засыпаетъ лишь подъ утро. Не только на другой день, но и всегда киргизскій аулъ поднимается поздно; прежде всѣхъ поднимаются женщины—часовъ въ 8 и уже никто не раньше 6, убираютъ постели, разводятъ огонь, приготовляютъ завтракъ для мужчинъ, которые поднимаются часовъ въ 12. Днемъ занятія женщинъ заключаются въ доеніи скота, приготовленіи кумыса и айрана; дѣвушки валяютъ войлоки, важную часть своего

Свадебный уборъ невѣсты.

приданаго. Вечеромъ женщины опять доятъ коровъ, лошадей и овецъ и приготовляютъ пищу. Такъ какъ мужчины послѣ завтрака дома не остаются, а уѣзжаютъ или въ гости въ сосѣдній аулъ, или просто въ степь на прогулку и возвращаются домой лишь къ вечеру, то и приготовленія пищи для обѣда у киргизъ не бываетъ, и они, въ случаѣ нужды, утоляютъ голодъ наскоро, перекусивъ что либо изъ кладовой.

Въ настоящее время пища киргизъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молока и проса. Изъ овечьяго молока они приготовляютъ очень кислый и сухой сыръ, „куртъ“, изъ коровьяго молока—„айранъ“, изъ кобыльяго—кумысъ. Въ лѣтнее время киргизы употребляютъ кумысъ въ громадныхъ количествахъ, до ведра въ сутки. Мясную пищу киргизы употребляютъ все меньше и меньше, и исключительно мясомъ питаются лишь очень богатые люди. Бѣдняки киргизы питаются обыкновенно болтушкой, сдѣланной изъ воды и проса, поджареннаго на салѣ.

Во время перекочевокъ киргизскіе аулы располагаются очень далеко одинъ отъ другого и уже издали даютъ себя чувствовать запахомъ навоза и гари. Сами аулы представляютъ собою группы безпорядочно разбросанныхъ юртъ, покрытыхъ пожелтѣвшимъ войлокомъ, вокругъ которыхъ вертится множество голодныхъ и злыхъ собакъ, постоянно дерущихся изъ-за выбрасываемыхъ костей и вообще всякихъ остатковъ пищи. Переносное лѣтнее жилище киргиза какъ нельзя лучше приспособлено для кочевой жизни и чрезвычайно остроумно составлено изъ тѣхъ матеріаловъ, которые находятся въ распоряженіи киргизъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ. Верхъ киргизской юрты имѣетъ видъ шара (отличіе тюркской юрты отъ монгольской, всегда остроконечной). Юрта или кибитка имѣетъ 2—3 сажени высоты и отъ 3 до 4 саженъ въ поперечникѣ и состоитъ изъ двухъ половинъ; нижней, представляющей собою кругъ изъ нѣсколькихъ частей легкой деревянной рѣшетки, покрытой циновками изъ чія, высокой, гибкой, прочной степной травы, въ родѣ камыша. Къ этому кругу привязываются тонкія изогнутыя жерди, сходящіяся наверху въ деревянномъ обручѣ—отверстіи для дыма (тюндюкъ). Все это перевязывается для прочности шерстяной тесьмой, а затѣмъ покрывается войлоками и сверху перехватывается шерстяной веревкой, чтобы войлоки не соскальзывали. Постановка юртъ и укладка ихъ лежатъ на обязанности женщинъ. Посреди юрты, подъ дымовымъ отверстіемъ, на полу, находится таганъ, на которомъ стоитъ котелъ. Здѣсь приготовляется пища, для чего у богатыхъ имѣются отдѣльныя юрты. Направо отъ входа — спальное помѣщеніе, отдѣленное пологомъ, а налѣво — кладовая, отдѣленная невысокой перегородкой изъ чія. Прямо противъ входа—кожаные тюки, сундуки россійской работы съ имуществомъ. Никакой мебели въ юртѣ нѣтъ, кромѣ 1—2 очень низенькихъ столиковъ, кругомъ нихъ на полу усаживаются обитатели юрты, когда принимаютъ пищу. Юрты очень богатыхъ киргизъ покрываются ярко-бѣлыми войлоками, отличаются своей величиной, полъ устланъ коврами, которыми увѣшены и стѣны. Въ хорошее лѣтнее время жить въ такихъ юртахъ пріятно.

Прежде киргизы всю свою одежду приготовляли собственными средствами; въ настоящее время почти вся ихъ одежда приготовляется уже изъ привозныхъ фабрикатовъ: они носятъ ситцевыя рубахи, шаровары изъ какой нибудь темной и плотной бумажной матеріи; впрочемъ, и теперь шаровары иногда дѣлаются изъ кожи, а надѣваемый сверху халатъ—изъ сѣрой или желтой армячины. Надѣвъ халатъ, киргизъ всегда опоясывается ремнемъ, украшеннымъ мѣдными или серебряными бляшками, къ которому иногда прикрѣпляется сумка съ огнивомъ и рогъ съ нюхательнымъ табакомъ (киргизы вообще не курятъ). Голову киргизы бреютъ и носятъ тюбетейку, сверху которой на дворѣ надѣваютъ остроконечныя войлочныя шляпы съ загнутыми кверху полями и малахаи—шапки съ наушниками. Зимняя одежда киргизъ и теперь такова же, какая была много лѣтъ назадъ—ергаки, сдѣланные изъ тонкой кожи шерстью вверхъ, и овчиныя шубы. Отличіе женской

одежды отъ мужской очень невелико; только лѣтомъ женщины носятъ на головѣ шапку въ видѣ усѣченнаго конуса и большой платокъ изъ какой-нибудь легкой бѣлой матеріи, средина которой клиномъ опускается съ шапки на спину, а концы—на плечи. Киргизскія дѣвушки носятъ на головѣ шапочку, волоса заплетаютъ въ мелкія косички.

Киргизы до сихъ поръ сохраняютъ у себя родовой, патріархальный бытъ, хотя и не въ первоначальной, древнѣйшей формѣ. Раньше, до 1893 г., киргизы пользовались значительно широкимъ самоуправленіемъ, и ихъ роды признавались и административными единицами. Теперь же такой единицей сдѣлался аулъ [1]), заключающій въ себѣ 100—200 юртъ и находящійся подъ управленіемъ выборнаго аульнаго старшины. 1000—2000 юртъ составляютъ волость, которой управляетъ волостной старшина. Въ уѣздъ входитъ нѣсколько волостей, и имъ завѣдываетъ русскій начальникъ. Мелкія дѣла рѣшаютъ избираемые на 3 года біи по народнымъ обычаямъ.

Почти всѣ безъ исключенія киргизы—магометане суннитскаго толка и находятся подъ сильнымъ вліяніемъ муллъ, но это нисколько не ухудшаетъ положенія киргизской женщины: она не ведетъ затворнической жизни (да это и невозможно при кочевой жизни), не удаляется отъ мужчинъ, не закрываетъ лица, распоряжается въ юртѣ и даже принимаетъ участіе въ общественныхъ сходкахъ. Православіе распространяется среди киргизъ съ большимъ трудомъ, и его принимаютъ лишь совершенно обѣднѣвшіе киргизы, джатаки.

Киргизы принадлежатъ къ тюркскому племени. Они имѣютъ средній ростъ, крѣпкое сложеніе вообще, хорошо развитую грудь. Цвѣтъ ихъ кожи представляетъ всѣ оттѣнки отъ смугло-желтаго до темнаго. Какъ у всѣхъ тюрковъ, лицо киргиза отличается слѣдующими типичными чертами: выдающимися скулами, широкимъ носомъ, узкими черными глазами, волосы у киргизъ черные, прямые, довольно жесткіе. Растительность на лицѣ у нихъ довольно слаба, и только къ старости у нихъ выростаетъ рѣдкая борода клиномъ. Благодаря постоянной верховой ѣздѣ, почти всѣ взрослые киргизы отличаются кривыми ногами. Желудокъ киргиза способенъ переваривать какую угодно пищу, а всякія поранения заживаютъ у нихъ чрезвычайно скоро. Что касается нравственной стороны, то киргизы имѣютъ много и положительныхъ, и отрицательныхъ качествъ. Они добры, терпѣливы, безхитростны, въ высшей степени гостипріимны; въ умственномъ отношеніи они воспріимчивы и понятливы и особенно способны къ рисованію и математикѣ.

Сношенія съ русскими породили въ нихъ недовѣрчивость, а родовая обязанность мстить человѣку, чѣмъ-либо обидѣвшему сородича, объясняетъ частыя драки среди киргизъ и „баранту"—насильственный угонъ скота. Любовь къ праздности, угощеніямъ, новостямъ, тщеславіе, сутяжничество также являются малопривлекательными свойствами киргизъ. Какъ всѣ кочевники, они по необходимости нечистоплотны.

Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ киргизы являются наиболѣе склонными къ поэзіи и музыкѣ, къ пѣснямъ, сказкамъ, состязаніямъ, общественнымъ собраніямъ и удовольствіямъ. Единственно у киргизъ существуютъ профессіональные поэты-музыканты, которые импровизируютъ свои произведенія, сопровождая ихъ звуками сурны или кобызы. Безъ пѣвцовъ и разсказчиковъ не обходится ни одно празднество, ни одно общественное собраніе, до которыхъ такъ падки киргизы. Конскіе бѣга („байги")—непремѣнная принадлежность каждаго такого собранія. Въ началѣ мая наступаетъ праздникъ весны и молодежи, „курбанъ-айтъ", молодые люди на лошадяхъ догоняютъ дѣвушекъ и стараются поцѣловать, а тѣ бьютъ ихъ плетью. Въ другой игрѣ принимаютъ участіе одни только мужчины. Шум-

[1]) Это отдѣльное селеніе, представляюще собою соединеніе нѣсколькихъ семей, управляемое наиболѣе зажиточнымъ киргизомъ, именемъ котораго называется и самый аулъ.

ными празднествами сопровождаются и поминки, устраиваемые въ первую годовщину смерти богатыхъ и уважаемыхъ людей. На поминкахъ всегда происходятъ состязанія борцовъ и скачки.

Выше было отмѣчено, какую роль играютъ переселенцы въ процессѣ обнищанія киргизъ. Этотъ процессъ все усиливается, потому что и правительство отрѣзываетъ для переселенцевъ участки въ Киргизской степи, и сами переселенцы самовольно стремятся туда, не имѣя правильнаго представленія ни о климатѣ, ни о почвѣ края, гдѣ урожаи непостоянны, во многихъ мѣстностяхъ невозможны безъ искусственнаго орошенія, и гдѣ вообще плодородной земли немного. Вслѣдствіе упадка скотоводства киргизы и сами начинаютъ заниматься земледѣліемъ, гдѣ это возможно, и даже начинаютъ заготовлять сѣно впрокъ. Но это не остановитъ ихъ экономическаго упадка, такъ какъ, въ силу указанныхъ выше физическихъ условій Киргизской степи, только степное, кочевое скотоводство является здѣсь единственнымъ занятіемъ, способнымъ дать обитателямъ края прочное благосостояніе.

Якуты.

Многочисленное и стойкое племя сибирскихъ инородцевъ — якуты — обитаютъ почти исключительно въ Якутской области, представляющей собой огромную площадь въ $3^1/_2$ милл. кв. в. Это пространство, въ общемъ, переполнено тайгами, болотами, озерами и тундрами, изборождено многочисленными горными хребтами съ обнаженными гранитными вершинами (гольцами) и пересѣчено въ разныхъ направленіяхъ громадными, многоводными рѣками. Но населеніе Якутской области не разбросано на этомъ безконечномъ пространствѣ—оно поселилось въ долинахъ Лены и ея притоковъ, главнымъ образомъ, затѣмъ по Янѣ и Колымѣ. Если сказать еще опредѣленнѣе и точнѣе, то это населеніе сосредоточено въ южной части области, въ округахъ Якутскомъ, Олекминскомъ и отчасти Вилюйскомъ—здѣсь живетъ $^9/_{10}$ всего населенія Якутской обл. Въ этихъ предѣлахъ и живетъ главная масса якутовъ, составляющихъ 82% населенія всей области. По переписи 1897 г., общая численность якутовъ доходила до 227.384 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 6.000 жили внѣ предѣловъ Якутской области, главнымъ образомъ, въ Туруханскомъ краѣ Енис. губ. и прилежащихъ частяхъ Приморской обл. Въ Якутскомъ окр. якуты составляли 90,6% населенія, а въ Вилюйскомъ даже 93%. Какъ и буряты, якуты не аборигены занятой ими мѣстности: они пришли, вѣроятно, въ XIII—XIV вв. съ юга, отъ Байкала, потѣсненные монголами. Сами вытѣснивъ тунгусовъ, якуты захватили ихъ мѣста по Ленѣ, Олекмѣ и Вилюю.

Якуты представляютъ собою единственное тюркское племя, столь далеко заброшенное на сѣверъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, они нѣсколько отличаются отъ другихъ тюрковъ и по своему физическому типу, и по языку. Якуты средняго роста, съ небольшой, почти круглой головой, черными довольно большими глазами, со смуглымъ, желто-сѣрымъ или бронзовымъ цвѣтомъ малоподвижнаго лица, и прямыми и жесткими волосами. Въ наружности однихъ якутовъ преобладаютъ монгольскія черты, у другихъ—тюркскія. Встрѣчаются и якуты съ явной примѣсью русской крови. Въ движеніяхъ они медленны и неповоротливы, физической силой не отличаются, но зато имѣютъ прекрасный слухъ и острое зрѣніе, что выработано у нихъ, конечно, условіями окружающей природы. Среди якутовъ обращаетъ на себя вниманіе громадный % стариковъ (60 лѣтъ и больше): на каждую тысячу ихъ приходится 118, т. е. почти пятая часть. Изъ болѣзней, которыми страдаютъ якуты, осо-

бенно нужно отмѣтить глазныя, и по коэффиціенту пріобрѣтенной слѣпоты (10,5%) они стоятъ на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ народностей имперіи. Проказа и эмирячество (нервное заболѣваніе, состоящее въ непроизвольномъ подражаніи всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ другого) также довольно распространены среди якутовъ. По характеру якуты веселы, общительны, любятъ игры, танцы, зрѣлища, собранія. Способные переносить голодъ, жажду, упорно трудиться въ обыденной жизни, они отличаются безпечностью, лѣнью, неумѣренностью въ пищѣ и питьѣ. Какъ особенность, слѣдуетъ отмѣтить, что они любятъ запахъ тѣла близкихъ людей, и потому нюханье у нихъ какъ ласка замѣняетъ поцѣлуй. Умственныя способности якутовъ можно назвать хорошими: они легко усваиваютъ русскую грамоту, отличаются склонностью къ ремесламъ, рисованію и математикѣ. Ихъ коммерческія способности также заслуживаютъ быть замѣченными, причемъ другіе инородцы, юкагиры, ламуты и особенно тунгусы, немало страдаютъ отъ коммерческой предпріимчивости якутовъ, часто переходящей въ кулачество.

Всѣ якуты въ настоящее время крещены (по переписки 1897 г. некрещеныхъ якутовъ оказалось всего 4), всѣ они носятъ христіанскія имена и русскія фамиліи, имѣютъ въ своихъ юртахъ иконы, передъ которыми зажигаютъ свѣчки и молятся, но не смотря на это они далеко не оставили еще своихъ прежнихъ вѣрованій по прежнему вѣрятъ въ блуждающія души самоубійцъ, утопленниковъ, въ шамановъ, ставятъ въ лѣсахъ деревянныя изображенія птицъ на столбахъ, между которыми натягивается бѣлая волосяная веревка, украшенная пучками бѣлыхъ конскихъ волосъ: это—„жертвенная дорога“, по которой должна подниматься къ небу привязанная у столба жертва—быкъ; на него шаманъ „переноситъ“ болѣзнь человѣка, вылечить которую онъ приглашенъ. Каждый предметъ, по мнѣнію якутовъ,—дерево, каменъ, ножъ топоръ,—имѣютъ свою душу. На горныхъ перевалахъ, у утесовъ, на рѣчныхъ берегахъ проживающіе якуты по преждему оставляютъ приношенія обитающимъ тамъ духамъ—табакъ, соль, шкурки звѣрей, монеты, лоскутки цвѣтного ситца и т. п. Шаманскимъ моленіямъ якуты по прежнему придаютъ большую силу и вѣрятъ, что шаманы могутъ излечивать болѣзни.

Якутъ (бѣдный).

Глава якутской семьи—полный и неограниченный ея властелинъ. Если онъ сидитъ и грѣется передъ огнемъ комелька, то никто не смѣетъ помѣститься между комелькомъ и хозяиномъ, а женщины не рѣшаются и пройти и обходятъ комелекъ сзади. Въ присутствіи главы семьи не допускаются шумъ, смѣхъ, игры; разговоры происходятъ полушепотомъ. Но строй якутской семьи основанъ не на любви дѣтей къ родителямъ, а лишь на страхѣ передъ ними: лишь только родители состарятся, дѣти перестаютъ оказывать имъ и внѣшнее уваженіе. Къ маленькимъ дѣтямъ якуты относятся благодушно—не бьютъ, но заставляютъ работать. Женщины якутской семьи не имѣютъ никакихъ правъ, на нихъ смотрятъ лишь какъ на работницъ, замужъ выдаютъ безъ согласія за калымъ, хотя этотъ обычай теперь уже началъ исчезать. Если молодая женщина или дѣвушка ведетъ себя легкомысленно, то среди якутовъ это не встрѣчаетъ особаго осужденія.

Жестокіе холода, которыми отличается зима въ Якутской области, глубокіе снѣга обиліе рогатаго скота,—все это заставило якута позаботиться о болѣе тепломъ, защищенномъ отъ холода жилищѣ не только для себя, но и для скота, чѣмъ какого нибудь тун-

гуса или ламута. Якутская юрта („балаганъ“) представляетъ собою небольшое деревянное строеніе съ двускатной низенькой крышей, сдѣланное изъ наклонно поставленныхъ бревенъ, внутри поддерживаемымъ 4 столбами съ глинянымъ, рѣже досчатымъ поломъ. Юрту освѣщаютъ 2—4 окна, которыя у бѣдныхъ якутовъ лѣтомъ затягиваются бычачьимъ пузыремъ, а зимой заставляются льдинами; у болѣе же зажиточныхъ въ окнахъ вставлены стекла. Юрта обыкновенно заваливается землей. Снаружи юрта зимой обмазывается глиной и коровьимъ навозомъ. Внутри юрты кругомъ идутъ нары, и ея лѣвая сторона предназначается для мужчинъ, правая—для женщинъ. Надъ юртой возвышается, нѣсколько наклонно, широкая труба комелька. Труба эта дѣлается изъ жердей, обмазанныхъ съ внутренней стороны глиной, и поднимается съ низкаго и квадратнаго возвышенія изъ толстыхъ бревенъ, посединѣ набитаго глиной. Съ одной стороны трубы выемка, куда стоймя ставятся дрова. Труба эта не закрывается, потому для поддержанія тепла въ юртѣ необходимо, чтобы въ комелькѣ постоянно поддерживался огонь. Рядомъ съ юртой ставится хотинъ—хлѣвъ для скота. Ураса или урасы является болѣе рѣдкимъ типомъ якутскаго жилища. Это—строеніе, покрытое дерномъ или берестой, имѣюще видъ колпака, остовъ котораго дѣлается изъ жердей.

Якутъ изъ богатой образованной семьи.

Береста, которой покрывается ураса, сначала варится въ горячей водѣ и пропитывается березовымъ варомъ; узоры на ней, а также и швы, которыми соединяются отдѣльные куски этой бересты при покрытіи урасы, дѣлаются изъ цвѣтного конскаго волоса. Лѣтомъ такая берестяная ураса очень красиво выдѣляется на окружающемъ ее океанѣ зелени. Урасы служатъ обыкновенно лѣтнимъ жилищемъ якутовъ, когда они оставляютъ свои зимники. Якутскіе поселки, наслеги, не имѣютъ вида русскихъ деревень и состоятъ изъ небольшого числа юртъ, неправильно разбросанныхъ и не близко отстоящихъ другъ отъ друга.

Необходимость совершать продолжительныя поѣздки въ теченіе крайне холодной, длинной зимы заставила якутовъ обратить особое вниманіе на выработку наилучшаго типа верхней одежды и обуви. Прежде всего на голыя ноги надѣваются чулки изъ бычачьей или телячьей кожи, затѣмъ мелкія туфельки изъ того же мѣха, а сверху длинные мѣховые сапоги („саары“ или „торбаса“), въ которые всегда кладется подстилка изъ сухой травы. Затѣмъ надѣваются подбитые мѣхомъ шаровары и засовываются въ сапоги. Кромѣ того надѣваются особые наколѣнники („ллукъ-сатуро“), которые крѣпко стягиваются подъ колѣнями, а вверху, охватывая бедра, прикрѣпляются къ шаровамъ мѣдными кольцами. Эти сатуро не допускаютъ ни снѣга, ни вѣтра до нижняго платья. Сверху надѣвается „сопъ“— однобортный кафтанъ съ отложнымъ воротникомъ, доходящій до колѣнъ и книзу все расширяющійся изъ клиновидныхъ вставокъ. У богатыхъ сопъ подбивается заячьимъ или письимъ мѣхомъ, а у бѣдныхъ телячьей или конской шкурой, выдѣланной, но не лишенной шерсти. Сопъ теперь все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія и замѣняется кухлянками—дохами изъ оленьей шкуры. Шею якуты сверхъ платья обертываютъ особымъ ошейникомъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, въ который они прячутъ подбородокъ, ротъ и часть носа, чтобы дышать черезъ мѣхъ и такимъ образомъ умѣрятъ холодъ вдыхаемаго воздуха. На руки надѣваютъ рукавицы съ однимъ пальцемъ, а глаза защищаютъ волосяными очками въ родѣ полоски волосяного кружева отъ очень яркаго блеска снѣга въ мартѣ и апрѣлѣ. На головѣ якуты носятъ шапки изъ двойного ряда мѣха, остроконечныя или круглыя, но всегда съ наушниками и широкимъ мѣховымъ околышемъ Конечно, въ

*

такой одеждѣ якутъ свободно можетъ выдерживать самые большіе морозы. Праздничной нарядной одеждой у якутовъ является „сангыяхъ“, родъ шубы, доходящей до пятъ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ. Сангыяхи оторачиваются какимъ нибудь дорогимъ мѣхомъ или даже цѣликомъ шьются изъ такого мѣха, на спинѣ и съ боковъ вышиваются шелкомъ, бисеромъ, серебромъ или цѣннымъ мѣхомъ, такъ что стоятъ иногда отъ 200—1000 р. и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отъ русскихъ якуты заимствовали рубахи, которыя теперь носятъ почти всѣ, жилеты, галстухи и т. п. Портняжествомъ занимаются у нихъ преимущественно женщины.

Якутка въ сангыяхѣ.

Въ прежнее время якуты питались исключительно лошадинымъ мясомъ и кумысомъ, а теперь ихъ главную пищу составляетъ „сорат“—особымъ образомъ приготовленное кислое коровье молоко. Изъ стараго, постоявшаго сората якуты приготовляютъ свое главное кушанье—„бутугасъ“, жидкую похлебку, въ которую, кромѣ сората, входятъ мука, ягоды или съѣдобные корни. Особенно любятъ якуты коровье масло, которое ѣдятъ твердымъ, кладутъ въ чай (употребляютъ исключительно кирпичный), даже пьютъ въ растопленномъ видѣ. Якутъ свободно можетъ выпить его безъ передышки $^1/_2$ ф., а съ остановками даже $2^1/_2$ ф. Нѣкоторые любители въ состояніи выпить до 5 ф. растопленнаго масла. Зимой, въ страшные якутскіе морозы, послѣ долгаго путешествія, растопленное масло—незамѣнимое средство для быстраго согрѣванія, возстановленія силъ и бодрости. Большинство сѣверныхъ якутовъ еще не умѣетъ приготовлять настоящаго русскаго топленаго масла, а довольствуется „хаяхомъ“—бѣлымъ, жирнымъ, густымъ веществомъ, приготовляемымъ изъ подогрѣтыхъ сливокъ посредствомъ сбиванія мутовкой, изъ котораго еще не выдѣлились частицы масла. „Саламатъ“, изысканное блюдо якутской кухни. Изъ муки якуты приготовляютъ прѣсныя лепешки и похлебку. Квасить тѣсто и дѣлать хлѣбъ якуты еще не умѣютъ. Ѣдятъ они и съѣдобные корни, листья и стебли нѣкоторыхъ растеній и ягоды (кромѣ малины). На сѣверѣ употребляютъ

вяленую и копченую рыбу. Изъ лососины и стерляди приготовляютъ строганину: рыбу, промершую на 40° морозѣ, рѣжутъ на тонкіе ломтики и подаютъ обыкновенно къ чаю. Мясо употребляютъ въ пищу въ самомъ простомъ видѣ: варятъ безъ соли и всякихъ приправъ или жарятъ на сковородкѣ, подливая воды. Чай употребляется якутами въ огромныхъ количествахъ. Соль и хлѣбъ на югѣ входятъ во всеобщее употребленіе.

Разведеніе рогатаго скота составляетъ теперь главное занятіе якутовъ (раньше коневодство) и основу ихъ хозяйственной жизни (животноводствомъ занимается 84,2% всѣхъ якутовъ), а въ связи съ этимъ возникло новое важное занятіе—сѣнокошеніе, и потому два сѣнокосныхъ лѣтнихъ мѣсяца—самая горячая пора для якутовъ, т.-к. въ теченіе 50 дней они должны сдѣлать годовые запасы сѣна для своего рогатаго скота. Но замѣчаются несомнѣнные признаки того, что въ недалекомъ будущемъ не скотоводство, а земледѣліе станетъ основой экономической жизни якутовъ.

Пользуясь обиліемъ лѣса, скота и звѣрей, якуты обратили большое вниманіе на обработку дерева, кожи, мѣха и волоса. Изъ лиственницы и березы они приготовляютъ домашнюю утварь, лодки, нарты—легкія, узкія, длинныя сани, изъ бересты—разную посуду для молока, изъ кожи, преимущественно, конской и коровьей—обувь и платье, дорожную посуду для кумыса—„симиръ", изъ конскаго волоса—веревки, сѣти, невода. Якуты—отличные плотники, но гончарное дѣло знакомо имъ очень плохо—они не умѣютъ промывать глины, не знаютъ горшечной глазури. Изъ металловъ имъ наиболѣе извѣстно желѣзо, и производство разныхъ желѣзныхъ предметовъ (ножи, лемехи) сдѣлалось у нихъ уже особымъ кустарнымъ промысломъ. Якутскіе кузнецы въ то же время хорошіе мѣдники и серебренники, хотя ихъ серебро не содержитъ болѣе 50% чистаго металла. Всѣ подѣлки изъ дерева, все, что приготовляется при помощи ножа и топора—дѣло мужское, а все, что сплетается, сшивается, лѣпится—дѣлаютъ женщины и старики. Мятье и выдѣлка кожъ—тоже рукодѣлье женщинъ и стариковъ. Длинные зимніе вечера якутскія трудолюбивыя семьи проводятъ въ приготовленіи платья, утвари, разныхъ предметовъ. Мурлыкая пѣсенку или прислушиваясь къ разсказываемой кѣмъ-нибудь сказкѣ, длинной, какъ сама якутская ночь, якутъ готовъ тысячу разъ примѣрять, подстрогать, отрѣзать, пока не останется доволенъ вырабатываемой вещью. Согрѣвая огнемъ комелька то одинъ бокъ, то другой, то спину, онъ совѣщается съ окружающими, выслушиваетъ ихъ похвалы, обсуждаетъ замѣчанія.

Якутовъ въ настоящее время нельзя считать народомъ кочевымъ, т.-к. ихъ обычныя лѣтнія передвиженія изъ зимниковъ въ лѣтники, происходящія однажды и на небольшомъ разстояніи имѣютъ скорѣе характеръ переселенія на дачу. Старинный родовой бытъ якутовъ теперь значительно распался, хотя и не исчезъ окончательно. И теперь семьи, имѣвшія одного общаго родоначальника, составляютъ родъ, которымъ управляетъ родовой старшина. Нѣсколько родовъ образуютъ поселокъ подъ управленіемъ поселочнаго старосты, и нѣсколько поселковъ образуютъ улусъ съ нѣсколькими выборными головами, также выборнымъ писаремъ и его помощникомъ. Мѣстная администрація—исправники, становые пристава и пр.—постоянно вмѣшивается въ якутское самоуправленіе. Въ общемъ владѣніи у якутовъ теперь лишь лѣса и пастбища, а пашенныя и сѣнокосныя мѣста—уже въ частной собственности.

Русское вліяніе на якутовъ выразилось, кромѣ отмѣченнаго уже роста земледѣлія и сѣнокошенія, заимствованія одежды, и въ томъ что въ западной части области якуты начали строить избы по русскому образцу. Русская грамотность прививается къ нимъ быстро, и они оказываются особенно способными къ математикѣ и рисованію. Но въ общемъ грамотность въ 1897 г. среди якутовъ была очень ничтожна: всего 0,7%, причемъ на мужчинъ приходилось 1,2%, а на женщинъ 0,1%. Число учащихся якутовъ въ учебныхъ заведе-

ніяхъ Якутска доходитъ почти до половины общаго числа. Нѣкоторые якуты получили даже высшее образованіе и состоятъ врачами, чинами судебнаго вѣдомства и пр.

Среди нихъ возникъ „якутскій союзъ", устраивались съѣзды, укрѣпилась мысль о національномъ самопредѣленіи, въ Якутскѣ открылся спеціальный якутскій клубъ, гдѣ даже ставились пьесы на якутскомъ языкѣ съ исполнителями-якутами въ національныхъ костюмахъ, демонстрировались якутскія пѣсни и якутская музыка.

Буряты.

Вторымъ послѣ киргизъ по своей численности племенемъ сибирскихъ инородцевъ являются буряты, живущіе въ Иркутской губерніи и Забайкальской области. По переписи 1897 г. всѣхъ бурятъ считалось 288.663, при чемъ на Иркутскую губ. приходилось 108.867 (21% всего населенія этой губерніи), а на Забайкальскую обл. 179.487 (27%). Главная масса бурятъ сосредоточивается въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ Забайкальской обл. — 167.870 чел. Такъ какъ буряты не обнаруживаютъ признаковъ вымиранія, то въ настоящее время ихъ общая численность можетъ доходить до 300.000 ч.

Буряты —не коренные, исконные насельники мѣстностей, занятыхъ ими въ настоящее время: они пришли сюда съ юга, изъ Монголіи, не ранѣе XVII в., и вытѣснили на сѣверъ тунгусовъ и якутовъ. Въ прежнее время буряты исключительно занимались скотоводствомъ и были кочевниками. Теперь это въ значительной степени измѣнилось. По переписи 1897 г., земледѣліемъ занималось уже 135.074 бурятъ (46,8%), а скотоводствомъ 145.036 (50,2%), причемъ, конечно, и занимающіеся земледѣліемъ не оставляютъ окончательно скотоводства. Земледѣліе, какъ основное занятіе, преобладаетъ у иркутскихъ бурятъ, скотоводство—у забайкальскихъ, къ чему послѣднихъ особенно располагаютъ физическія свойства занимаемыхъ ими мѣстностей. Вообще формы бурятскаго хозяйства представляютъ крайнее разнообразіе. Въ ачинскихъ степяхъ (въ Верхнеудинскомъ у. Забайк. обл.) господствуетъ переходъ отъ лѣтника на зимникъ и обратно, т. е. чистое кочеванье. На сѣверѣ и западѣ отъ этихъ мѣстностей появляются огораживаніе сѣнокосныхъ луговъ, удобреніе покосовъ и проведеніе оросительныхъ канавъ. За Ингодой и къ западу отъ Яблоннаго хребта земледѣліе дѣлается все болѣе и болѣе господствующимъ и все совершенствуется: орошеніе улучшается, орошаемыя и огороженныя пашни встрѣчаются рядомъ съ поливными лугами. Земледѣльческая культура еще болѣе распространилась бы среди бурятъ, если бы въ послѣднее время, вслѣдствіе желанія правительства водворить какъ можно больше переселенцевъ въ Иркутской губ. и Забайк. обл., у бурятъ не отнимались бы ихъ пашни и покосы.

Кударинскіе буряты, живущіе на устьяхъ Селенги, такъ же, какъ и Ольхонскіе (о. Ольхонъ на Байкалѣ), занимаются рыбной ловлей, а первые еще земледѣліемъ. Скотоводство ими оставленно совершенно.

Буряты—народъ монгольскаго племени, что лучше всего доказываетъ ихъ физическій типъ; узкія глазныя щели (косые монгольскіе глаза), широкія скулы, черные прямые волосы, смугло-желтый цвѣтъ кожи, слабое развитіе бороды и усовъ. Въ молодости безбородые и безусые, буряты лишь подъ старость пріобрѣтаютъ рѣдкую, жидкую растительность на лицѣ. По своимъ душевнымъ качествамъ буряты—народъ добродушный,

общительный и даже веселый, но эти свойства обнаруживаются лишь тогда, когда бурятъ находится среди своихъ.

Несмотря на развитіе земледѣлія среди бурятъ, продукты скотоводства все-таки остаются главной составной частью пищи бурятъ, это особенно замѣтно у бурятъ забайкальскихъ. Основной пищей бурятъ является „арса"—полужидкій, оченъ кислый творогъ, остающійся послѣ перегонки заквашеннаго молока въ слабую водку—„тарасунъ". Арсу сливаютъ въ кадки и при употребленіи въ пищу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, подбавивъ муки. Лѣтомъ буряты употребляютъ и самое кислое молоко („курунга"), изъ котораго приготовляется арса. Свѣжее молоко пьютъ съ чаемъ, исключительно кирпичнымъ, который варятъ въ котлахъ, прибавляя туда, кромѣ молока, муку, масло и соль. Этотъ напитокъ называется „сатуринъ". Перегоняя „тарасунъ" еще нѣсколько разъ, получаютъ болѣе крѣпкую водку „арока". Мясо въ лѣтнее время почти совсѣмъ не употребляется въ пищу бурятами, а осенью бьютъ быковъ, иногда лошадей. Для заготовки мяса въ прокъ, его рѣжутъ длинными полосами, опускаютъ въ кипящій разсолъ и вялятъ на вѣтру.

Продолжительная зима съ 40^0 мороза требуетъ въ этихъ мѣстностяхъ теплой одежды, которую могутъ доставить только животныя. Зимняя одежда обыкновенно приготовляется изъ овчинъ, а у бѣдныхъ—изъ шкуръ телятъ и жеребятъ,—это „дегиль", шуба или халатъ, сверху котораго иногда надѣвается еще доха. Шапки у мужчинъ и женщинъ почти одинаковы—съ острой тульей и расширеннымъ кверху околышемъ, иногда сдѣланнымъ изъ плиса. Широкіе и длинные лѣтніе халаты и рубахи дѣлаются изъ бумажныхъ и шерстяныхъ лѣтнихъ матерій, а у богатыхъ изъ шелковыхъ китайскихъ. Халаты у мужчинъ и дѣвицъ дѣлаются цѣльные, застегиваются на боку и на правомъ плечѣ, на поясѣ подхватываются ремнемъ или кушакомъ. Женскіе халаты похожи на юбку и кофту съ разрѣзомъ, сшитыя вмѣстѣ. Сверху такого халата надѣвается безрукавка. Наиболѣе оригинальной частью женскаго бурятскаго костюма является головной уборъ. На головѣ (женщины носятъ 2 косы, а дѣвушки много) бурятки носятъ неширокую повязку, украшенную жемчугомъ, бусами, кораллами съ серебряными бляхами. Кромѣ того, въ праздники съ головы бурятки спускается очень затѣйливый уборъ съ серебряными украшеніями, къ которому сзади привѣшиваются мѣшечки изъ бархата, куда вкладываются косы. Ко всему этому прибавляются серебряныя цѣпочки, развѣшенныя на груди и спинѣ. Шапка и безрукавка обязательны въ костюмѣ бурятки. Въ настоящее время среди бурятъ распространяется обыкновенный русскій костюмъ.

Жилищемъ бурятъ раньше была войлочная юрта монгольскаго типа, т.-е. остроконечная. Въ настоящее время такая юрта сохранилась лишь въ степныхъ мѣстностяхъ восточнаго Забайкалья. Сѣверные буряты живутъ въ восьмиугольныхъ деревянныхъ юртахъ въ сажень вышиной, съ бревенчатой или досчатой кровлей и съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Огонь разводится по серединѣ юрты, прямо на землѣ. Хотя большая часть бурятъ живетъ еще попрежнему, небольшими улусами въ 10—15 юртъ, встрѣчаются уже бурятскія селенія, гдѣ дома поставлены въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Всю зиму въ загородкахъ бродитъ скотъ и удобряетъ почву, а весной жители улуса переселяются въ лѣтники и даютъ травѣ расти безъ помѣхи. Въ концѣ лѣта на этихъ мѣстахъ получается прекрасный сѣнокосъ. Пашни свои, если позволяетъ почва, буряты устраиваютъ около лѣтниковъ или утуговъ. Нѣсколько разъ въ теченіе лѣта пашни и утуги орошаются водой посредствомъ канавъ, прроведенныхъ изъ рѣкъ, и буряты почередно, въ извѣстномъ порядкѣ, пользуются этой водой.

Русская культура оказываетъ на бурятъ все болѣе и болѣе замѣтное воздѣйствіе. Въ зимникахъ иркутскихъ бурятъ имѣются русскія печи, они пекутъ хлѣбъ, даже умѣютъ приготовлять къ чаю разное печенье изъ крупчатой муки. Жилища ихъ стали чище, одежда

и питаніе лучше. Появились вилки, ложки, стаканы, даже полотенца. Между ними появились знающіе русскую грамоту. По даннымъ переписи 1897 г., русская грамотность среди забайкальскихъ бурятъ была распространена даже больше, чѣмъ среди иркутскихъ.

Въ отношеніи религіи буряты дѣлятся на три группы: шаманисты, православные и буддисты. Принадлежность къ этимъ 3 группамъ бурятъ иркутскихъ и забайкальскихъ далеко не одинакова. Шаманисты преобладали въ Верхоленскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ, православные—въ Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ, что касается Забайкальской обл., то лишь въ одномъ Акшинскомъ уѣздѣ православныхъ бурятъ было до 20%, а повсюду преобладали буддисты.

Шаманство, „черная вѣра", было первоначальной религіей бурятъ. Шаманы—посредники между духами и людьми. Небо населено для шамаиста высшими духами, тенгріями, посланниками которыхъ къ людямъ являются низшіе духи, хаты, иногда спускающіеся на землю. Каждое мѣсто имѣетъ своего духа-покровителя — баяна, а каждый родъ, каждая семья—своего генія-хранителя—онгона. Онгоновъ очень много: для лошадей, коровъ, игръ, промысловъ, особенно кузнечнаго, различныхъ болѣзней. Изображеніями онгоновъ служатъ шкурки животныхъ, куклы изъ лоскутковъ, деревянныя фигурки, украшенныя лентами, а чаще всего грубый рисунокъ, сдѣланный красной краской на воскѣ или на лоскуткѣ. Онгонамъ приносятся жертвы водкой и молочными продуктами. Въ случаѣ смерти хозяина дома всѣхъ онгоновъ сжигаютъ и заводятъ новыхъ. Богатые шаманисты нѣсколько разъ въ годъ (бѣдные разъ въ 3 года) устраиваютъ праздники и жертвоприношенія мѣстному божку въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся „обо"—кучи камня или хвороста. Такіе праздники называются таплагонами, а на нихъ обыкновенно совершаются кровавыя жертвоприношенія и выпивается много водки. Шаманъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на подобномъ таплагонѣ. Къ шаману обращаются обыкновенно и для избавленія отъ болѣзней, которыя шаманисты представляютъ себѣ навожденіемъ злыхъ духовъ. Бурятскіе шаманы обыкновенно не употребляютъ бубна, но облекаются въ особыя замшевыя шубы, обшитыя желѣзными привѣсками, изображающими змѣй, и шапки, состоящія изъ желѣзнаго обода, къ которому прикрѣпляются двѣ желѣзныя перекрещивающіяся полудуги. Двѣ палки съ лошадиными вырѣзанными головами, которыя шаманъ беретъ въ руки, представляютъ непремѣнную принадлежность шаманскаго служенія; онѣ изображаютъ лошадей, на которыхъ шаманъ долженъ отправиться въ царство страшнаго Эрлена-хана, въ жилище умершихъ. Передъ началомъ камланія въ огонь въ юртѣ или на открытомъ воздухѣ бросаютъ пихту, вереск, богородицкую траву, а юрту обрызгиваютъ молокомъ. Помѣстившись передъ огнемъ, шаманъ и его помощники начинаютъ пѣть молитвы; шаманъ раскачивается, но его ноги или остаются неподвижными, или онъ вдругъ дѣлаетъ прыжки, опираясь на свою палку. При этомъ шаманы впадаютъ въ особое

Буряты.

состояніе, близкое къ припадку. Они падаютъ на полъ, бьются, изо рта ихъ течетъ пѣна, они рычатъ или кричатъ, подражая животнымъ, бросаются на присутствующихъ. Въ такомъ состояніи шаманы, по мнѣнію бурятъ, или могутъ пророчествовать, если дѣло идетъ объ отысканіи потерянной вещи, или ихъ душа оставляетъ тѣло и отправляется выручать душу больного изъ жилища Эрлена-хана. Самъ шаманъ или его помощники повѣствуютъ при этомъ, гдѣ находится и что дѣлаетъ въ данное время шаманъ. Всѣ признаки съ очевидностью показываютъ, что шаманизмъ среди бурятъ является религіей вымирающей, утрачивающей всякій авторитетъ, которая должна смѣниться и безъ того уже сильно распространившимся въ Забайкальѣ буддизмомъ.

Распространеніе буддизма среди забайкальскихъ бурятъ началось еще въ XVIII в., и въ 1764 г. была учреждена для нихъ правительствомъ высшая духовная власть подъ именемъ бандидо-хамболамы. Это было сдѣлано для того, чтобы предотвратить вліяніе на забайкальскихъ бурятъ со стороны буддійскаго духовенства изъ Монголіи и возможность ихъ удаленія туда, если бы ихъ вѣра не встрѣтила поощренія. Поэтому первая половина XIX в. ознаменована быстрыми успѣхами буддизма въ Забайкальѣ, пока этого не остановили разныя ограничительныя мѣры, начало которыхъ относится къ 1853 г. Быстрый ростъ буддизма въ Забайкальѣ достаточно ярко изображается двумя цифрами: въ 1831 г. буддистовъ числилось 85.000, а въ 1848 г. уже 125.000, т. е. за 17 лѣтъ ихъ число увеличилось на 47%.

Буддизмъ привился къ монголо-бурятамъ въ формѣ ламаизма.

Ламаизмомъ эта вѣра названа по причинѣ того огромнаго значенія, которое имѣютъ ея духовныя лица, ламы, въ жизни ламаитовъ. „Лама—добрый другъ“, и безъ него невозможно получить спасеніе. Каждый человѣкъ долженъ имѣть своимъ духовнымъ руководителемъ ламу, къ которому нужно имѣть постоянное уваженіе, снабжать его всѣмъ необходимымъ, не отказывать даже и въ самомъ дорогомъ.

Бритые ламы, съ широкимъ и длиннымъ желтымъ платомъ на обыкновенной бурятской одеждѣ, перекинутымъ на лѣвое плечо и пропущеннымъ подъ правую мышку (священный желтый цвѣтъ сообщилъ и самой вѣрѣ наименованіе „желтой“), обитаютъ въ монастыряхъ, дацанахъ, гдѣ они по 4 раза въ день совершаютъ богослуженія въ кумирняхъ, наполненныхъ изображеніями боговъ, которыхъ они въ праздничные дни обносятъ кругомъ дацановъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Во главѣ каждаго дацана стоитъ „ширетуй“, настоятель, а въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (около Селенгинска) пребываетъ бандидо-хамболама, духовный глава забайкальскихъ бурятъ, соотвѣтствующій православному епископу. Ламы должны быть безбрачны, соблюдать посты и обучать правиламъ своей вѣры молодыхъ людей, хавураковъ, которыхъ отдаютъ въ дацаны ихъ родственники, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ ламъ. Жилище каждаго ламаита имѣетъ домашній алтарь – родъ комода, на которомъ расположены „бурханы“, литые изъ мѣди, сдѣланные изъ кожи, глины, картона или нарисованные на бумагѣ, а передъ ними мѣдныя чашечки съ жертвенными приношеніями—водой, масломъ, зерномъ; тутъ же находятся вазочки, колокольчики, естественные и искусственные цвѣты.

Буряты изъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ инородцевъ обнаружили особенное стремленіе къ образованію и лучшему устройству своего общественнаго быта. Буряты устраиваютъ съѣзды, посылаютъ въ Петербургъ депутаціи, добиваются одного мѣста въ Государственной Думѣ. Возникаетъ сильное національно-народническое теченіе, вылившееся въ союзъ бурятскихъ учителей и дѣятелей по народному образованію подъ названіемъ „Знамя бурятскаго народа“ („бурядъ зиной тугъ“), союзъ учащихся бурятъ и „общество просвѣщенія бурятъ“, изобрѣтается монголо-бурятскій алфавитъ, на которомъ печатаются брошюры. Вообще слѣдуетъ признать, что буряты отличаются хорошими умственными способностями, воспріимчивостью къ ученью и понятливостью, не говоря уже объ усердіи и прилежаніи, и европейское знаніе безъ труда можетъ привиться къ нимъ.

До сихъ поръ старинныя основы родового быта стоятъ крѣпко въ сознаніи бурятъ, и на нихъ опиралось все ихъ общественное устройство. Всѣ они до сихъ поръ дѣлятся на нѣсколько родовъ, и до 1904 г. управлялись наслѣдственными князьями или тайшами и старшинами (шуленги). Но съ недавняго времени правительство рѣшило, и не къ пользѣ бурятъ, замѣнить эти естественныя формы искусственными, скопированными съ русскихъ крестьянскихъ волостей.

Проповѣдь православія, несмотря на долговременное существованіе двухъ миссій, иркутской и забайкальской, не принесла прочныхъ результатовъ. Какъ только стало возможнымъ послѣ 17 окт. 1905 г. свободно измѣнять религію, началось массовое отпаденіе бурятъ отъ православія, особенно въ Иркутской губ., въ Тункинскомъ краѣ, среди кударинскихъ бурятъ и въ другихъ мѣстахъ.

Самоѣды, тунгусы и другіе инородцы.

На крайнемъ сѣверѣ Россіи кочуютъ самоѣды, доходя къ востоку до Тазовской губы. Они, несомнѣнно, пришли съ юга, съ Саянскаго нагорья. Самоѣды кочуютъ и вблизи остяцкихъ стойбищъ и вообще по своей наружности походятъ на сѣверныхъ остяковъ, отличаясь вообще отъ послѣднихъ своимъ языкомъ: ихъ языкъ грубъ, рѣзокъ, въ немъ часто встрѣчаются гортанныя и звукъ р. Хотя они тотъ же, въ сущности, кроткій и добродушный, какъ и остяки, но они болѣе скрытны и недовѣрчивы, почему кажутся суровыми и мало сообщительными. Главное богатство самоѣдовъ—олени, главное ихъ занятіе—оленеводство. Круглый годъ они кочуютъ со стадами своихъ оленей: лѣто по направленію къ океану, гдѣ прохладнѣе, и олени не такъ страдаютъ отъ комаровъ, мошекъ и оводовъ, зимою—къ юго-востоку, въ полосу тундръ и лѣсовъ, гдѣ больше топлива, и гдѣ олени не такъ страдаютъ отъ бурановъ. Въ тундрѣ самоѣды охотятся на дикаго оленя, у береговъ океана — на моржей и морскихъ зайцевъ (родъ тюленя). Посредствомъ разныхъ капкановъ они ловятъ песцовъ, волковъ, лисицъ и россомахъ. Вслѣдствіе постоянной кочевой жизни самоѣды выработали себѣ типъ подвижного жилища, не похожаго на остяцкую юрту—именно чумъ, покрытый оленьими шкурами. Зимой чумъ огребается снѣгомъ, и входъ завѣшивается шкурой оленя. Въ противоположность остякамъ, рѣдко 2 самоѣдскихъ семьи помѣщаются въ одномъ чумѣ. Воздухъ въ самоѣдскихъ жилищахъ гораздо лучше, чѣмъ въ остяцкихъ, и сами самоѣды гораздо опрятнѣе своихъ сосѣдей, нечистоплотность которыхъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что русскіе, по этой причинѣ, никогда не берутъ себѣ въ жены даже избраннѣйшихъ остячекъ. Болѣе южные самоѣды (нарымскіе) ассимилировались съ остяками, и нѣкоторые изъ нихъ даже живутъ осѣдло, занимаясь рыболовствомъ. Обскіе самоѣды занимаются, въ небольшихъ размѣрахъ, скотоводствомъ, иногда извозомъ и охотничьимъ ремесломъ; только земледѣліе чуждо вообще всѣмъ самоѣдамъ.

Вслѣдствіе одинаковыхъ климатическихъ и бытовыхъ условій одежда самоѣдовъ и остяковъ въ общемъ одинакова. Олень доставляетъ зимнее одѣяніе обоимъ этимъ народамъ: „малицу“ — рубашку изъ оленьяго мѣха шерстью внизъ съ капюшономъ и небольшими рукавами, поверхъ которой, въ большіе морозы, надѣвается еще „гусь“—такого же покроя, только шерстью вверхъ и изъ болѣе грубаго мѣха. Голова защищается треухомъ, сшитымъ изъ двухъ сшитыхъ вмѣстѣ оленьихъ шкурокъ — одна шерстью внизъ, другая вверхъ. На ноги надѣваются „чюни“, мѣховые чулки, и поверхъ нихъ мѣховые же „пимы“ шерстью вверхъ.

По умственному развитію самоѣды не выше остяковъ, хотя ихъ народное творчество богаче и ярче. Ихъ экономическое положеніе только немногимъ лучше, чѣмъ у остяковъ, и ихъ спасаетъ лишь ихъ кочеванье, почему они менѣе соприкасаются съ русскими торговцами, ихъ пища (оленина, а не хлѣбъ) и продукты промысла (пушнина, а не рыба), что даетъ имъ большую степень самостоятельности въ сношеніяхъ съ торговцами. Но тѣмъ не менѣе и самоѣды вымираютъ не только отъ эксплоатаціи, но и отъ болѣзней.

Къ группѣ племенъ сѣверныхъ инородцевъ нужно отнести небольшое племя нахсамаряхъ, живущее по р. Надыму и открытое лишь въ 1895 г. Хотя по наружному виду эти инородцы мало отличаются отъ самоѣдовъ, будучи лишь нѣсколько смуглѣе ихъ и имѣя болѣе рѣзко выраженный монгольскій типъ, но по своему языку это племя совершенно отличительно, въ немъ нѣтъ ничего общаго ни съ остяцкимъ, ни съ самоѣдскимъ языками, онъ имѣетъ совершенно особенный и общій характеръ и звуковую ткань.

На огромныхъ пространствахъ отъ Енисея и сѣверныхъ тундръ до Амура и Охотскаго моря, переполненныхъ горными хребтами и тайгами, бродятъ тунгусы, въ общей численности до 62.000 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины живетъ въ Забайкальѣ; подвергшись вліянію бурятъ, они изъ бродячихъ превратились въ кочевыхъ, занявшись скотоводствомъ. Южные тунгусы, болѣе чистые представители племени, имѣютъ довольно высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, прямой, короткій носъ, узкіе, прямые глаза, широкія скулы, большія руки, ноги и ротъ. Волосы черные, прямые, растительность на лицѣ жидкая и короткая. Тунгусы — самый симпатичный народъ въ сибирскихъ тайгахъ. Они въ высшей степени добросовѣстны, подвижны, держатъ себя съ достоинствомъ, отличаются чрезвычайнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ, живы, общительны, веселы, беззаботны, страстно любятъ пляски и пѣсни. Недаромъ ихъ называютъ французами или дворянами тайги. Воровство и грабежъ имъ неизвѣстны. Они отличаются франтовствомъ, любовью къ пестротѣ, расшитымъ нарядамъ. Взаимопомощь у тунгусовъ очень развита. Лѣтомъ они довольствуются берестяной юртой, которую каждый разъ вновь сооружаютъ. Суровая зима, конечно, требуетъ болѣе солиднаго убѣжища, и тунгусы строятъ на зиму юрту изъ наклонно поставленныхъ жердей съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Юрта обтягивается оленьими шкурами, а у бѣдныхъ — выдѣланной рыбьей кожей. По срединѣ юрты огонь, а по бокамъ устраиваются отдѣленія въ видѣ продолговатыхъ мѣховыхъ ящиковъ, обращенныхъ къ огню открывающейся стороной: тамъ можно только сидѣть или лежать, но зато въ самую страшную пургу туда не проникаетъ ни одна струйка холода. Въ большой юртѣ бываетъ до 8 такихъ пологовъ. Оленина, вареная или вяленая—главная пища тунгусовъ; кромѣ того они употребляютъ сушеную (юкола) и мороженую рыбу (строганина), мясо и жиръ медвѣдя и тюленя. Изъ сушеной рыбы дѣлается пирожекъ (порса), употребляемый съ нерпичьимъ жиромъ. Ни хлѣба ни соли тунгусы не знаютъ. Лакомствомъ является замороженное густое тѣсто изъ нерпичьяго жира, рыбной икры и брусники. Чай во всеобщемъ употребленіи. Лѣтомъ тунгусы занимаются рыболовствомъ, но съ наступленіемъ зимы они не знаютъ ни усталости, ни отдыха, цѣлыми недѣлями, въ трескучіе морозы, выслѣживая въ горахъ звѣря. Тогда они ночуютъ подъ деревьями, спятъ мало, проходя въ день по 40—80 верстъ. Зрѣніе, слухъ и чутье тунгусовъ поразительны. Они не собьются съ дороги даже въ самую сильную пургу или въ густомъ лѣсу лѣтомъ, когда сквозь вѣтви деревъ не видно даже клочка неба. Часть тунгусовъ занимается оленеводствомъ. Весной они собираются на стойбища для внесенія ясака по 1—2 соболя съ души. Вотъ и все ихъ отношеніе къ русской власти. Будучи уже давно крещеными, они мало знакомы съ внѣшней стороной православія. Русскіе и якутскіе торговцы пользуются слабостями тунгусовъ и безсовѣстно ихъ обираютъ, опутывая долгами. Въ настоящее время тунгусы принадлежатъ къ народности вымирающей.

Къ тунгузскому племени принадлежатъ ламуты (около 5.000), кочующіе до Охотскаго

моря, а на сѣверѣ даже до Анадыра. Сѣверные ламуты имѣютъ сходство съ чукчами, съ которыми живутъ во враждѣ. Орочоны, кочующіе въ баргузинской тайгѣ (Забайк. обл.), въ верховьяхъ Амура внизъ до Невѣра и около Императорской гавани въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, относятся также къ тунгусскому племени. Они—звѣроловы и рыболовы. Орочоны у Императорской гавани сохранились въ болѣе чистомъ видѣ. Живутъ въ дымныхъ, грязныхъ, холодныхъ юртахъ, лѣтомъ занимаясь рыболовствомъ, а зимой охотой, особенно на соболя. Ихъ умственныя способности плохи, память слаба. Забайкальскіе орочоны менѣе дики и болѣе развиты. Изъ другихъ мелкихъ племенъ тунгузской семьи (ольчи, самагирцы, солоны, манегры, ороки) можно развѣ остановиться на гольдахъ (до 5.000), живущихъ по Амуру, къ востоку отъ Буреинскихъ горъ. На нихъ уже замѣтно монгольское вліяніе даже въ самомъ типѣ. Они носятъ одежду китайскаго покроя и живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ въ родѣ китайскихъ фанзъ. Ихъ пища—мясо, рыба, китайская капуста, овощи, лукъ и кукуруза, занятія—рыболовство и охота. Гольды живутъ семьями, не раздѣляясь, какъ бы ни была велика семья, неограниченнымъ главой которой считается отецъ или старшій братъ.

Группа племенъ сибирскихъ инородцевъ, доходящихъ до 82.000 человѣкъ, принадлежитъ къ племени, которое одни считаютъ палеазіатскимъ, другіе — американскимъ, третьи—неизвѣстнаго происхожденія. Къ этой группѣ относятся енисейскіе остяки, живущіе по Енисею и его притокамъ отъ с. Анциферова до р. Курейки. Ихъ теперь нѣсколько сотъ, они вымираютъ и утратили всѣ свои оригинальныя черты, за исключеніемъ языка, представляющаго замѣчательную лингвистическую особенность. На саянскихъ гольцахъ, въ истокахъ рѣкъ Бирюсы, Уды и Надыра, живутъ немногочисленные карагасы (около 400). Въ тюркской ткани ихъ языка встрѣчаются слова какого-то невѣдомаго языка. Они оленеводы и звѣропромышленники, но работаютъ также и на сосѣднихъ золотыхъ пріискахъ. Народы упомянутой выше группы обитаютъ преимущественно на сѣверо-востокѣ Сибири, а именно: чукчи (до 12—15 тысячъ), коряки (до 5.000), гиляки (до 5.000), камчадалы (до 3.000), чуванцы, которые едва ли не вымерли окончательно, юкагиры (до 500 человѣкъ) и алеуты (на Коммандорскихъ островахъ, около 600). Юкагиры бродятъ теперь по Колымѣ и ея притокамъ Ясачной и Коркодону и настолько обѣднѣли, что не имѣютъ оленей и передвигаются пѣшкомъ или на лодкахъ. Прежде это было огромное, воинственное племя, имѣло какія-то особыя школы для приготовленія молодыхъ людей къ военному дѣлу. Остатки чуванцевъ, если только сохранились, бродятъ по Ленѣ и верховьямъ Анадыра. Недавно еще изъ этихъ мѣстностей дошли слухи о гибели отъ голода цѣлыхъ юкагирскихъ семействъ. Камчадалы совершенно обрусѣли, утратили свою былую воинственность и занимаются рыболовствомъ и скотоводствомъ. Отличаясь замѣчательной чистотой въ домашней обстановкѣ, камчадалы по прежнему безпечны, легкомысленны, вялы и тупы. Они широко пользуются дикими камчатскими растеніями, какъ пищей и какъ лѣкарствомъ.

Коряки живутъ въ гижигинскихъ тундрахъ (кочевые, оленные) и по Камчаткѣ, по берегу Берингова моря (осѣдлые, рыболовы). Рослые, широкоплечіе, съ густыми, нависшими бровями, съ медленными, угловатыми движеніями, они имѣютъ очень суровый и непривѣтливый видъ. Юрта бродячаго коряка покрывается оленьими шкурами въ нѣсколько рядовъ. Осѣдлые коряки живутъ въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и обложенныхъ дерномъ, куда проникаютъ черезъ дымовое отверстіе, лазая по доскѣ, на которой вырублены ступени. Лѣтомъ въ юрту попадаютъ черезъ дверь изъ длинныхъ сѣней, пристраиваемыхъ съ запада. На крышѣ юрты, куда взбираются также по доскѣ, ставятся жерди такимъ образомъ, что все это походитъ на воронку, обращенную кверху широкимъ концомъ. Тамъ, въ углубленіи, складывается собачья упряжь, оленьи шкуры, запасы рыбы и мяса. Внутренность юрты разбивается на нѣсколько пологовъ (3—5), какъ у тунгусовъ.

Дома коряки носятъ широкій мѣшокъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ, съ поясомъ и собачьимъ воротникомъ. Въ дорогу надѣвается еще кухлянка шерстью наружу. Женщины носятъ мѣховую рубашку съ пришитыми къ ней мѣховыми шароварами, а въ дорогу надѣваютъ короткую кухлянку шерстью внизъ съ „уповономъ", каймой изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ кожи. Корячки татуируютъ себѣ лицо, вплетаютъ въ косы разныя украшенія, любятъ серьги и браслеты изъ бусъ, бисера, мѣди и желѣза. Въ семьѣ корячка — безмолвная рабыня и постоянно завалена тяжелымъ трудомъ. Коряки — шаманисты и очень любятъ приносить въ жертву своихъ собакъ. Юрту коряка украшаетъ идолъ „Вычгинъ"— доска съ кружкомъ вмѣсто головы. Въ случаѣ пропажи или гибели оленей корякъ бьетъ идола палкой, а благоволеніе выражаетъ тѣмъ, что мажетъ его губы мозгомъ изъ лѣвой голени оленя. Осѣдлые коряки развиты, общительны и славятся, какъ кузнецы и рѣзчики изъ кости.

Наиболѣе многочисленнымъ и дикимъ изъ этой группы племенъ являются чукчи, живущіе на огромномъ пространствѣ между Колымой, Беринговымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ. Чукчи дѣлятся на кочевыхъ (оленныхъ) и сидячихъ (собачьихъ). Первые живутъ по Анадырю и его притокамъ (верховье и низовье), вторые — вдоль морского берега. Кочевые чукчи занимаются оленеводствомъ, единственно возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ, осѣдлые — ловлей морскихъ звѣрей, рыбы, добычей пушнины. Жилища кочевыхъ чукчей вполнѣ похожи на жилища кочевниковъ коряковъ: также покрыты оленьими шкурами, съ пологами внутри. Въ полога ставятся еще плошки съ нерпичьимъ жиромъ съ кускомъ мха вмѣсто свѣтильни, — такъ освѣщаются и нагрѣваются полога, въ нихъ дѣлается даже жарко, почему чукчи спятъ въ нихъ безъ всякой одежды, такъ какъ не имѣютъ понятія о бѣльѣ. Оленные чукчи, питающіеся исключительно оленьимъ мясомъ, употребляютъ, какъ лакомство, мясо бѣлаго медвѣдя, сырую китовую кожу, оленій желудокъ съ неперевареннымъ еще мхомъ и замороженный оленій жиръ. Кровь убитаго оленя они сливаютъ въ кожаные мѣшки и складываютъ туда всѣ остатки — губы, уши, печень. Когда кровь прогоркнетъ, это блюдо употребляется въ пищу. Всѣ хрящи поѣдаются сырыми. Когда весной падаютъ оленьи телята, чукчи также ихъ поѣдаютъ. Кочевые чукчи въ плохіе дни питаются своими околѣвшими собаками, а въ хорошіе—рыбой, которую они ѣдятъ, лежа на животѣ кругомъ деревяннаго корыта, куда выплевываютъ кости. Нечего и говорить, что эта рыба варится безъ соли и берется изъ корыта руками. Чукчи знакомы съ чаемъ и сахаромъ, который они держатъ въ мѣшкѣ съ махоркой, висящей у нихъ на шеѣ. Водку они любятъ до такой степени, что бросаются и вылизываютъ ее, если случится пролить ее на полъ. Они цѣлуютъ того, кто пилъ водку, чтобы хотя сколько нибудь почувствовать ея запахъ. По вечерамъ, сидя вокругъ плошки съ горящимъ мхомъ, чукчи, спустивши съ плечъ свои одежды, отыскиваютъ въ нихъ насѣкомыхъ, которыхъ тутъ же и прикусываютъ зубами. Послѣ ужина они моютъ себѣ руки мочей изъ нерпичьяго пузыря, который постоянно находится въ юртѣ.

Ихъ обычная одежда состоитъ изъ мѣховыхъ шароваръ и длинной мѣховой рубахи. Волосы они стригутъ коротко, ходятъ обыкновенно съ обнаженной головой и только въ особенно сильные морозы надѣваютъ шапку съ ушами, которую они обычно носятъ спущенной на спину на завязкахъ. Женщины татуируютъ тѣло полосками, а мужчины носятъ въ ушахъ нитки бисера. Физическій типъ чукчей довольно привлекателенъ. Ростъ ихъ хорошъ, сложеніе крѣпкое, глаза каріе, волосы черные, лицо смуглое, съ румянцемъ. Растительность на лицѣ бываетъ рѣдко, и только у пожилыхъ иногда выростаютъ усы. Характеръ ихъ отличается неукротимостью и вспыльчивостью. Обычаи этихъ инородцевъ крайне грубы и жестоки. Если умираетъ мать грудного ребенка, то послѣдняго убиваютъ и сжигаютъ вмѣстѣ съ ней, такъ какъ не умѣютъ выкармливать дѣтей искусственно. Дряхлыхъ и безнадежно больныхъ прикалываютъ, по ихъ собственному желанію. Между

ними распространенъ обычай самоубійства, что происходитъ послѣ различныхъ приготовленій, публично и сопровождается пиромъ. Допускается многоженство, но только до 5 женъ, которыхъ нужно брать одну за другой. Друзья обмѣниваются женами на время или навсегда, а почетнымъ гостямъ хозяева обыкновенно предлагаютъ на время своихъ женъ. Существуетъ обычай кровавой мести, причемъ иногда вырѣзываются цѣлыя семьи. Чукчи вѣрятъ въ Кытъ-Очана, „хозяина мѣста“, которому приносятъ жертвы всегда внѣ юрты. Чукотскіе шаманы играютъ ту же роль, какъ у другихъ инородцевъ: лѣчатъ больныхъ и розыскиваютъ потерявшіяся вещи. У однихъ только чукчей замѣчается любопытное явленіе: нѣкоторые шаманы вдругъ объявляютъ себя женщинами, надѣваютъ женское платье, исправляютъ всѣ женскія обязанности, даже выходятъ замужъ. Въ свою очередь шаманки иногда объявляютъ себя мужчинами. Христіанство къ нимъ совсѣмъ не прививается. Хотя очень гостепріимные, чукчи ни въ чемъ не обнаруживаютъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ постороннимъ. Собачьи чукчи, особенно кочевые, ведутъ теперь дѣятельную торговлю съ американцами, пріобрѣтая отъ нихъ водку и разныя вещи, особенно ружья, которыя они сбываютъ оленнымъ, получая отъ нихъ въ обмѣнъ оленей. Вообще американское вліяніе теперь сильно распространяется среди чукчей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже говорятъ по англійски. Что касается отношенія къ русской власти, то въ дѣйствительности чукчи почти совершенно независимы, такъ что именуются „несовершенноподданными“. Ясакъ они вносятъ лишь добровольно, да и то лишь въ томъ случаѣ, если получаютъ прибыль отъ своихъ промысловъ, и непремѣнно требуютъ отдарковъ, такъ какъ смотрятъ на ясакъ, какъ на подарки русскому государю. Едва ли чукчи не вымираютъ, такъ какъ среди нихъ довольно часто свирѣпствуетъ оспа, „великая болѣзнь“, и инфлюэнца, заносимая русскими, къ которой чукчи очень чувствительны и воспріимчивы.

На берегу Беринговa моря въ 9 селеніяхъ живутъ три рода азіатскихъ эскимосовъ (около 1.300 человѣкъ), которыхъ часто смѣшиваютъ съ чукчами. Они занимаются охотой на морскихъ звѣрей и рыболовствомъ.

Въ низовьяхъ Амура, по Охотскому побережью и на Сахалинѣ живутъ гиляки, очень похожіе на тунгусовъ по внѣшности, но съ менѣе выраженными монгольскими чертами. Они отличаются пылкимъ характеромъ, при первомъ знакомствѣ недовѣрчивы и сдержанны, но въ дѣйствительности общительны. Гиляки честны и гостепріимны, даровиты, любознательны и искусны въ различныхъ работахъ. Занятія ихъ — рыболовство и звѣроловство, главная ихъ пища — рыба кэта и горбуша, единственное домашнее животное—собака. Ихъ жилище углублено въ землю аршина на $1^1/_2$, но въ срединѣ этой ямы оставляется высокая платформа, и подъ этой выкопанной въ землѣ нижней частью жилища выводится деревянная надстройка. Культъ медвѣдя, существующій и у другихъ инородцевъ вообще, гиляки сохранили наиболѣе полнымъ образомъ. Пойманный медвѣдь у нихъ долго содержится въ неволѣ, пользуется особымъ почетомъ и потомъ убивается при совершеніи процессіи всего населенія поселка и сосѣдей.

П. Головачевъ.

Населеніе русскаго Туркестана.

Три четверти Туркестана: западныя, сѣверныя и центральныя части—глинисто-солончаковыя и лессовыя площади или песчаныя, безводныя, безжизненныя пустыни. Четвертая часть, именно южныя и восточныя пограничныя пространства, заполнены горами и возвышенными плоскогоріями. Благодаря такому изобилію глинистыхъ степей и песчаныхъ пространствъ, лишь весною покрывающихся травянистымъ, преимущественно ковыльнымъ ковромъ, ихъ немногочисленное населеніе принуждено заниматься исключительно скотоводствомъ и вести кочевой образъ жизни. Зато вся осѣдлая жизнь сосредоточилась въ рѣчныхъ долинахъ возвышенной части страны, гдѣ лессовая почва, обиліе влаги, благодаря искусственному орошенію, способствовали необыкновенному развитію земледѣлія и осѣдлой жизни населенія.

Климатъ Туркестана нужно назвать рѣзко выраженнымъ континентальнымъ. Немногочисленныя и мелководныя рѣки Туркестана отличаются той особенностью, что впадаютъ въ замкнутые водоемы. Начинаясь съ пограничныхъ горъ на югѣ и юго-востокѣ, разливаясь въ самое жаркое время года вслѣдствіе таянія снѣговъ и ледниковъ на горахъ, туркестанскія рѣки теряются въ пескахъ, бѣднѣя водою благодаря громадному испаренію и отводу воды оросительными каналами, которые играютъ важнѣйшую роль въ жизни осѣдлаго населенія Туркестана, и на которые еще въ глубокой древности было обращено исключительное вниманіе.

По даннымъ всеобщей переписи 1897 г., населеніе Туркестана опредѣлялось цифрою 8.282.493 человѣка, причемъ на 5 областей приходилось 5.260.406, на Хивинское ханство 500.000 (+3.051 русскихъ) и на Бухарское 2.500.000 (+12.150 русскихъ). Принявъ во вниманіе усилившуюся русскую колонизацію Туркестана, можно думать, что его населеніе въ настоящее время доходитъ до 10 милліоновъ человѣкъ.

Едва ли можно найти другое мѣсто на земномъ шарѣ, какъ Туркестанъ, черезъ которое бы прошло такъ много различныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое оставляло свой слѣдъ, вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ и составилась удивительная этнографическая амальгама, въ которой слились всевозможныя народности. Насколько можетъ прослѣдить исторія, въ Туркестанѣ осѣдали индо-европейскіе, семитическіе и монгольскіе народы. Скиѳы, саки, массагеты, парѳяне, алланы, персы, греки, арабы, евреи, уйгуры, китанѣ, китайцы, огузы, ногайцы, монголы и многіе другіе—всѣ они проходили по обширнымъ равнинамъ Туркестана и оставили тамъ свои болѣе или менѣе замѣтные слѣды, всѣ въ различной мѣрѣ принимали участіе въ этнографическомъ сформированіи современнаго населенія Туркестана.

Къ осѣдлому населенію Туркестана принадлежатъ слѣдующіе народы: сарты, таджики, гальчи, осѣдлые узбеки. таранчи, дунгане, евреи, цыгане, а также русскіе и въ неболь-

Сартъ въ чалмѣ (Сыръ-Дарьинская область).

шомъ количествѣ персіяне, индусы, арабы, авганцы. Къ кочевымъ народамъ Туркестана относятся: киргизы, кочевые узбеки, туркмены, каракалпаки, калмыки и кипчаки.

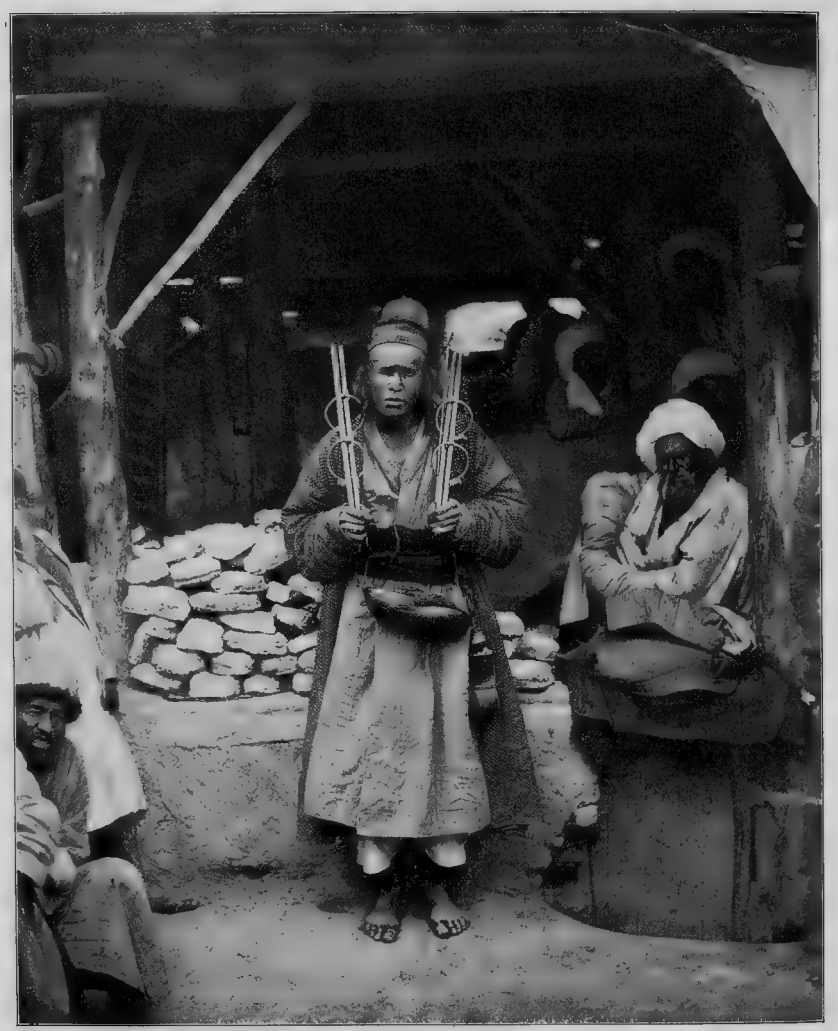
I. Осѣдлое населеніе Туркестана.

Сарты составляютъ почти 24% всего населенія Туркестана и живутъ преимущественно въ западной Ферганѣ, затѣмъ въ Семирѣченской и отчасти въ Сыръ-Дарьинской областяхъ (въ послѣдней до 200.000). Слово „сартъ“ въ Туркестанѣ не имѣетъ достаточной устойчивости и опредѣленности: подъ нимъ разумѣется вообще осѣдлое населеніе городовъ, кишлаковъ (селеній въ 100—200 дворовъ) и деревень, такъ что сартами называются и таджики, и осѣдлые узбеки; далѣе киргизы, поселившіеся въ городахъ, и сарты въ тѣсномъ, опредѣленномъ этнографическомъ смыслѣ этого слова. По своему типу сарты отличаются какъ отъ монгольскихъ узбековъ, такъ и отъ таджиковъ, представляющихъ собою типъ индо-европейскій. Въ общемъ сарты представляютъ собою смѣсь первобытнаго населенія страны съ индогерманскими элементами и съ позднѣйшими наслоеніями въ теченіе послѣднихъ 2.000 лѣтъ. Смѣшанное населеніе представляетъ собою характерную черту туркестанскихъ городовъ, и объясняется тѣмъ, что города являлись единственными мѣстами спасенія мирнаго населенія отъ грабителей-кочевниковъ. Свой языкъ, „сартъ-тили“, сарты взяли отъ тюркскихъ узбековъ господствовавшихъ въ Туркестанѣ въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ. Языкъ этотъ представляетъ свои особенности, отличающія его отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и является столь же смѣшаннымъ, какъ и сами сарты въ этнографическомъ смыслѣ.

Таджикъ (Сыръ-Дарьинская область).

Физическій типъ сартовъ представляетъ слѣдующія болѣе опредѣленныя черты: ростъ ихъ средній и даже выше средняго, они хорошо сложены, лицо овальное съ довольно пріятными чертами, скулы выдаются мало, темные, большіе, выразительные глаза черные волосы, густая растительность на лицѣ. Сартянки имѣютъ ростъ средній и ниже средняго. Цвѣтъ кожи обыкновенно смуглый, и бѣлизна, какъ исключеніе, цѣнится очень высоко. Замѣчательно, что въ женскихъ лицахъ преобладаетъ выраженіе энергіи, въ то время какъ на лицахъ мужчинъ ясно написана апатія и вялость. Волосы сартянокъ не-

обыкновенно густы и длинны, но зато и очень жестки. Плотное сложеніе, свойственное



Дервишъ на базарѣ.

обоимъ поламъ, нерѣдко переходитъ въ тучность, такъ что среди зажиточныхъ сартовъ нерѣдко можно встрѣтить особъ въ 6—8 пудовъ вѣса, съ чѣмъ такъ гармонируютъ плав-

ныя, медленныя движенія, свойственныя вообще сартамъ по требованію ихъ хорошаго тона. Смѣшеніе различныхъ племенъ, образовавшихъ сартскую народность, а также ихъ долголѣтнее угнетеніе монголами-узбеками, какъ господствующимъ племенемъ, наложили неизгладимыя черты на характеръ сартовъ и придали имъ рѣзко выраженныя опредѣленныя черты. Сартъ въ общемъ покоренъ, трусливъ, льстивъ, скрытенъ и раболѣпенъ, недовѣрчивъ, лживъ, коваренъ, мстителенъ, хвастливъ, жестокъ и позволяетъ себѣ все, когда разсчитываетъ на безнаказанность. Любовь къ своимъ дѣтямъ и почтительность къ старшимъ являются отличительными чертами сартовъ въ домашней обстановкѣ. Сарты обладаютъ хорошими умственными способностями и болѣе другихъ среднеазіатскихъ народностей склонны къ торговой дѣятельности. У сартовъ нѣтъ опредѣленныхъ сословій,

Базаръ.

но по спеціальнымъ занятіямъ они раздѣляются на 3 класса: 1) представители мусульманской науки и шаріата, 2) торговцы, 3) ремесленники и земледѣльцы.

Господствующая религія—мусульманство суннитскаго толка—наложило отличительную печать на качество и характеръ того образованія, которое получаютъ сколько нибудь зажиточные сарты. Съ 7—8 лѣтъ мальчика отдаютъ въ мектебэ—первоначальную школу при мечети. Когда отецъ въ первый разъ приводитъ въ школу своего сына, онъ приноситъ въ даръ учителю блюдо пилава и палку и говоритъ: „Поручаю вамъ нашего ребенка. Учите его и бейте. Если и убьете, то мы не будемъ имѣть претензіи. Мясо—ваше, а кости—наши“.

За ознакомленіемъ съ системой корана слѣдуетъ изученіе книги съ правилами омовеній, молитвъ, постовъ и т. п. Нѣкоторые изъ учениковъ мектебэ, по окончаніи въ нихъ курса, идутъ въ медрессэ, высшія школы, существующія въ городахъ и большихъ кишлакахъ. Медрессэ, созидаемыя благочестивыми людьми, имѣютъ свою земельную собствен-

*

ность (вакуфы), на доходъ съ которой и содержатся. Кромѣ болѣе обстоятельнаго изученія корана, въ медрессэ преподается ариѳметика, не доходящая, впрочемъ, до дробей, и медицина—рядъ рецептовъ лекарствъ отъ разныхъ болѣзней. Въ медрессэ получаютъ свое образованіе всѣ представители мусульманской интеллигенціи: имамы (настоятели мечетей), кадіи (судьи), муддирисы и преподаватели въ мектебэ, муллы (учителя въ мектебэ). Тамъ же знакомятся съ мусульманской религіей и ишаны—духовные наставники особаго типа. Они являются руководителями своихъ учениковъ—мюридовъ въ дѣлѣ исканія истины для сліянія съ Богомъ. Члены этого ордена отличаются особой одеждой и занимаются проповѣдничествомъ на базарахъ и улицахъ. Кромѣ того, публичной проповѣдью занимаются и маддахи, родъ дервишей, уличные проповѣдники – муллы, въ оборванной и грязной

Улица у медрессэ Ширъ-Даръ въ базарный день.

одеждѣ, съ засученными рукавами, нервно жестикулирующіе. Въ своихъ проповѣдяхъ они касаются и вопросовъ современной жизни и потому имѣютъ большое вліяніе на слушателей.

Каждый туркестанскій городъ, а также и большой кишлакъ (съ базаромъ) окруженъ широкой каймой фруктовыхъ садовъ, а внутренняя его часть—лабиринтъ узенькихъ, переплетающихся улицъ, обставленныхъ низкими, глинобитными, одноэтажными строеніями безъ оконъ, съ низенькими и узкими входными дверьми. Центромъ города и обширнаго кишлака является базаръ, расположенный или на площади, или имѣющій видъ лабиринта узенькихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ идутъ сплоченныя низенькія строенія съ галлереей впереди, раздѣленныя стѣнами. Это—лавки, наполненныя товаромъ, среди котораго сидитъ торговецъ. Передняя сторона лавки открыта, и покупатель усажи-

вается на полу на войлокѣ, разсматривая товаръ, предлагаемый ему торговцемъ. Улицы базаровъ обыкновенно покрываются жердями, на которыя стелется камышъ или земля. Благодаря этому торговцы и покупатели не страдаютъ отъ жгучихъ лучей туркестанскаго солнца, но зато принуждены дышать спертымъ, плохо освѣжаемымъ воздухомъ. Базаръ составляетъ притягательный центръ для сартовъ: тамъ сосредоточены всѣ прелести сартовской культурной жизни: чайныя лавочки („чай-ханэ"), харчевни („ашъ-ханэ"), гдѣ можно получить порцію пельменей, плова, шашлыка и пр., дирюльни, гдѣ, по предписанію религіи, каждый правовѣрный долженъ время отъ времени брить себѣ голову.

Каждая сартовская семья живетъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, не сообщающемся съ другими. Всѣ сартовскія жилища строятся по одному типу, и дома богатыхъ отличаются отъ жилищъ бѣдняковъ только своими размѣрами и внутренней обстановкой. Лѣтомъ зажиточные сарты часто переселяются въ свои пригородные сады. Крыши строеній плоскія, съ легкимъ наклономъ въ ту или другую сторону. У бѣдныхъ обѣ половины— мужская и женская — отдѣляются лишь циновкой. Полъ глинобитный, застилаемый кошмами, а у богатыхъ коврами. Въ стѣнахъ (выбѣленныхъ) устроены ниши, куда складывается скарбъ и постельныя принадлежности—войлоки, подушки и одѣяла, ставятся котлы и кувшины для нагрѣванія воды. Въ холодное время комнаты отопляются каминами или жаровнями, помѣщающимися въ углубленіи на срединѣ комнаты. Надъ жаровней ставится табуретъ и покрывается сверху широкимъ одѣяломъ, а кругомъ этого источника тепла, засунувъ ноги подъ одѣяло, располагаются обитатели сартовскаго дома, и такъ ѣдятъ, работаютъ, а на ночь располагаются и спать. Освѣщаются сартовскіе дома свѣтильниками съ льнянымъ или кунжутнымъ масломъ. Кромѣ маленькаго низенькаго столика, въ сартовскихъ домахъ нѣтъ никакой мебели. Если домъ настолько великъ, и хозяинъ настолько зажиточенъ, что приходится имѣть мужскую прислугу, то они помѣщаются въ особой кухнѣ на наружномъ дворѣ.

Одежда сартовъ отличается простотой и просторностью. Она состоитъ изъ штановъ, сшитыхъ изъ бумажной ткани (бязь, мата); сверху штановъ (что очень важно по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ) надѣвается длинная рубаха изъ такой же ткани, какъ и штаны. Сверху надѣвается халатъ изъ очень различныхъ тканей, начиная съ очень дорогой кашмирской (до 300 р.), парчи, бархата до суконъ и бумажныхъ тканей. Нижній халатъ, приготовляемый изъ болѣе дешевой ткани даже у богатыхъ, опоясывается широкимъ и длиннымъ поясомъ, складки котораго у сарта замѣняютъ карманы. Въ случаѣ холода нѣсколько халатовъ надѣваются одинъ на другой, такъ что вопросъ: „Сколько сегодня халатовъ?" соотвѣтствуетъ нашему вопросу: „Сколько сегодня градусовъ?".

На бритой головѣ каждый сартъ носитъ тюбетейку, низенькую конической формы шапочку, сдѣланную изъ какой-нибудь матеріи, иногда вышитую серебромъ и золотомъ. Но для появленія въ обществѣ каждый уважающій себя сартъ непремѣнно долженъ имѣть чалму. Дома въ лѣтнее время сарты ходятъ лишь въ штанахъ, рубахѣ и тюбетейкѣ, которую они не снимаютъ даже и на ночь. Сельскіе рабочіе на поляхъ лѣтомъ имѣютъ на себѣ лишь штаны и тюбетейку. Масса паразитовъ составляютъ истинное бѣдствіе сартовскихъ домовъ, дворовъ и садовъ; тараканы, клопы и блохи, змѣи, скорпіоны и фаланги безпокоятъ обитателей сартовскихъ домовъ; туземцы не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, т. к. эти змѣи не жалятъ. Болѣе опасны скорпіоны и фаланги.

Одежда сартянокъ ничемъ не отличается отъ мужской: тѣ же рубахи, штаны, пояса, халаты. Волосы сартянка заплетаетъ въ нѣсколько косъ и привѣшиваетъ къ нимъ украшенія въ видѣ шелковыхъ кистей, серебряныхъ бляхъ, монетъ. Строгій обычай требуетъ, чтобы голова сартянки была покрыта платкомъ, обыкновенно бѣлымъ, который онѣ носятъ особымъ образомъ, распуская концы сзади. Сартянки очень любятъ носить длинные ожерелья изъ коралловъ и серебряныхъ бляхъ, которыя не снимаютъ и на ночь, какъ и

Костюмъ бухарскаго чиновника.

штаны. Румяна, бѣлила, черненіе зубовъ и духи также въ большой модѣ среди сартянокъ. Когда сартянка выходитъ изъ дома, она съ головой закутывается въ паранджу—особый халатъ съ очень длинными рукавами, закидываемыми на спину и сшитыми внизу, въ мѣстѣ соединенія. Для сокрытія лица подъ халатъ она надѣваетъ сѣтку изъ чернаго конскаго волоса („гимматъ"). Закутанныя въ паранджи, съ сѣтками на лицѣ, сартянки появляются на улицахъ въ видѣ безмолвныхъ автоматовъ, двигаются мелкими, ровными, быстрыми шагами.

Въ лѣтнее время сельскіе рабочіе питаются почти исключительно дынями и хлѣ-

Гадальщикъ у мечети Ширъ-Даръ.

бомъ. По утрамъ горожане пьютъ чай съ хлѣбомъ или настой изъ разныхъ травъ, а въ кишлакахъ ѣдятъ жиденькую кашицу. Сартовская кухня имѣетъ нѣсколько своеобразныхъ, любимыхъ и почетныхъ блюдъ, предлагаемыхъ гостямъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ палау (пилавъ), шурба—супъ изъ баранины или другого мяса съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой или другими овощами, кульчатка—похлебка изъ мелко искрошеннаго мяса и тѣста. Въ харчевняхъ на базарахъ всегда предлагаются пельмени, сваренные на пару. Употребленіе сыра и масла имъ неизвѣстно; все приготовляется на бараньемъ салѣ. Куры употребляются въ пищу въ большомъ количествѣ, онѣ въ Туркестанѣ очень дешевы. Пьютъ чай (зеленый) на водѣ и ширъ-чай—съ молокомъ, масломъ, солью и перцемъ. Изъ проса приготовляется буза—родъ пива или браги.

Сартовская семья представляетъ собою мало симпатичное и мало поучительное зрѣлище. Во внѣшнихъ отношеніяхъ мужа и жены замѣчается очень мало интимности, случаи прочной нравственой связи между супругами крайне рѣдки. Всѣ родственныя связи у сартовъ вообще очень слабы. Дѣти мало любятъ своихъ родителей и плохо слушаются ихъ, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ. Такое печальное состояніе сартовской семьи является результатомъ того положенія, которое занимаетъ въ сартовскомъ обществѣ женщина. По своему характеру сартянки вообще гораздо привлекательнѣе сартовъ. Въ общемъ онѣ очень веселаго нрава, любятъ пѣть, быстры въ движеніяхъ, но отсутствіе воспитанія и образованія и слишкомъ узкая и тѣсная сфера дѣятельности, предоставленная

Арыки.

имъ, способствовала развитію въ ихъ характерѣ многихъ несимпатичныхъ чертъ. Онѣ грубы и невоспитаны, всѣ вещи называются ихъ собственными именами, нисколько не стѣсняясь.

Любимое ихъ занятіе—ходить въ гости или принимать у себя гостей. Когда одна сартянка хочетъ познакомится съ другой, то предварительно посылаетъ ей подарокъ и немедленно является съ дѣтьми и домочадцами. Если со стороны хозяйки послѣдуетъ отдарокъ равной цѣнности, то это считается знакомъ, что знакомство желательно. Умственныя способности сартянокъ совершенно не затронуты. Грамотныя среди нихъ очень рѣдки. Вмѣсто писемъ онѣ посылаютъ своимъ отсутствующимъ мужьямъ кусочекъ угля и пучекъ соломы, что должно означать: отъ тоски я почернѣла и пожелтѣла". Особенно неразвиты кишлачныя сартянки: рѣдкія изъ нихъ умѣютъ считать до 100, онѣ не знаютъ счета денегъ, мѣръ и вѣса, числа мѣсяцевъ. 13—15 лѣтъ, иногда 11 и даже 10 сартян-

ку выдаютъ замужъ, не спрашивая ея согласія, причемъ родители берутъ калымъ—возмѣщеніе расходовъ на свадьбу (до 80 р.) и „мэхръ"—закрѣпленіе за молодой какой либо недвижимости для ея обезпеченія (отъ 100 до 150 р.) въ случаѣ развода. Хозяйкой сартовскаго дома считается лишь старшая жена, если таковая имѣется, потому что лишь богатые сарты позволяютъ себѣ роскошь обладать нѣсколькими женами, и въ этомъ случаѣ сартовскій домъ становится ареной постоянныхъ ссоръ и перебранокъ.

Дѣти рано предоставляются самимъ себѣ. При нихъ, не стѣсняясь, говорятъ все, что только приходитъ въ голову, и нисколько не очасаются за ихъ нравственность. До 10 лѣтъ дѣвочки бѣгаютъ и играютъ вмѣстѣ мальчиками, одѣтыя одинаково. Когда мальчику наступаетъ 8—10 лѣтъ, его подвергаютъ обряду обрѣзанія и даютъ ему чалму, что сопровождается праздникомъ для родныхъ и знакомыхъ. Въ видахъ сокращенія расходовъ, часто нѣсколько отцовъ соединяются вмѣстѣ и на общій счетъ справляютъ этотъ праздник. При встрѣчѣ съ лицомъ высокаго общественнаго положенія сартъ сходитъ съ лошади, скрещиваетъ руки на поясѣ и наклоняетъ корпусъ внизъ, какъ будто у него болитъ животъ. Знакомые привѣтствуютъ другъ друга, пожимая правыя руки, а лѣвыя прижимая къ тыльной сторонѣ правыхъ. Для выраженія особенной дружбы лѣвую руку собесѣдники прижимаютъ къ груди. Послѣ рукопожатія обѣими руками берутся за бороду и гладятъ ее сверху внизъ; это соотвѣтствуетъ поклону. Даже мальчики и дѣвочки такъ выражаютъ свой привѣтъ и благодарность, гладя свои воображаемыя бороды. Среднеазіатское приличіе требуетъ, чтобы гости во время угощенія и послѣ того рыгали насколько возможно чаще и сильнѣе, чтобы засвидѣтельствовать этимъ свое полное удовлетвореніе и удовольствіе.

Кишлакъ.

Такъ какъ у большинства сартовъ очень много свободнаго времени, то всѣ они большіе любители развлеченій, какъ-то: байги, соколиной охоты, музыки, пѣнія и танцевъ. Байги (состязанія въ быстротѣ на лошадяхъ) перешли къ сартамъ отъ монгольскихъ

номадовъ. Самый важный сартовскій инструментъ—тамбуринъ (чильманди). Всѣ сарты любятъ его и играютъ на немъ.

Смотрѣть на танцы наемныхъ танцоровъ—одно изъ любимыхъ удовольствій сарта, но самъ онъ никогда не принимаетъ въ нихъ участія. Такъ какъ магометанская религія запрещаетъ женщинамъ показываться съ открытымъ лицомъ передъ мужчинами, а тѣмъ болѣе танцовать передъ ними, то въ Туркестанѣ роль женщинъ замѣняютъ бачи—мальчики, которыхъ набираютъ особые импрессаріо, учатъ ихъ танцамъ, одѣваютъ въ женское платье, обращаются съ ними, какъ гувернантки, и по приглашенію за плату являются съ ними на танцы въ богатые дома или чай-ханэ. Бачей можно сравнить съ нашими балетными танцовщицами, и нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ много денегъ. Танцы происходятъ подъ звуки бубна и состоятъ изъ круженья на мѣстѣ, прыжковъ, разныхъ salto mortale. Для европейца эти танцы представляются глупыми и неизящными, но сарты любуются ими, не уставая. Къ числу сартовскихъ развлеченій относятся также комедіанты—клоуны и кукольный театръ, изображающій сцены изъ домашней и общественной жизни.

Вода въ Туркестанѣ имѣетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ земля, такъ какъ безъ воды, искусственно проведенной на поля и въ сады посредствомъ канавъ, кирязовъ, земля не имѣетъ никакого значенія. Каждый отдѣльный родъ туземнаго населенія имѣетъ свой главный арыкъ (каналъ), отъ котораго второстепенные арыки проведены къ кишлакамъ и поселкамъ. Пользованіе арычной водой строго опредѣлено существующими правилами, за исполненіемъ которыхъ наблюдаютъ арыкъ-аксакалы, назначаемые администраціей, и мирабы, выбираемые населеніемъ. Водой кирязной (изъ маленькихъ рѣчекъ и родниковъ) безъ ограниченія пользуются тѣ, кто провелъ кирязы. Изъ хлѣбныхъ злаковъ нужно отмѣтить; пшеницу, просо, джугару (сорго, дурра). Между масляничными растеніями особенное значеніе имѣетъ кунжутъ, изъ котораго приготовляется масло; жмыхи идутъ на кормъ скоту, а стебли на отопленіе. Изъ конопли приготовляется масло, дѣлаются веревки и добывается гашишъ (наша)—одуряющее вещество, употребляемое съ табакомъ для куренія. Изъ головокъ мака приготовляется наркотическій напитокъ—кокнаръ, который замѣняетъ для сартовъ запрещенные кораномъ крѣпкіе напитки. Разведеніе хлопка является теперь однимъ изъ важныхъ занятій осѣдлаго населенія Туркестана и, можно сказать, конкуррируетъ съ земледѣліемъ. Извлеченіе хлопка изъ коробокъ—исключительно занятіе сартянокъ. Все осѣдлое населеніе края въ широкихъ размѣрахъ занимается огородничествомъ и бахчеводствомъ. Особенно много разводится дынь; за ними слѣдуютъ арбузы, изъ сока которыхъ посредствомъ выпариванія получается особая патока, въ лѣтнее время смѣшиваемая со снѣгомъ и сахаромъ и продаваемая на базарахъ, какъ прохладительное. Садоводство также является важнымъ занятіемъ сартовъ, какъ и вообще всего осѣдлаго населенія Туркестана. Изъ всѣхъ плодовыхъ растеній особенную важность для сартовъ и осѣдлыхъ туркестанцевъ представляетъ виноградъ (до 30 различныхъ сортовъ). Большая часть винограда потребляется туземцами въ сыромъ видѣ, а другая идетъ на кишмишъ и изюмъ. Одной изъ древнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства въ Туркестанѣ является шелководство.

Скотоводство у сартовъ и вообще у осѣдлаго населенія края стоитъ на второмъ мѣстѣ. На ручныхъ станкахъ сарты выдѣлываютъ разныя хлопчатобумажныя ткани. Изъ шелка приготовляются матеріи: канаусъ, атласъ, штофъ, парча и разныя полушелковыя ткани. Кустарнымъ способомъ приготовляются кожевенныя издѣлія, деревянныя, гончарныя и керамическія, метллическія (изъ мѣди—чеканныя блюда, чайники, кувшины, трубки), изъ серебра—женскія украшенія, часто отдѣланныя бирюзой, и бляхи для сбруи и сѣделъ. Заведенія, гдѣ приготовляются всѣ перечисленные предметы, отличаются первобытнымъ устройствомъ, ничтожной производительностью, а сами предметы—крайней дешевизной.

Центральный Туркестанъ—область Ферганская, Самаркандская и Сыръ-Дарьинская—

отличается чрезвычайнымъ развитіемъ мелкой внутренней торговли. Сарты—прирожденные торговцы, такъ что въ Ферганской и Самаркандской областяхъ на каждые 25 человѣкъ взрослаго мужского населенія приходится по одному торговцу. Развитію такой торговли способствуетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: товаръ отпускается въ кредитъ подъ условіемъ погашенія долга по базарнымъ днямъ и мелкими суммами—отъ 20 к. до 1 р., отсутствіе необходимости имѣть дорого стоющія крытыя помѣщенія, близость базаровъ въ густомъ населеніи, позволяющая въ теченіе недѣли перебираться съ вьюками товара съ одного базара на другой.

Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ распространено преимущественно мелкое земле-

Арба.

владѣніе (обыкновенно въ 5 дес., рѣдко въ 7—10). $^{9}/_{10}$ всѣхъ орошенныхъ земель составляютъ мелкіе участки. Вслѣдствіе того, что обѣднѣвшіе владѣльцы мелкихъ участковъ продаютъ ихъ состоятельнымъ людямъ, въ краѣ существуетъ и крупное землевладѣніе, но въ количествѣ незначительномъ.

До 25% общаго населенія края составляютъ у з б е к и, тюрки, нѣкогда покорившіе таджиковъ, но отчасти смѣшавшіеся съ ними и заимствовавшіе отъ нихъ культуру и религію. Узбеки живутъ въ Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ, гдѣ являются господствующей народностью и правящимъ классомъ, въ области Самаркандской, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ферганской (въ долинѣ Заревшана) и въ Сыръ-Дарьинской. Обыкновенный ростъ узбековъ выше средняго, лицо длинное, скулы очень мало выдаются, черноволосые,

*

иногда рыжіе, съ рѣдкой растительностью на бородѣ. Они говорятъ на тюркскомъ языкѣ, т. н. джагатайскомъ нарѣчіи, но отъ таджиковъ восприняли много персидскихъ словъ, а вслѣдствіе принятія ислама—много словъ арабскихъ, такъ что въ ихъ языкѣ—наполовину персидскія и арабскія слова. Огромное большинство узбековъ осѣдлые, занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ и по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ сартовъ. Нѣкоторые узбеки остаются полуосѣдлыми: зиму проводятъ въ кишлакахъ, а лѣто въ степи и преимущественно занимаются скотоводствомъ.

Таджики (до 10% населенія всего края) еще въ доисторическія времена вышли изъ Ирана и заняли равнины Туркестана, но потомъ были оттѣснены узбеками въ гористую часть страны. Теперь они живутъ въ областяхъ Ферганской, Самаркандской, въ восточной Бухарѣ и въ Ташкентскомъ уѣздѣ. По своему внѣшнему виду таджики—наиболѣе привлекательные изъ туземцевъ Туркестана: стройные, съ легкими движеніями, высокимъ лбомъ, выразительными глазами, тонкимъ носомъ, румянцемъ на лицѣ, темнорусыми густыми волосами и обильной растительностью на бородѣ. Всѣ они живутъ осѣдло и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Оттѣсненные въ гористыя мѣстности, таджики держатся особнякомъ отъ сартовъ и узбековъ, тѣмъ болѣе, что исповѣдуютъ исламъ шіитскаго толка. Языкъ таджиковъ представляетъ смѣсь персидскаго языка съ арабскимъ съ присоединеніемъ тюркскихъ и монгольскихъ элементовъ.

Въ Ферганской области, въ трудно доступныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ берутъ свое начало Аму-Дарья, Заревшанъ и Таримъ, живутъ семь родовъ племени гальчи,—повидимому, древнѣйшаго, не смѣшаннаго съ другими, арійскаго племени иранскаго корня. Тонкій, красиво загнутый носъ, рѣзко очерченныя губы показываютъ ихъ не-тюркское и не-монгольское происхожденіе. Среди нихъ встрѣчается немало бѣлокурыхъ. Нѣкоторые ученые сближаютъ ихъ съ европейскими древними галатами. Вообще, европейскій типъ гальчей очень бросается въ глаза. По своему характеру они честны, простодушны и очень трудолюбивы. Они любятъ свои горы и всегда возвращаются въ нихъ.

Послѣ передачи Кульджи китайцамъ оттуда выселилось 47.000 таранчей, имѣющихъ одинаковое происхожденіе съ сартами, и поселились въ Вѣрненскомъ уѣздѣ Семирѣченской области.

Между Ходжентомъ и Ташкентомъ, а также между Андижаномъ и Наманганомъ живутъ курамы или „метисы",—смѣсь сартовъ, таджиковъ и киргизъ, причемъ киргизскій элементъ особенно силенъ. Численность ихъ доходитъ до 60.000. Они занимаются земледѣліемъ и по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ сартовъ.

Дунгане, живущіе въ Семирѣченской области и отчасти въ Сыръ-Дарьинской, на самомъ дѣлѣ не омагометанившіеся китайцы, а принадлежатъ къ тюркскому племени, хотя и прожили долго въ Китаѣ, въ долинѣ р. Или, гдѣ усвоили китайскіе обычаи и китайскій костюмъ. Дунганскія женщины не закрываютъ лицъ, ходятъ безъ паранджи, лѣтомъ носятъ на головѣ шапочку, а не платокъ, какъ сартянки. Ихъ халаты короче, чѣмъ у послѣднихъ, и живутъ онѣ, не отдѣляясь такъ отъ мужчинъ, какъ сартянки.

По переписи 1897 г., въ Туркестанѣ считалось 5.300 евреевъ (и арабовъ). Арабы живутъ въ Туркестанѣ небольшими группами, преимущественно въ городахъ, (въ Бухарѣ и Каты-Курганскомъ уѣздѣ), почти совершенно ассимилированные узбеками. Встрѣчаются тамъ также индусы, персы, татары, армяне и афганцы.

II. Кочевое населеніе Туркестана.

Главную массу населенія всего Туркестана составляютъ киргизы (до 36%), потомки тѣхъ тюрко-монгольскихъ ордъ, которыя когда-то опустошали культурныя страны Азіи и восточной Европы. Туркестанскіе киргизы дѣлятся на степныхъ (киргизъ-кайсаки) и горныхъ (кара-киргизы или буруты). Первые занимаютъ степныя части Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей, а также сѣверо-западную часть Закаспійской области; кара киргизы населяютъ предгорья и долины Тянь-Шаня, Пржевальскій и Пишпекскій уѣзды Семирѣченской и горныя части Ферганской и Сыръ-Дарьинской областей и русскій Памиръ. Туркестанскіе киргизы, въ особенности степные, почти ничѣмъ не отличаются отъ сибирскихъ киргизъ.

Туркмены теке (Мервъ).

Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя выдающіяся особенности туркестанскихъ киргизъ, вызванныя воздѣйствіемъ осѣдлаго населенія Туркестана. Какъ и сибирскіе киргизы, киргизъ-кайсаки кочевники, съ начатіемъ весны передвигающіеся съ зимнихъ стоянокъ (кайну) на лѣтнія (джайляу) и осеннія (куздяу). Тѣ же кошемныя юрты, то же почти исключительно самодвижущееся имущество—лошади, бараны, только больше верблюдовъ, длинными вереницами двигающихся одинъ за другимъ съ волосяными веревками, продѣтыми черезъ ноздри, тотъ же тюркій языкъ съ очень незначительной посторонней примѣсью, столь же слабое магометанство. Киргизъ-кайсаки не умѣютъ читать коранъ и не знаютъ молитвъ; все ихъ магометанство ограничивается лишь обрѣзаніемъ и бритьемъ головы. Они живутъ въ степяхъ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской области и въ сѣверо-западномъ углу Закаспійской. Численность ихъ доходитъ до 800.000. По характеру они добродушны, легкомысленны, любятъ новое, легко

поддаются чуждымъ вліяніямъ, невѣжественны и вороваты (очень развита кража скота). Лошади, бараны и верблюды—ихъ главное богатство. Почти всѣ предметы своего обихода дѣлаютъ сами: изъ верблюжьей шерсти приготовляютъ войлока и ткани для одежды, выдѣлываютъ ножи для турсуковъ (мѣшковъ) и пр., изъ камыша приготовляютъ маты. Ихъ кочевая орбита доходитъ до 1000 в. Пища ихъ, главнымъ образомъ, молочная: кумысъ, буда, также просо, сваренное въ водѣ или молокѣ, баламынъ-мука, сжаренная въ жиру и опущенная въ воду. Они очень здоровы; главныя болѣзни среди нихъ—глазныя и пораженія кожи на головѣ отъ бритья и ношенія мѣховыхъ шапокъ.

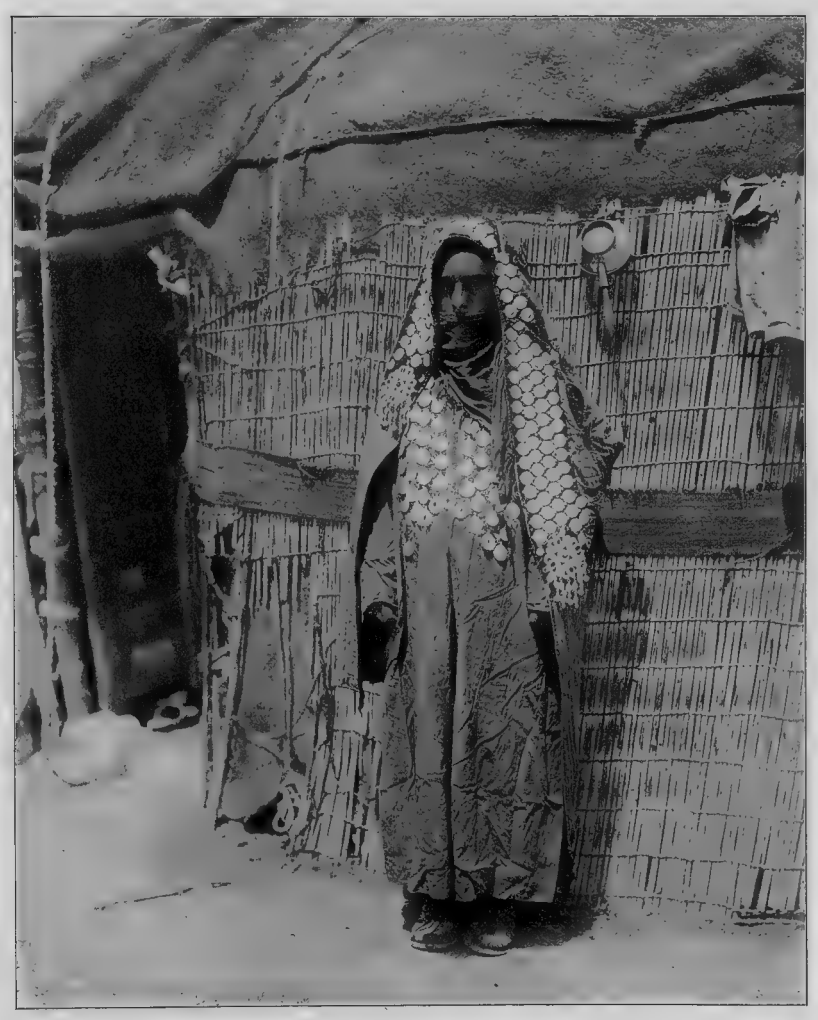
Кара-киргизы (или буруты, дикокаменные, горные киргизы) живутъ въ предгорьяхъ и долинахъ Тянь-шаня, въ горныхъ мѣстностяхъ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской области и на Памирѣ. Ихъ количество доходитъ до 200.000. Среди нихъ нѣтъ такъ называемой „бѣлой кости“ (дворянства). По характеру они честны, храбры, вспыльчивы, но дики и угрюмы. По образу жизни, одеждѣ и всему прочему туркестанскіе киргизы вполнѣ походятъ на киргизъ сибирскихъ, но только черты, свойственные кочевому быту, выражены у нихъ сильнѣе. Болѣе распространено многоженство, крѣпче держится обычай калыма (покупка невѣсты). Хотя въ домашнемъ быту женщина пользуется такой же степенью независимости и свободы, какъ и у киргизъ сибирскихъ, но въ Туркестанѣ прочнѣе и глубже понятіе, что женщина принадлежитъ всему роду, и чаще бываютъ случаи, когда дѣвушекъ продаютъ богатымъ, дарятъ ишанамъ или отдаютъ сартамъ за долгъ.

Дѣвочка туркменка изъ племени сарыкъ.

Туркмены составляютъ главную массу населенія Закаспійской области (до 80%), и всего до 5% населенія Туркестана. Занимаемыя ими земли—песчаныя и глинистыя степи, безводныя, очень жаркія лѣтомъ и холодныя и безснѣжныя зимой, гдѣ мѣстности, удобныя для земледѣлія, встрѣчаются, какъ небольшіе и немногочисленные оазисы (Мервскій, Ахалъ-Текинскій и др.).

По своему происхожденію туркмены—племя очень смѣшанное. Родоначальникомъ туркменовъ было тюркское племя „гузъ“, еще до Р. Х. переселившееся въ Туркестанъ съ Алтая. Здѣсь они смѣшались съ массагетами, саками и пареянами, народами кавказскаго происхожденія, а такъ какъ занимались постоянными набѣгами на сосѣднюю Персію и выводили оттуда много персидскихъ рабовъ, то и съ персіянами, почему въ ихъ восточно-тюркскій языкъ вошло много персидскихъ словъ. Туркмены отличаются высокимъ ростомъ, силой и очень чернымъ цвѣтомъ волосъ, хотя встрѣчаются и свѣтлобородые, что

указываетъ на присутствіе въ нихъ крови указанныхъ выше кавказскихъ племенъ. Туркмены отличаются удалью, храбростью, гостепріимствомъ, но въ то же время вѣроломны,



Замужняя туркменка въ халатѣ, накинутомъ на голову при выходѣ изъ дома (аулъ Коши, племя теке).

лживы и вороваты. По религіи они—магометане-сунниты, но только больше по имени: исполняютъ лишь нѣкоторые обряды (намазъ), въ Мекку не путешествуютъ, мечети въ

ихъ аулахъ лишь немногимъ больше обыкновенной глинобитной хижины, да и общественной молитвы они не любятъ. Грамотность среди нихъ развита очень слабо. Туркмены дѣлятся на 9 племенъ, изъ которыхъ самое большое—текинцы, живущіе въ оазисахъ Мервскомъ, Ахалъ Текинскомъ, Тедженскомъ и въ сосѣднихъ степяхъ (вообще въ юго-восточной части Туркестана въ пограничныхъ мѣстностяхъ съ Персіей); затѣмъ слѣдуютъ іомуды (въ степяхъ Красноводскаго уѣзда и частью въ Хивинскомъ ханствѣ), сарыки и др. По образу жизни туркмены раздѣляются на осѣлыхъ, полуосѣдлыхъ и кочевыхъ. Первые по-

Конный джигитъ текинецъ изъ окрестностей Мерва.

стоянно живутъ въ оазисахъ среди своихъ садовъ и посѣвовъ, вторые на зиму перекочевываютъ въ пески. Кочевые (между прочимъ іомуды) вовсе не занимаются земледѣліемъ, а только скотоводствомъ. Исключительно скотоводствомъ занимается только $^1/_5$ часть всѣхъ туркменъ. Туркменскіе осѣдлые аулы представляютъ собою неправильно расположенныя скопленія глинобитныхъ мазанокъ, безобразныхъ, темныхъ внутри. Такое поселеніе часто обнесено глинобитной стѣной: пережитокъ прежняго времени постоянныхъ грабежей и нападеній, когда за такими стѣнами искали хотя временной защиты. Кочевые туркмены живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, похожихъ на киргизскія, только болѣе плоскихъ.

Земледѣліемъ туркмены занимаются въ оазисахъ, находящихся около горъ, откуда можно провести воду для орошенія полей. Разводятъ арбузы и дыни, которыми, главнымъ образомъ, и питаются лѣтомъ. Сѣютъ и пшеницу. Но вообще они плохіе земледѣльцы, потому что привыкли къ кочеванію, разбоямъ и набѣгамъ, прекратившимся только съ 1881 г., когда туркмены были подчинены Россіи. Обстановка жизни туркмена-кочевника очень проста: кибитка, устланная внутри коврами, котелокъ, чайникъ, деревянная миска, переметныя сумы вмѣсто сундуковъ. Даже у многихъ осѣдлыхъ туркменъ хлѣбъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: въ ямѣ, вымазанной глиной, разводится огонь, и когда глиняныя стѣнки накалятся, то туркменка, раскатавъ сочни на полѣ своего халата, прикладываетъ ихъ для печенія къ раскаленнымъ стѣнкамъ. Такъ пригстовляется хлѣбъ особенно въ Текинскомъ оазисѣ.

Для домашняго обихода туркмены занимаются кузнечнымъ, гончарнымъ, сапожнымъ, дѣломъ, производствомъ обуви, мыла и серебряныхъ издѣлій. Туркменскія женщины приготовляютъ ковры, очень хорошіе по своему качеству, войлоки, сукна. Бѣднѣйшіе туркмены занимаются охотой на лисицъ и дикихъословъ и исправленіемъ арыковъ.

Пищей туркменамъ служитъ рисовый пловъ на кунжутномъ маслѣ, кислое молоко съ мукой, горохъ съ кунжутомъ, пироги съ клеверомъ, хлѣбъ (чурекъ) и зеленый чай. Верблюжье молоко и бараній жиръ входятъ въ составъ многихъ туркменскихъ кушаній. Мясо вообще употребляютъ рѣдко.

Туркменскій костюмъ состоитъ изъ ситцевой или холщевой рубахи, тиковыхъ широкихъ шароваръ и двухъ халатовъ (бумажные, стеганые на ватѣ, суконные или красные шелковые изъ мѣстной грубой матеріи). Нижній халатъ опоясывается кушакомъ, на которомъ привѣшиваются кинжалъ и кривая шашка. На головѣ туркмены носятъ громадную баранью шапку, а на ногахъ шерстяные чулки и остроконечныя съ загнутыми носками туфли на высокихъ каблукахъ, расшитыя шелками. Для верховой ѣзды туркмены надѣваютъ большіе сапоги изъ желтой юфти. Женщины носятъ узкіе шаровары, широкіе балахоны, подпоясанные шарфомъ, бумажные или шелковые халаты, надѣваемые однимъ рукавомъ на голову, высокія шапки и сапоги съ высокими каблуками. Лица не закрываютъ. Гаремной жизни у туркменъ нѣтъ. Всѣ они имѣютъ по одной женѣ, женятся рано, разводы чрезвычайно рѣдки, и то лишь по суду. Туркменки неграмотны и мало заботятся о своей наружности, хотя любятъ украшать себя ожерельями изъ серебряныхъ бляшекъ съ серебряными браслетами. Женщина, съ точки зрѣнія туркменъ, существо низшее. Дѣвушка принадлежитъ семьѣ и роду; выдавая замужъ, за нее берутъ калымъ; послѣ замужества она принадлежитъ мужу. Только вдовы съ дѣтьми пользуются самостоятельностью. Но въ домашней жизни туркменка занимаетъ почетное мѣсто во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Безъ совѣта съ нею туркменъ ничего не продаетъ и не покупаетъ. Ея согласіе необходимо при женитьбѣ сына и выдачѣ дочери замужъ. Въ настоящее время нравы туркменъ сдѣлались гораздо менѣе дики, чѣмъ были 30 лѣтъ тому назадъ до завоеванія ихъ Россіей. Аламанство (разбойничьи набѣги) прекратились. Они болѣе стали заниматься земледѣліемъ, приходить къ осѣдлой жизни и заниматься торговлей.

П. Головачевъ.

Народы Кавказа.

I.

Естественныя области Кавказскаго края: Предкавказье, Кавказскій хребетъ, низменности Закавказья, горы Закавказья.—Зависимость заселенія Кавказа и распространенія культуры отъ географическихъ условій.—Кавказскія народности въ древности.—Западныя и восточныя вліянія.

Кавказскій край оффиціально причисляется къ Азіатской Россіи. Громадное пространство его въ 411.325 кв. в. (465.778 кв. к.) захватываетъ не только широкій перешеекъ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, но и прилегающія къ нему части на сѣверѣ и югѣ, причемъ послѣднія вошли въ составъ Имперіи сравнительно недавно, въ XVIII вѣкѣ. По своимъ природнымъ особенностямъ Кавказскій край распадается на нѣсколько областей, расположенныхъ, подобно болѣе или менѣе широкимъ лентамъ, параллельно линіи Кавказскаго хребта. На сѣверѣ къ подножію горъ примыкаютъ степи, которыя сливаются съ громаднымъ степнымъ пространствомъ, охватывающимъ юго-восточную Европу и внутреннія части Азіи. Здѣсь, вдоль впадины, намѣченной теченіемъ двухъ Манычей, степныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ одна течетъ къ Черному морю, другая—къ Каспійскому, географы проводятъ физическую границу Азіи и Европы. Въ предшествующую геологическую эпоху эта впадина была залита водой пролива, которымъ Черное и Каспійское моря соединялись, пока перемѣны въ уровнѣ морей и въ рельефѣ мѣстности не прекратили сообщенія, причемъ Европа сомкнулась въ этомъ мѣстѣ съ Азіей въ сплошную сушу.

Слѣдующую область составляетъ система Кавказскихъ горъ, протягивающаяся, расширяясь, съуживаясь и снова расширяясь, въ общемъ на протяженіи 1.100 к. отъ полуострова Тамани до Апшеронскаго полуострова. Стѣна горъ состоитъ изъ ряда цѣпей и хребтовъ съ громадами снѣговыхъ вершинъ. Въ общемъ горы болѣе полого спускаются къ сѣверу и круче обрываются на южной каймѣ. Они нигдѣ не прорваны насквозь ущельями: на Кавказѣ нѣтъ ни одной рѣки, которая протекала бы сквозь горы, и потому переходить горы оказывается возможнымъ лишь черезъ перевалы. Переваловъ много, но они лежатъ на большой высотѣ и въ общемъ трудно проходимы. Наиболѣе доступенъ перевалъ Крестовой горы, ведущій изъ Койшаурской долины въ долину Терека, до прорыва этого послѣдняго черезъ твердокаменныя породы Дарьяльскаго ущелья. Эта дорога была извѣстна уже въ глубокой древности и называлась Кавказскими воротами. Другія „ворота“, которыми также пользовались въ древности, назывались Каспійскими. Они находились тамъ, гдѣ возникъ городъ Дербентъ, стѣны котораго запирали ихъ.

Съ юга къ поясу горъ примыкаетъ полоса низменностей, раздѣленныхъ невысокимъ переваломъ Сурамскаго хребта. Здѣсь, на западѣ, лежитъ наносная низменность Ріона, въ

древности называвшагося Фазисомъ—это жаркая и влажная Колхида. Какъ вдоль сѣвернаго, такъ и вдоль южнаго берега Чернаго моря къ ней примыкаютъ узкія полосы годныхъ подъ культуру земель. Къ востоку лежитъ другая, болѣе длинная низменность р. Куры, къ которой присоединяются боковыя долины притоковъ ея, какъ Іоры и Алазани. Низменность Куры расширяется у Каспійскаго моря, становясь въ то же время слишкомъ сухой и пустынной, превращаясь въ настоящую степь.

Послѣднюю область составляютъ высокія котловины съ лабиринтомъ направленныхъ въ разныя стороны хребтовъ, которыми Закавказье поднимается къ высокому Армянскому нагорью и плоскогоріямъ Ирана и Малой Азіи. Здѣсь лѣтній зной смѣняется зимой холодами, выпадаетъ часто снѣгъ, которымъ были засыпаны воины Ксенофонта, когда, на пути къ городу Котіоры (къ западу отъ нынѣшняго Батума) они двигались по высокой западной Арменіи.

Положеніе Кавказа и описанное выше сочетаніе различныхъ областей, составляющихъ его, до извѣстной степени объясняетъ намъ, какимъ образомъ происходило заселеніе его, какъ и откуда появлялись племена и народы, которыхъ безчисленныя событія исторической жизни, то крупныя, то мелкія, пригоняли къ стѣнѣ Кавказскихъ горъ, втискивали въ долины, заставляли переходить или обходить горы и уходить навсегда или оставаться на новой родинѣ, увеличивая мозаичность, усиливая пестроту этнографическаго состава кавказскихъ народностей.

По сѣверную сторону его, по широкой полосѣ степей, подобно песчанымъ барханамъ, передвигаемымъ вѣтромъ, постоянно двигались съ востока на западъ азіатскіе кочевники, которыхъ изъ обширныхъ азіатскихъ степей періодически выгоняла перенаселенность ихъ. Огибая Каспійское море, они попадали въ прикавказскія степи и временно оставались здѣсь, проникали иногда на югъ мимо Дербента, или же уходили далѣе на западъ въ южнорусскія и придунайскія степи. Уже древніе писатели упоминаютъ здѣсь кочевыхъ массагетовъ, унновъ (гунны), каспіевъ, савроматовъ и множество другихъ племенъ, которыхъ называютъ общимъ именемъ скиѳовъ. На Черноморскомъ берегу Кавказа они упоминаютъ множество племенъ, въ названіяхъ и въ описаніяхъ страны и быта которыхъ мы узнаемъ нѣкоторыя изъ современныхъ народностей Кавказа. „Тамъ, говоритъ Діонисій Періегетъ, живутъ у моря Керкеты (черкесы), Тореты, воинственные Ахеи, Геніохи и Зиги, Соаны или Фтирофаги [1]) (сванеты)“. Въ полосѣ закавказскихъ низменностей упоминаются у моря Колхи, за ними Иберы и Албанцы, народъ пастушескій, не умѣютъ считать выше 100 и говорятъ на 26 различныхъ языкахъ. Про рѣки, стекающія съ Кавказа въ Черное море, Аппіанъ пишетъ въ своей Римской исторіи, что „во многихъ изъ нихъ находится золото въ видѣ маленькихъ зернышекъ. Туземцы кладутъ въ рѣки бараньи кожи съ густой шерстью и собираютъ такимъ образомъ золотыя зерна, которыя въ нихъ остаются“. Про каспіевъ Эліанъ, современникъ императора Адріана, пишетъ, что они ловятъ въ морѣ „остроносыхъ“ (осетровыхъ) рыбъ, солятъ, сушатъ и доставляютъ въ Экбатаны (въ Персію); внутренности они вынимаютъ, варятъ и дѣлаютъ изъ нихъ очень прочный клей. Такимъ образомъ уже въ то время въ устьяхъ Терека и Куры процвѣтало промышленное рыболовство.

Въ горномъ Закавказьѣ и въ Арменіи древніе писатели упоминаютъ множество племенъ, какъ Санны, Лазы (въ Лазикѣ), Мосхи, Моссинэки, Тибарены, не говоря про армянъ.

Племена, обитавшія по Черноморскому побережью, древніе писатели считаютъ пеласгійскаго происхожденія (Ахеи, Геніохи), переселившимися сюда по Черному морю.

1) Фтирофаги—поѣдающіе вшей.

Колховъ же они упорно ставятъ въ родство съ египтянами на томъ-де основаніи, что они курчавы, имѣютъ темную кожу, носятъ льняныя одежды и придерживаются обрѣзанія. Про Діоскуры, гавань на мѣстѣ нынѣшняго Сухума, носившую также названіе Севастополь, древніе писали, что здѣсь римскія власти для сношеній съ разными племенами Колхиды пользовались услугами 130 переводчиковъ. Такимъ образомъ уже древніе писатели отмѣтили необыкновенное обиліе разноязычныхъ племенъ, издревле обитавшихъ на Кавказѣ, точно также какъ они отмѣтили кочевой строй жизни племенъ, бродившихъ въ прикавказскихъ степяхъ, дикость и некультурность горныхъ племенъ и сравнительно культурное состояніе земледѣльческихъ племенъ, населявшихъ низменности и нагорья Закавказья.

Подобно тому, какъ кочевыя азіятскія племена появлялись на сѣверномъ Кавказѣ, проникая сюда по сѣверному пути, точно также появлялись они неразъ и съ юга, отклоняясь съ пути, какимъ они двигались черезъ Персію въ Малую Азію, на Балканскій полуостровъ и въ Египетъ. Кочевники съ сѣвера и юга постоянно являлись угрозой для мирнаго осѣдлаго населенія, состоявшаго изъ колховъ (имеретины и мингрельцы), иберовъ (грузинъ Гогарены и Иверіи) и армянъ. Эти народности появились, по всей вѣроятности, съ юга, изъ Малой Азіи или изъ области, гдѣ въ верховьяхъ Тигра и Евфрата этотъ полуостровъ присоединяется къ туловищу Азіятскаго материка. Происхожденіе ихъ (армянъ и картвелъ, т. е. грузинъ вообще) въ высшей степени темно. Изслѣдованіе языковъ ихъ и крайне скудныхъ памятниковъ древней письменности не даютъ возможности точно опредѣлить происхожденіе и родство ихъ съ другими народностями сосѣдней Азіи.

Географическое положеніе Кавказа, этого удивительнаго перешейка съ громадами снѣговыхъ горъ, степями, плодороднѣйшими теплыми долинами, нагорьями и морскими берегами при трехъ водныхъ бассейнахъ (Азовское море, Черное и Каспійское), расположеннаго вдобавокъ на рубежѣ двухъ частей свѣта въ сосѣдствѣ странъ древнѣйшей культуры, было причиной того, что населявшія Кавказъ племена рано подвергались разнообразнѣйшимъ воздѣйствіямъ. Для древнѣйшихъ временъ характерно культурное вліяніе южныхъ народовъ—халдеевъ Вавилона, Ассиріи и царства Урарту. Затѣмъ Закавказье подпадаетъ вліянію Персидскаго царства, въ составъ котораго оно рано входитъ. Въ это же время и даже еще раньше побережье Чернаго моря начинаетъ усиленно посѣщаться греческими купцами и пиратами. Не даромъ Кавказъ занимаетъ такое почтенное мѣсто въ греческой миѳологіи: съ нимъ связаны миѳы объ Аргонавтахъ, о Прометеѣ, объ амазонкахъ. Въ устьяхъ рѣкъ и у подножія Кавказскихъ горъ возникаетъ рядъ греческихъ городковъ (Фанагорія, Гермонасса, Діоскуры, Фазисъ), въ которыхъ происходитъ оживленный торгъ, какъ продуктами страны, такъ и товарами, направляющимися къ Черноморью изъ глуби восточной Европы и Азіи. Въ послѣдующую христіанскую эпоху Закавказье продолжаетъ оставаться въ томъ же двойственномъ положеніи: политически и въ отношеніи матеріальной культуры оно подпадаетъ вліянію восточныхъ странъ, именно Персіи,—господство персіянъ надъ Грузіей продолжается съ перерывами до самаго утвержденія въ послѣдней русской власти, между тѣмъ какъ духовная культура продолжаетъ развиваться подъ вліяніемъ греко-римскихъ и византійскихъ идей (христіанство, письменность, церковная живопись, архитектура). Изъ Грузіи эти вліянія проникаютъ внутрь горъ, къ племенамъ восточнаго, центральнаго и западнаго Кавказа.

За много сотъ лѣтъ, протекшихъ отъ временъ глубокой древности, въ составѣ и распредѣленіи кавказскихъ народовъ и племенъ не произошло въ сущности глубокихъ и рѣзкихъ измѣненій. И теперь, въ общихъ чертахъ, передъ нами та же картина—измѣнились лишь названія, прибавились на сѣверѣ и югѣ нѣсколько народностей (русскіе на сѣверномъ Кавказѣ, закавказскіе татары на югѣ), расширились наши знанія кавказскихъ племенъ, страна которыхъ перестала представляться современнымъ ученымъ въ видѣ какой-то „горы

языковъ", [1]) съ сотнями племенъ и столькимъ же числомъ языковъ и нарѣчій. Тѣмъ не менѣе и теперь, когда туманъ, еще недавно окутывавшій многоплеменность и разноязычіе Кавказскаго населенія въ значительной степени разсѣялся, врядъ ли найдется на землѣ другая область, кромѣ Кавказскаго края, гдѣ бы на столь же ограниченномъ пространствѣ толпилось такое число народовъ и племенъ, столь различныхъ по нарѣчіямъ, типу, обычаямъ и происхожденію. Въ то время, какъ одни изъ нихъ явственно обличаютъ свое родство съ народами внутренней Азіи, у другихъ въ типѣ, языкѣ и строѣ жизни мы открываемъ черты родства съ народностями, давнымъ-давно прочно осѣвшими въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ физическомъ смыслѣ, Кавказскій хребетъ не стѣна, раздѣляющая двѣ части свѣта, а настоящее связующее звено, спаивающее Европу и Азію рядомъ переходныхъ явленій въ формахъ человѣческихъ общежитій и въ типахъ племенъ.

Если однако составъ кавказскаго населенія испыталъ сравнительно небольшія измѣненія съ того времени, какъ народности Кавказа стали предметомъ наблюденія и записей, то нельзя сказать то же самое относительно тѣхъ формъ, въ какія складывались ихъ экономическія, бытовыя, религіозныя и всѣ другія особенности. Въ этомъ случаѣ тысячелѣтія недаромъ катились черезъ оснѣженныя вершины кавказскихъ горъ. Нашествія кочевниковъ, непрерывныя войны, смѣняющіяся завоеванія и медленное воздѣйствіе торговыхъ и иныхъ сношеній вносили многочисленныя, порою весьма глубокія измѣненія въ строй, бытъ и нравы. Хотя горныя страны, такія, какъ Кавказъ, представляютъ по своимъ физическимъ условіямъ своего рода кладовыя, гдѣ хранится и уцѣлѣваетъ отъ уничтоженія въ глухихъ недоступныхъ долинахъ, на склонахъ крутыхъ горъ и въ замкнутыхъ уединенныхъ котловинахъ всякаго рода старина, въ то время какъ въ другихъ странахъ она быстро исчезаетъ подъ напоромъ быстро смѣняющихся волнъ исторической жизни, тѣмъ не менѣе и здѣсь треволненія прошлаго наслоили много пластовъ человѣческихъ переживаній. Рядомъ съ остатками глухой, глубокой древности здѣсь встрѣчаются самыя современныя формы, обстоятельство, вносящее немало смущенія въ изслѣдованіе кавказскихъ племенъ. Вѣкъ каменныхъ орудій подаетъ здѣсь руку вѣку желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и аэроплановъ. Особенно рѣзкія измѣненія внесли въ бытъ многихъ кавказскихъ народовъ исламъ, явившійся сюда на смѣну христіанства, а въ области хозяйственныхъ отношеній развитіе промышленности, лихорадочный пульсъ которой совершенно измѣнилъ во многихъ мѣстахъ мирную и наивную картину прежняго житья-бытья.

II.

Обзоръ кавказскихъ народностей по ихъ культурно историческому значенію.—Кэртвельскія народности.—Общая характеристика.—Лазы, мингрелы, имеретины, гурійцы, аджарцы, грузины, сванеты, хевсуры, тушины, пшавы.—Осетины.—Горцы западнаго Кавказа: абхазцы, черкесы, карачаевцы, горскіе татары, кабардинцы.—Горцы восточнаго Кавказа: чеченцы, лезгины, таты.

Офиціально въ составъ Кавказскаго края входитъ цѣлый рядъ губерній и областей. Сѣверный Кавказъ, именно области Кубанская, Терская и губернія Ставропольская заселены главнымъ образомъ русскими—казаками и позднѣйшими переселенцами. Туземное населеніе, разные горскіе народы, составляютъ меньшинство. Также значителенъ процентъ русскаго или во всякомъ случаѣ пришлаго населенія въ Черноморьи, т. е. по узкой каймѣ подножій горъ, начиная отъ Керченскаго пролива и до устьевъ Кодора и Ингура. Зато въ Кавказскихъ горахъ и въ Закавказьѣ примѣсь русскихъ колонистовъ и вообще пришлаго

---

[1]) Арабскіе географы называли Кавказъ „Джеблъ-алъ-суни"—гора языковъ.

населенія сравнительно незначительна, ограничиваясь нѣкоторыми районами, гдѣ были поселены сектанты (молокане, духоборы), или же быстро выросли торгово-промышленные центры, какъ въ Баку съ его окрестностями. Древнее туземное населеніе сохранилось въ горахъ центральнаго и восточнаго Кавказа, откуда оно не имѣло возможности выселиться послѣ покоренія Кавказа, какъ то сдѣлали въ большинствѣ туземныя племена западнаго Кавказа. Затѣмъ все Закавказье, особенно западная и центральная часть, густо населены потомками народовъ и племенъ, сидѣвшихъ здѣсь испоконъ вѣковъ. Восточное Закавказье со своими сухими степями и горными пастбищами представляетъ область, которая принимала въ себя въ позднѣйшія времена пришельцевъ-кочевниковъ, появлявшихся и осѣдавшихъ на пути съ юга, изъ Персіи.

Имеретинъ.

Нашему описанію подлежитъ такимъ образомъ лишь коренное кавказское населеніе, всю массу котораго можно разбить на слѣдующія группы, руководствуясь, какъ этнографическимъ составомъ, такъ и географическимъ распространеніемъ ихъ и хозяйственно-бытовыми особенностями ихъ жизни.

Наиболѣе крупную группу коренного населенія Кавказа составляютъ картвельскія народности (сакартло), общей численностью болѣе милліона человѣкъ. Культурное значеніе въ жизни края у картвелъ оспариваютъ армяне, болѣе многочисленная, не менѣе древняя, чѣмъ тѣ, культурная національность Закавказья. Въ восточномъ Закавказьѣ массу населенія составляютъ явившіеся позднѣе и гораздо менѣе культурные закавказскіе татары, отдѣльныя группы которыхъ проникали вдоль Каспійскаго побережья и дальше къ сѣверу. Эти три народности составляютъ въ настоящее время главную массу обитателей Закавказья, основу, въ которую тамъ и сямъ вкраплены разные пришлые элементы—русскіе, персіяне, греки, турки, евреи и разные выходцы изъ горъ. Самыя горы, склоны и долины ихъ до высоты, допускающей обработку земли и пастьбу скота, заселены не менѣе древними, чѣмъ грузины и армяне, аборигенами Кавказа, къ которымъ мѣстами присоединяются позднѣйшіе переселенцы почти безъ исключенія тюркской крови. Главныя народности горныхъ склоновъ и долинъ Кавказа слѣдующія,

Гурієцъ.

начиная съ запада: абхазцы, черкесскія народности, горскіе татары, (позднѣйшіе пришельцы), кабардинцы, осетины, хевсуры, тушины и пшавы (три народности картвельской группы), чеченцы или нахчи, лезгины и таты. Перечисленными народностями, присоединивъ сюда еще кумыковъ и ногайцевъ, исчерпывается въ крупныхъ чертахъ все этнографическое разнообразіе горскихъ народовъ. Но число это быстро и внезапно увеличивается какъ скоро изслѣдователь переходитъ къ детальному описанію каждой народности; многія изъ нихъ оказываются расколотыми на мелкія племена, почти роды, различающіяся другъ отъ друга и нарѣчіями, на какихъ они говорятъ, и множествомъ мелкихъ этнографическихъ особенностей, что и сбивало съ толку первыхъ изслѣдователей, растерянно путавшихся среди этого моря племенъ, къ изслѣдованію котораго невозможно было съ успѣхомъ приступить, пока не были примѣнены методы, выработанные въ позднѣйшее время наукой о первобытной культурѣ.

Грузинъ изъ зажиточнаго класса.

Народности картвельской группы представляютъ потомковъ аборигеновъ восточнаго побережья Чернаго моря и долинъ Ріона и Куры, которыхъ описывали многіе древніе писатели. Это саны, тибарены, колхи, мосхи, иберы, отчасти албанцы и соаны, о которыхъ Страбонъ повѣствуетъ: „албанцы и иберы, занимающіе большую часть названнаго перешейка (т. е. Кавказа), а также причисляемые къ кавказскимъ народамъ, заселяютъ благодатную и пріятную для жизни страну. Въ самомъ дѣлѣ, Иберія большею частью изобилуетъ городами и другими мѣстами жительства, такъ что въ ней встрѣчаются кирпичныя крыши, по правиламъ искусства устроенные дома, базары и другія публичныя зданія... Долину (Куры) населяетъ одна часть иберовъ,—населеніе земледѣльческое и миролюбивое, имѣющее устройство по образцу армянскому и мидійскому; гористыя же мѣстности населяетъ другая часть, составляющая большинство,—населеніе воинственное и живущее по обычаямъ скиѳовъ и сарматовъ, своихъ пограничныхъ сосѣдей и единноплеменниковъ, но все же и эти послѣдніе иберы занимаются земледѣліемъ... Въ этой странѣ народъ дѣлится на 4 сословія. Первый классъ составляютъ лица, изъ которыхъ выбираютъ въ цари самаго старшаго по родству и старшинству лѣтъ, второе

лицо послѣ него выбирается въ верховные судьи и полководцы. Второе сословіе составляютъ священники, которые наблюдаютъ за справедливыми отношеніями съ сосѣдями; третье сословіе—воины и земледѣльцы; четвертое простой народъ, царскіе крѣпостные и исполняющіе всѣ необходимыя для жизни прислужническіе обязанности. Имущество же принадлежитъ каждому роду, въ которомъ повелѣваетъ и управляетъ старшій". Говоря далѣе объ албанцахъ, живущихъ по среднему теченію Куры (Кахетія), географъ древности замѣчаетъ, что „они не пользуются даже какъ слѣдуетъ выгодами своей страны, которая производитъ всякіе плоды, даже самые нѣжные, и всякія растенія, даже вѣчно зеленыя. За почвой здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго ухода, но плодъ родится самъ безъ паханья и сѣва... Во многихъ мѣстахъ разъ засаженная земля приноситъ здѣсь два и три раза плоды, въ первый разъ даже самъ пятьдесятъ безъ отдыха, и вспаханная не желѣзнымъ, а просто деревяннымъ плугомъ. Орошена же эта страна больше, чѣмъ Вавилонская и Египетская, рѣками и другими водами, такъ что имѣетъ видъ постоянно зеленый, потому и имѣетъ отличныя пастбища и воздухъ лучшій, чѣмъ въ тѣхъ странахъ. Виноградныя лозы остаются здѣсь не обкопанныя и подрѣзываются только черезъ пять лѣтъ; молодыя лозы приносятъ плоды уже на второмъ году, выросшія даютъ столько плодовъ, что большую часть ихъ оставляютъ на лозахъ. Хорошо растетъ здѣсь и дикій виноградъ. Народъ здѣсь тоже отличается красотой и большимъ ростомъ, въ то же время онъ добродушенъ и не коваренъ"... Спустя почти 2000 лѣтъ послѣ того, какъ была набросана Страбономъ характеристика страны и народа картвелъ или грузинъ, многое можно было бы повторить.

Грузинка изъ зажиточнаго класса.

По типу и языку къ картвеламъ принадлежатъ 1) лазы—древніе саны, тибарены и другіе, 2) мингрелы (древніе колхи) 3) имеретины (западные иберы), 4) гурійцы 5) собственно грузины, 6) сванеты, 7) хевсуры, 8) пшавы и 9) тушины. Къ картвеламъ относятъ также дженгилойцевъ и аджарцевъ. Народности эти, судя по типу, по быту, языку и преданіямъ картвельскаго происхожденія. Они называютъ себя

картли, а свою страну Сакартвело по имени Картлоса, своего родоначальника, являющагося, по ихъ сказаніямъ, внукомъ Яфета. По разнымъ даннымъ является возможнымъ заключить, что картвелы переселились въ нынѣшнюю свою родину изъ Малой Азіи болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ. Но опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоитъ эта народность къ своимъ сосѣдямъ—армянамъ, иранцамъ, семитамъ Вавилоніи и Ассиріи, представляется пока невозможнымъ. Названіе грузины и „георгійцы", подъ какимъ послѣднимъ названіемъ картвелы извѣстны у западныхъ писателей, происходитъ, вѣроятно, отъ грузинскаго слова „гіорги", что по грузински значитъ „рабочій", „земледѣлецъ", также ставятъ это названіе въ связь съ именемъ св. Георгія, культъ котораго очень распространенъ вообще на Кавказѣ. Въ византійскую эпоху, именно въ IV ст., въ Закавказьѣ стало распространяться христіанство, проповѣдь и введеніе котораго приписываютъ св. Нинѣ, національной святой Грузіи. Окончательно христіанство утвердилось въ эпоху Константина Великаго, когда Мцхетъ сталъ метрополіей Грузіи. Христіанство получило уже тогда большое значеніе; объединяя различныя племена въ одну націю, оно облегчало возникновеніе и существованіе царства, которому въ теченіе вѣковъ приходилось вести борьбу за независимость или, по крайней мѣрѣ, за полунезависимое существованіе главнымъ образомъ противъ персовъ. Въ древности, повидимому, всѣ картвельскія народности говорили на общемъ древнегрузинскомъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, на нарѣчіяхъ очень близкихъ между собою. Впослѣдствіи древнегрузинскій языкъ подвергся разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ въ видѣ формъ и словъ греческихъ, персидскихъ, арабскихъ, турецкихъ и другихъ. Точно также древнегрузинскій шрифтъ (хутцури), возникшій въ VI ст. и сохранившійся лишь въ видѣ языка священныхъ книгъ, замѣнился современнымъ мелкоузловатымъ алфавитомъ изъ 45 буквъ (мехредули). Въ теченіи долгой исторіи область, заселенная картвелами, распадалась на отдѣльныя владѣнія въ силу разныхъ причинъ, и это обособленіе привело къ тому, что нарѣчія грузинскихъ племенъ отдалились другъ отъ друга, какъ отдалились и измѣнились самыя племена вплоть до того, что нѣкоторые, какъ лазы, дженгилойцы и аджарцы даже переняли отъ турокъ могамеданство.

Грузины мальчики.

Краткія замѣчанія Страбона объ иберахъ, именно, что это люди высокаго роста, стройные, отличающіеся выдающейся тѣлесной красотой, открытымъ и легкомысленнымъ характеромъ, склонностью къ веселью и праздности, воинственные, малоспособные къ торговлѣ, равнодушные къ труду и чрезвычайно небрежные въ обработкѣ своей плодородной почвѣ, если эти замѣчанія добавить описаніемъ грузинъ, заимствованнымъ изъ хроники грузинскаго исторіографа царевича Вахушта, въ общемъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему характеру этого народа. Славолюбіе, гостепріимство, веселость, щедрость, переходящая въ расточительность, беззаботность насчетъ будущаго, общительность, измѣнчивость настроенія, страсть къ удовольствіямъ, упрямство, тщеславіе и льстивость—вотъ качества, въ смѣшеніи

Грузинки.

которыхъ состоитъ грузинскій національный характеръ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что грузины, будучи не обижены природой умственно, не создали ничего значительнаго ни въ искусствѣ и литературѣ, ни въ другихъ отрасляхъ духовной дѣятельности, и въ жизни большею частью принуждены уступать первое мѣсто болѣе дѣятельнымъ въ этомъ отно-

Сванеты Ушкульскаго общества на верховьяхъ р. Цхенесъ-цхали.

шеніи представителямъ другихъ націй. Особенностью какъ характера, такъ и быта грузинъ является положеніе у нихъ женщины въ семьѣ и обществѣ. Въ противность тому, что наблюдается у другихъ кавказскихъ народностей, и что вообще свойственно Востоку, грузинская женщина не представляетъ изъ себя существо низменное, на которое возложены

главные работы и хлопоты по хозяйству. Даже въ простонародной семьѣ положеніе ея вполнѣ равноправное съ мужчиной, и она отнюдь не обременена тяжелымъ трудомъ. Женщины, какъ извѣстно, царствовали въ Грузіи и еще чаще занимали главенствующее положеніе въ знатныхъ княжескихъ семьяхъ.

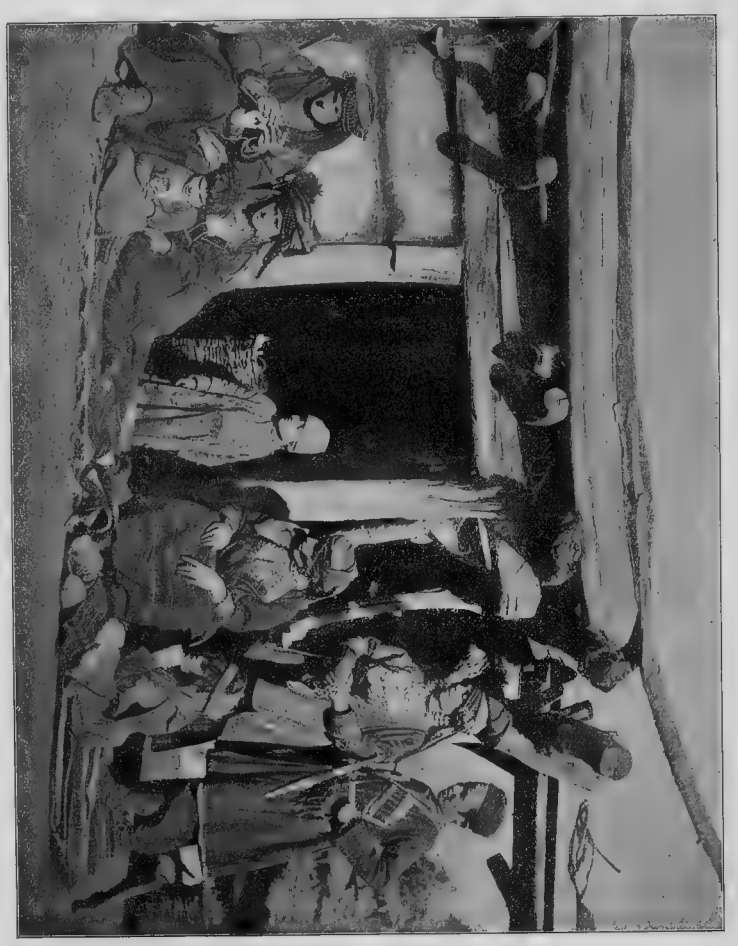
Извѣстно, что выдающаяся красота и стройность тѣлосложенія картвельскихъ племенъ явилась причиной, почему все бѣлое племя получило названіе „кавказской" расы. Въ томъ, что здѣсь, въ Закавказьѣ, среди картвелъ въ изобиліи встрѣчаются наиболѣе идеальныя фигуры, наиболѣе красивыя физіономіи, согласны всѣ наблюдатели. Правильныя, благородныя черты лица, большіе, каріе и или черные блестящіе глаза, каштановые черные волнистые и густые волосы, блѣдно-матовый оттѣнокъ кожи, правильно расположенные, ослѣпительно бѣлые зубы, густыя пушистыя бороды, тонкое, стройное и пропорціональное тѣлосложеніе, изящная и благородная осанка, гибкость и грація движеній, красивыя руки и ноги встрѣчаются среди грузинъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, и притомъ не только среди высшихъ сословій, но нисколько не рѣже и въ рядахъ простонародья. При этомъ любопытно, что женщины производятъ менѣе благопріятное впечатлѣніе. Это объясняется тѣмъ, что въ женскихъ лицахъ всѣ перечисленныя особенности переходятъ за предѣлы общей гармоніи, вслѣдствіе чего выраженіе лица пріобрѣтаетъ рѣзкій характеръ, соединяющійся съ неподвижностью чертъ и взора. Кромѣ того женщины рано старѣютъ.

Изстари занимаясь земледѣліемъ въ плодородныхъ и орошенныхъ низменностяхъ и по склонамъ горъ, картвелы заселяютъ самыя лучшія области Закавказья. Какъ сказано выше, они распадаются на рядъ крупныхъ и мелкихъ народностей.

По юго восточному берегу Чернаго моря, въ бассейнѣ Чороха, обитаютъ лазы или тсаны (древніе саны). Эта картвельская народность, при значительномъ сходствѣ ихъ языка съ мингрельскимъ, подверглась наибольшему вліянію со стороны турокъ. При общей численности около 100.000 душъ, лазы обитаютъ главнымъ образомъ на турецкой территоріи. Лишь около 20.000 живетъ въ окрестностяхъ Батума. Въ силу указанныхъ выше причинъ они большею частью магометане. По внѣшности лазы нѣсколько отличаются отъ своихъ къ сѣверу живущихъ родичей. При наличности всѣхъ описанныхъ выше качествъ выраженія лицъ у лазовъ суровѣе и сумрачнѣе, по характеру они серьезнѣе. Имѣя больше дѣла съ обитателями Малой Азіи, да и будучи ими сами, лазы одѣваются въ совершенно иного покроя одежду, чѣмъ большинство обитателей Кавказа, которые восприняли главныя черты своего костюма отъ персіянъ.

Низовье Ріона съ побережьемъ и нижнее и среднее теченіе Цхенесъ-цхали занимаютъ мингрелы. Благодаря своему положенію, Мингрелія, древняя Колхида, являлась менѣе связанной съ остальной Грузіей, состоя обычно въ вассальной зависимости отъ грузинскихъ царей подъ властью туземной княжеской фамиліи Дадіановъ. Полную независимость Мингрелія пріобрѣла въ 1649 г., лишившись ея окончательно въ 1867 г., хотя съ момента присоединенія Грузіи къ Россіи (12 сент. 1801 г.) Мингрелія пользовалась лишь весьма ограниченной автономіей. Численность мингрелъ простирается, вѣроятно, до 250.000 ч. Мингрелы, благодаря тому, что область ихъ лежала въ сторонѣ отъ мѣстъ, по которымъ передвигались разные народы, наводнявшіе Кавказъ, а также потому, что подъ защитой горъ страна меньше страдала отъ вторженія тюркскихъ и персидскихъ завоевателей, сохранили большую чистоту крови, представляя вмѣстѣ съ лазами болѣе древній сбщекартвельскій типъ. Низменность Ріона и побережье Чернаго моря по обѣ стороны отъ устья рѣки при очень влажномъ и тепломъ климатѣ, обладаетъ чудовищнымъ плодородіемъ почвы, на которой могутъ произрастать даже тропическія растенія (бамбукъ). Тѣмъ не менѣе масса населенія живетъ въ большой бѣдности и нуждѣ, въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, какія допускаетъ теплый климатъ. Несомнѣнно въ прежнія времена страна была въ болѣе культурномъ состояніи, но общія условія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже,

привели къ запущенію мѣстности и обѣднѣнію населенія. Мингрелы часто уходятъ на отхожіе промыслы; ихъ, наряду съ малоазіатскими турками, можно встрѣтить на черноморскомъ побережьи, занятыхъ большею частью самой грубой и тяжелой работой. У себя на родинѣ мингрелы много страдаютъ отъ злыхъ лихорадокъ, которыя вмѣстѣ со скуднымъ



Хевсурское семейство передъ саклей.

питаніемъ и плохими условіями жизни сильно вліяютъ на физическій и духовный обликъ населенія. Блѣдный, болѣзненный цвѣтъ лица и изможденность нерѣдко поражаютъ здѣсь наблюдателя. Мингрелы говорятъ на особомъ нарѣчіи, которое настолько отличается отъ грузинскаго, что остальные грузины понимаютъ его съ трудомъ. Они исповѣдуютъ правос-

лавіе и дольше другихъ народностей Закавказья пользовались благами автономіи.

Имеретины занимаютъ восточную часть Кутаисской губерніи между рѣкой Цхенесъцхали и Сурамскимъ хребтомъ, стало быть, по нижнему теченію этой рѣки и по среднему и верхнему теченію Ріона. Имеретины, наряду съ гурійцами, представляютъ самыхъ красивыхъ представителей картвельскаго племени. По языку и обычаямъ они очень мало отличаются отъ живущихъ далѣе къ востоку грузинъ. Численность ихъ опредѣляютъ въ 306.000 ч. Вмѣстѣ съ мингредами они принадлежатъ къ грузинской православной церкви.

Къ югу отъ имеретинъ, у подножія и по склонамъ Сурамскаго хребта, тамъ, гдѣ онъ принимаетъ юго-западное и западное направленіе, обитаютъ гурійцы, численностью около 80.000 душъ и аджарцы (около 60.000 ч.), населяющіе долину рѣки Аджарисъ-цхали и склоны Аджарскаго хребта. Гурійцы самые красивые изъ всѣхъ картвелъ. Они православные, чѣмъ отличаются отъ аджарцевъ, исповѣдующихъ исламъ. Какъ Мингрелія, Гурія большею частью вела болѣе или менѣе независимое существованіе, конецъ которому наступилъ въ одно время съ Мингреліей. Подобно лазамъ, гурійцы отличаются отъ остальныхъ грузинъ между прочимъ тѣмъ, что сохранили свой особый національный костюмъ, существенно отличающійся отъ кабардинскаго, какой распространенъ въ центральномъ и восточномъ Закавказьѣ. Шляпы изъ вытканнаго войлока въ видѣ блиновъ и башлыки, повязаные вокругъ головы, составляютъ оригинальную особенность наряда.

Грузины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова обитаютъ по ту сторону Сурамскаго хребта по долинѣ Куры и ея притоковъ—Арагвы, Іоры и Алазани, по всему южному подножію центральнаго и отчасти восточнаго Кавказа, внѣдряясь въ глубину горныхъ долинъ. По долинѣ Койшаури поселенія грузинъ забираются далѣе къ сѣверу на ту сторону главнаго хребта въ долину Терека. Ущелье Даріала, [1]) запиравшее главный путь черезъ Кавказскій хребетъ, грузинскіе цари всегда старались держать въ своихъ рукахъ, поселяя здѣсь своихъ подданныхъ и возводя въ стратегическихъ мѣстахъ укрѣпленія,—башни, которыя представляются туристамъ, посѣщающимъ Военно-грузинскую дорогу, „башнями Тамары“. Поселенія грузинъ простираются къ востоку до впаденія Алазани въ Куру. Далѣе за Алазанью и къ востоку простирается область, занятая татарами, среди которыхъ въ Закатальскомъ округѣ, въ видѣ островка среди чужеземнаго племени, обитаетъ изолированная группа грузинъ дженгилойцевъ („вновь обращенные“ по татарски), исповѣдующихъ исламъ. Общая численность туземнаго населенія собственно Грузіи достигаетъ 400.000 ч. Здѣсь, гдѣ къ сѣверу отъ Тифлиса, стоитъ древняя столица Грузіи Мцхетъ, сосредоточивалась главная масса картвельскаго народа, которая и этнографически и политически, а также въ отношеніи языка, литературы и искусства, занимала господствующее положеніе. Несмотря на вѣковыя войны, которыя грузины вели съ сосѣдями, несмотря на подчиненія то однимъ, то другимъ завоевателямъ, влекшія за собою разнообразныя иноземныя вліянія, эти иверы сохранили свою самобытность вопреки всему.

Къ картвельской группѣ принадлежатъ еще нѣсколько мелкихъ народностей, затиснутыхъ въ самую глубину горъ. Это сванеты, хевсуры, пшавы и тушины. Обитая въ уединенныхъ и высокихъ долинахъ, подъ самыми снѣгами, въ самой суровой обстановкѣ, въ скудости и изолированности, эти племена сохранились почти въ первобытной дикости, какъ напр. сванеты верхняго Ингура. Здѣсь встрѣчаются общины, у которыхъ сохранившіеся древніе предметы и обычаи ясно показываютъ, что лишь гнетущая необходимость загнала ихъ въ горы, гдѣ они цѣной безопасности культурно обѣднѣли. Сванеты, древніе соаны, въ числѣ 12—13.000 душъ населяютъ

[1]) Отъ арабскаго Дар-и-аланъ, путь алановъ.

долину Ингура, обитая также по верхнему Цхенесъ-цхали. По чарующей красотѣ горнаго пейзажа мѣстность эта превосходитъ все, что только извѣстно о живописнѣйшихъ мѣстахъ Швейцаріи, и тѣмъ не менѣе тысячелѣтія пронеслись надъ Сванетіей безъ того, чтобы что нибудь существенно измѣнилось въ строѣ жизни сванетовъ. Первобытное безсиліе мало культурнаго человѣка такъ и сохранилось здѣсь. Сванеты живутъ въ жалкихъ постройкахъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ и глыбъ, питаются самой скудной пищей, доставляемой жалкимъ земледѣліемъ, скромнымъ скотоводствомъ и охотой, одѣваются въ самую простую одежду домашней выдѣлки. Языкъ ихъ насчитываетъ небольшое количество словъ, пѣсни и сказки наивны, какъ сказки какихъ нибудь самоѣдовъ, бытъ грубъ, грязенъ и первобытенъ, религія—отблески христіанства, перемѣшаннаго съ тусклымъ, неопредѣленнымъ культомъ древности. Жалкую бѣдность свою сванеты оплатили цѣною свободы, по крайней мѣрѣ тѣ, которые обитаютъ по верхнему Ингуру, куда князья нижней или Дадешкильяновской Сванетіи, при всѣхъ стараніяхъ, не смогли проникнуть, чтобы обратить обитателей ея въ своихъ крѣпостныхъ. Накожныя и другія болѣзни, а также зобъ обычное явленіе среди этихъ горцевъ.

Въ подобномъ же уединеніи живутъ въ центральномъ Кавказѣ на востокъ отъ Военно-грузинской дороги, въ верховьяхъ Іоры и Пшавской Арагвы пшавы (около 10.000 ч.) и хевсуры, самое названіе которыхъ происходитъ отъ слова „хеви"—ущелье. Аулы ихъ встрѣчаются и по ту сторону главнаго хребта, близь истоковъ Аргуни и Ассы. Еще болѣе отрѣзана отъ Грузіи область обитанія тушиновъ. Ихъ насчитываютъ около 7—8.000 чел. Тушины живутъ по ту сторону главнаго хребта, который по высотѣ уступаетъ расположенному къ сѣверу отъ него Перикительскому. Эти три картвельскихъ народца представляютъ собою какъ бы аванпостъ грузинской народности, выдвинутый вглубь горъ въ среду враждебныхъ и чуждыхъ имъ горцевъ мусульманъ Чечни и Дагестана. Встрѣтивъ ихъ здѣсь, первые изслѣдователи были поражены существованіемъ у нихъ христіанства. Это обстоятельство, какъ и старинное вооруженіе—шлемы, кольчуги и мечи, подали поводъ кому-то придумать нелѣпую легенду, будто бы эти чисто картвельскія племена представляютъ остатки крестоносцевъ, заблудившихся на пути въ Палестину въ Малой Азіи и нашедшихъ надежный пріютъ въ дикихъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ.

Эти народцы приводятъ насъ къ ряду горскихъ народовъ, заселяющихъ оба склона Кавказскаго хребта на всемъ его протяженіи. У всѣхъ горскихъ народовъ въ силу того, что они обитаютъ въ долинахъ и по склонамъ Кавказскихъ горъ съ незапамятныхъ временъ, въ сходныхъ болѣе или менѣе условіяхъ, которыя, соотвѣтственно одинаковымъ способамъ добыванія средствъ къ жизни приводятъ къ сходному строю, очень много общаго, несмотря на различіе въ типахъ и нарѣчіяхъ. Всѣ они сравнительно недавно приняли исламъ, за исключеніемъ осетинъ, которые, разселившись по лѣвому притоку верхняго Терека (Геналъ-донъ, Гизалъ-донъ, Фіахъ-донъ, Ардонъ, также въ верховьяхъ Бѣлой и Уруха), вклинились между ними и вмѣстѣ съ грузинами вдоль военно-грузинской дороги, съ хевсурами, пшавами и тушинами, почти отдѣлили горцевъ восточнаго крыла Кавказа — лезгинъ и чеченцевъ, отъ горцевъ Западнаго крыла. Западная половина Кавказа отличается отъ восточной гораздо болѣе влажнымъ климатомъ и богатствомъ природы, разнообразіе и пышность которой достигаютъ наивысшаго размѣра на Черноморскомъ побережьи. Черезъ это же побережье западный Кавказъ всегда находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Малой Азіей, Балканскимъ полуостровомъ и даже съ Европой. Прибрежные города съ древности представляли оживленные пункты торговли, благодаря которымъ обитатели горныхъ склоновъ и подножій вступали въ культурныя отношенія съ внѣшнимъ міромъ. Соотвѣтственно большему плодородію почвы и обильному орошенію здѣсь была воздѣлана болѣе значительная площадь земли, земледѣліе процвѣтало, земледѣльческій трудъ давалъ избытокъ, земледѣльцы являлись предметомъ эксплоатаціи.

Торговля, набѣги и разбои питали воинственность. Поэтому у горцевъ западнаго Кавказа естественно развились болѣе сложныя формы жизни. Здѣсь существовало дѣленіе на сословія, крѣпостное право, рабство и рабскій трудъ. Иными словами бытъ и общественный строй оказался пропитаннымъ аристократически-феодальными началами.

Между тѣмъ въ восточномъ Кавказѣ, въ гористой и лѣсистой Чечнѣ, въ скалистыхъ и малоплодородныхъ ущельяхъ и долинахъ Дагестана, уединенныхъ отъ остального міра сухими степями на сѣверѣ и югѣ и прилегающихъ къ пустынному и слабо оживленному международной торговлей Каспійскому морю, источники существованія туземнаго населенія были гораздо скуднѣе. Оттого здѣсь при общихъ почти всему кавказскому населенію племенно-родовыхъ началахъ бытъ горскаго населенія отличается демократическимъ строемъ.

Осетинъ.

Западные и восточные горскіе народы до извѣстной степени разобщены другъ отъ друга осетинами и грузинами. Осетины, при сходствѣ быта и образа жизни съ сосѣдними горцами, во многомъ отличаются отъ нихъ. Прежде всего они чужды имъ по происхожденію. Осетины, называющіе сами себя ирони, повидимому, иранцы. Всего вѣроятнѣе мнѣніе, согласно которому современные осетины Кавказа остатокъ многочисленнаго народа аланъ, перевалившихъ нѣкогда по Дарьяльскому ущелью черезъ Кавказъ. Аланы заселяли южно-русскія степи, но принуждены были стушеваться подъ наплывомъ новыхъ выходцевъ изъ Азіи. Подъ именемъ касоговъ, яссовъ, ассовъ они извѣстны древнерусскимъ лѣтописцамъ, разсказывающимъ о борьбѣ съ ними южнорусскихъ князей въ Тмутаракани, древней Киммеріи. По строенію тѣла, чертамъ лица и выраженію физіономіи осетины отличаются отъ живущихъ смежно съ ними кабардинцевъ и грузинъ. Между ними сравнительно много голубоглазыхъ блондиновъ. Разные обычаи, какъ напр. обнаженіе головы при поклонѣ, нѣкоторые свадебные обряды, формы утвари и украшеній, употребленіе стульевъ и высокихъ столовъ, вилокъ, ножей и ложекъ, обычай спать на постеляхъ вводили изслѣдователей въ искушеніе сближать осетинъ съ германскими племенами эпохи переселенія народовъ. Данныхъ къ этому однако очень мало, и осетины продолжаютъ оставаться загадкой для ученыхъ. Какъ прежде, такъ и теперь осетины раздѣляются на племена (дигорцы,

алагирцы, куртаны, тагауры, двалта), объясняющіяся на разныхъ нарѣчіяхъ. Одни держатся христіанства, нѣкоторые исповѣдуютъ исламъ, но въ сущности и тѣ и другіе, какъ многіе бѣдные и невѣжественные горскіе народы, остаются при первобытныхъ вѣрованіяхъ, которыя внѣшнимъ образомъ переплелись съ христіанскими легендами и обрядами. Грубый и простой бытъ соотвѣтствуетъ примитивности хозяйства, причемъ большая часть домашнихъ и полевыхъ работъ взвалены на женщинъ. Въ ряду горскихъ народовъ осетины по грубости нравовъ, грязи жилищъ, запущенности и бѣдности никогда не играли выдающейся роли ни въ культурѣ, ни въ исторіи. Численность осетинъ достигаетъ 130.000 душъ.

Осетинскія дѣвушки.

Южный склонъ западнаго Кавказа до недавняго времени заселяли абхазцы, называющіе себя апсуа, а свою страну Апсне. Прежде абхазцы занимали почти все побережье отъ устьевъ Ингура далеко на западъ. Это была очень многочисленная народность, дѣлившаяся на племена, сидѣвшія по склонамъ и подножію горъ съ глубокой

древности. Абхазцы отличаются менѣе высокимъ ростомъ, болѣе грубымъ сложеніемъ тѣла, чѣмъ горцы сѣвернаго склона, кругловатой головой, большею частью они брюнеты съ неособенно правильными чертами лица. За время долгаго пребыванія въ краѣ они отлично приспособились къ нему, покрывъ склоны и подножія горъ виноградниками, садами и плантаціями. При турецкомъ владычествѣ непокорные абхазцы, подчинявшіеся лишь временно туземнымъ князьямъ, приняли исламъ, распространенію котораго помогло надвигающееся владычество русскихъ. Но исламъ не пустилъ глубокихъ корней въ душѣ народа, какъ впрочемъ и христіанство, подъ покровомъ котораго продолжали существовать прежніе вѣрованія и обряды. Численность абхазцевъ провосходила вѣроятно 200.000 ч., но большая часть ихъ (болѣе 120.000) выселилась послѣ 1864 г. въ Турцію, и теперь разрозненные остатки ихъ обитаютъ въ горахъ въ сосѣдствѣ Сухумъ-кале.

Абхазское семейство передъ саклей.

За снѣговымъ гребнемъ горъ, въ горныхъ долинахъ сѣвернаго склона западнаго Кавказа обитали еще недавно на протяженіи 200 в. къ востоку многочисленныя племена черкесскаго народа. По всей вѣроятности это тотъ самый народъ, который древніе писатели называли керкетами. Примыкая къ степи, населенной кочевниками, обитая въ хорошо орошенныхъ и плодородныхъ долинахъ, черкесы, какъ и кабардинцы, развили у себя довольно сложный общественный строй съ феодально-воинственной основой. Необходимость въ военной организаціи выработала среди нихъ воинственно-рыцарскіе нравы, набѣги и войны вызвали къ жизни кавалерійское искусство, изящный костюмъ, сложное и богатое вооруженіе. Отсюда домашнее искусство изготовленія суконъ, бурокъ, галуновъ, чеканка и черненіе серебряныхъ и золотыхъ украшеній, изготовленіе оружія, словомъ все, что снабжало щеголеватаго джигита всѣмъ необходимымъ для войны. Сосѣдство моря поддерживало торговлю, между прочимъ женщинами,

которыя цѣнились въ горскомъ быту лишь какъ работницы и охотно сбывались въ турецкіе гаремы. Борьба съ русскими, селившимися по Кубани, вызвала сближеніе съ крымцами и турками, послѣдствіемъ чего явилось быстрое распространеніе ислама. Религія, подъ вліяніемъ ожесточенной борьбы съ русскимъ владычествомъ, приняла фанатичный характеръ. Когда же послѣ тяжелыхъ и долголѣтнихъ войнъ правительство рѣшило выселить черкесовъ изъ ихъ трудно доступныхъ горныхъ ауловъ, черкесы, вмѣстѣ съ абхазцами, стали массами выселяться въ Европейскую Турцію и Малую Азію. Ихъ выселилось туда около $^1/_2$ милліона, причемъ множество погибло въ пути, дѣлаясь, въ ожиданіи посадки на суда, добычей лихорадокъ и другихъ болѣзней въ душномъ и влажномъ климатѣ побережья. Въ настоящее время лишь остатки этого народа обитаютъ въ Кубанской области. Мѣстности же по верхнему теченію Урупа, Лабы, Бѣлой, Пшиша и Псекупа, также какъ южный склонъ, представлявшія прежде хорошо обработанныя пространства, превратились въ дикія заросли. Охотникъ или туристъ, блуждающій по горамъ, постоянно натыкается на заросшіе и одичавшіе черкескіе плодовые сады, которые посѣщаютъ теперь одни кабаны, да развѣ медвѣдь изрѣдка забирается сюда, чтобы полакомиться ягодами и плодами. Численность оставшихся на родинѣ черкесовъ едва-ли превосходитъ 40.000 душъ.

Кабардинецъ.

Къ востоку отъ мѣста прежняго обитанія черкесовъ между рѣкой Тебердой и до Эльборуса живутъ карачаевцы, татарская народность, исповѣдующая исламъ и говорящая на тюркскомъ нарѣчіи. Типъ ихъ явно обличаетъ татарское происхожденіе. Полагаютъ, что они попали сюда въ эпоху нашествій Тимура. Обитая среди горцевъ и подчиняясь кабардинскимъ князьямъ, они усвоили бытъ, нравы и одежду горцевъ. Численность ихъ простирается до 22—23.000.

Сосѣдями ихъ къ востоку, въ верховьяхъ Баксана, Чегема, Черека и Урвана, у подножія высочайшихъ вершинъ Кавказа, являются горскіе татары, которыхъ называютъ также таули (тавлинцы, отъ тау—гора, слѣд. „горцы“). Происхожденіе ихъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Нѣкоторые считаютъ ихъ потомками половцевъ. Въ настоящее мѣсто обитанія горскіе татары были оттѣснены въ XIV в. кабардинцами, которые нерѣдко подчиня-

ли ихъ и оказали сильное вліяніе на ихъ бытъ. Эта народность дѣлится на разныя группы, носящія названія главныхъ урочищъ, князей, ауловъ и т. п., какъ напр. урусбійцы, чегемцы, безинги, балкарцы и пр. Ихъ число колеблется въ предѣлахъ 14—15.000, причемъ многіе изъ нихъ выдаютъ себя за кабардинцевъ.

Кабардинцы, вѣтвь черкесскаго народа, попали въ мѣста нынѣшняго своего обитанія въ началѣ XIV в., въ эпоху, когда нашествіе Тимура внесло замѣшательство и вызвало передвиженія среди народностей сѣвернаго Кавказа. До утвержденія русскаго владычества существовала Большая Кабарда, между Малкой и Терекомъ, и Малая Кабарда, въ углу между сѣвернымъ и восточнымъ теченіемъ Терека. Кабардинцы, обладая всѣми выдающимися физическими и духовными качествами черкесскаго племени и занимая удобную, плодородную область, являлись именно тѣмъ народомъ, который развилъ до высшей степени всѣ оригинальныя особенности горской жизни, начиная съ щегольского, богатаго костюма, манеры держаться на конѣ и владѣть оружіемъ, и кончая утонченными правилами гостепріимства, куначества и т. п. Среди нихъ, и у родственныхъ горскихъ народовъ, развился сложный феодальный строй, на низшей ступени котораго стояли крѣпостные, на считая рабовъ изъ военно-плѣнныхъ и т. п., а на верхней—владѣтельные князья (пшитлъ), которымъ на феодальномъ правѣ были подчинены дворяне, вассалы первой степени (тлехотль), второй степени (бесленъ—вуоркъ), окруженные въ свою очередь благородными узденями, нѣчто вродѣ мелкой польской шляхты, неблагородными (логанапутъ, унаутъ). Однако, какъ вездѣ въ горахъ и въ Закавказьѣ, крѣпостная зависимость не носила личный характеръ. Повинности крѣпостныхъ имѣли опредѣленные обычаями размѣры и характеръ, они вытекали изъ факта „держанія“ земли, съ которой князь или дворянинъ не могъ согнать вассала или произвольно увеличить его повинности, не говоря про то, чтобы превратить его въ холопа. Крѣпостной, какъ личность, былъ болѣе или менѣе равноцѣненъ своему покровителю, и когда онъ входилъ въ саклю послѣдняго, высокорожденный князь вставалъ такъ же почтительно, какъ при встрѣчѣ всякаго гостя. Это не значитъ, чтобы кабардинское дворянство, подобно грузинскому, не стремилось превратить крѣпостную зависимость въ рабскую или холопскую. Вся внутренняя жизнь, также какъ внѣшнія войны, набѣги, покоренія сосѣднихъ племенъ, представляла собою подобную борьбу. Но въ условіяхъ жизни въ горахъ поползновенія этого рода складывались все болѣе и болѣе неблагопріятно для туземной аристократіи до самаго появленія русскихъ. Кабардинское дворянство очень скоро оцѣнило преимущества, какія выпадали на его долю съ водвореніемъ русскихъ, и этимъ надо объяснить, почему изъ всѣхъ горскихъ племенъ кабардинцы охотнѣе всѣхъ признали русское господство и не поддались пропагандѣ Шамиля даже въ годы, когда воинствующій мюридизмъ пользовался наибольшимъ успѣхомъ на Кавказѣ. Численность кабардинцевъ опредѣляютъ въ 80.000 ч.

Минуя описанныхъ уже осетинъ и горныхъ грузинъ, мы попадаемъ въ среду народовъ восточнаго Кавказа. По сѣвернымъ склонамъ сложеннаго изъ кристаллическихъ сланцевъ высокаго Перикительскаго хребта и по предгорьямъ его, носящимъ названіе Черныхъ горъ, по верховьямъ Сунжи, Ассы и другихъ рѣкъ лежитъ Чечня. Вся покрытая горами, которыя прежде были затянуты непроходимой чащей лѣса, Чечня до окончательнаго покоренія восточнаго Кавказа была населена многочисленными племенами и родами чеченцевъ, получившихъ это названіе отъ терскихъ казаковъ по имени разореннаго впослѣдствіи многолюднаго аула Чеченъ. Сами себя они называютъ нахчи, т. е. „люди“, „народъ“, и представляютъ, вѣроятно, потомковъ древнихъ геловъ, на что намекаетъ названіе нѣкоторыхъ племенъ (галгаи, галашеви) и ауловъ (Гели, Могели, Гелдигенъ, и пр.). Чеченцы или нахчи говорятъ на своемъ особомъ языкѣ, не имѣющемъ никакого сходства съ языками сосѣдей, кромѣ развѣ съ нарѣчіями лезгинъ аварцевъ и кюринцевъ. Обитая въ странѣ малодоступной, труднопроходимой и не обладающей значительными богат-

Дѣвушка кабардинка въ національномъ нарядѣ.

ствами, чеченцы не только сохраняли независимость, но не утратили и древняго, простого, родового быта, при которомъ не могла возникнуть аристократія, феодально-крѣпостной бытъ и владѣтельные князья. Масса чеченскаго народа, раздѣляясь на небольшія племена, среди которыхъ главными являлись ингуши, ичкеринцы, галгаи, кистинцы или кисты, представляла довольно однородную демократическую толпу, слабо подчинявшуюся родовымъ старшинамъ и жившую по давно сложившимся обычаямъ, адатамъ, въ которые внесли большія перемѣны начала мусульманскаго писаннаго закона (шаріатъ) послѣ того, какъ исламъ получилъ распространеніе въ восточномъ Кавказѣ. Воинственный характеръ этихъ племенъ поддерживался обычаемъ родовой мести, междуплеменными столкновеніями за земли и пастбища и набѣгами на сосѣдей, особенно на нагайцевъ (кража скота), на казачьи станицы по Тереку и Сунжѣ, также на югъ за главный гребень, въ Грузію. Набѣги съ цѣлью грабежа немало способствовали поддержанію демократическаго строя: бѣдный всегда могъ расчитывать поправить свои обстоятельства удачнымъ грабежомъ, между тѣмъ какъ зажиточные и богатые не находили способовъ путемъ захвата земель вносить въ отношенія къ родичамъ начала крѣпостного подчиненія. Въ этомъ отношеніи населеніе Чечни находилось въ такомъ же положеніи, какъ лезгины Дагестана, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что лѣсистая и хорошо орошенная Чечня лучше обезпечивала чеченскія племена продуктами земледѣлія и скотоводства. Среди чеченцевъ выброшенные изъ рода за какія-нибудь преступленія или продѣлки отщепенцы назывались абреками, названіе, какимъ русскіе вообще стали называть всѣхъ, кто занимался грабительскими набѣгами. Численность чеченцевъ опредѣляется теперь въ 250.000, но несомнѣнно до покоренія восточнаго Кавказа ихъ было больше, такъ какъ чеченцы, поставленные въ необходимость выселиться въ равнину, подобно черкесамъ, предпочитали эмигрировать въ Турцію, хотя и не такой массой, какъ западные горцы.

Ингушъ чеченскаго племени.

Въ подобномъ же бытѣ, какъ чеченцы, но въ условіяхъ большей бѣдности и скудности, живутъ лезгины Дагестана. Отличаясь сухостью климата, горы Дагестана

благодаря особенностямъ образованія долинъ и ущелій (каньоны), отличаются слабымъ развитіемъ склоновъ, большею частью каменистыхъ и лишенныхъ растительности. Годныхъ подъ пастбище пространствъ здѣсь немного, еще меньше пахотныхъ земель, на которыхъ посѣвы страдаютъ отъ холода и недостатка воды. Гористая мѣстность, пересѣченная глубокими ущельями пѣняющихся по камнямъ рѣкъ (четыре Койсу, составляющіе Сулакъ), охваченная кругомъ высокимъ валомъ горъ (Андійскій хребетъ на с.-з., главный Кавказскій на ю.-з.), все это дѣлала страну недоступной извнѣ и страшно затрудняло сношенія внутри. Такимъ образомъ Дагестанъ представлялъ всѣ условія скуднаго, но вѣрнаго убѣжища для вытѣсненныхъ изъ равнины племенъ, народцевъ или лишь осколковъ ихъ, спасавшихся при нашествіяхъ отъ полнаго истребленія въ горы. Хотя въ словѣ „лезгины", въ названіи племени лаки (кази-кумыки) можно узнать грузинское обозначеніе обитателей Дагестана „леки", подъ какимъ названіемъ (леги) здѣшніе жители упоминаются у древнихъ писателей, однако разнообразіе типовъ и нарѣчій въ Дагестанѣ настолько велико, что объяснить его уединеннымъ образомъ жизни каждаго аула, рѣдкостью взаимныхъ сношеній, врядъ ли представляется возможнымъ, и потому изслѣдователи полагаютъ, что кромѣ потомковъ древнихъ леговъ и геловъ нынѣшніе лезгины состоятъ въ значительной степени изъ остатковъ разныхъ племенъ, находившихъ въ разное время убѣжище и спокойное существованіе внутри трехугольника Дагестанскихъ горъ.

Чеченка.

Среди множества лезгинскихъ нарѣчій является возможность установить четыре главныхъ языка: аварскій, даргинскій, кюринскій и лакскій (кази-кумыкскій), соотвѣтственно чему и лезгинскій народъ раздѣляютъ на нѣсколько крупныхъ группъ.

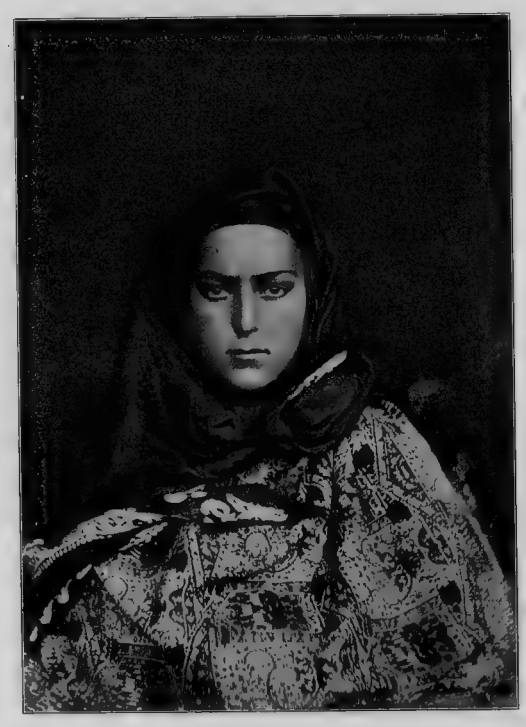
Первое мѣсто по численности и роли, какую они играли въ великой эпопеѣ покоренія Кавказа, занимаютъ аварцы (около 165.000), населявшіе высокія плоскости внутренняго Дагестана между Аварской Койсу и Кара-Койсу и отсюда къ западу до области тушинъ. Родина знаменитаго Шамиля аулъ Гимри, также какъ послѣдній оплотъ его, аулъ Гунибъ, лежатъ на территоріи аварцевъ. Самъ Шамиль былъ аварецъ. Къ западу

отъ нихъ, за Богосскимъ хребтомъ, по верхнему теченію Андійской Койсу обитаютъ въ числѣ 10.000 душъ дидойцы, которыхъ по происхожденію считаютъ потомками грузинъ,

Аварецъ.

выходцевъ изъ смежной Кахетіи. Ниже по теченію той же Андійской Койсу обитаютъ андійцы въ числѣ около 26.000. Этихъ горцевъ ставятъ въ родство съ горскими евреями, обитающими и сейчасъ въ городѣ Кубѣ и вокругъ него. Аварцы, дидойцы и андійцы

распадаются въ свою очередь на болѣе мелкія племена. Кромѣ сходства въ бытѣ, общее у всѣхъ у нихъ то, что нарѣчія ихъ, повидимому, родственны аварскому языку, такъ какъ съ помощью послѣдняго можно съ грѣхомъ пополамъ объясняться со всѣми этими племенами. Плоскости по обѣ стороны самой восточной Койсу—Казикумыкской и до Кара-Койсу на западѣ занимаютъ лаки или казикумыки, числомъ до 50.000 г., говорящіе на своемъ особомъ языкѣ, позади которыхъ по верхнему Самуру и до главнаго гребня, обитаетъ немногочисленный народецъ рутуловъ (около 12.000 душъ), по типу и языку примыкающій къ кюринцамъ или лезгинамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Кюринцы—самая многочисленная народность Дагестана; ихъ насчитываютъ до 150.000 ч., и пользуются они опять особымъ языкомъ, нарѣчія котораго распространены далѣе къ востоку у народцевъ, обитающихъ уже на краю горъ, по склонамъ, спускающимся къ Каспійскому морю. Сюда принадлежатъ агулы (около 7.000 ч.), табассаранцы (около 17.000 ч.), обитающіе въ горахъ надъ Дербентомъ. Здѣсь же, въ сѣверо-восточной части Дагестана, между моремъ и Казикумыкской Койсу, обитаютъ лезгинскія племена общей численностью до 125.000 душъ, пользующіяся нарѣчіями даргуинскаго языка.



Аварка 23 л. изъ аула Хиндаркъ близъ Гуниба.

Въ то время какъ въ западномъ Кавказѣ исламъ сталъ распространяться недавно, въ послѣднія 200—300 лѣтъ, проникая въ горы благодаря сношеніямъ съ крымскими татарами и турками, въ Дагестанѣ магометанство утвердилось гораздо раньше, въ VIII ст. при нашествіи арабовъ, когда само вѣроученіе это носило еще на себѣ печать свѣжести и непосредственности молодого пыла. Раньше всего оно было принято лаками (кази-кумыками, вѣрнѣе гази-кумыками отъ арабскаго слова гази, т. е. обращенный), которые распространили его среди сосѣдей тѣмъ легче, что кази-кумыки находились всегда въ оживленныхъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, такъ какъ именно у нихъ процвѣтали всѣ отрасли туземной промышленности, какими издавна славились лезгинскія племена. Лучшіе кузнецы и оружейники, изготовлявшіе знаменитые кинжалы, шашки, впослѣдствіи винтовки, имѣлись среди кази-кумыковъ; точно также славились они какъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, вообще въ отрасли обработки металловъ, снабжая превосходнымъ оружіемъ сосѣдей, вѣчно нуждавшихся въ немъ при той военно-безпокойной жизни, какая всегда царила въ горахъ.

Безплодіе и сухость Дагестана были причиной того, что жители его принуждены бывали искать сторонних заработковъ. Они обращались къ кустарнымъ промысламъ или уходили, находя себѣ заработки у земледѣльцевъ Каспійскаго побережья и въ сосѣдней низменности, населенной грузинами и татарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря географическому положенію Дагестана при морѣ, вдоль котораго тянулся вѣковой путь народовъ къ сѣверу, и въ сосѣдствѣ той части Закавказья, которая съ древнѣйшихъ временъ подвергалась вліянію восточныхъ странъ, именно Персіи, населеніе Дагестана поддерживало сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Поэтому при всей своей бѣдности лезгинскія племена отнюдь не находились въ такомъ низкокультурномъ состояніи, какъ какіе нибудь заброшенные въ горы сванеты или осетины. Здѣсь, среди простоты быта и демократичности нравовъ, можно сказать, процвѣтала мусульманская ученость, т. е. грамотность, чтеніе и толкованіе корана; сюда заносились ученія новыхъ мусульманскихъ сектъ, здѣсь спорили и толковали о вѣрѣ и отъ слова переходили къ дѣлу.

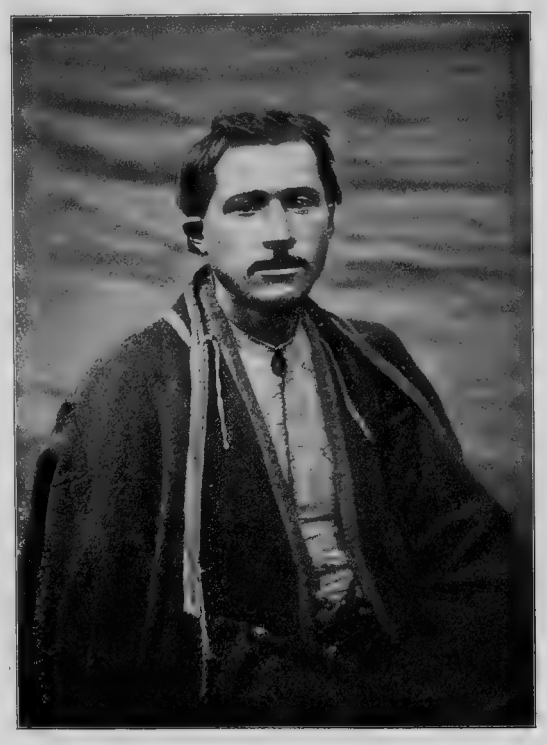
Аварка 23 л. изъ аула Хиндаркъ близъ Гуниба (профиль).

Крайній востокъ, именно склоны горъ Дагестана, отъ горы Баба-дагъ и отчасти низменное побережье Каспійскаго моря съ Апшеронскимъ полуостровомъ занимаютъ таты, числомъ около 85.000, народность иранскаго происхожденія, типъ которыхъ обнаруживаетъ немалую примѣсь еврейской крови. Они говорятъ нарѣчіемъ персидскаго языка, въ которомъ изслѣдователи усматриваютъ много еврейскихъ словъ, оборотовъ и т. п. По мнѣнію иныхъ изслѣдователей таты — евреи, выселенные древне-персидскими царями на окраину государства послѣ того, какъ они прожили достаточно времени въ царствѣ Ахеменидовъ. Въ эпоху нашествія арабовъ таты въ одно время съ лезгинами приняли исламъ.

Когда русскія владѣнія приблизились къ Кавказскимъ горамъ, и усилились взаимныя враждебныя отношенія, исламъ сталъ быстро распространяться среди горцевъ, такъ какъ его вѣроученіе съ проповѣдью газавата, т. е. войны противъ невѣрныхъ, усиливало воинственное настроеніе горскихъ племенъ, видѣвшихъ не только приближеніе опасности, но уже ощущавшихъ на своихъ бокахъ распространеніе русскаго господства. Когда, наконецъ, въ началѣ XIX ст. окончательно была присоединена Грузія, когда въ ней появилась русская администрація, русскія войска и началась

*

борьба съ Персіей и Турціей, Кавказкія горы съ ихъ разноплеменнымъ населеніемъ оказались какъ бы въ осадѣ. Населеніе горъ нигдѣ не могло похвастаться зажиточностью. При тѣхъ способахъ хозяйства, какія допускала природа страны, обитатели кавказскихъ ауловъ могли существовать лишь въ условіяхъ сохраненія своего быта, т. е. вѣковыхъ обычаевъ, носившихъ характеръ народнаго права, которое, худо или хорошо, опредѣляло всѣ отношенія. Личность входила въ составъ рода. Отсюда напр. повсемѣстно распространенный обычай кровной мести, который однако вовсе не сопровождался постояннымъ кровопролитіемъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ подобныя дѣла кончались судомъ и уплатой пени. Всякаго рода споры, вытекавшія изъ владѣнія и пользованія землей, размѣры повинностей, дѣла о наслѣдованіи, уголовныя и другія регулировались этими обычаями, адатами. Распространеніе русскаго владычества, появленіе русской администраціи съ ея дореформенными замашками управленія вносили полное разстройство и смуту въ жизнь горскихъ народовъ. Если въ настоящее время при современномъ состояніи науки о первобытной культурѣ, о народномъ хозяйстве для пониманіе быта кавказскихъ горцевъ требуются внимательныя изслѣдованія, то можно себѣ представить какими глазами смотрѣли въ то время администраторы Кавказа на обычаи горскихъ народовъ, представлявшихся имъ скопищемъ дикихъ суевѣрій и необузданности нравовъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественно происходили захваты земель, злоупотребленія при взиманіи налоговъ, отбываніи повинностей, судопроизводство по уголовнымъ дѣламъ по чужимъ законамъ, на чужомъ языкѣ, то становится понятнымъ, что заимныя отношенія должны были принимать все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Если мирное и культурное населеніе земледѣльческой Грузіи неоднократно производило возстанія и всякаго рода волненія, то не удивительно, что привыкшее къ самоуправленію и свободѣ населеніе горъ еще менѣе могло быстро и просто помириться съ подчиненіемъ русской власти.



Кюринецъ аула Кюзюнъ Бак. губ. Куб. у.

Присоединеніе Закавказья вызвало необходимость покоренія и замиренія кавказскихъ

горцевъ. Но предпріятіе это, представлявшееся вначалѣ легкимъ и простымъ, вскорѣ превратилось въ долголѣтнюю борьбу, потребовавшую сотенъ тысячъ солдатъ, сотенъ милліоновъ рублей расходовъ и неимовѣрныхъ усилій и трудовъ. „Мошенники“ и „разбойники“, какъ называли тогда горцевъ, въ теченіе всего царствованія Николая и до самаго плѣненія Шамиля въ августѣ 1859 г. съ успѣхомъ держались въ своихъ горныхъ гнѣздахъ. Въ періодъ 1840—1854 г. успѣхи Шамиля были таковы, что даже подумывали о томъ, не помириться ли съ нимъ, предоставивъ ему Дагестанъ въ видѣ болѣе или менѣе независимаго владѣнія. Въ этой борьбѣ главную роль играли горцы внутренняго Дагестана и чеченцы. Вступивъ въ борьбу разрозненными племенами, горцы продолжали ее, постепенно организуясь подъ руководствомъ Шамиля, который раздѣлилъ признавшія его власть области на наибства, устроилъ свои финансы на основѣ болѣе или менѣе разумнаго обложеніями налогами, учредилъ судъ и организовалъ армію, при которой завелъ даже артиллерію. Что же касается выработанной имъ стратегіи и тактики, то совершенствомъ способовъ веденія войны и административнымъ геніемъ Шамиля только можно объяснить, какъ эти бѣдные и въ сущности малочисленные племена десятилѣтіями могли бороться съ лучшими войсками и генералами русской арміи.

Даргинка 40 л. изъ аула Лаваши Даргинск. окр. средн. Дагестана.

III.

Земельные надѣлы. — Численность и плотность населенія.—Сословный строй и земельныя отношенія.—Крестьянская реформа и земельная неурядица.—Хизане. — Хозяйственно-административное неустройство. — Преступность и разбой.—Заключеніе.

Въ 1897 году общая численность населенія Кавказскаго края выражалась цифрой 9.248.695 чел. Съ тѣхъ поръ оно конечно возросло. Средняя плотность приближается къ таковой же для всей Европейской Россіи. Въ виду особенностей природы края не удивительно, что изъ общей площади Кавказскаго края огромныя пространства горъ Кавказской системы и Закавказья совершенно негодны для жительства. Въ восточномъ Закавказьѣ, многія земли пришли въ негодное для культуры состояніе вслѣдствіе того, что существовавшія здѣсь прежде оросительныя сооруженія уничтожились, а новыя работы въ этомъ направленіи только начались. Наконецъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что культурное

состояніе населенія Кавказа вообще запущено. Жители въ дѣлѣ хозяйства и изысканія средствъ пропитанія не только предоставлены самимъ себѣ, вѣрнѣе, собственному невѣжеству, такъ что обработка почвы производится устарѣлыми орудіями и способами, не предпринималось и общихъ мѣръ для подъема благосостоянія края, какъ напр. проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, землеустройство, учрежденіе кредитныхъ учрежденій, школы, самоуправленіе и т. п. Въ виду этого, несмотря на плодородіе почвы и присутствіе другихъ естественныхъ богатствъ, какъ то лѣса, полезныхъ ископаемыхъ, рыбы въ рѣкахъ и моряхъ, населеніе почти вездѣ, кромѣ западнаго Предкавказья, испытываетъ нужду въ землѣ и живетъ мѣстами въ условіяхъ крайней бѣдности и заброшенности. Во многихъ частяхъ Закавказья средняя плотность населенія превосходитъ 100 ч. на кв. в. (въ Сигнахскомъ у. 115 ч., въ Сенакскомъ—114 ч., въ Хонскомъ участкѣ Кутаисск. у.—110 ч.). Между тѣмъ величина надѣловъ, которыми пользуются крестьяне, крайне невелика. Въ Кутаисской губ. въ среднемъ на „дымъ“ (семью) приходится, удобной пахотной земли 3,28 десятины. При разсчетѣ на душу надѣлы представляются еще болѣе ничтожными. Пахотной и садовой земли приходилось въ концѣ XIX в. въ среднемъ на каждую душу мужского пола въ Тифлисской губ. 1,72 дес., въ Бакинской—1,47, въ Елизаветпольской—2,19, въ Эриванской—1,71, а въ Кутаисской—0,77 [2]). Несмотря на феноменальное плодородіе почвы, при которомъ участокъ такъ называемой чалтычной земли, т. е. земли, засѣваемой ежегодно, даетъ урожаи въ самъ 12—15 сорочинскаго пшена, родитъ хлопокъ, кунжутъ и т. п., положеніе закавказскаго хлѣбопашца почти вездѣ крайне жалкое. Кромѣ малоземелья и неравномѣрнаго владѣнія сюда присоединяется цѣлый рядъ неустройствъ и прежде всего земельная неурядица.

Даргинка 40 л. изъ аула Лаваши Даргинс. (профиль).

Въ моментъ присоединенія Грузіи владѣнія грузинскихъ царей находились въ состоя-

---

[1]) И. Джаваховъ, Политическое и соціальное движеніе въ Грузіи въ XIX в. стр. 41.

[2]) Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края; т. II, стр. 366—368.

нiи тяжелаго кризиса. Въ Грузіи и въ сосѣднихъ владѣніяхъ издавна существовало крѣпостное право, которое въ отношеніи пользованія землей и отправленія повинностей регулировались цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ обычаевъ и законовъ, возникавшихъ и укрѣплявшихся въ теченіи вѣковъ, чуть не тысячелѣтій. Уже древніе писатели упоминаютъ о сословномъ строѣ колховъ и иверовъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ сословный строй, конечно, развивался, и по мѣрѣ роста населенія взаимоотношенія крѣпостного и дворянскаго сословія непрерывно осложнялись, выливаясь въ самыя разнообразныя формы. Въ отличіе отъ крѣпостного права въ Россіи, гдѣ оно въ концѣ концовъ превратилось въ рабство, на Кавказѣ этотъ институтъ нигдѣ не выродился въ эту форму. Личность крѣпостного, хотя оцѣнивалась закономъ ниже, чѣмъ личность свободнаго и дворянина, однако нигдѣ не опускалась до состоянія раба или холопа. Крѣпостной, согласно обычаю и законамъ, обладалъ совокупностью правъ, повинности и обязанности его вытекали изъ факта „держанія" земли. Пока онъ исправно отправлялъ эти повинности, землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ нимъ внѣ границъ этихъ установленныхъ обязательствъ. Въ случаѣ несчастій—неурожая, пожара, нашествія враговъ и т. п., опять таки обычай устанавливалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыми землевладѣлецъ-дворянинъ и его крѣпостные обязаны были опредѣленной помощью другъ другу. Кромѣ общиннаго землевладѣнія, существовало и частное. Раздѣльное пользованіе простиралось лишь на пахотныя и садовыя земли. Лѣса и пастбища служили для общаго пользованія (сервитуты).

Какъ вездѣ, жизнь не шла здѣсь мирно и спокойно. Дворянство, т. е. крупные и привиллегированные землевладѣльцы непрерывно стремились расширить свои права и владѣнія насчетъ крѣпостныхъ. Но въ этомъ отношеніи они встрѣчали постоянный отпоръ, какъ въ лицѣ давнихъ обычаевъ и законовъ, постепенное устраненіе или измѣненіе которыхъ не представляло бы особыхъ затрудненій, еслибы Грузія и другія независимыя или автономныя владѣнія на Кавказѣ не находились постоянно подъ угрозой внѣшней опасности. Необходимость вести борьбу на всѣ стороны (противъ горцевъ, персіянъ, турокъ) требовала постояннаго напряженія всѣхъ силъ населенія, а это обстоятельство не позволяло центральной власти слишкомъ несправедливо усиливать преимущества высшихъ сословій и тѣмъ вносить разстройство въ экономическую жизнь массъ. Тѣмъ не менѣе съ увеличеніемъ населенія внутреннія и внѣшнія неурядицы росли, и къ концу XVIII ст. Грузія почувствовала невозможность существовать долѣе безъ опоры со стороны сильнаго сосѣда, какимъ являлась христіанская Россійская имперія, которая одна могла гарантировать Закавказью внѣшнюю безопасность.

Въ 1783 г. царь Грузіи заключилъ съ императрицей Екатериной трактатъ, согласно которому „Ея Величество даетъ Императорское свое ручательство за сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Е. С. Царя Ираклія Теймуразовича... Ея Императорское Величество, пріемля съ благоволеніемъ признаніе верховной власти и покровительства надъ царствами Карталинскимъ и Грузинскимъ, обѣщаетъ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ: 1) народы тѣхъ царствъ почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ имперіей ея и, слѣдственно непріятелей ихъ признавать за своихъ непріятелей, 2) свѣтлѣйшаго царя Ираклія Теймуразовича и его дому наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпремѣнно на царствѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ, 3) власть со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей предоставить его свѣтлѣйшеству царю въ полную его пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться въ какія либо распоряженія. За это его свѣтлѣйшество царь обѣщаетъ за себя и потомковъ своихъ: 1) быть всегда готовымъ на службу его Величества съ войсками своими, 2) съ начальниками россійскими обращаться за всегдашнемъ сношеніи по всѣмъ дѣламъ до службы ея императорскаго величества касающимся, удовлетворять ихъ требованіямъ и поданныхъ ея Величества охранять отъ всякихъ обидъ и притѣсненій и

кромѣ того обѣщаетъ его свѣтлость безъ предварительнаго соглашенія съ главнымъ пограничнымъ начальникомъ и министромъ ея императорскаго величества, при немъ аккредитуемымъ, не имѣть сношенія съ окрестными владѣтелями" [1]).

Однако въ первые годы по присоединеніи Грузіи цари и дворянство обманулись въ выгодахъ, какихъ ожидали отъ поданства Россіи. Имперія была занята своими дѣлами, и Грузія была почти предоставлена себѣ, являясь предметомъ честолюбивыхъ замысловъ персидскаго шаха Магомета Аги [2]). Когда же въ началѣ XIX в. русскіе утверждаются въ Закавказьѣ, то, согласно началамъ господствовавшаго въ Имперіи строя, правительство,— главнокомандующіе и администраторы Закавказья, отнюдь не считали нужнымъ считаться съ договорами и мѣстнымъ состояніемъ. 12 сент. 1801 г. открыто было объявлено о присоединеніи Грузіи къ Россіи и уничтоженіи царства. Такъ какъ этотъ актъ совершенно не отвѣчалъ интересамъ привилегированныхъ сословій, то, чтобы вырвать ихъ согласіе пришлось прибѣгнуть къ насилію. Домъ въ Тифлисѣ, въ который были приглашены дворянство, духовенство и горожане, былъ оцѣпленъ войсками, и собравшимся было приказано принять присягу. До 30 годовъ XIX в. закавказское дворянство не могло примириться съ перемѣнами въ положеніи и постоянно волновалось. Такъ какъ въ войнахъ съ Персіей и Турціей сельское населеніе облагалось цѣлымъ рядомъ разорительныхъ повинностей, мѣстные обычаи и законы не уважались, замѣняясь сложнымъ и непригоднымъ для края дѣлопроизводствомъ по русскимъ закономъ и на русскомъ языкѣ, при наличности вдобавокъ произвола и хищенія дореформенной администраціи, то неудивительно, что Закавказье являлось ареной безпрерывныхъ возстаній и волненій, во главѣ которыхъ вначалѣ стояло недовольное дворянство.

Бакинская татарка.

---

[1]) И. Джаваховъ, Политическое и національное движеніе въ Грузіи во XIX в. стр. 6—7.

[2]) М. Покровскій, Россія, Турція и Персія въ Закавказьѣ (1800—1829) Исторія Россіи въ XIX в. вып. 21 стр. 293 и далѣе.

Дворянство болѣе или менѣе примирилось со своимъ положеніемъ послѣ того, какъ на него начали фактически распространяться привилегіи русскаго дворянства, а особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительство, въ корнѣ не понимая мѣстныхъ земельныхъ и правовыхъ отношеній, на дѣлѣ уравнивало сельское крѣпостное населеніе Закавказья съ русскимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ [1]) что, конечно, значительно укрѣпляло землевладѣльцевъ въ ихъ аграрной борьбѣ со своими крѣпостными. Но дѣйствительность медлено или вовсе не поддается подобнымъ перемѣнамъ. Несмотря на усилія дворянства и покровительство властей, отношенія между крѣпостнымъ крестьянствомъ и землевладѣльцами продолжали строиться на прежнихъ обычаяхъ—разрослась только неурядица, взаимные споры, тяжбы и волненія аграрнаго характера, необычайно увеличилось число лицъ, искавшихъ свободу отъ помѣщиковъ.

Дворянское недовольство въ Грузіи, закончившееся неудачнымъ заговоромъ 1832 г., возбуждало въ крѣпостныхъ извѣстныя надежды на облегченіе своего положенія мѣрами правительства. Но послѣ того, какъ дворянство и другія зажиточныя сословія Закавказья болѣе или менѣе примирились со своимъ положеніемъ и дѣятельно стали извлекать изъ него выгоды, масса земледѣльческаго населенія должна была разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Недовольство, проистекавшее какъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, такъ и отъ неудовлетворительнаго состоянія администраціи и управленія въ краѣ, смѣнилось новыми надеждами въ 1860 г., когда распространились слухи объ упраздненіи крѣпостного права. Однако отмѣна его на Кавказѣ послѣдовала лишь въ 1864—65 гг., притомъ реформа проводилась на тѣхъ же началахъ, что и въ Россіи, не считаясь съ мѣстными условіями. Такъ напр. въ Грузіи повсемѣстно существовали сервитуты, т. е. право пользованія крестьянъ лѣсомъ и лугами. При освобожденіи крѣпостныхъ въ Грузіи подобныя права не были приняты во вниманіе, и крестьяне въ большинствѣ случаевъ не получали въ отмѣну ихъ соотвѣтствующее удовлетвореніе. Тяжелыя послѣдствія этихъ рѣзокъ становились тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше времени проходило съ момента отмѣны крѣпостного права.

Такъ какъ владѣніе и пользованіе земельными участками основывалось на безспорномъ правѣ давности, на обычаѣ и лишь въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ на документахъ, то это создавало страшную путаницу въ земельныхъ дѣлахъ. Черезполосность и дробность земельныхъ участковъ вызывали массу споровъ которые, благодаря медленности дореформеннаго судопроизводства, были положительно безконечны. Хотя въ 1861 г. судъ упорядочился, но отсутствіе размежеванія явилось причиной того что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ владѣльцы земель, мелкіе конечно, до сихъ поръ не имѣютъ точныхъ документовъ на свою землю. Это открываетъ широкій просторъ произволу и страшной порчѣ нравовъ. Самовольные захваты, насилія и тяжбы—обычное явленіе въ краѣ. Разъ главныя доказательства права владѣнія покоятся на давности, то это обстоятельство при легкости лжесвидѣльствованія, незнанія русскаго языка туземцами, а чиновниками туземнаго (судопроизводство отправляется на русскомъ языкѣ), привело постепенно къ тому, что лучшія казенныя земли оказались расхищенными большею частью мѣстными привилегированными лицами, туземными и пришлыми, и для надѣленія землей малоземельныхъ остались главнымъ образомъ негодные участки—неорошаемыя, неудобныя, пастбищныя и т. п. земли. Понятно, что все это тормозитъ культурное развитіе страны: землевладѣлецъ, неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ, не можетъ улучшить свое хозяйство, при шаткости права на землю трудно существовать и кредиту. Несмотря на то, что со времени освобожденія протекло нѣсколько десятилѣтій, крестьянскія учрежденія въ бывшей Грузіи не вездѣ составили уставныя грамоты, положеніе крестьянъ не вездѣ разъяснено и регу-

[1]) Циркуляръ кн. Чернышева 1842 г. предписывалъ администраціи держать грузинскихъ крестьянъ въ безусловномъ повиновеніи помѣщикамъ.

лировано, а главное крестьянскія земли до сихъ поръ не выкуплены, и дѣло выкупа крайне затрудняется тѣмъ, что цѣны на землю поднялись во много разъ со времени освобожденія, а между тѣмъ выкупная операція имѣетъ въ виду прежнія цѣны. Переходное состояніе временно-обязанныхъ простирается до сихъ поръ на бывшихъ крѣпостныхъ Закавказья; а при неполнотѣ правилъ, устарѣлости ихъ, да еще принимая во вниманіе, что мировые посредники большею частью мѣстные землевладѣльцы, преслѣдующіе собственные и сословные интересы, что повинности носятъ натуральный характеръ (въ доляхъ урожая—отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ его), то и неудивительно, что всѣ земельныя отношенія представляютъ настоящій хаосъ и порождаютъ непрерывающуюся повсемѣстную смуту и неудобство.

Въ такомъ же положеніи находятся крестьяне въ бывшихъ татарскихъ ханствахъ, въ губерніяхъ Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской. До присоединенія къ Россіи землевладѣніе и землепользованіе существовали здѣсь на такихъ же началахъ, какъ въ Турціи и Персіи. Земля въ общемъ составляла собственность „государя"—хана, шамхала и т. д., а онъ уже отдавалъ ее въ пожизненное или потомственное владѣніе разнымъ бекамъ, агалармъ и другимъ лицамъ привиллегированныхъ сословій. Поселяне, населявшіе эти имѣнія, не были прикрѣплены къ нимъ, а лишь отбывали разнообразныя повинности въ пользу владѣльцевъ и казны за извѣстную долю урожая. Русская власть, не считаясь съ мѣстнымъ положеніемъ, приравняла этихъ бековъ къ помѣщикамъ, а поселянъ къ казеннымъ крѣпостнымъ, обязаннымъ отбывать повинности бекамъ. Здѣсь, при пестротѣ всѣхъ отношеній и разноцѣнности земель (вслѣдствіе искусственнаго орошенія), земельная реформа по плану 1861 г. натыкалась на такія трудности и противорѣчія, что земельная неурядица превосходитъ даже то, что наблюдается въ Грузіи. То, что легко регулировалось мѣстными обычаями, соглашеніями, туземнымъ судомъ, покоилось на тысячелѣтней практикѣ и привычкахъ населенія, никакъ не умѣщалось въ рамки законовъ, создававшихся для коренной Россіи. А такъ какъ исполнителями являлись чиновники, нисколько не заинтересованные въ успѣшномъ разрѣшеніи дѣлъ, не знающіе края, нравовъ и языка туземцевъ, принужденые въ добавокъ проводить мѣры, идущія въ разрѣзъ мѣстнымъ настроеніямъ и теченіямъ, то послѣдствіемъ этого является неустройство, охватывающее чуть не весь край.

Земельная реформа не закончена на Кавказѣ ни въ отношеніи помѣщичьихъ, ни тѣмъ болѣе въ отношеніи казенныхъ крестьянъ. Еще сложнѣе дѣло обстоитъ съ отдѣльными группами, какими являются хизане, число которыхъ достигаетъ въ Грузіи многихъ десятковъ тысячъ. Хизанъ—это свободный или же крестьянинъ—казенный, помѣщичій или церковный, который, будучи гонимъ изъ своего постояннаго мѣстожительства малоземельемъ, голодомъ и другими бѣдствіями, находилъ пріютъ на сторонѣ, у помѣщика, казеннаго или частнаго учрежденія, оставаясь или не оставаясь въ крѣпостной зависимости отъ прежняго помѣщика. Отъ новаго покровителя хизанъ получалъ въ пользованіе участокъ земли, но отбывалъ ему только поземельныя повинности. Повинностей же личныхъ, какъ то: денежнаго сбора по раскладкамъ помѣщика, домашней службы, платежей или работъ за раздѣлъ, свадьбу, крестины, похороны и т. п. хизанъ не отбывалъ иначе, какъ по собственному побужденію. По законамъ царя Вахтанга хизанъ, по истеченіи 30 лѣтъ хизанства, переходилъ въ крѣпостное состояніе. Большинство хизанъ живетъ въ неразмежеванныхъ мѣстахъ, на спорной землѣ, охраняя права землевладѣльца на эту землю противъ притязанія сосѣдей. Повинности или плата за землю зависитъ отъ размѣра урожая и многихъ другихъ условій. Срокъ пользованія не опредѣленъ—хизанъ живетъ, пока чувствуетъ себя на мѣстѣ хорошо; пока онъ исправно выполняетъ свои обязательства, патронъ, согласно обычаю, не можетъ согнать его съ земли. Хизанъ беретъ землю, чаще лѣсъ, вырубаетъ его, корчуетъ землю, разводитъ садъ, строитъ себѣ домъ, дѣлая это конечно не для временнаго житья, а навсегда, и ни хизане, ни сами владѣльцы никогда не думали о томъ, чтобы когда-нибудь хизанамъ

пришлось бросать насиженныя мѣста. Хищничество представляетъ одинъ изъ случаевъ такихъ представленій о землевладѣніи и землепользованіи, какія уже не укладываются въ современныя юридическія нормы, и потому не поддаются законодательному регулированію. Между тѣмъ обычаи и строй жизни населенія повсюду на Кавказѣ покоятся на подобныхъ воззрѣніяхъ, и потому основанное на русскихъ законахъ управленіе краемъ, равно какъ взгляды и привычки администраціи постоянно наталкиваются или не сопротивленіе или на прямую невозможность прочно установить норму закона. При отсутствіи самоуправленія, которое, основываясь на мѣстныхъ обычаяхъ, могли бы считаться съ разнообразными условіями многочисленныхъ географическихъ и этнографическихъ особенностей края, управленіе представляетъ на Кавказѣ непреодолимыя трудности, и за все время русскаго господства на Кавказѣ ни одна отрасль народнохозяйственной жизни не является упорядоченной.

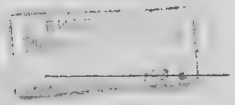
Такъ какъ многія части Кавказа являются завоеванными, и туземное населеніе во многихъ мѣстахъ эмигрировало, то пустопорожнія земли представлялось необходимымъ заселить русскими. Таковы были напр. покинутыя абхазцами и черкесами земли въ западномъ Кавказѣ. Однако колонизація земель русскимъ элементомъ оказалась по множеству причинъ крайне неудачной какъ разъ въ этихъ мѣстахъ и невозможной въ другихъ частяхъ, такъ какъ въ Закавказьѣ удобныя земли густо заселены туземцами, и колонистамъ мѣста, нѣтъ или же есть пустыя земли, но они оказываются негодными безъ широкихъ и дорого-стоющихъ затратъ на оросительныя и т. п. работы. Хорошо устраивались только сектанты (молокане, духоборы), но изъ нихъ духоборы вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій администраціи, предпочли выселиться въ Канаду. За сто лѣтъ владѣнія Кавказомъ, при громадныхъ суммахъ, потраченныхъ на умиротвореніе и администрацію, въ отношеніи культурнаго устройства края было сдѣлано такъ мало расходовъ, приложено такъ мало разумныхъ усилій, что Кавказъ до сихъ поръ лишенъ самыхъ необходимыхъ условій для развитія благосостоянія населенія, которое однако непрерывно ростетъ. Земельная неурядица, бездорожье, законы и администрація, неприспособленные къ особенностямъ края, отсталое состояніе народнаго образованія, рабочій вопросъ, появившійся на сцену съ тѣхъ поръ, какъ выросли нефтеносные районы и обслуживающіе ихъ порты и, наконецъ, національная и религіозная распря, раздирающая разноплеменное населеніе Кавказа—все это принимаетъ на мѣстѣ болѣе и болѣе острый характеръ тѣмъ болѣе, что жизнь не стоитъ на мѣстѣ: населеніе увеличивается, площадь обрабатываемой земли и разнообразіе производимыхъ продуктовъ растутъ, расширяется эксплуатація нефтеносныхъ земель, возникаетъ въ глухихъ ущельяхъ горъ разработка ископаемыхъ богатствъ, кустарныя издѣлія находятъ все болѣе широкій сбытъ, увеличиваются торговые обороты внутри края и съ сосѣдними областями, а между тѣмъ положеніе края остается въ прежнемъ ссстояніи неурядицы и неустройства. Между тѣмъ туземное населеніе Кавказа, при всей бѣдности и невѣжествѣ, въ корнѣ очень культурно. Тысячелѣтія существованія въ качествѣ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, организованныхъ хозяйственно и политически, глубоко отразились въ психикѣ кавказцевъ. Пылкость характера, повсемѣстный обычай носить оружіе и умѣнье владѣть имъ, не угасшій еще родовой бытъ, національная вражда, различіе религій—все это, при наличности указанной выше неурядицы во всѣхъ отрасляхъ мѣстной жизни, далеко не сопровождается такими отрицательными явленіями, какихъ можно было бы ожидать среди населенія, менѣе культурнаго. Хотя Кавказъ и считается классической страной разбоевъ и насилій, однако статистика показываетъ, что въ отношеніи числа преступленій Кавказскія губерніи и области мало отличаются отъ губерній коренной Россіи. Цифры, заимствуемыя изъ оффиціальныхъ источниковъ [1]), обнаруживаютъ, что для Эриванской губерніи одно преступленіе,

[1]) Г. Тумановъ, Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ, стр. 81.

подсудное окружному суду, приходится на 484 ч., въ Дагестанской области—на 423 ч., а въ округѣ петербургской судебной палаты одно такое же преступленіе приходится на 344 ч., въ одесскомъ округѣ—на 416 ч., въ казанскомъ—на 450 ч. Судя по этимъ цифрамъ въ Эриванской губерніи преступность ниже, чѣмъ въ округахъ казанскомъ, одесскомъ и особенно въ петербургскомъ, а въ Дагестанской области нравственность выше, чѣмъ въ одесскомъ и петербургскомъ округахъ. Особенно нужно еще принять во вниманіе, что въ пограничныхъ губерніяхъ много преступленій совершается не мѣстными обитателями, а лицами, появляющимися въ качествѣ разбойниковъ и грабителей изъ турецкихъ и персидскихъ владѣній. Принимая во вниманіе всѣ особенности (большую плотность населенія, различныя особенности туземныхъ племенъ, религіозныя различія, общее неустройство, недостатки администраціи, и т. п.), нельзя не признать, что слабая сравнительно преступность является однимъ изъ признаковъ культурности населенія, при всей кажущейся дикости и грубости жизни, которыя бросаются въ глаза при первомъ знакомствѣ съ кавказскими порядками.

Дальнѣйшія указанія на культурные навыки населенія можно почерпнуть изъ многихъ событій, въ которыхъ участвовали массы кавказскаго населенія, какимъ является напр. удивительное двухгодичное существованіе „гурійской республики“ въ 1903—1905 г. Въ эти годы населеніе Озургетскаго уѣзда объявило бойкотъ администраціи и суду и съумѣло организовать свою собственную выборную администрацію и выборный народный судъ, которые существовали и правильно функціонировали бокъ о бокъ съ бездѣйствовавшими казенными учрежденіями. Подобная способность къ организаціи и дисциплинированность сельскихъ массъ свидѣтельствуютъ о глубокой культурности національнаго характера, таящейся подъ оболочкой внѣшней огрубѣлости и невѣжества—плодъ послѣднихъ столѣтій жизни Кавказскаго края.

Н. Березинъ.



Оглавленіе IV-го тома.

РОССІЯ.

Общій очеркъ.

(Сост. Н. Березинъ).

Великороссы.

(Сост. В. Загорскій).

стр.

I. Происхожденіе великороссовъ и историческое прошлое Великороссіи.—Природа страны.—Населенность великорусскихъ губерній.—Преобладаніе сельскихъ поселеній.—Значеніе земледѣлія и земдѣльческаго класса 7

II. Область сѣвернаго суглинка и южнаго чернозема.—Крестьянское хозяйство и положеніе населенія въ черноземной области.—Крестьянскій бюджетъ.—Община и ея значеніе 12

III. Кустарные промыслы.—Фабрично-заводскій районъ.—Сравнительное положеніе крестьянъ и рабочихъ.—Сѣверная и сѣверо-восточная Великороссія 17

IV. Русскій языкъ и его говоры.—Духовный бытъ великороссовъ: пѣсни и пословицы, характеризующіе семью; обряды, обычаи и праздники.—Отношеніе къ религіи.—Расколъ.—Русскіе города.—Общая характеристика великороссовъ 25

V. Численность, происхожденіе и состаяъ русскаго наделенія Сибири.—Вліяніе природы, жизненныхъ условій и сосѣдства инородцевъ на физическій типъ и характеръ русскихъ.—Крайніе типы.—Домашній бытъ: жилище, одежда, пища.—Признаки оскудѣнія. (Сост. П. М. Головачевъ) . . . 32

VI. Казаки: Историческій очеркъ.—Природа Донской области.—Экономическія условія существованія, бытъи служба донского казачества.—Уральское, Оренбургское и Астраханское войско.—Кубанскіе и Терскіе казаки.—Казаки Азіатской Россіи. (Сост. С. Слободзинскій) 37

Украинцы.

(Сост. Н. Березинъ).

Природа Украины: предстепье и степь.—Историческое прошлое украинской народности.—Разселеніе украинцевъ по южной Россіи.—Украинскій языкъ и его поднарѣчія.—Физическій типъ, темпераментъ и характеръ народа.—Одежда, жилища и характеръ поселеній 49

Бѣлоруссы.

(Сост. В. Брусянинъ).

Природа Бѣлоруссіи.—Бѣлоруссы и ихъ бытъ: суевѣрія, положеніе женщины, свадебные и похоронные обряды.—Поселенія и занятія населенія.—Сервитуты.—Духовная культура и состояніе народнаго просвѣщенія 61

Поляки.

(Сост. С. Слободзинскій). стр.

Природа страны.—Составъ и происхожденіе современной Польши.—Этнографическое дѣленіе.—Польскіе крестьяне. - Помѣщики.—Промышленность и города.—Евреи и нѣмцы.—Народное образованіе, управленіе, политическая и общественная жизнь въ Царствѣ Польскомъ 71

Литовцы и латыши.

Латыши (сост. С. Слободзинскій) 83

Евреи.

(Сост. Н. Березинъ).

Численность евреевъ.—Происхожденіе русскихъ евреевъ.—Физическія и духовныя особенности племени.—Экономическое и правовое положеніе евреевъ.—Ограниченія гражданскихъ правъ.—Обособленность.—Религіозныя и соціальныя теченія въ еврейской средѣ 86

Финскія народности.

Финны западные: Западные финскія племена.—Историческое прошлое Финляндіи.—Территорія и природа страны.—Физическій типъ и характеръ финновъ.—Основы народнаго хозяйства: земледѣліе и промышленность.—Культурное положеніе страны (сост. Н. Березинъ) 96
Волжскіе финны: черемисы, мордва (сост. Л. Громозова) 104
Пермскіе финны: вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки (сост. Л. Громозова) 111

Тюркскія народности.

Татары: татарскій типъ.—Особенности быта.—Экономическое и культурное состояніе.—Волжскіе татары.—Крымскіе татары (сост. Слободзинскій) 119
Башкиры (сост. В. Брусянинъ) 128
Киргизы (сост. П. Головачевъ) 131
Якуты (сост. П. Головачевъ) 137
Буряты (сост. Головачевъ) 142
Самоѣды, тунгусы и другіе инородцы (сост. П. Головачевъ) 146

Населеніе русскаго Туркестана.

(Сост. П. Головачевъ).

I. Осѣдлое населеніе Туркестана. 153
II. Кочевое населеніе Туркестана. 165

Народы Кавказа.

(Сост. Н. Березинъ).

I. Естественныя области Кавказскаго края: Предкавказье, Кавказскій хребетъ, низменности Закавказья, горы Закавказья.—Зависимость заселенія Кавказа и распространенія культуры отъ географическихъ условій.—Кавказскія народности въ древности.—Западныя и восточныя вліянія 170
II. Обзоръ кавказскихъ народностей по ихъ культурно-историческому значенію. - Картвельскія народности. Общая характеристика.—Лазы, мингрелы, имеретины, гурійцы, аджарцы, грузины, сванеты, хевсуры, тушины, пшавы.—Осетины.—Горцы западнаго Кавказа: абхазцы, черкесы, карачаевцы, горскіе татары, кабардинцы.—Горцы восточнаго Кавказа: чеченцы, лезгины, таты 173
III. Земельные надѣлы.—Численность и плотность населенія.—Сословный строй и земельныя отношенія.—Крестьянская реформа и земельная неурядица.—Хизане.—Хозяйственно-административное неустройство.—Преступность и разбой.—Заключеніе 197

Иллюстраціи, помѣщенныя въ полутомѣ „Народы Россіи“.

	стр.
1. Великорусская деревня Нижегородской губ.	11
2. Великороссъ Нижегородской губ.	15
3. Крестьянка Вологодской губ.	19
4. Великороссъ Новгородской губ. Крестецкаго у. (съ фотогр. Музея Александра III)	23
5. Изба Орловской губ. (съ фотогр. Музея Александра III)	27
6. Великороссы Орловской губ. (съ фотогр. Музея Александра Ш)	31
7. Крестьянка Тульской губ. (съ фотогр. Музея Александра III)	33
8. Дѣвушка Тульской губ. Новосильскаго у. (съ фотогр. Музея Александра III)	39
9. Лошкари Нижегородской губ	43
10. Пейзажъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III)	50
11. Сельская улица Черниговской губ. (фот. М. Александра III)	51
12. Хата Черниговской губ. (фот. М. Александра III)	53
13. Малороссъ Черниговской губ. Глуховскаго у. (фот. М. Александра III)	54
14. Малороссы Каменецъ-Подольской губ. (фот. М. Александра III)	55
15. Крестьянка съ ребенкомъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III)	57
16. Женщина изъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III)	59
17. Домъ крестьянина Минской губ. (фот. М. Александра III)	62
18. Бѣлоруссъ въ будничной одеждѣ (фот. М. Александра III)	63
19. Бѣлоруссъ работникъ (фот. М. Александра III)	65
20. Будничный костюмъ дѣвушка Минской губ. (фот. М. Александра III)	66
21. Лѣтній праздничный костюмъ дѣвушки Минской губ. (фот. М. Александра III)	67
22. Крестьянскіе хутора Минской губ. (фот. М. Александра III)	69
23. Польскіе крестьяне изъ подъ Варшавы	72
24. Крестьянская дѣвушка Калишской губ.	73
25. Мелкіе землевладѣльцы Кѣлецкой губ.	75
26. Внутренность крестьянской хаты	76
27. Крестьяне въ праздникъ на пути изъ костела	78
28. Крестьянинъ и крестьянка Виленской губ.	82
29. Литвинка за работой въ ступѣ	83
30. Литовская хата Гродненской губ.	84
31. Латыши	84
32. Раввинъ (фот. М. Александра III)	89
33. Типъ еврея изъ образованнаго слоя	92
34. Финнъ крестьянинъ съ дѣтьми	96
35. Рыбаки (съ картины Эдельфельда)	97
36. Старая крестьянка (съ картины Эдельфельда)	98
37. Карельскій національный костюмъ	99
38. Усадьба крестьянина	100
39. Финская деревня	101
40. Праздникъ	103
41. Черемисъ парень съ національнымъ музыкальнымъ инструментомъ (фот. М. Александра III)	105

стр.

42. Черемиска (фот. М. Александра III) . . . 106
43. Черемиска (фот. М. Александра III) . . . 107
44. Мордовка въ праздничномъ нарядѣ (фот. М. Александра III) . . . 108
45. Группа мордвы . . . 110
46. Вотяки (фот. М. Александра III) . . . 112
47. Вотячка (фот. М. Александра III) . . . 113
48. Зыряне (фот. М. Александра III) . . . 115
49. Зырянинъ въ охотничьемъ снаряженіи (фот. Александра III) . . . 116
50. Волжскіе татары . . . 121
51. Татарская дѣвочка Нижегородской губ. Сергачскаго у. . . . 122
52. Уфимская татарка (головной уборъ) . . . 123
53. Алтайскіе инородцы: теленгиты съ р. Чуй (фот. М. Александра III) . . . 125
54. Алтайская бревенчатая юрта (фот. М. Александра III) . . . 126
55. Семья зажиточнаго башкира . . . 130
56. Кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области (фот. М. Александра III) . . . 132
57. Свадебный уборъ невѣсты (фот. М. Александра III) . . . 134
58. Якутъ (бѣдный) (изъ колл. Н. Березина) . . . 138
59. Якутъ изъ богатой образованной семьи (изъ колл. Н. Березина) . . . 139
60. Якутка въ сангыяхѣ (изъ колл. Н. Березина) . . . 140
61. Буряты (изъ колл. Н. Березина) . . . 144
62. Сартъ въ чалмѣ (Сыръ-Дарьинская область) (фот. М. Александра III) . . . 152
63. Таджикъ (Сыръ-Дарьинская область) (фот. М. Александра III) . . . 152
64. Дервишъ на базарѣ (изъ колл. Н. Березина) . . . 154
65. Базаръ (фот. М. Александра III) . . . 155
66. Улица у медрессэ Ширъ-Даръ въ базарный день (фот. М. Александра III) . . . 156
67. Костюмъ бухарскаго чиновника (фот. М. Александра III) . . . 158
68. Гадальщикъ у мечети Ширъ-Даръ (фот. М. Александра III) . . . 159
69. Арыки (фот. М. Александра III) . . . 160
70. Кишлакъ (фот. М. Александра III) . . . 161
71. Арба (изъ колл. Н. Березина) . . . 163
72. Туркмены теке (фот. М. Александра III) . . . 165
73. Дѣвочка туркменка изъ племени сарыкъ (фот. М. Александра III) . . . 166
74. Замужняя туркменка въ халатѣ (фот. М. Александра III) . . . 167
75. Конный джигитъ текинецъ (фот. М. Александра III) . . . 168
76. Имеретинъ (фот. Этнографическаго Музея Академіи Наукъ) . . . 174
77. Гуріецъ (фот. Этнографич. М. Акад. Наукъ) . . . 175
78. Грузинъ изъ зажиточнаго класса (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 176
79. Грузинка изъ зажиточнаго класса (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 177
80. Грузины мальчики (изъ колл. Н. Березина) . . . 178
81. Грузинки (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 179
82. Сванеты Ушкульскаго общества (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ . . . 180
83. Хевсурское семейство передъ саклей (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 182
84. Осетинъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 185
85. Осетинскія дѣвушки (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 186
86. Абхазское семейство передъ саклей (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 187
87. Кабардинецъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 188
88. Дѣвушка кабардинка въ національномъ нарядѣ . . . 190
89. Ингушъ чеченскаго племени (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 191
90. Чеченка (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 192
91. Аварецъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 193
92 Аварка изъ аула Хиндаркъ (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад, Наукъ) . . . 194
93. Аварка изъ аула Хиндаркъ (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 195
94. Кюринецъ аула Кюзюнъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 196
95. Даргинка изъ аула Лаваши (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 197
96. Даргинка изъ аула Лаваши (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 198
97. Бакинская татарка (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 200